

Юридический факультет
Белорусского государственного университета

Учреждение образования
«Институт переподготовки и повышения квалификации судей,
работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»

**ДОГОВОР В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ:
СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ
ТРАДИЦИОННЫХ ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ
ИНСТИТУТОВ**

Сборник статей
Международного круглого стола,
посвященного 70-летию со дня рождения
заслуженного работника образования
Республики Беларусь, доктора юридических наук,
профессора В. Н. Годунова

Минск, 7 февраля 2024 года

Минск
РИВШ
2024

УДК 347.44(082)
ББК 67.404.21я43
Д59

Рекомендовано
Советом учреждения образования
«Институт переподготовки и повышения квалификации судей,
работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»
(протокол № 1 от 2 февраля 2024 г.)

Редакционная коллегия:
*О. Н. Здрок, Д. В. Иванова, М. П. Короткевич, Д. Д. Ландо,
С. К. Лещенко, М. В. Мецанова, Т. Н. Пунько*

Договор в гражданском праве: современное развитие традици-
Д59 онных цивилистических институтов : сб. ст. Междунар. круглого
стола, посвящ. 70-летию со дня рождения заслуж. работника об-
разования Респ. Беларусь, д-ра юрид. наук, проф. В. Н. Годунова,
Минск, 7 февр. 2024 г. / Беларус. гос. ун-т ; ИПШК судей, работ-
ников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.:
С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2024. – 490 с.
ISBN 978-985-586-802-7.

В сборник вошли материалы Международного круглого стола «Договор в гражданском праве: современное развитие традиционных цивилистических институтов», посвященного 70-летию со дня рождения заслуженного работника образования Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора В. Н. Годунова.

Адресуется научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам, слушателям повышения квалификации, обучающимся учреждений образования юридического профиля.

УДК 347.44(082)
ББК 67.404.21я43

ISBN 978-985-586-802-7

© Юридический факультет Белорусского государственного университета, УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», 2024
© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2024

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

ГК, ГК Республики Беларусь	Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г.
ГПК, ГПК Республики Беларусь	Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г.
КоАП, КоАП Республики Беларусь	Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г.
КоБС, КоБС Республики Беларусь	Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г.
ПКИАП, ПКИАП Республики Беларусь	Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г.
УК, УК Республики Беларусь	Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г.
УПК, УПК Республики Беларусь	Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г.

РЕКОМЕНДАЦИИ
по итогам Международного круглого стола
«Договор в гражданском праве: современное развитие
традиционных цивилистических институтов»,
посвященного 70-летию со дня рождения
заслуженного работника образования
Республики Беларусь, доктора юридических наук,
профессора В. Н. Годунова»,
Минск, 7 февраля 2024 года

*Выработаны Д. В. Ивановой, М. П. Короткевич, Д. Д. Ландо,
М. В. Мещановой на основе докладов участников круглого стола*

Подводя итоги Международного круглого стола, его участники констатировали, что и в Республике Беларусь, и в иностранных государствах договорные отношения имеют первостепенное значение для гражданского оборота, в связи с чем договорное право является наиболее востребованной частью гражданского права.

В области семейного права законодательством закрепляется возможность заключения ряда поименованных договоров, в том числе брачного договора и соглашений, регулирующих отношения между супругами, а также родителями и детьми. В этих случаях, несмотря на императивность предписаний, определяющих содержание таких правоотношений, договорный инструментарий может использоваться на альтернативной основе. В сфере договорного регулирования семейных отношений прослеживается тесная взаимосвязь гражданского и семейного права.

В целях повышения эффективности гражданско-правового регулирования и создания благоприятных условий для развития гражданского оборота и семейных отношений предлагаются следующие рекомендации:

- ввиду объемов реновации норм Гражданского кодекса Республики Беларусь о договорах продолжить обсуждение проблем правоприменения в рамках международных конференций, семинаров,

круглых столов, организуемых в государствах – участниках Евразийского экономического союза;

- продолжить исследование теоретических и практических аспектов, связанных с заключением, изменением и прекращением договоров, включая реализацию права внесудебного немотивированного отказа от договора, с учетом целей законодательного регулирования исследуемых отношений и особенностей отдельных типов и видов договоров. При этом учитывать изменение геополитической обстановки, которое выражается, в том числе, в легализованной возможности применения специальных ограничительных мер при заключении, изменении, исполнении, расторжении гражданско-правовых договоров;

- принять во внимание необходимость повышения внутренней устойчивости экономики, включая обеспечение макроэкономической стабильности, при совершенствовании правового регулирования отношений, связанных с заключением акционерных соглашений, договоров об осуществлении прав участников юридических лиц;

- рассмотреть вопрос о необходимости соблюдения единства терминологии при определении значимых для договорных отношений понятий и категорий как используемых традиционно, так и появившихся в последнее время в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий;

- учитывать, что в законодательстве Республики Беларусь также представлены договоры, которые регулируются как частноправовыми, так и публично-правовыми нормами, в частности договоры, опосредующие отношения в сфере государственных закупок, отличающиеся от иных договоров рядом свойств и обеспечивающие за счет таких свойств государственные интересы в широком смысле;

- следует иметь в виду, что в сфере интеллектуальной собственности присутствует разнообразие договорных отношений, которые связаны с созданием результатов интеллектуальной деятельности, распоряжением исключительным правом, управлением или осуществлением прав на такие результаты и приравненные к ним средства индивидуализации, что позволяет выделить данные договоры в отдельную группу договоров;

- учитывать появление и развитие договорных отношений, не урегулированных какими-либо типами поименованных договоров,

что приводит, в том числе, к проблеме разграничения различных поименованных и непоименованных договоров, а также к возникновению пробелов и спорных аналогий в регулировании соответствующих отношений;

- рассматривать возможность использования договорного регулирования семейных отношений в ракурсе проводимой семейной политики с целью обеспечения интересов несовершеннолетних детей, а также нетрудоспособных субъектов семейных отношений, в том числе закрепить в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье правила, определяющие основы договорного регулирования семейных отношений, включая свободу усмотрения субъектов семейных отношений в выборе договорных конструкций и определении их содержания. Применение гражданско-правового инструментария к семейным договорным отношениям должно санкционироваться положениями Кодекса Республики Беларусь о браке и семье;

- учитывать особенности предмета семейного права при проецировании на плоскость семейных отношений гражданско-правового принципа свободы договора.

Материалы Международного круглого стола «Договор в гражданском праве: современное развитие традиционных цивилистических институтов», посвященного 70-летию со дня рождения заслуженного работника образования Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора В. Н. Годунова, могут быть использованы в сфере доктринальных исследований проблематики договорного права, для определения перспективных направлений правотворческой деятельности, решения проблемных вопросов правоприменения, а также при преподавании дисциплин цивилистического цикла.

УДК 347.4

РАЗВИТИЕ ДОКТРИНЫ ДОГОВОРНОГО ПРАВА В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА В. Н. ГОДУНОВА

Мещанова М. В.

*доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
miashchanava@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена описанию творческого и научного наследия доктора юридических наук, профессора В. Н. Годунова в сфере договорного права. Делается акцент на наиболее значимых достижениях ученого в исторической ретроспективе. Отражен вклад В. Н. Годунова в формирование понятийного аппарата отечественного договорного права. Представлены результаты исследований договорного права, которые наиболее востребованы и актуальны в современных условиях.

Ключевые слова: договорное право; непоименованные договоры; смешанные договоры; организационные договоры; договор государственной закупки; договор поставки.

DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF CONTRACT LAW IN THE WORKS OF PROFESSOR V. N. GODUNOV

Miashchanava M.

*Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
miashchanava@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the description of the creative and scientific heritage of Doctor of Law, Professor V. N. Godunov in the field of Contract Law. The emphasis is placed on the most significant achievements of the scientist in historical retrospect. The contribution of V. N. Godunov to the formation of the terms of domestic Contract Law is reflected. The results of research into Contract Law, which are most in demand and relevant in modern conditions, are presented.

Keywords: Contract Law; unnamed contracts; mixed contracts; organizational contracts; public procurement contract; supply contract.

Значение договорных отношений для гражданского оборота и его регулирования трудно переоценить. Профессор В. Н. Годунов писал: «Ядро гражданско-правовых отношений составляют договорные отношения, а соответственно ядро гражданского права – нормы, регулирующие договорные отношения, или договорное право» [1, с. 54].

Договорное право, без сомнения, является наиболее востребованной на практике частью гражданского права, поскольку договорные отношения, подобно биологическим нейронным сетям, пронизывают всю жизнь как отдельных индивидов, так и общества в целом. Любой субъект ежедневно заключает целый ряд договоров, о существовании которых порой даже не задумывается: люди приобретают вещи в магазинах (в том числе в Интернет-магазинах и на площадках электронной торговли), передвигаются на общественном транспорте, пользуются услугами кафе, ресторанов, медицинских центров, сотовой связи и т. д. Данный перечень ежедневно встречающихся договорных форм можно продолжать почти до бесконечности, однако, кроме широко распространенных потребительских договоров, существуют также более экономически значимые сделки с недвижимостью или крупные сделки субъектов хозяйствования. Причем, если на начальных этапах развития товарно-денежных отношений люди обходились простыми договорами (с точки зрения структуры договорных связей и взаимных прав и обязанностей сторон), такими как мена, купля-продажа или дарение, то на данном этапе договоры заметно усложнились, что свидетельствует об усложнении экономических отношений, которые они опосредуют. Нельзя не согласиться с утверждением о том, что «роль договора, уровень развития договорных отношений зависят от существующих в обществе экономических отношений и их состояния» [2, с. 77]. Усложнение договорных форм взаимодействия субъектов приводит к насущной потребности в изучении как классических постулатов договорного права, которые продолжают действовать в постоянно эволюционирующей реальности, так и совершенно новых явлений договорного регулирования гражданского оборота.

В трудах В. Н. Годунова исследование проблематики договорного права всегда занимало особое место. При этом автор возвращался

к рассмотрению вопросов договорного регулирования на разных этапах своего научного пути и под разными углами зрения. В работах ученого освещались как общие положения и фундаментальные принципы договорного права [1; 3–14], так и правовое регулирование отдельных типов и видов договоров [15–19].

Наибольшее внимание в работах В. Н. Годунова уделялось различным видам договора купли-продажи, в том числе правовому регулированию поставок товаров для государственных нужд. В 1980 г. В. Н. Годунов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме «Правовые вопросы организации поставки продукции по прямым длительным хозяйственным связям» [20]. Защите диссертации предшествовал процесс детального исследования автором явления длительных хозяйственных связей, которое было характерно, главным образом, для договоров поставки продукции в условиях социалистического способа ведения хозяйствования. Вместе с тем длительные хозяйственные связи, опосредуемые долгосрочными контрактами, не теряют своей актуальности и по сей день, поскольку такие хозяйственные связи являются безусловным проявлением реализации принципов добросовестности и честной деловой практики, ведут к стабильности гражданского оборота. Именно поэтому последние изменения Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, которые были внесены в 2016 г., касались, главным образом, правового регулирования долгосрочных контрактов [21].

В 2004 г. В. Н. Годунов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Правовые средства обеспечения государственных нужд в товарах, работах и услугах» [22]. Защите диссертации предшествовало опубликование авторской монографии «Правовое регулирование реализации товаров для государственных нужд» (2002 г.) [23]. Автор аргументировано утверждал, что «существование поставок, работ и услуг для государственных нужд и их правовое регулирование – объективная необходимость, обусловленная публичными интересами всего общества» [23, с. 4]. Опираясь на работы классиков российской цивилистики Г. Ф. Шершеневича [24] и И. А. Покровского [25], ученый

сделал вывод об усилении тенденции вмешательства государства в экономику, что сопровождается усилением публичных начал в гражданском праве. Размывание границ между частным и публичным правом, по мнению В. Н. Годунова, проявляется в развитии комплексных правовых институтов. Исследование указанных явлений в праве особенно актуально в современных исторических условиях, когда цивилистического инструментария зачастую оказывается недостаточно для защиты стабильности гражданского оборота, прав и интересов его добросовестных участников от вредоносного внешнего воздействия.

С точки зрения договорного права автор ставил перед собой задачу «объединить сущность договорных форм, опосредующих удовлетворение государственных нужд в товарах, как особых разновидностей купли-продажи» [23, с. 6]. Выводы В. Н. Годунова о необходимости согласованного применения целого ряда договоров для успешного обеспечения отношений по поставкам товаров для государственных нужд подтверждаются временем и практикой правового регулирования упомянутых общественных отношений.

В своих трудах, написанных на стыке гражданского и хозяйственного права, профессор В. Н. Годунов уделял пристальное внимание проблематике взаимопроникновения частноправового и публично-правового регулирования хозяйственных отношений [26; 27], в частности, исследовалось деление договоров на свободные и обязательные. Автор, безусловно, придерживался позиции о том, что свобода договора является основополагающим принципом гражданского права, однако она не исключает вмешательства государства в договорные отношения. В силу интересов общества, государства или третьих лиц требуется ограничение свободного усмотрения сторон при заключении гражданско-правовых договоров. Одним из проявлений такого ограничения являются обязательные договоры» [28, с. 299].

Исследования В. Н. Годунова всегда касались самой актуальной и сложной проблематики договорного права. Так, в 2012 г. был принят Закон Республики Беларусь «О государственных закупках», который ввел в гражданский оборот самостоятельный вид договора –

договор государственной закупки. На начальных этапах реализации данного Закона для специалистов представляло значительную проблему разграничить правовые явления поставок товаров для государственных нужд и государственных закупок, определить правовую природу договора государственной закупки и особенности его правового регулирования. В этой связи уже в 2013 г. В. Н. Годунов подготовил раздел в учебно-методическое пособие «Специализация в судебной системе Республики Беларусь», посвященный правовому регулированию государственных закупок товаров (работ, услуг) [29], а в 2014 г. опубликовал работу на тему «Правовое регулирование поставок товаров для государственных нужд и государственных закупок товаров (работ, услуг)» [30]. Регламентация государственных закупок и сегодня находится на гребне актуальности, о чем свидетельствует принятие Закона Республики Беларусь от 31 января 2024 г. № 354-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», где появляется новый договор, ориентированный на долгосрочное сотрудничество субъектов, вовлеченных в реализацию государственной закупки – договор жизненного цикла. В работах профессора В. Н. Годунова современные исследователи смогут найти базовые отправные моменты для поступательного анализа системы договоров, опосредующих государственные закупки.

Годунов В. Н. всегда сосредотачивал свои исследования на вопросах, которые представляли особую важность для экономики страны. Одним из таких вопросов являлись договоры в сфере реализации сельскохозяйственной продукции. Республика Беларусь никогда не была аграрной страной, однако сельское хозяйство традиционно являлось значимым сектором национальной экономики, во многом предопределяющим экономическую безопасность государства. Так, в 80-е годы XX в. автор изучал и формулировал предложения по совершенствованию правового регулирования заготовок сельскохозяйственной продукции [31], договора на производство и реализацию сельскохозяйственной продукции на основе межхозяйственной кооперации [32], договора организации потребительской кооперации с колхозом (совхозом) на закупку скота, птицы, кроликов и молока, произведенных в личных

подсобных хозяйствах граждан [33]. А в 90-е годы и более поздний период В. Н. Годунов исследовал правовое регулирование заготовок сельскохозяйственной продукции в связи с переходом к регулируемой рыночной экономике [34], в том числе ряд работ ученого посвящены договору контрактации [35]. При этом автор выступал как последовательный сторонник защиты интересов более слабой стороны правоотношений – производителя сельскохозяйственной продукции.

Видного белорусского ученого отличало глубоко уважительное и педантичное отношение к цивилистической терминологии. Ясность профессионального мышления, продуманное и четкое изложение своих мыслей в печатных трудах составляют неотъемлемые признаки классических цивилистических исследований, которые позволяют им сохранять свою значимость спустя не только десятилетия, но и столетия. Так, непрекращающаяся дискуссия ведется по поводу безымянных (непоименованных) договоров, которые были определены В. Н. Годуновым как договоры, заключаемые гражданами и юридическими лицами, не предусмотренные действующим законодательством, но не противоречащие ему [36, с. 77]. При этом автор не только выделяет отличительные признаки таких договоров, но и предлагает алгоритм поиска соответствующего правового регулирования непоименованных договоров, анализирует показательную судебную и арбитражную практику.

Развитие договорных отношений В. Н. Годунов связывал также с такими категориями договорного права как смешанные и рамочные (организационные) договоры. Практическую значимость имеет градация смешанных договоров на «два вида: смешанные договоры в силу законодательства и смешанные договоры в результате договорной практики» [36, с. 78]. Второй вид смешанных договоров – это, по мнению ученого, как правило, непоименованные договоры.

Большинство гражданско-правовых договоров являются имущественными (товарными), поскольку непосредственно влекут имущественные последствия для сторон. Вместе с тем в практике встречаются и договоры, направленные на организацию от-

ношений сторон, например, договор об организации перевозок или опцион на заключение договора. Значение организационных договоров автор видит в том, что они, как правило, предваряют заключение имущественных договоров, сопровождают и обеспечивают их.

Обоснованной представляется точка зрения о том, что правовые исследования не могут существовать в отрыве от практики и, в первую очередь, от процессов совершенствования законодательства. Годунов В. Н. писал: «Развитие экономических и, соответственно, договорных отношений ведет к появлению необходимости в новых договорных конструкциях. С другой стороны, закрепление в законодательстве договорной конструкции может способствовать развитию договорных отношений в соответствующих сферах». В трудах ученого содержались не только передовые идеи, развивающие цивилистическую доктрину, но и предложения по изменению действующего законодательства Республики Беларусь, в том числе Гражданского кодекса Республики Беларусь. Так, в 2012 г. В. Н. Годунов анализировал преддоговорную стадию в заключении договора и преддоговорную ответственность [37], а на основании Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» в ГК появилась ст. 404-1 «Переговоры о заключении договора». В соответствии с тем же Законом, в ГК были введены нормы об опционе за заключение договора и опционном договоре (ст. 399-1, 399-2 ГК). О данных договорных конструкциях В. Н. Годунов писал в 2018 г. [36].

Вклад профессора В. Н. Годунова в доктрину и практику отечественного договорного регулирования невозможно описать в рамках одной статьи даже тезисно. Любая ценная идея, изложенная на бумаге, должна быть прочитана и осмыслена каждым исследователем самостоятельно. Только в этом случае такая идея будет востребованной и получит дальнейшее развитие. Цивилистическая наука всегда опиралась на традиции, устоявшиеся понятия, знания, накопленные веками. Эта сокровищница постоянно пополняется, сохраняя единство своих основ. Уважая традиции, осмысливая вызовы сегодняшнего дня, отечественная цивилистика неуклонно развивается.

Список использованных источников

1. Годунов, В. Н. Принципы правового регулирования договорных отношений и их реализация в законодательстве Республики Беларусь / В. Н. Годунов // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. Вып. 4 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2019. – С. 53–62.

2. Годунов, В. Н. Развитие договорных отношений и гражданское законодательство / В. Н. Годунов // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. Вып. 3 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.] – Гродно : ГрГУ, 2018. – С. 76–86.

3. Годунов, В. Н. Гражданско-правовой договор / В. Н. Годунов // Промышленно-торговое право. – 1999. – № 7. – С. 115–147.

4. Годунов, В. Н. Договор в гражданском праве: содержание и порядок заключения по законодательству Республики Беларусь / В. Н. Годунов // Беларусь – Китай : сб. науч. тр. Вып. 5 : Гос-во и право / под общ. ред. Г. А. Василевича. – Минск : БГУ, 2009. – С. 84–91.

5. Годунов, В. Н. Гражданско-правовой договор: некоторые аспекты общих положений / В. Н. Годунов // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. – Минск : БГЭУ, 2010. – С. 474–484.

6. Годунов, В. Н. Принцип свободы договора и его реализация в законодательстве Республики Беларусь / В. Н. Годунов // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 23 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – С. 144–164.

7. Годунов, В. Н. Изменение и расторжение гражданско-правовых договоров / В. Н. Годунов // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2013. – С. 66–78.

8. Годунов, В. Н. Заключение гражданско-правового договора: преддоговорные отношения и признание договора заключенным / В. Н. Годунов // Генетические закономерности права : сб. науч. тр., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. С. Г. Дробязко / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2013. – С. 279–289.

9. Годунов, В. Н. Гражданско-правовой договор: вопросы совершенствования общих положений / В. Н. Годунов // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО». – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2014. – Вып. 3. – С. 39–58.

10. Годунов, В. Н. Гражданско-правовой договор и сфера его применения / В. Н. Годунов // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Бела-

реть ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Белпринт, 2014. – Вып. 9. – С. 301–312.

11. *Годунов, В. Н.* Договорное право: совершенствование общих положений / В. Н. Годунов // Вестн. Акад. правоохранительных органов (Республика Казахстан). – 2016. – Вып. 1. – С. 128–137.

12. *Годунов, В. Н.* Классификация гражданско-правовых договоров и ее аспекты / В. Н. Годунов // Право в современном белорусском обществе : юбилейный сб. науч. тр., посвящ. 20-летию Нац. центра законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2017. – Вып. 12. – С. 341–350.

13. *Годунов, В. Н.* Развитие договорных отношений и договорные конструкции / В. Н. Годунов // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 117–121.

14. *Годунов, В. Н.* Общие положения Гражданского кодекса Республики Беларусь о договоре: вопросы совершенствования / В. Н. Годунов // Вестн. Акад. юстиции (Республика Армения). – 2019. – № 1. – С. 41–49.

15. *Годунов, В. Н.* Договорные отношения по заготовкам сельхозпродукции и совершенствование их правового регулирования / В. Н. Годунов // Право и демократия : межведомств. сб. науч. тр. / Бел. гос. ун-т. – Минск : Университетское, 1989. – Вып. 2. – С. 57–64.

16. *Годунов, В. Н.* Новеллы правового регулирования договорных отношений в области поставки / В. Н. Годунов // Право и современность. Изменения в государственной и правовой системах Республики Беларусь и Польской Республики : сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Головкин. – Минск : БГУ, 1998. – С. 101–108.

17. *Годунов, В. Н.* Договор контрактации в законодательстве и юридической науке / В. Н. Годунов // Юридическая наука и образование в Республике Беларусь на рубеже XX–XXI веков : материалы междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 22–23 апр. 1998 г./ Гроднен. гос. ун-т ; под ред. проф. Г. А. Зорина. – Гродно : ГрГУ, 1998. – С. 367–371.

18. *Годунов, В. Н.* Поставка / В. Н. Годунов // Промышленно-торговое право. – 2001. – № 1. – С. 151–184.

19. *Годунов, В. Н.* О правовом регулировании научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ для государственных

нужд / В. Н. Годунов // Проблемы правового регулирования экономических отношений на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 19 мая 2006 г. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: В. С. Елисеев (отв.ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2007. – С. 86–97.

20. *Годунов, В. Н.* Правовые вопросы организации поставки продукции по прямым длительным хозяйственным связям : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. Н. Годунов. – Минск, 1980. – 211 л.

21. UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts 2016 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2016/principles2016-e.pdf>. – Date of access: 14.02.2024.

22. *Годунов, В. Н.* Правовые средства обеспечения государственных нужд в товарах, работах и услугах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / В. Н. Годунов. – Минск : Беларус. гос. ун-т, 2004. – 42 с.

23. *Годунов, В. Н.* Правовое регулирование реализации товаров для государственных нужд / В. Н. Годунов. – Минск : БГУ, 2002. – 184 с.

24. *Шершеневич, Г. Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич ; вступ. ст. Е. А. Суханова. – М. : Фирма «Спарк», 1995. – 556 с.

25. *Покровский, И. А.* Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский ; вступ. ст. А. Л. Маковского. – М. : Статут, 1998. – 353 с.

26. *Годунов, В. Н.* Частноправовые и публично-правовые начала в обеспечении государственных нужд в товарах, работах и услугах / В. Н. Годунов // Проблемы совершенствования хозяйственного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9 дек. 2004 г. – Минск : БГЭУ, 2004. – С. 218–221.

27. *Годунов, В. Н.* Сочетание частноправовых и публично-правовых начал в регулировании экономической (хозяйственной) деятельности // Развитие и перспективы национальной правовой системы в контексте европейских интеграционных процессов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1617 июня 2005 г. / редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2005. – С. 23–26.

28. *Годунов, В. Н.* Свободные и обязательные договоры по законодательству Республики Беларусь / В. Н. Годунов // Концептуальные основы развития национальных правовых систем в контексте процессов глобализации и региональной интеграции: постсоветский опыт и перспективы

устойчивого развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 7–8 окт. 2011 г. / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2011. – С. 299–301.

29. *Годунов, В. Н.* Правовое регулирование государственных закупок товаров (работ, услуг) / В. Н. Годунов // Специализация в судебной системе Республики Беларусь : учеб.-метод. пособие : в 2 кн. – Минск : Изд-во «Четыре четверти», 2013. – Кн. 2 : Специализация в хозяйственном судопроизводстве / редкол.: В. П. Мороз (гл. ред.) [и др.]. – С. 36–62.

30. *Годунов, В. Н.* Правовое регулирование поставок товаров для государственных нужд и государственных закупок товаров (работ, услуг) / В. Н. Годунов // Гражданско-правовое регулирование инновационного развития национальной экономики и повышение эффективности защиты субъектов гражданского права : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2014. – С. 129–142.

31. *Годунов, В. Н.* Правовое регулирование заготовок сельскохозяйственной продукции / В. Н. Годунов. – Минск : Университетское, 1985. – 104 с.

32. *Годунов, В. Н.* О правовой природе договора на производство и реализацию сельскохозяйственной продукции на основе межхозяйственной кооперации / В. Н. Годунов // Актуальные вопросы развития советского государства и права : тезисы докл. науч. конф. проф.-преподават. состава юрид. фак., Минск, 26 дек. 1985 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Тихиня [и др.]. – Минск : ПКБ Минмясомолпрома БССР, 1985. – С. 55–58.

33. *Годунов, В. Н.* О правовой природе договора организации потребительской кооперации с колхозом (совхозом) на закупку скота, птицы, кроликов и молока, произведенных в личных подсобных хозяйствах граждан / В. Н. Годунов // Тенденции и перспективы развития права и укрепления социалистической законности : материалы науч. конф. проф.-преподават. состава юрид. фак. Белгосуниверситета, Минск, 23 дек. 1987 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Тихиня [и др.]. – Минск : БелНИКТИМП Госагропрома БССР, 1987. – С. 63–65.

34. *Годунов, В. Н.* Правовое регулирование заготовок сельскохозяйственной продукции в связи с переходом к регулируемой рыночной экономике / В. Н. Годунов // Диалектика. Перестройка. Человек : материалы круглых столов всесоюз. науч.-практ. конф., провед. в науч.-произв. объединениях, Минск, 18 мая 1989 г. / Гос. ком. СССР по науке и технике ; редкол.: А. А. Головкин [и др.]. – Минск : ППП БелНИИТИ, 1990. – Ч. II. – С. 31–34.

35. *Годунов, В. Н.* О месте договора контрактации в новом гражданском законодательстве / В. Н. Годунов // Социальные действия в переходный период : тезисы выступлений межведомств. симпозиума, Минск, 26 апр. 1991 г. / Минский радиотехн. ин-т ; редкол.: Ю. А. Харин [и др.] – Минск : ППП БелНИИНТИ, 1991. – С. 159–162.

36. *Годунов, В. Н.* Развитие договорных отношений и гражданское законодательство / В. Н. Годунов // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – Вып. 3. – С. 76–86.

37. *Годунов, В. Н.* Преддоговорная стадия в заключении договора и преддоговорная ответственность / В. Н. Годунов // Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 окт. 2012 г. / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2012. – С. 29–32.

**ДОГОВОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАКУПКИ
И ДОГОВОР ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Амельчя Ю. А.

*кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030 Минск, Беларусь,
aia_post@tut.by*

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты договора государственной закупки, выявляются его частноправовые и публично-правовые свойства. Автор обосновывает зависимость предмета и объекта договора государственной закупки от предмета государственной закупки и сопутствующих работ, услуг. Также рассмотрен новый для сферы государственных закупок договор жизненного цикла и выявлены его особенности.

Ключевые слова: договор государственной закупки; договор жизненного цикла; государственные закупки; условия договора.

**PUBLIC PROCUREMENT CONTRACT
AND LIFE-CYCLE CONTRACT IN THE LEGISLATION
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Amelchenia Y.

*PhD in Law, Associate Professor,
Leading research fellow, National Center of Legislation
and Legal Research of the Republic of Belarus,
Bersona Str., 1a, 220030 Minsk, Belarus,
aia_post@tut.by*

Abstract. The article covers some aspects of public procurement contract, its civil law and public law features. The author identifies the dependence of the object of public procurement contract from subject matter of public procurement procedure and related works and services. The new type of public procurement contract – life cycle contract – is also analyzed and its features are identified.

Keywords: public procurement contract; life-cycle contract; public procurement; contract terms.

Действующее законодательство о государственных закупках в содержание правовой категории «государственная закупка» включает не только приобретение товаров (работ, услуг) полностью или частично за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов получателями таких средств, но также отношения, связанные с исполнением договора государственной закупки (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», далее – Закон).

Тем самым правила выбора контрагента, а равно как и договорные обязательства подчиняются нормам законодательства о государственных закупках, включая цели и принципы регулирования соответствующей сферы общественных отношений.

Наличие специального регулирования законодательством о государственных закупках предопределяет отличительную особенность государственных закупок – удовлетворение государственных интересов при использовании публичных средств для приобретения товаров (работ, услуг) заказчиками (организаторами).

В то же время отношения в сфере государственных закупок регулируются не только нормами законодательства о государственных закупках, но также нормами гражданского, бюджетного законодательства, таможенного, валютного, административного, антимонопольного и иного законодательства. Такой разноотраслевой характер регулирования отношений привел к тому, что подходы к определению отраслевой принадлежности государственных закупок и договорных обязательств, возникающих вследствие проведения процедур государственных закупок, различны – от частного-правовых до публично-правовых.

По нашему мнению, наиболее предпочтительно понимание государственных закупок как межотраслевого института. В качестве аргументов в пользу данного тезиса приведем, во-первых, отнесение норм, регулирующих отношения в сфере государственных закупок, к нескольким различным отраслям права [1], во-вторых, общественные отношения в сфере государственных закупок разнородны, но обладают общим признаком [1], в частности, направленностью государственных закупок на обеспечение потребности в товарах

(работах, услугах) заказчиков при использовании, как правило, бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов. По содержанию такой межотраслевой институт является разновидностью «комплексных правовых институтов, возникающих на стыке смежных отраслей» [1].

Договорные обязательства, возникающие по результатам проведения процедур государственных закупок, также имеют отличительные признаки, которые обусловлены сущностью самого института государственных закупок. Именно влияние ряда смежных отраслей права на содержание договора государственной закупки предполагает его комплексность или «полиотраслевой характер воздействия норм» [2, с. 14-15].

Договор государственной закупки является одним из результатов проведения процедуры государственной закупки (ст. 1 Закона), точнее – ее позитивным результатом [3, с. 231] в том смысле, что посредством заключения договора становится возможной поставка товаров (выполнение работ, оказание услуг) и, как следствие, удовлетворение потребности заказчика в указанных объемах.

Иные результаты процедуры государственной закупки – ее отмена или признание несостоявшейся – достижению назначения государственной закупки и решению возложенных на заказчика задач не способствуют. И как правило, после признания процедуры несостоявшейся или ее отмены (кроме случая отмены по причине утраты необходимости в товарах (работах, услугах) на основании п. 3 ст. 27 Закона) проводится другая процедура.

С теоретической точки зрения договор государственной закупки – это теоретико-правовая конструкция, строящаяся на основе гражданско-правового договора конкретного типа, вида, разновидности, в том числе моделей смешанного и непоименованного договоров, обусловленных предметом государственной закупки, сформированная под влиянием частноправовых и публично-правовых элементов, находящихся в зависимости от вида процедуры государственной закупки, источника финансирования закупки товаров или распространения действия законодательства о государственных закупках на иные закупки товаров (работ, услуг),

подчиненная комплексному воздействию принципов правового регулирования обязательственных отношений, целей и принципов в сфере государственных закупок, имеющих наднациональный характер, и согласующаяся с правом Евразийского экономического союза (далее – Союз) [3, с. 221–222].

Тем самым договор государственной закупки отличаются:

1) содержание, в основе которого гражданско-правовой договор конкретного типа, вида, разновидности, в том числе модели смешанного и непоименованного договоров;

2) обусловленность предмета и объекта договора государственной закупки предметом государственной закупки;

3) влияние на договорные обязательства частноправовых и публично-правовых элементов, находящихся в зависимости от вида процедуры государственной закупки, источника финансирования закупки товаров (работ, услуг) или распространения действия законодательства о государственных закупках на иные закупки товаров (работ, услуг);

4) воздействие на договорные отношения принципов правового регулирования обязательственных отношений, целей и принципов в сфере государственных закупок, имеющих наднациональный характер;

5) согласованность правовой конструкции договора государственной закупки с правом Союза.

Рассмотрим приведенные отличительные свойства.

Публичный или государственный интерес в использовании бюджетных средств на нужды заказчиков для выполнения ими своих функций, послужил в свое время основанием для вывода о том, что договору, заключаемому по результатам процедур государственных закупок, присущи признаки публично-правового договора, административного договора, поскольку чаще всего для регулирования отношений по такому договору применяются нормы публичных отраслей права, в частности, бюджетного.

Действительно, в национальной правовой системе нормы бюджетного законодательства регулируют договорные отношения в части оплаты денежных обязательств по договору государственной закупки, и также применяется правило о том, что в случае расхож-

дения акта бюджетного законодательства с актом другой отрасли права, содержащим нормы по вопросам регулирования бюджетных отношений, применяются положения акта бюджетного законодательства, за некоторым исключением (п. 5 ст. 3 Бюджетного кодекса Республики Беларусь). Таким образом, установлен приоритет действия норм публичного права.

Более того, получатель бюджетных средств, он же заказчик в смысле ст. 1 Закона, должен в случае уменьшения распорядителем бюджетных средств размера ранее доведенных бюджетных ассигнований, приводящего к невозможности исполнения принятых бюджетных обязательств и заключенных договоров (соглашений), принять меры по корректировке указанных договоров (соглашений) по суммам, срокам и условиям выполнения (подп. 2.8 п. 2 ст. 82 Бюджетного кодекса Республики Беларусь).

Тем самым, если заключен договор государственной закупки и возникла ситуация, предусмотренная в подп. 2.8 п. 2 ст. 82 Бюджетного кодекса Республики Беларусь, данная норма является безусловным основанием для изменения договора государственной закупки несмотря на то, что такое изменение допускается в случаях, установленных Законом или Советом Министров Республики Беларусь (п. 1 ст. 25 Закона).

Очевидно, что на договор государственной закупки оказывают влияние публично-правовые элементы по причине действия норм бюджетного законодательства, однако в то же время законодательство о государственных закупках Республики Беларусь прямо закрепляет регулирование отношений, в том числе договорных, в данной сфере Гражданским кодексом Республики Беларусь (п. 1 ст. 3 Закона), и по содержанию данный договор включает гражданско-правовые обязательства. Именно поэтому несмотря на то, что договор государственной закупки предназначен для обеспечения государственных интересов в широком смысле, ему присущи частноправовые элементы, к которым можно отнести двусторонний характер договора, его заключение в пользу сторон (могут быть исключения, например, вытекающие из модели организации государственных закупок, установленной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2019 г. № 475 «Об обеспечении

деятельности бюджетных организаций»), консенсуальный характер (могут быть исключения, например, при заключении договора по результатам проведения процедуры закупки из одного источника, для которого требуется передача товара для подтверждения факта заключения договора), обязательность заключения договора (исключения, например, составляют случаи осуществления закупки из одного источника), относимость к договору присоединения (кроме случая, когда проводится закупка из одного источника, при которой условия договора взаимосогласовываются), возмездность.

Тем самым частноправовые элементы находятся в зависимости от вида процедуры государственной закупки. Кроме того, они также присущи договору государственной закупки независимо от источника финансирования (для государственных закупок, проводимых в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2020 г. № 437 «О ведении лесного хозяйства и реализации древесины» и постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 декабря 2022 г. № 869 «О государственных закупках медицинских изделий, лекарственных средств и лечебного питания», предусмотрена необходимость проведения процедур государственных закупок даже в отсутствие бюджетного финансирования указанными в данных актах субъектами), а также в случае распространения действия законодательства о государственных закупках на иные закупки товаров (работ, услуг) (например, на закупки, проводимые в соответствии с п. 4 Положения о порядке закупок товаров (работ, услуг) за счет денежных средств, поступающих на специальный счет государственного учреждения «Оператор вторичных материальных ресурсов», утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 июня 2020 г. № 388 «Об обращении с отходами товаров и упаковки»).

Как представляется, влияние гражданского законодательства на обязательства по договору государственной закупки первично и бесспорно. Одна из причин этому – круг объектов, которые могут выступать в качестве предмета государственной закупки, содержательно совпадающих с объектами гражданских прав в ст. 128 ГК. В частности, это товары, работы и услуги, причем

Закон определяет содержание каждого из приведенных объектов (ст. 1 Закона).

Приведенным объектам присущи те или иные типы, виды, разновидности гражданско-правового договора, которые могут присутствовать в договоре государственной закупки унитарно или в совокупности, образуя модель смешанного договора, сочетающего элементы различных договоров, предусмотренных законодательством (п. 2 ст. 391 ГК).

Однако здесь необходимо сделать важную оговорку. Заказчик не может формировать предмет государственной закупки, а, следовательно, и предмет и объект договора государственной закупки, заключаемого по результатам процедуры государственной закупки, произвольно. Законом установлены правила формирования предмета государственной закупки, одно из которых предполагает, что заказчик в предмет государственной закупки включает однородные товары (работы, услуги) (критерий однородности определен в ст. 1 Закона – это относимость товаров (работ, услуг) к одному подвиду общегосударственного классификатора Республики Беларусь «Классификатор продукции по видам экономической деятельности»). Однако при наличии между товарами (работами, услугами) технологической и функциональной связи неоднородные товары (работы, услуги) могут быть включены в один предмет государственной закупки (п. 3 ст. 21 Закона).

Таким образом, предмет государственной закупки может быть сформирован в виде однородных товаров (работ, услуг), а также неоднородных, если между ними имеются указанные связи.

Следовательно, в зависимости от формирования заказчиком предмета государственной закупки будет определяться содержание последующих договорных обязательств и сама договорная конструкция того или иного типа, вида, разновидности или модель смешанного договора. В то же время, моделируя ситуацию, не исключаем, что предмет государственной закупки может быть сформирован таким образом, что договор государственной закупки, исходя из его содержания, потребует квалифицировать как непоименованный.

Помимо этого системный анализ законодательства о государственных закупках позволяет сделать вывод о том, что договор

государственной закупки может включать сопутствующие работы (услуги) (ст. 25 Закона в совокупности с подп. 1.8 п. 1 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 15 июня 2019 г. № 395 «О реализации Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)»), к которым, по нашему мнению, относятся упомянутые в абз. 8 п. 4 ст. 21 Закона, а именно, осуществление монтажа и наладки товаров, обучение лиц, осуществляющих обслуживание и (или) эксплуатацию товаров. Такие работы, услуги, если они установлены в описании предмета государственной закупки, впоследствии формируют договорные обязательства.

Учитывая изложенное, очевидно воздействие на договорные отношения как принципов правового регулирования обязательственных отношений, так и целей и принципов в сфере государственных закупок, имеющих наднациональный характер. Последний напрямую связан с такой отличительной чертой договора государственной закупки, как его согласованность с правом Союза. Причиной этому является, во-первых, тот факт, что цели и принципы в сфере государственных закупок в Законе сформулированы с учетом закрепленных в п. 1 ст. 88 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор). Во-вторых, норма п. 3 ст. 88 Договора предусматривает, что закупки в государствах-членах, в том числе в Республике Беларусь, осуществляются согласно приложению № 25 к Договору. Как следствие, Республика Беларусь при формировании национального законодательства должна следовать нормам приложения № 25 к Договору, включая его предписания относительно договорных обязательств.

Отдельно следует отметить появление в Законе с внесением в него изменений Законом Республики Беларусь от 31 января 2024 г. № 354-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», положений о договоре жизненного цикла (соответствующие нормы вступили в силу с 4 февраля 2024 г.). По определению, это договор, предметом которого являются приобретение товара или работы,

последующие обслуживание, ремонт и (или) эксплуатация в течение срока службы и (или) утилизация приобретенного товара или созданного в результате выполнения работы объекта. За счет подобного комплексного содержания, включающего различные виды объектов гражданских прав (товары, работы, услуги, в том числе сопутствующие), имеется правовая возможность формировать предмет государственной закупки, принимая во внимание не только стоимость товара (цена приобретения), но и стоимость всего его жизненного цикла (цена владения). Это, в свою очередь, обеспечивает эффективность системы государственных закупок, поскольку охватывается «весь жизненный цикл от определения потребности до окончания срока полезного использования объекта закупки по договору» [2, с. 14–15].

Договор жизненного цикла по существу является договором государственной закупки со специфическим комплексным предметом, смешанным договором (российские исследователи называют его «договором смешанного типа» [4, с. 36]), который включает в себя элементы различных договоров, предусмотренных законодательством, – поставки или выполнения работ, оказания услуг по техническому обслуживанию, работ по ремонту, работ по утилизации приобретенного товара или созданного в результате выполнения работы объекта.

Одновременно наряду с появлением в Законе категории «договор жизненного цикла» закреплены правила формирования предмета государственной закупки, устанавливающие, что требование об объединении неоднородных товаров (работ, услуг) только при наличии технологической и функциональной связи для договора жизненного цикла не применимо (п. 3 ст. 21 Закона). В то же время, учитывая продолжительный характер отношений, опосредуемых договором жизненного цикла (в том числе в случае, если он заключен с учетом абз. 3 п. 4 ст. 21 Закона), объективно необходимы дополнительные основания для изменения цены, предмета договора. В частности, предлагается дополнить подп. 1.8 п. 1 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 15 июня 2019 г. № 395 «О реализации Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь

«О государственных закупках товаров (работ, услуг)» абзацами следующего содержания:

- «изменения цены договора, заключенного в соответствии с абзацем третьим пункта 4 статьи 21 Закона Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», не более чем на 15 процентов по отношению к предусмотренной договором цене при его заключении без изменения цены (тарифа) за единицу товара (работы, услуги), являющегося предметом договора;

- изменения предмета договора жизненного цикла в части последующего обслуживания, ремонта и (или) эксплуатации в течение срока службы и (или) утилизации приобретенного товара или созданного в результате выполнения работы объекта, а также цены договора жизненного цикла, если такие изменения невозможно было предусмотреть при проведении процедуры государственной закупки. Размер изменения цены договора должен быть подтвержден соответствующим расчетом поставщика (подрядчика, исполнителя)».

При этом очевидно, что все публично-правовые и частноправовые элементы, присущие договору государственной закупки, имеют отношение и к договору жизненного цикла.

В этой связи, поскольку различия между конструкцией договора государственной закупки и договора жизненного цикла строятся по предмету договора и производным от него договорным обязательствам, представляется, что договор жизненного цикла следует рассматривать как разновидность договора государственной закупки.

Таким образом, государственные закупки как межотраслевой институт регулируются как частноправовыми, так и публично-правовыми нормами, влияние которых испытывает и договор государственной закупки, заключаемый по результатам проведения процедур государственных закупок, отличающийся от иных договорных конструкций рядом свойств и обеспечивающий за счет таких свойств государственные интересы в широком смысле.

Предмет и объект договора государственной закупки находятся в зависимости от предмета государственной закупки и правил его формирования. Предметный критерий в договорных обяза-

тельствах положен в основу позиционирования в законодательстве договора жизненного цикла, для которого присущи все свойства договора государственной закупки, и который следует рассматривать как разновидность последнего.

Список использованных источников

1. *Губарева, А. В.* Внешнеэкономическое право как межотраслевой институт российского права [Электронный ресурс] / А. В. Губарева // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2023.
2. *Шмелева, М. В.* Концепция государственных (муниципальных) закупок в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.3 / М. В. Шмелева ; Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов, 2022. – 50 с.
3. *Амельченя, Ю. А.* Система договоров в сфере государственных закупок / Ю. А. Амельченя. – Минск : Колорград, 2021. – 344 с.
4. *Фрейдин, И. В.* Контракты жизненного цикла как инструмент государственно-частного партнерства / И. В. Фрейдин // Российское предпринимательство. – 2011. – № 10. – С. 33–38.

УДК 347.44 Б 26

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ
СТОРОН ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Барткова О. Г.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, юридический факультет,
ФГБОУВО «Тверской государственный университет»,
ул. Желябова, 33, 170100 Тверь, Россия, bartkova_og@mail.ru*

Аннотация. Объектом исследования выступают нормы гражданского законодательства Российской Федерации, регулирующие отношения, складывающиеся в процессе заключения гражданско-правового договора и устанавливающие требования к осуществлению гражданских прав. Названные вопросы рассматриваются на основе правоприменительной практики заключения и исполнения договора возмездного оказания юридических услуг с учетом определенных доктринальных положений цивилистической науки, а также некоторых федеральных законов в сфере публичного права. Целью работы является юридическая квалификация поведения сторон названного договора и прежде всего лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере оказания юридических услуг. При этом авторский взгляд сконцентрирован на отношениях, возникающих на стадии принятия сторонами решения о заключении договора и согласования его существенных условий. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования авторских выводов в правоприменительной деятельности по выявлению фактов нарушения прав заказчиков-граждан и защите таких прав.

Ключевые слова: договор; свобода договора; заключение договора; добросовестность; злоупотребление правом; заблуждение; юридические услуги; способ защиты.

**CIVIL LEGAL QUALIFICATION OF CONDUCT OF PARTIES
TO AN AGREEMENT FOR THE RENDERING
OF LEGAL SERVICES: SELECTED THEORETICAL
AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS**

Bartkova O.

*PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Civil Law,
Faculty of Law, Tver State University,
Zhelyabova Str., 33, 170100 Tver, Russia, bartkova_og@mail.ru*

Abstract. The object of the study is the norms of civil legislation of the Russian Federation, regulating relations that develop in the process of concluding a civil contract and establishing requirements for the exercise of civil rights. These issues are considered on the basis of law enforcement practice of concluding and executing an agreement for the provision of legal services for a fee, taking into account certain doctrinal provisions of civil science, as well as some federal laws in the field of public law. The purpose of the work is the legal qualification of the behavior of the parties to the said agreement and, first of all, persons engaged in business activities in the field of providing legal services. At the same time, the author's view is focused on the relations that arise at the stage of the parties making a decision to conclude an agreement and agreeing on its essential terms. The practical significance of the study lies in the possibility of using the author's findings in law enforcement activities to identify facts of violation of the rights of customer-citizens and protect such rights.

Keywords: contract; freedom of contract; conclusion of an agreement; conscientiousness; abuse of rights; delusion; legal services; method of protection.

Обращение к обозначенной теме вызвано, прежде всего, некоторыми примерами из личной практики оказания юридических консультаций гражданам, обратившимся за помощью в связи с заключением ими договора возмездного оказания юридических услуг с определенными юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, выступающими в правоотношениях в качестве исполнителей по таким договорам. Поведение исполнителей в таких договорах можно было охарактеризовать как недобросовестное или даже мошенническое. Аналогичные примеры спорных ситуаций с негативными последствиями для заказчиков имели место и в деятельности юридической клиники, созданной на базе юридического факультета Тверского государственного университета. Изучение опубликованной судебной практики, в частности, размещенной в электронной правовой системе «КонсультантПлюс», подтвердило, что такие примеры не единичны, и, как правило, заказчики-граждане вынуждены обращаться к судебной защите своих прав. Всего автор проанализировал 35 судебных актов по гражданским спорам, возникшим из указанного договора, вынесенных в период с 2021 по 2023 годы. Размещаемые в средствах массовой информации, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» объявления, если и не являются офертой, то по признакам подпадающие

под понятие «приглашение делать оферты», побуждают граждан откликаться на такие приглашения, а в последующем и заключать договоры на оказание для них услуг юридического характера. Примером таких объявлений являются следующие фразы, обращенные к неопределенному кругу лиц: «Грамотная помощь юриста! Гражданские споры. Уголовные дела. Поможем (освободиться от долгов, получить отсрочку от армии, взыскать долг и т. п.)!». Наиболее привлекательным в них является слово «бесплатная» (помощь, консультация). Откликнувшись на такие предложения, заказчик вступает с исполнителем в отношения, трансформирующиеся в последующем в такие платные, возмездные правовые связи, которые порой становятся тяжелым финансовым бременем для заказчика без получения желаемого результата юридических услуг – он или отсутствует, или такая услуга является бесполезной.

Правовой анализ примеров подтверждает, что самые распространенные виды нарушений в рассматриваемой сфере – неоказание юридических услуг, ненадлежащее качество услуг. Безусловно, они наиболее типичны. Однако их можно было бы избежать еще на этапе выбора гражданином контрагента – исполнителя, а также при условии грамотного ведения переговоров и согласования конкретных условий договора. Именно на этих стадиях, как правило, обнаруживаются ошибки в работе лица, действующего в качестве исполнителя или от имени исполнителя, в том числе ошибки в применении норм гражданского законодательства в сфере регулирования договорного процесса. Автор намеренно не отождествляет исполнителя с юристом (в понимании его как лица, имеющего юридическое образование), поскольку в Российской Федерации оказание юридических услуг, услуг в области права, по общему правилу, не требует не только наличия лицензии, но и юридического образования. Безусловно, это правило не распространяется на определенные виды работ, трудовых функций, должностей, представителей в суде по определенным категориям дел, для которых федеральными законами предусмотрено императивное правило, – наличие у лица высшего юридического образования (в частности, для судей, прокуроров, адвокатов, следователей, нотариусов и пр.). Вместе с тем отсутствие такого специального профессионального образования

не может служить основанием для изменения квалификации поведения недобросовестных исполнителей юридических услуг. Нарушение норм гражданского законодательства, даже если связано с незнанием таких норм, не меняет противоправного характера их поведения и не может служить основанием для освобождения их от гражданско-правовой ответственности с учетом п. 1 и п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). В этом случае мы исходим из того, что такие исполнители оказывают юридические услуги, осуществляя один из видов экономической деятельности, предусмотренный разделом М.69 в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (утв. приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст), а значит, они рассматриваются в качестве лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Но даже наличие у исполнителя юридического образования, в том числе высшего, не является гарантией от правонарушений в отношениях с заказчиками. Более того, обстоятельства споров позволяют, к сожалению, как минимум предполагать, что исполнитель, обладая специальными юридическими знаниями, использует их во вред заказчику для достижения цели извлечения прибыли при собственных минимальных затратах, включая интеллектуальные, профессиональные, которые он мог и должен был проявить, вступая в отношения по оказанию юридических услуг. Заказчик, в свою очередь, вправе на это рассчитывать, прибегая к сфере, которая требует специальных знаний.

Какие же правонарушения можно обнаружить на стадии, предшествующей заключению рассматриваемого договора, которую можно назвать как преддоговорные отношения? Целью таких отношений является согласование условий договора. Важно напомнить, что согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если стороны пришли к согласию по всем существенным условиям договора. При этом такое согласование должно быть облечено в соответствующую форму. Кроме того, для договора, как сделки, значимыми являются условия действительности сделки, в частности свободное формирование воли каждого участника, соответствие такой воли волеизъявлению (п. 1 ст. 431 ГК РФ, глава 9 ГК РФ). Учитывая личность заказчика (а мы ведем речь о гражданах), важным в процессе

юридического анализа является использование также специального закона – Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 4 августа 2023 г.) «О защите прав потребителей».

1. Непредоставление исполнителем в процессе переговоров достоверной и полной информации о своем правовом статусе. На начальном этапе общения с заказчиком не всякий исполнитель объясняет, что он является лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, что договор, который он предлагает ему заключить после бесплатной консультации, будет возмездным. Не знакомит исполнитель заказчика и с тарифами оказываемых услуг, которые зачастую не только не утверждены до момента подписания договора, но и не согласованы с заказчиком на момент подготовки проекта договора и его подписания сторонами. Исполнитель вносит запись ручкой в печатный текст договора, указывая сумму, размер которой в последующем, в ходе спора, пояснить затрудняется. С учетом сформулированного ниже вывода № 5 это действительно обосновать сложно.

2. Навязывание заказчику решения по заключению договоров на оказание юридических услуг, действуя при этом недобросовестно, создав у него уверенное представление о себе как исполнителе, о своих сотрудниках, как профессионалах в сфере применения правовых норм, способных якобы помочь оперативнее и эффективнее, чем государственные органы и учреждения. Используя доверчивость заказчика-гражданина, его сложное финансовое положение, в котором он зачастую находится на стадии обращения к юридической помощи, отсутствие у него специальных знаний в сфере юриспруденции, исполнитель нарушает тем самым положения ст. 1, п. 1 ст. 9, ст. 10, ст. 421, подп. 1 п. 1 ст. 434.1 ГК РФ. Кроме того, немаловажным фактором является и то, что в качестве таких заблуждающихся или излишне доверившихся заказчиков выступают граждане предпенсионного и пенсионного возраста.

Такого же рода правовая квалификация поведения исполнителя следует и в части понуждения заказчика к заключению кредитного договора с целью оплаты им полностью или в части цены юридических услуг.

3. Неосуществление надлежащего качественного правового анализа проблемы заказчика, с которой он обращается, неверное понимание такой проблемы, а возможно, и намеренное «непонимание» с целью навязывания дополнительных юридических услуг. Например, исполнитель убеждает заказчика в необходимости составления нескольких обращений в различные государственные органы, хотя можно было обойтись только одним. Или подготовка искового заявления в ситуации, когда спор не требовал использования судебной формы защиты.

4. Неверное определение круга нормативно-правовых актов (или конкретных норм определенного акта) и, как следствие, неиспользование необходимых нормативно-правовых актов в процессе оказания услуг.

Такие действия исполнителя приводили к тому, что результат услуг (составленные документы) не имел никакой имущественной и неимущественной пользы для заказчика, исходя из существа тех реальных проблем юридического характера, которые были на день заключения им договора.

5. Некачественное формулирование существенных условий договоров, а именно: предмета договора (отсутствие конкретизации перечня и объема действий, относимых к юридическим услугам); отсутствие в договоре указания на порядок оплаты, который подразумевал, например, заключение кредитного договора и исполнение обязательств по оплате перед исполнителем за счет кредитных средств.

6. Несоответствие цены услуг, предусмотренных в договоре, тем фактическим действиям, которые произвел исполнитель.

Цена в любом возмездном гражданско-правовом договоре имеет форму эквивалентности обмена, которая проявляется в равенстве рыночной ценности товара или услуги его денежной цене. Причем справедливый обмен представляет собой требование о соблюдении эквивалентности в обмене выгодами.

Несоответствие встречных предоставлений по возмездному договору должно быть справедливым и разумным. В ряде проанализированных автором договоров присутствовало несправедливое несоответствие такого явления, что привело к дисбалансу интересов

сторон. О наличии явного ущерба заказчику может свидетельствовать заключение договора на заведомо и значительно невыгодных для него условиях. В частности, если проделанные исполнителем действия в несколько раз ниже стоимости предоставления, совершенного в пользу заказчика. Такая позиция отвечает п. 93 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ».

7. Неосуществление сбора первоначально значимой информации через личный кабинет заказчика на портале государственных услуг заказчика, когда это необходимо для оказания юридической услуги. Это позволило бы избежать составления ненужных документов и (или) ошибок, неполноты в процессе их изготовления. В некоторых случаях вовсе отпала бы необходимость в составлении исполнителем документов (обращений, заявлений, жалоб).

8. Незнание компетенции и полномочий государственных органов, что влечет за собой бесполезность обращения, направленного в адрес определенного органа, из ответа которого следует, что вопрос, по которому составлено обращение, не относится к компетенции такого органа.

9. Из текста составляемых исполнителями обращений, которые автору удалось изучить, можно обнаружить ссылку на Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (включая указание на сроки рассмотрения). Однако нормы этого закона применяются не во всех случаях. Так, согласно ч. 2 ст. 1 этого закона: «установленный настоящим законом порядок рассмотрения обращений граждан распространяется на все обращения граждан, за исключением тех, которые подлежат рассмотрению в порядке, установленном федеральными конституционными законами и иными федеральными законами». Такими специальными законами являются, например, ФЗ от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» и ФЗ от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ «О накопительной пенсии», что не всегда учитывалось исполнителями при разрешении вопросов, связанных с применением пенсионного законодательства.

10. В ряде случаев продемонстрировано незнание исполнителем (или намеренное несообщение заказчику с целью понуждения к заключению договоров и получения выгод по договорам) порядка направления обращений гражданином в государственные органы, например, о получении информации по индивидуальному лицевому счету, корректировке такой информации, об имеющихся делах по исполнительному производству, о начисленных и неуплаченных налогах и т. п.

Для получения такой информации можно использовать несколько способов, о которых исполнителю как лицу, оказывающему юридические услуги, должно быть известно: через личный кабинет налогоплательщика с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг; через личный кабинет на сайте определенного государственного органа; путем обращения в Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (далее – МФЦ). Причем такая информация предоставляется бесплатно (безвозмездно) согласно ч. 5 ст. 11 постановления Правительства РФ от 16 августа 2021 г. № 1342. Это исключило бы составление документов, предлагаемых исполнителем, и (или) ненужное, бесполезное, затратное дублирование текстов обращений сразу в несколько органов, находящихся друг с другом в состоянии иерархии и подчинения. В итоге это предотвратило бы убытки, которые заказчики несут в связи с заключением договора.

Каждый из заказчиков, которым уже в последующем разъяснялось об указанных выше способах получения значимой юридической информации, уверял, что, если бы знал о них, то, безусловно, не заключал бы договор. При этом заказчики выражали готовность оплатить, но только информационную услугу об использовании перечисленных выше доступных способов. Поведение исполнителя в этом случае можно расценивать как намеренное использование факта отсутствия у заказчика юридических знаний с целью побуждения его к заключению возмездных договоров на оказание юридических услуг, кредитного договора, которые приводят к получению имущественных выгод для исполнителя, банка, но одновременно и к дополнительному имущественному финансовому бремени для заказчика.

11. Кроме того, поведение исполнителя в процессе оказания подобного рода услуг дискредитирует процедуру оказания государственных и муниципальных услуг, включая информационную, предусмотренную ФЗ от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», распоряжением Правительства РФ от 11 апреля 2022 г. № 837-р «О Концепции перехода к предоставлению 24 часа в сутки 7 дней в неделю абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг без необходимости личного присутствия граждан», другими нормативно-правовыми актами Правительства РФ в этой сфере.

Тем самым исполнители, о которых идет речь, способствуют нарушению принципов правомерности, доступности, открытости оказания государственных услуг, уплаты госпошлины, в определенных случаях – безвозмездности их оказания.

Фактически, не являясь лицами, уполномоченными вышеназванными нормативно-правовыми актами, они совершают действия, подпадающие под сферу регулирования такими актами, причем на возмездной основе (хотя бы это и технические действия: заполнение шаблонов электронных и бумажных документов, разработанных государственными органами). При этом цена таких услуг, исходя из их содержания, характера и объема, не соответствуют тем, которые указаны в изученных автором договорах. Сами действия по заполнению форм документов, их распечатыванию, изготовлению копий, безусловно, не могут быть в итоге отнесены к юридическим услугам.

Итак, описанные модели противоправного поведения исполнителя относятся к гражданским правонарушениям. Такое поведение, безусловно, должно квалифицироваться прежде всего как недобросовестное, нарушающее пределы осуществления гражданских прав, установленные ст. 10 ГК РФ, принцип свободы договора (п. 1 ст. 420 ГК РФ), принцип соответствия договора закону (п. 4 ст. 420, п. 1 ст. 420 ГК РФ). В определенных случаях это свидетельствует и о злоупотреблении исполнителем своими правами при наличии доказанности всех признаков такого правонарушения.

Вопрос о способах защиты, которые вправе использовать заказчик в этих ситуациях, представляет отдельную сферу размышлений. Конечно, на первый взгляд, самыми очевидными и простыми в применении являются такие, как расторжение договора, отказ от оплаты услуг, требование о возврате суммы оплаченных услуг (полностью или в части) или требование об уменьшении цены договора, возмещение убытков, компенсация морального вреда. Основанием для их применения служат ст. 779, 783, п. 1 ст. 450, п. 1, 2, 4 ст. 450.1, п. 1 ст. 452 ГК РФ, п. 6 ст. 29 и иные положения Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». Применить эти способы возможно, если не оспариваются сам договор и его заключение. Вместе с тем не исключается использование положений ГК РФ о недействительности сделки (§2 главы 9 ГК РФ) и о неосновательном обогащении (глава 60 ГК РФ).

Данная работа выполнена при информационной поддержке ЗАО «КонсультантПлюс».

**О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ
«МЕДИЦИНСКАЯ УСЛУГА» И «МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ»
В КОНТЕКСТЕ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ
МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ**

Бобровницкая Э. Б.

*магистр права,
аспирант кафедры гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
elnabobrovn.28@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется соотношение понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь». На основании анализа действующего законодательства Республики Беларусь, научной литературы автор приходит к выводу об отсутствии четкого разграничения данных понятий. В целях конкретизации сферы и субъектов оказания медицинских услуг по договору возмездного оказания медицинских услуг делается вывод о необходимости более четкой правовой регламентации понятия медицинской услуги.

Ключевые слова: медицинская услуга; медицинская помощь; платные медицинские услуги; договор возмездного оказания медицинских услуг; учреждение здравоохранения.

**ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS
OF «MEDICAL SERVICE» AND «MEDICAL CARE»
IN THE CONTEXT OF PAID PROVISION
OF MEDICAL SERVICES**

Babraunitskaya E.

*Master of Laws,
Postgraduate student at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
elnabobrovn.28@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the relationship between the concepts of «medical service» and «medical care». Based on an analysis of the current legislation of the Republic of Belarus and scientific literature, the author comes

to the conclusion that there is no clear distinction between these concepts. In order to specify the scope and subjects of the provision of medical services under a contract for the provision of medical services for a fee, a conclusion is made about the need for clearer legal regulation of the concept of medical services.

Keywords: medical service; health care; paid medical services; service agreement; healthcare institution.

Здоровье человека является одной из наивысших ценностей общества и государства. Статья 45 Конституции Республики Беларусь гарантирует гражданам право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом.

Важно отметить, что согласно ст. 4 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении) гражданам Республики Беларусь бесплатная медицинская помощь за счет государственных средств предоставляется на основании государственных минимальных социальных стандартов в области здравоохранения в государственных учреждениях здравоохранения. Кроме того, как указано в этой же статье, медицинская помощь может предоставляться за счет собственных средств, средств юридических лиц и иных источников, не запрещенных законодательством, в государственных организациях здравоохранения, негосударственных организациях здравоохранения и у индивидуальных предпринимателей, осуществляющих в установленном законодательством порядке медицинскую деятельность.

О медицинской услуге, оказываемой платно по договору, указано в ст. 15 Закона о здравоохранении, согласно которой медицинские услуги сверх установленного государством гарантированного объема бесплатной медицинской помощи являются дополнительными и оказываются государственными учреждениями здравоохранения на платной основе в порядке, установленном Советом Министров Республики Беларусь. Следует обратить внимание, что в данной норме Закона не упоминаются негосударственные учреждения здравоохранения, а также индивидуальные предприниматели.

Исходя из п. 2 Положения о порядке оказания платных медицинских услуг гражданам Республики Беларусь государственными учреждениями Республики Беларусь, утвержденного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 февраля 2009 г. № 182 «Об оказании платных медицинских услуг государственными учреждениями здравоохранения» (далее – Положение о порядке оказания платных медицинских услуг) платные медицинские услуги оказываются гражданам Республики Беларусь государственными учреждениями здравоохранения на основании письменных договоров возмездного оказания медицинских услуг. В рамках настоящей статьи рассмотрим понятие медицинской услуги как предмета договора возмездного оказания медицинских услуг.

Исходя из п. 2 ст. 733 ГК Республики Беларусь правила главы 39 ГК применяются к договорам оказания медицинских и иных услуг. Согласно п. 1 ст. 733 ГК оказание услуги предполагает совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности исполнителем по заданию заказчика. Характерной особенностью услуги является то, что результаты такой деятельности не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности либо по ее завершении (в частности, такое заключение следует из п. 2.30 ст. 13 Налогового кодекса Республики Беларусь). Вместе с тем отличительной особенностью медицинской услуги является то, что в отдельных случаях результат ее оказания носит материальное выражение (например, протезирование). Существует мнение, согласно которому следует различать медицинскую услугу и медицинскую работу. Так, А. В. Дроздова полагает, что само по себе изготовление протеза по индивидуальному заказу является медицинской работой, а «действия с готовым изделием медицинского назначения (приладить, подогнать по форме и месту) без его обработки или переработки – это услуга с использованием вещи, с материальным вкраплением» [1, с. 46]. Полагаем, что оказание такой медицинской услуги (протезирование) на платной основе следует опосредовать договором возмездного оказания медицинских услуг, а не договором подряда, так как конечной целью по договору для заказчика является не из-

готовление протеза, а восстановление функций или эстетического вида органа (части тела) человека.

Легальное определение медицинской услуги содержится в абз. 17 ст. 1 Закона о здравоохранении: медицинское вмешательство либо комплекс медицинских вмешательств, а также иные действия, выполняемые при оказании медицинской помощи. Медицинская помощь, в свою очередь, определяется как комплекс медицинских услуг, направленных на сохранение, укрепление и восстановление здоровья пациента, изменение и поддержание эстетического вида пациента, включающий медицинскую профилактику, диагностику, лечение, медицинскую абилитацию, медицинскую реабилитацию и протезирование, осуществляемый медицинскими работниками (абз. 13 ст. 1 Закона о здравоохранении). Из определений достаточно затруднительно выявить различия между анализируемыми понятиями, в Законе о здравоохранении они раскрываются друг через друга. Однако из указанного не следует, что они тождественны. Такого же мнения придерживается С. В. Агиевец, которая также отметила некорректность определений, данных в Законе о здравоохранении, и утверждает, что данные категории не являются тождественными: медицинская услуга является частью медицинской помощи. Автор определяет медицинскую услугу как конкретные регламентированные действия медицинских работников при оказании медицинской помощи, направленные на сохранение, укрепление и восстановление здоровья пациента [2, с. 52].

Как справедливо отметила И. Н. Яхновец, понятие «медицинская помощь» более распространено и понятно для граждан ввиду «исторически сложившейся традиции называть медицинской помощью любые лечебно-профилактические мероприятия, направленные на сохранение и восстановление здоровья» [3, с. 133].

Сложность разграничения анализируемых категорий породила в научной литературе дискуссию о соотношении между собой понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь». Так, сформировалось четыре основных подхода к разрешению вопроса об их соотношении:

1) «медицинская помощь» и «медицинская услуга» соотносятся как общее и частное;

2) «медицинская услуга» – понятие более широкое, чем «медицинская помощь»;

3) «медицинская услуга» и медицинская помощь» – тождественные понятия;

4) категории «медицинская услуга» и «медицинская помощь» не соотносятся между собой ввиду их разной направленности.

Наиболее верным видится первый из указанных подходов. Одними из сторонников первого подхода являются В. Д. Рузанова и П. С. Кудашева, которые обратили внимание на то, что медицинская услуга лежит в основе медицинской помощи, которая, в свою очередь, охватывает «множество дополнительных и вспомогательных элементов организационного и вспомогательного характера». При этом авторы отметили, что именно оказание медицинских услуг является объектом гражданских прав [4, с. 40].

Интересным представляется мнение Е. А. Рожковой, которая соотнесла категории «медицинская помощь» и «медицинская услуга» через категорию «медицинская деятельность». Так, автор под медицинской помощью понимает «практическую деятельность по укреплению и сохранению здоровья людей, предупреждению и лечению болезней», а медицинскую деятельность, в свою очередь, определяет как ту часть медицинской помощи, которая оказывается на профессиональном уровне. Е. А. Рожкова отметила, что медицинской услугой является только «та часть медицинской деятельности, которая характеризуется взаимосогласованностью и возмездностью». По мнению исследователя, только при наличии следующих условий медицинскую помощь в рамках осуществления медицинской деятельности можно отнести к медицинской услуге:

1) такая деятельность осуществляется только на профессиональном уровне;

2) обязательным условием является наличие взаимного согласия исполнителя и заказчика услуги;

3) возмездность оказания медицинской услуги [5, с. 53].

Важно отметить, что среди российских исследователей распространено мнение о том, что категория «медицинская помощь» должна подлежать широкому толкованию, а одним из главных кри-

териев разграничения с категорией «медицинская услуга» должны быть субъекты осуществления таких видов деятельности. Так, А. В. Дроздова выделила три вида медицинской помощи: профессиональная, полупрофессиональная и непрофессиональная. К профессиональной медицинской помощи автор относит ту, которая оказывается медицинскими работниками, к полупрофессиональной – первичную медицинскую помощь, оказываемую спасателями-пожарными, сотрудниками органов внутренних дел «и иных должностных лиц, которые хотя и не являются профессионалами-медиками, но в силу своих профессиональных обязанностей обучались оказанию первичной медицинской помощи и, как и профессионалы-медики, должны в чрезвычайных обстоятельствах данную помощь оказывать», к непрофессиональной – деятельность родителей по самостоятельному лечению своих детей от распространенных заболеваний, от незначительных травм; деятельность взрослых детей по уходу за больными пожилыми родителями (инъекции, перевязки и другие медицинские манипуляции); «деятельность лиц по оказанию первичной медицинской помощи пострадавшим в природных или техногенных катастрофах, при эпидемиях, либо в иных случаях, когда медики-профессионалы в силу обстоятельств не могут оказать такую помощь» [1, с. 44].

Однако исходя из подхода, закрепленного в Законе о здравоохранении, выделенная автором полупрофессиональная и непрофессиональная медицинская помощь относится к первой помощи, которая представляет собой комплекс мероприятий, осуществляемых до оказания медицинской помощи пострадавшему (ст. 59 Закона о здравоохранении). Согласно ст. 20 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. № 141-З «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» граждане Республики Беларусь в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций обязаны изучать методы оказания первой помощи при состояниях, представляющих угрозу для жизни и (или) здоровья человека, постоянно совершенствовать свои знания и практические навыки в указанной области. Можно сделать вывод, что законодатель Беларуси четко разграничивает медицинскую помощь и первую помощь по субъекту ее оказания.

Е. Л. Поцелуев и А. Е. Горбунов полагают, что медицинскую помощь могут оказывать не только медицинские работники, в то время как медицинские услуги вправе оказывать исключительно медицинские работники [6].

Сложно согласиться с позицией расширительного толкования категории «медицинская помощь», а также разграничением «медицинской помощи» и «медицинской услуги» по субъектному составу на основании следующего. Исходя из легального определения «медицинской помощи», данного в абз. 13 ст. 1 Закона о здравоохранении, такая деятельность может осуществляться лишь медицинскими работниками, что, в свою очередь, уже исключает возможность отнесения к ней оказания первой помощи лицами, не являющимися медицинскими работниками.

Подхода, согласно которому категория «медицинская услуга» является более широкой в отношении категории «медицинская помощь», придерживается В. С. Абдуллина, которая утверждает, что «медицинская помощь как категория социально-нравственная является обязательной составляющей медицинской услуги» [7, с. 7–8]. По мнению А. В. Тихомирова, медицинской является такая услуга, которая содержит в себе медицинскую помощь. Автор «разделил» медицинскую услугу на две составляющие: нетоварная часть и товарная часть. К нетоварной части исследователь относит медицинскую помощь, которая, в свою очередь, подчиняется правилам медицинской науки. В качестве товарной части медицинской услуги А. В. Тихомиров называет «все то, что не является медицинской помощью»: ресурсное обеспечение, бренд, сервис [8, с. 13–14].

В соответствии с третьим подходом категория «медицинская услуга» тождественна категории «медицинская помощь». По мнению И. А. Пронина, понятия «помощь» и «услуга» применительно к медицине следует считать тождественными [9, с. 58].

Совершенно противоположного мнения придерживается И. М. Вильгоненко: автор утверждает, что медицинские услуги не относятся к медицинской помощи по той причине, что услуги оказываются гражданам только в качестве дополнения к обязательно-му минимуму медицинской помощи, гарантируемой государством [10, с. 106].

Е. В. Песенникова, указывая на различие понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга», отмечает, что услуга предполагает возмездность, так как является предметом договора возмездного оказания услуг и не всегда жизненно необходима. Автор особо отметила, что «понятие «помощь» носит социальный характер, а не экономический или рыночный», а, следовательно, не может оказываться на возмездной основе. При этом исследователь в качестве основополагающего критерия разграничения рассматриваемых понятий называет именно правовое регулирование. Так, по ее мнению, оказание медицинской помощи регулируется нормами публичного права, а оказание медицинской услуги – нормами частного права [11, с. 159].

Поцелуев Е. Л. и А. Е. Горбунов утверждают, что понятие «медицинская помощь» является более широким по отношению к понятию «медицинская услуга». Авторы в качестве черты, отличающей медицинскую услугу от медицинской помощи, также выделили критерий возмездности: медицинская помощь оказывается бесплатно, а медицинская услуга – на платной основе [6].

С нашей точки зрения неверно разграничивать медицинскую помощь и медицинскую услугу по критерию возмездности на основании следующего. Так, в соответствии со ст. 15 Закона о здравоохранении медицинские услуги сверх установленного государством гарантированного объема бесплатной медицинской помощи являются дополнительными и оказываются государственными учреждениями здравоохранения на платной основе. В вышеприведенной норме упоминаются такие понятия, как «бесплатная медицинская помощь», «медицинские услуги, оказываемые на платной основе». Полагаем, что медицинская услуга, оказываемая на платной основе, не утрачивает основную цель ее оказания (сохранение, укрепление и восстановление здоровья пациента, изменение и поддержание эстетического вида пациента) лишь по причине возмездности. Следовательно, платные медицинские услуги также охватываются категорией «медицинская помощь».

На наш взгляд, медицинская услуга может трактоваться как своеобразная «единица» медицинской помощи. Ведь медицинская

помощь, оказываемая гражданам, не может сводиться лишь к медицинским услугам. Для оказания медицинских услуг учреждения здравоохранения совершают ряд организационных мероприятий, без которых такие услуги не могут быть оказаны надлежащим образом.

Важно отметить, что несмотря на наличие в законодательстве Республики Беларусь понятия «платная медицинская услуга», отсутствует его легальное определение. Более того, правовому регулированию на сегодняшний день по большей части подлежит оказание платных медицинских услуг лишь государственными учреждениями здравоохранения. Тому подтверждением является Закон о здравоохранении, который упоминает платные медицинские услуги, оказываемые лишь государственными учреждениями здравоохранения.

Однако медицинские услуги на возмездной основе оказывают также негосударственные организации здравоохранения и индивидуальные предприниматели, осуществляющие в установленном законодательством порядке медицинскую деятельность. В этой связи в целях конкретизации сферы и субъектов оказания медицинских услуг по договору возмездного оказания медицинских услуг представляется, что понятие медицинской услуги нуждается в более четкой правовой регламентации, в том числе для целей выделения в рамках понятия медицинской помощи.

Таким образом, в Законе о здравоохранении нет четкого разграничения понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь», отсутствует единство мнений и в научной литературе. Полагаем, что «медицинская услуга» и «медицинская помощь» должны соотноситься как частное и общее, что следовало бы закрепить в законодательстве.

Список использованных источников

1. Дроздова, А. В. Понятие медицинской услуги как гражданско-правовой категории / А. В. Дроздова // Сибирск. юридич. вестн. – 2004. – № 3. – С. 42–46.
2. Медицинское право : учеб. пособие / С. В. Агиевец [и др.] ; под ред. С. В. Агиевец, Г. А. Василевича. – Минск : РИВШ, 2020. – 320 с.
3. Яхновец, И. Н. Правовая природа возмездного оказания услуг / И. Н. Яхновец // Обеспечение экономической безопасности Республики

Беларусь: теория и практика : материалы респ. науч.-практ. конф.; отв. ред. А. А. Вишнеvский. – Минск, 2019. – С. 132–135.

4. Рузанова, В. Д. Договорное регулирование в сфере оказания медицинских услуг / В. Д. Рузанова, П. С. Кудашева // Актуальные проблемы частного права : моногр. / отв. ред. А. Ю. Касаткина. – М. : Проспект, 2023.– С. 36–50.

5. Рожкова, Е. В. Медицинские услуги: понятие и особенности / Е. В. Рожкова // Современ. исследования социальных проблем. – 2011. – № 3. – С. 39–55.

6. Поцелуев, Е. Л. «Медицинская услуга» и «медицинская помощь» по законодательству Российской Федерации: тождественные или различные понятия? [Электронный ресурс] / Е. Л. Поцелуев, А. Е. Горбунов // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>. – Дата доступа: 08.01.2024.

7. Абдуллина, В. С. Гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере оказания медицинских услуг: некоторые вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. С. Абдуллина. – Казань, 2007. – 27 с.

8. Тихомиров, А. В. Проблемы правовой квалификации вреда здоровью при оказании медицинских услуг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Тихомиров. – М., 2008. – 31 с.

9. Пронин, И. А. Соотношение понятий «помощь» и «услуга» в медицине: анализ гражданского законодательства / И. А. Пронин // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 57–60.

10. Вильгоненко, И. М. Соотношение понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» и их правовая природа / И. М. Вильгоненко, Л. П. Степанова // Юридич. вестн. Дагестан. гос. университета. – 2018. – № 2. – С. 104–107.

11. Песенникова, Е. В. Медицинские услуги или медицинская помощь – актуальный вопрос для государственных учреждений здравоохранения / Е. В. Песенникова, О. В. Гриднев, С. С. Кучиц // Исследования и практика в медицине. – 2017. – № 4. – С. 156–164.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА

Богоненко В. А.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, учреждение образования
«Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»,
ул. Мирная, 4а-1, 211440 Новополоцк, Беларусь,
v.bogonenko@psu.by*

Аннотация. Рассматривается правовая природа смарт-контракта и определяется его место в системе сделок. Внимание уделяется также источникам правового регулирования в сфере использования смарт-контрактов. Целью исследования является правовая идентификация смарт-контракта на основе классификационных оснований и рассмотрение проблем, связанных с использованием данной гражданско-договорной формы.

Ключевые слова: блокчейн; законодательство; договор; смарт-контракт; сделка; цифровые права; цифровизация; программный код.

LEGAL NATURE OF SMART CONTRACT

Bogonenko V.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk,
Mirnaja Ave., 4a-1, 211440 Novopolotsk, Belarus,
v.bogonenko@psu.by*

Abstract. The legal nature of a smart contract is considered and its place in the system of transactions is determined. Attention is also paid to the sources of legal regulation in the field of use of smart contracts. The purpose of the study is the legal identification of a smart contract based on classification grounds and consideration of problems associated with using of this civil contract form.

Keywords: blockchain; legislation; contract; smart contract; deal; digital rights; digitalization; program code.

Цифровизация в сфере финансовых услуг и расчетов приводит к необходимости переосмысления традиционных взглядов, касающихся системы гражданско-правовых договоров. Устанавливается правопорядок переходного типа. Его доктринальное осмысление,

по сути, представляет собой известный компромисс между классическими постулатами и реальностью сформировавшегося законодательства и правоприменительной практики [1, с. 43].

В условиях цифровизации экономики, в том числе имущественных отношений, возникает необходимость пересмотра традиционных взглядов на многие институты гражданского права. Среди них, например, такой институт, как объекты гражданских прав [2, с. 56]. В контексте договорного права неизбежно приходится затрагивать и тему, касающуюся вещей, в том числе денег и ценных бумаг.

Применительно к рассматриваемому вопросу обращает на себя внимание принятая в гражданском праве система гражданско-правовых договоров, так как посредством договора обеспечивается гражданско-правовой оборот товаров, работ, услуг. Тема договорного права приобретает новое звучание в связи с цифровизацией, воздействующей на область гражданско-правовых отношений. Необходима правовая оценка сложных с точки зрения гражданского права явлений, которые внедряются в правовую материю и нуждаются в правовой характеристике. Примечательно, что параллельно анонсируются и проблемы, касающиеся ключевых правовых понятий, в частности, таких, как права и обязанности участников гражданских правоотношений.

Характерно, что применительно к практике субъектов хозяйствования Республики Беларусь опыт использования новых гражданско-договорных форм, зависимых от сети Интернет и информационно-компьютерных технологий, еще крайне незначительный. В большинстве случаев используются традиционные или классические гражданско-договорные формы, которые имеют большую апробацию и хорошо знакомы специалистам. Кроме того, фактором, сдерживающим широкое распространение новейших гражданско-договорных форм и способов заключения и исполнения договоров, является недостаточность норм права, регулирующих отношения, связанные с договорной практикой, касающейся сети Интернет. Анонсируется научная задача по исследованию сделок в цифровой среде, определению требований к порядку заключения сделок с помощью электронных средств: требования к форме такой сделки и к волеизъявлению ее стороны (сторон), в том числе способы подтвердить факт заключения сделки конкретным лицом.

В цивилистической науке устоялось понимание сделки как правомерного (т. е. разрешенного позитивным правом) волевого действия, направленного на достижение юридических последствий, под которыми понимаются установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [3, с. 75].

В качестве сопряженного с договорным правом явления выступают денежные обязательства хотя бы потому, что они сопровождают любой возмездный договор [4, с. 33]. Кроме того, современные представления о правах субъектов того или иного договора неизбежно затрагивают и тематику цифровых прав. Так, в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации было закреплено понятие цифровых прав. «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу» (введена Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ). Позиция законодателя не получила единодушную поддержку среди ученых и практиков в дискуссии о правовой сущности цифровых прав. В экспертном заключении по проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» было отмечено: «...проект необоснованно сужает понятие «цифрового права», связывая его существование только с распределенным реестром. Принятый проектом подход нарушает принцип технологической нейтральности, дискриминируя все другие технологии, способные оформлять права в электронном виде» [5].

В работах, касающихся проблем цифровизации, отмечается, что в России большей частью договоры заключаются в бумажном виде, в то время как часть бизнесменов настаивают на правильности своего выбора в пользу смарт-контрактов: не только модного и технологичного, но, в первую очередь, быстрого, безопасного и конфиденциального инструмента ведения бизнеса. Иными словами, использование искусственного интеллекта нашло применение

в виде смарт-контрактов [6, с. 21]. Поддерживается мнение, что правильно различать новые объекты гражданских прав и способы закрепления прав на эти объекты. С технологической точки зрения токен – это один из миниатюрных блоков в системе блокчейн, который может использоваться для закрепления различных прав в рамках этой системы [7]. Отмечено, что термин «цифровые права» (digital rights) также имеет достаточно устоявшееся понимание в зарубежных источниках, однако относится не к криптоактивам, а характеризует права человека в цифровом пространстве [8].

Интересно, что само происхождение термина «смарт-контракт» находится за пределами права и принадлежит программированию и в целом области информационно-компьютерных технологий. Автор концепции смарт-контрактов – американский криптограф Ник Сабо (Nick Szabo). В работе «Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets» (1996) он определил смарт-контракт как компьютерный протокол, который самостоятельно проводит сделки и контролирует их исполнение с помощью математических алгоритмов. На практике идея смарт-контрактов была реализована с появлением блокчейн-технологий [9, с. 12].

В национальных законодательствах в последнее время все чаще закрепляется понятие смарт-контракта. Смарт-контракт – программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий (п. 9 Приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»).

Среди юридически значимых признаков смарт-контракта – программный код, реестр блоков транзакций (блокчейн), наличие цели, а именно: автоматизированное совершение или исполнение сделок либо совершение иных юридически значимых действий. Характерно, что все важнейшие признаки смарт-контракта происходят из сферы информационно-компьютерных технологий и, следовательно, можно говорить о самодостаточности этих признаков для целей правовой идентификации смарт-контракта.

Актуальным становится и вопрос об источниках правового регулирования отношений с использованием смарт-контрактов.

Их можно разделить на две группы: национальное законодательство и международные акты. Возможно различие нормативных правовых актов, нормы которых направлены на регулирование отношений в сфере использования информационно-компьютерных технологий и смежных с ними областях, а с другой стороны, следует говорить о специальном законодательстве, нормы которого регулируют отношения гражданско-правового характера в контексте таких явлений, как цифровые права и смарт-контракт. В Гражданском кодексе Республики Беларусь ст. 128 содержит традиционный перечень объектов гражданских прав и нет указания на цифровые права, а нормы, регулирующие отношения, связанные с цифровизацией, содержатся в специальных нормативных правовых актах, прежде всего в Декрете Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. № 8. Так, в п. 2 данного Декрета содержится понятие токена. В Гражданском кодексе Республики Беларусь не было осуществлено структурирование норм на уровне отдельных глав или разделов, направленных на регулирование отношений, связанных с цифровизацией. Правовое регулирование отношений цифровизации и иных связанных с ними отношений обеспечивается как общими, так и специальными нормами гражданского законодательства.

В доктрине встречаются различные мнения относительно того, насколько применимы к смарт-контракту общие положения, касающиеся института сделки в гражданском праве, гражданско-правового договора, обязательств.

Предлагаются следующие характеристики смарт-контракта:

1. Смарт-контракт – это особая форма гражданско-правового договора.
2. Смарт-контракт – это способ автоматизации совершения сделки, исполнения договора.
3. Смарт-контракт – это компьютерная программа, связанная с исполнением обязательств.

Отмечается, что главная ценность смарт-контрактов – сделать обязательство самоисполняемым, снизить зависимость от воли и настроения контрагента – оставить ему меньше шансов не заплатить, скрыть важные факты, пропустить срок. Поскольку в основе смарт-контрактов программный код, его положения нельзя интер-

претировать двояко. Смарт-контракт освобождает человека от технических функций при исполнении обязательств по сделкам [9, с. 17].

Важно, что заключение хозяйственного договора, его элементы, содержание и ответственность при использовании смарт-контрактов зависят от качества программы (кода). Кроме того, возникают вопросы, касающиеся исполнения договорного обязательства. Например, всегда ли возможно использование смарт-контракта? Как функция автоматического списания денежных средств со счетов плательщика (покупателя) соотносится с условиями договора банковского счета и функциями банковского контроля? Каковы последствия того, что товар доставлен ненадлежащему получателю? Каким образом и будет ли учитывать программа (код) смену правообладателя в договорах, например, в договоре франчайзинга? Возможно ли, и если да, то каким образом внести изменения в условия смарт-контракта? Каковы правовые последствия сбоя и неполадок в программном обеспечении и в других элементах системы, обеспечивающих заключение и исполнение смарт-контрактов?

Малоисследованной остается тематика, относящаяся к содержанию смарт-контракта как гражданского правоотношения. В частности, обращается внимание на особенности действий субъектов права, в привязке к волеизъявлению и правовой науке. В частности, отмечается, что для возникновения прав и обязанностей по смарт-контракту, как и по любому другому договору, необходимо достичь соглашения, которое выражается в совпадающем волеизъявлении сторон. При этом необходимо отметить, что так как смарт-контракт является договором между отсутствующими сторонами, его заключение регулируется особыми нормами права. На практике в смарт-контрактах оферта представляет собой веб-страницу, которая содержит предложение заключить договор со ссылкой на программный код, подписанный закрытым ключом оферента и размещенный в распределенном реестре. Таким образом, веб-страница является определенной и полной, в том числе, содержит существенные условия договора, и может считаться офертой [10, с. 29]. В данном случае можно говорить о том, что с точки зрения привычных канонов договорного права такие традиционные юридические составляющие, как предложение заключить договор и принятие этого предложения, соответственно,

оферта и акцепт, формализуются, сохраняя свою правовую сущность и предназначение посредством нового способа выражения, основой которого являются информационно-компьютерные технологии. Однако при этом необходимо помнить, что предложение, признаваемое офертой, должно отвечать определенным требованиям, а именно: должно быть достаточно определенным и выражать явное намерение лица заключить договор; должно содержать все существенные условия договора (ст. 405 ГК; ст. 435 ГК РФ).

Говоря о смарт-контракте применительно к форме и условиям гражданско-правового договора как юридического документа, следует учитывать отклонение от привычных представлений и требований, содержащихся в Гражданском кодексе. Гражданско-правовой договор пишется на юридическом языке, называется конкретный документ, определяются стороны договора, формируется предмет договора, согласовываются права и обязанности сторон, предусматривается ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по договору и т. д. Что касается смарт-контракта, то при написании их чаще всего используют язык Solidity, который похож на JavaScript. В первой строчке указывается язык и его версия. Смарт-контракту дается название. Вводятся данные участников договора. Указывается адрес того, кто выполняет контракт в данный момент, и того, кто вызвал функцию. Далее приводится функция, при условии выполнения которой покупателю перечислят деньги [11, с. 13].

В диссертации Е. В. Зайнутдиновой предлагается вывод, с помощью которого предпринимается попытка приблизиться к ответам на многие вопросы о смарт-контракте. Автор считает, что смарт-контракт следует воспринимать как специальную договорную конструкцию [12, с. 68]. Представляется, что подобная позиция достаточно уязвима, поскольку, во-первых, с точки зрения классификации договоров в гражданском праве, здесь очевидно абстрагирование без учета видовой принадлежности исходя из предмета договора, т. е. смарт-контракт применим ко многим отношениям. Это может быть поставка, аренда, франчайзинг, хранение и т. д. Поэтому правильной выглядит позиция, согласно которой смарт-контракт – это новый способ заключения и исполнения гражданско-правовых договоров.

По мере развития информационных технологий правовые конструкции меняются, поскольку преобразуются регулируемые общественные отношения. Тем не менее, возникает вопрос о том, действительно ли информатизация или цифровизация преобразует общественные отношения. При глубоком осмыслении можно прийти к выводу о том, что сущность отношений остается, тем не менее неизменной, изменяются формы их существования или осуществления [13, с. 7].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Смарт контракт – это форма совершения сделок, которая не может ставить под сомнение классические признаки сделки, договора, обязательства.

2. Заключение и исполнение смарт-контрактов зависит от качества программного обеспечения и его поддержки.

3. Само по себе заключение смарт-контракта не означает, что будет отсутствовать необходимость в совершении сторонами юридически значимых действий. В зависимости от конкретной гражданско-договорной формы может быть потребность в совершении действий, относящихся к различным областям, например к сфере аффилированных лиц или в отношениях, затрагивающих правовой статус сторон, например, в договоре франчайзинга.

4. Представляется целесообразным разработку и принятие специального закона, нормы которого регулировали бы отношения в сфере использования смарт-контракта.

5. Гражданский кодекс необходимо дополнить нормами, касающимися формы сделок, когда сделки заключаются и исполняются с использованием информационно-компьютерных технологий.

Список использованных источников

1. *Суханов, Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк / Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2017. – 560 с.

2. *Богоненко, В. А.* Цифровые права в системе объектов гражданских прав (прелиминарные положения) / В. А. Богоненко // Теоретико-прикладные аспекты развития гражданского законодательства Республики Беларусь под влиянием цифровизации : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; под ред. О. А. Бакинской, М. В. Мещановой. – Минск : Колоград, 2022. – 399 с.

3. Теоретико-прикладные аспекты развития гражданского законодательства Республики Беларусь под влиянием цифровизации / Ю. А. Амельчя [и др.] ; под ред. О. А. Бакиновской. – Минск : Колорград, 2021. – 400 с.

4. *Ефимова, Л. Г.* Совершенствование теории денежных обязательств в эпоху цифровой экономики / Л. Г. Ефимова // Право и цифровая экономика. – 2022. – № 3(17). – С. 33–42.

5. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] : принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 17 янв. 2019 г. № 183-1/2019. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=181511#0gpNwETWaBFm5H4o>. – Дата доступа: 19.08.2022.

6. Применение методов искусственного интеллекта в юриспруденции : учеб.-метод. пособие / А. А. Оводенко [и др.]. – СПб.: ГУАП, 2022. – 74 с.

7. *Конобеевская, И. М.* Цифровые права как новый объект гражданских прав / И. М. Конобеевская // Известия Саратов. ун-та. Сер. Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19, вып. 3. – С. 330–334.

8. *Санникова, Л. В.* Правовая сущность новых цифровых активов / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонова // Закон. – 2018. – № 9. – С. 86–89.

9. *Вашкевич, А. М.* Смарт-контракты: что, зачем и как / А. М. Вашкевич. – М. : Симплоер, 2018 - 89 с.

10. *Лукоянов, Н. В.* Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов / Н. В. Лукоянов // Юридические исследования. – 2018. – № 11. – С. 28–35.

11. *Жуков, К. А.* Смарт-контракт в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / К. А. Жуков, А. И. Мартынюк. – Режим доступа: <http://elib.mitso.by/bitstream/edoc/642/1/12-15.pdf>. – Дата доступа: 07.02.2024.

12. *Зайнутдинова, Е. В.* Смарт-контракт в гражданском праве [Электронный ресурс] / Е. В. Зайнутдинова. – Режим доступа: https://research.sfu-kras.ru/sites/research.sfu-kras.ru/files/DissertaciyaZaynutdinova_E.V.pdf. – Дата доступа: 10.12.2022.

13. *Амельчя, Ю. А.* Некоторые аспекты смарт-контракта в законодательстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Ю. А. Амельчя. – Режим доступа: https://elib.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/4466/1/amelchenya.pdf. – Дата доступа: 07.02.2024.

**ДОГОВОРЫ
В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ**

Бузова Н. В.

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права,
ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»,
Новочеремушкинская ул., 69, 117418 Москва, Россия,
nbuzova@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена договорам, касающимся интеллектуальной собственности. Помимо договоров о распоряжении исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в статье рассматриваются договоры, связанные с созданием результатов интеллектуальной деятельности, договоры, связанные с предоставлением услуг в сфере интеллектуальной собственности и другие. Обращается внимание на некоторые проблемные аспекты правоприменения при исполнении договоров в данной сфере.

Ключевые слова: авторское право; исключительное право; лицензионный договор; программы для ЭВМ; смежные права.

**INTELLECTUAL PROPERTY CONTRACTS:
UNITY AND DIVERSITY**

Buzova N.

*PhD in Law, Associate Professor at the Department Business and Corporative Law,
Russian State University of Justice,
Novocheremushkinskaya Str., 69, 117418 Moscow, Russia,
nbuzova@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to contracts related to intellectual property. In addition to agreements on the disposal of the exclusive right to the results of intellectual activity or means of individualization, the article discusses contracts related to the creation of the results of intellectual activity, contracts related to the provision of services in the field of intellectual property and others. Attention is drawn to some problematic aspects of law enforcement in the execution of contracts in this area.

Keywords: copyright; exclusive right; license agreement; computer programs; related rights.

Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, объединяемые понятием «интеллектуальная собственность», в отношении которых в Российской Федерации признаются интеллектуальные права, в действующей редакции ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1], обозначены в качестве самостоятельных объектов гражданских прав. Поскольку такие объекты имеют нематериальную природу, то их способность быть элементами гражданского оборота затруднена. В этой связи оборотоспособными являются не сами охраняемые результаты и средства, а права на них и материальные носители, в которых выражены указанные объекты (п. 4 ст. 129 ГК РФ). Учитывая данную особенность, договорные отношения, касающиеся интеллектуальной собственности, заслуживают особого внимания. Условно обозначим эту группу договоров как договоры в сфере интеллектуальной собственности. Данная группа договоров характеризуется тем, что предмет этих договоров тем или иным образом связан с интеллектуальными правами.

В отличие от большинства типов гражданско-правовых договоров, положения о которых нашли отражение в части второй ГК РФ, договоры в сфере интеллектуальной собственности не имеют такой четкой упорядоченности. При заключении договоров данной группы следует обращаться как к общим положениям о договорах и обязательствах, так и к части второй, и к части четвертой ГК РФ.

Специалисты предлагают различные классификации договоров в сфере интеллектуальной собственности, в частности, Л. В. Санникова рекомендует выделять договоры, обеспечивающие оборот интеллектуальных прав [2], относя к ним договоры об отчуждении исключительных прав, о передаче исключительных прав, об оказании услуг в сфере интеллектуальной собственности, о представительстве и управлении.

При этом более удачной представляется классификация Е. А. Моргуновой, которая помимо договоров о распоряжении исключительным правом, в зависимости от целевой направленности среди договоров, касающихся интеллектуальной собственности, выделяет договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности, договоры, связанные с предоставлением услуг в сфере

интеллектуальной собственности, соглашения между создателями результатов интеллектуальной деятельности, а также договоры об осуществлении иных интеллектуальных прав [3, с. 87].

Говоря о договорных отношениях в сфере интеллектуальной собственности, как правило, останавливаются на договорах о распоряжении исключительным правом, к которым относят договор об отчуждении исключительным правом, лицензионный договор о предоставлении права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, договор о залоге исключительного права, договор коммерческой концессии. Также к договорам данной группы можно отнести договор продажи или аренды предприятия (соответственно ст. 559 и 656 ГК РФ) в тех случаях, когда в составе имущественного комплекса отчуждается исключительное право на коммерческое обозначение или соответственно предоставляется право на его использование. При этом Р. И. Ситдикова к договорам о распоряжении исключительными правами также относит и договор авторского заказа на создание произведения (ст. 1288 ГК РФ [4]) [5, с. 259]. С одной стороны, такой подход возможен, учитывая, что договор авторского заказа может предусматривать положение об отчуждении исключительного права либо предоставлении права использования (п. 2 ст. 1288 ГК РФ). С другой стороны, по целевому воздействию такой договор в большей степени направлен на создание произведения, что является и его предметом. И основной задачей исполнителя является создание такого произведения, которое бы соответствовало заявленным критериям заказчика. Таким образом, договоры авторского заказа следует отнести к другой группе договоров, направленных на создание результатов интеллектуальной деятельности, о которой будет упомянуто ниже.

Целесообразно отметить, что в отношении лицензионных договоров на отдельные результаты интеллектуальной деятельности предусмотрен ряд специальных положений, в том числе касающихся порядка их заключения. Например, в отношении произведений науки, литературы и искусства, программ для ЭВМ и баз данных, изобретений, промышленных образцов, полезных моделей и селекционных достижений, согласно ст. 1286.1, 1368 и 1429 ГК РФ,

возможно заключение лицензионного договора в упрощенном порядке (открытая лицензия).

Также особый порядок заключения лицензионных договоров предусмотрен для программ для ЭВМ и баз данных, которые ориентированы на массовое использование. Еще в п. 3 ст. 14 Закона Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» [6] предусматривались положения о так называемых «оберточных» лицензиях, предусматривающих особый способ заключения данных договоров [7, с. 90]. Типовые условия лицензионного договора излагались на передаваемых экземплярах программы для ЭВМ или базы данных (упаковке), и предполагалось, что, начиная использовать программу или базу данных, пользователь соглашался с условиями такого договора. После введения в действие части четвертой ГК РФ такие положения нашли отражение в п. 5 ст. 1286 ГК РФ в отношении лицензионных договоров на программы для ЭВМ и базы данных, которые продолжают заключаться в упрощенном порядке. Согласно положениям ст. 1286 ГК РФ начало использования программы для ЭВМ или базы данных является выражением согласия пользователем с заключением договора. При этом в настоящее время на практике непосредственно в упаковке экземпляр программы для ЭВМ или базы данных может отсутствовать. В ней может находиться только пароль доступа, а загрузка экземпляра таких объектов может осуществляться, например, с сервера или облачного хранилища правообладателя через информационно-телекоммуникационную сеть.

Кроме того, в последнее время широкое распространение получают договоры, на основании которых правообладатель, например, программы для ЭВМ или базы данных предоставляет пользователям за плату удаленный доступ к своему охраняемому результату через информационно-телекоммуникационную сеть, а пользователь использует такую программу или базу для осуществления своей предпринимательской или иной деятельности: составляет отчеты, ведет учет, производит расчеты, оформляет проекты. На практике пользователю предлагается заключить лицензионный договор о предоставлении права использования охраняемой программы или базы. Но являются ли в действительности такие до-

говоры лицензионными или содержат элементы различных договоров и носят смешанный характер? Согласно п. 1 ст. 1235 ГК РФ по лицензионному договору предоставляется право использования охраняемого результата в установленных договором пределах. Несмотря на то, что перечень способов использования, на которые распространяется исключительное право для объектов авторского права, не исчерпывающий, и правообладатель может использовать охраняемый результат способами, как предусмотренными, так и не указанными в п. 2 ст. 1270 ГК РФ. В настоящее время в отношении объектов авторского права в упомянутом выше пункте ст. 1270 ГК РФ законодатель постарался достаточно полно определить все возможные способы. В этой связи правообладатель и пользователь при заключении договора должны обозначить объем использования охраняемого результата в договоре. Однако фактически пользователь не осуществляет действий, перечисленных в п. 2 ст. 1270 ГК РФ. Сомнения возникают даже в отношении такого способа использования как воспроизведение, поскольку в соответствии с подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ воспроизведение предполагает изготовление экземпляра произведения или его части, а также запись на электронный носитель, в том числе в память ЭВМ. Однако копия программы для ЭВМ или базы данных на компьютерном устройстве пользователя не создается, а временная запись является частью технологического процесса. Данные пользователя, с которыми он работает, хранятся на сервере, в облачном хранилище или ином удаленном устройстве правообладателя, к которому пользователь получает доступ через информационно-телекоммуникационную сеть, например, на основе ссылки доступа и/или по представленному правообладателем паролю. В ГК РФ однозначно указано, что краткосрочная запись, которая носит временный характер и составляет неотъемлемую и существенную часть технологического процесса, имеющего единственной целью правомерное использование произведения либо осуществляемую информационным посредником между третьими лицами передачу произведения в информационно-телекоммуникационной сети, при условии, что такая запись не имеет самостоятельного экономического значения, не считается воспроизведением (подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ). Такие договорные отношения в большей степени

относится к договору о возмездном предоставлении услуг, чем к лицензионному договору.

Вместе с тем договорные отношения, затрагивающие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а также признаваемые в отношении них права гораздо шире указанной выше группы договоров. Ряд гражданско-правовых договоров может предусматривать создание результатов интеллектуальной деятельности в качестве основной или дополнительной цели их заключения. Охраняемые результаты могут являться целью осуществления совместных действий, объединения вкладов и организационных усилий по договору о совместной деятельности, они могут быть созданы в результате выполнения работ по договорам подряда, по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, как предусматривающих, так и не предусматривающих создание результатов интеллектуальной деятельности, государственных или муниципальных контрактов для государственных или муниципальных нужд, а также могут быть целью выполнения работ по договору авторского заказа и т. д.

Для данной группы договоров, связанных с созданием результатов интеллектуальной деятельности, важным условием, по которому сторонам следует достичь соглашения или определить последующий порядок его достижения, является распределение интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности и порядок их осуществления.

Однако если государственные контракты и договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ не требуют определения четких характеристик создаваемого в соответствии с ними объекта, то по договору авторского заказа отсутствие однозначного описания создаваемого объекта признается несогласованием предмета договора. Как отмечается в постановлении Суда по интеллектуальным правам, к числу существенных условий договора авторского заказа относится условие о предмете, то есть в договоре должно быть указано подлежащее созданию произведение, его форма, способ представления, ориентировочный объем и иные параметры, значимые для заказчика. Предмет договора должен быть индивидуализирован

таким образом, чтобы позволить определить конкретный результат, который должен быть создан автором произведения [8]. Таким образом, ввиду отсутствия сведений в отношении части произведений, которые должны быть созданы по договору авторского заказа, судебная коллегия Суда по интеллектуальным правам посчитала договор авторского заказа заключенным только в отношении тех объектов, которые были определены сторонами в соглашении [8].

В тех случаях, когда на основе договоров подрядного типа выполняются работы или по договорам об оказании услуг оказываются услуги, в результате которых создаются результаты интеллектуальной деятельности, стороны должны определить, какая из сторон заинтересована в последующем использовании результатов интеллектуальной деятельности и осуществлении контроля за использованием таких результатов. По общему правилу, ни договоры подрядного типа, ни договоры об оказании услуг не предполагают определение юридической судьбы интеллектуальных прав на результаты, которые могут быть созданы в результате действий по договору, и их передачу заказчику. При выступлении артиста-исполнителя на концерте им создается результат интеллектуальной деятельности в виде исполнения, и в тех случаях, если с ним заключается договор об оказании услуг посредством его выступления в период проведения концерта, организатору концерта, как стороне договора не переходят исключительные права на такое исполнение, также как не предоставляются права на использование, и он не может осуществлять запись и доведение до всеобщего сведения такого выступления, поскольку для осуществления таких действий требуется отдельное согласие исполнителя в соответствии со ст. 1317 ГК РФ.

При этом в ГК РФ установлены опровержимые презумпции, согласно которым исключительное право, а для объектов патентного права также и право на получение патента, признается за подрядчиком (исполнителем), если договором не предусмотрено иное. Исключения составляют результаты интеллектуальной деятельности, созданные при выполнении государственного или муниципального контракта, которые непосредственно связаны с обеспечением обороны и безопасности, а также созданные при выполнении государственного или муниципального контракта за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации

либо местного бюджета. В отношении таких результатов в соответствии со ст. 1240.1 ГК РФ предусмотрен особый порядок признания интеллектуальных прав за Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации и муниципальным образованием, от имени которых выступает государственный или муниципальный заказчик.

Также результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации могут являться элементами договоров на оказание юридических услуг, например, договора доверительного управления. К этой же категории можно отнести договоры о передаче полномочий по управлению авторскими или смежными правами, заключаемые между авторами или иными правообладателями и организациями по управлению авторскими или смежными правами на коллективной основе (ст. 1242 ГК РФ). Такие договоры могут заключаться как с лицами, являющимися членами организаций по коллективному управлению, так и не являющимися таковыми. Они могут касаться как всех охраняемых результатов определенного автора или иного правообладателя, так и отдельных произведений, и распространяться на все способы использования или только на некоторые, определенные договором; исключение составляет управление аккредитованными организациями на коллективной основе правами, определенными в ст. 1244 ГК РФ. Несмотря на определенную схожесть данного договора с договором о доверительном управлении, специалисты выделяют его в отдельную категорию, особую разновидность договора об оказании услуг [9, с. 115]. К таким договорам не применяются положения о договорах об отчуждении исключительного права и лицензионных договорах.

В ряде случаев договоры, касающиеся результатов интеллектуальной деятельности, которые заключают стороны, носят смешанный характер и содержат элементы различных договоров. И при возникновении спорных ситуаций между создателями суды анализируют не только отдельные условия таких договоров, но и их правовую природу, поскольку от последней могут зависеть правовые последствия их неисполнения или ненадлежащего исполнения. Применение судами общих положений о договорах и обязательствах в отношении договоров, касающихся результатов интеллектуальной

деятельности, является недостаточным для полного и всестороннего рассмотрения спора.

Следует учитывать разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, приведенные в п. 47 постановления Пленума от 25 декабря 2018 г. № 49 [10], согласно которым при квалификации договора для решения вопроса о применении к нему правил об отдельных видах договоров (подп. 2 и 3 ст. 421 ГК РФ) необходимо прежде всего учитывать существо законодательного регулирования соответствующего вида обязательств и признаки договоров, предусмотренных законом или иным правовым актом, независимо от указанного сторонами наименования квалифицируемого договора, названия его сторон, наименования способа исполнения и т. п.

Так, два физических лица заключили договор, который назвали договором о творческом сотрудничестве авторов произведения. Они обязались объединить свои материальные и иные ресурсы для совместной деятельности, направленной на создание в соавторстве программного обеспечения. Однако если в обязанности первого лица входило создание программного обеспечения, второе должно было произвести финансирование и нести все расходы, связанные с созданием программного обеспечения, участвовать в разработке маркетинговой стратегии, целью которой является привлечение пользователей, участвовать в ее реализации и обновлении. Поскольку первое лицо не исполнило, по мнению второго, обязательства по договору в полном объеме, последнее обратилось в суд с требованием о взыскании убытков [11]. Как отметил в своем определении суд кассационной инстанции, суды первой и апелляционной инстанции осуществили произвольную оценку условий договора о творческом сотрудничестве авторов произведения, в нарушение правил ст. 431 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [12], не определили его предмет, выборочно приняли во внимание отдельные условия договора о правах и обязанностях сторон в отсутствие приведения соответствующих мотивов, не установили правовую природу договора и действительный характер спорных правоотношений, являлись ли переданные денежные средства платой по договору за исполнение обязательства, ненадлежащее

исполнение которого повлекло возникновение у другой стороны убытков в их размере, либо вкладом в общее дело.

Судам следовало установить, относится ли заключенный сторонами договор к договорам о совместной деятельности или к договору авторского заказа. В том случае, если из содержания договора невозможно установить, к какому из предусмотренных законом или иными правовыми актами типу (виду) относится договор или его отдельные элементы (непоименованный договор), права и обязанности сторон по такому договору устанавливаются исходя из толкования его условий (п. 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49).

Таким образом, несмотря на то, что охраняемые результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации не являются оборотоспособными, именно эти объекты гражданских прав с учетом их нематериальной природы позволяют выделить ряд договоров в отдельную группу. К данной группе договоров могут быть отнесены договоры как относящиеся к другим категориям (например, договоры на выполнение работ, договоры об оказании услуг), так и договоры, заключаемые только в сфере интеллектуальной собственности в отношении интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации и не характерные для других объектов гражданских прав (в частности, договор об отчуждении исключительного права, лицензионный договор). В сфере интеллектуальной собственности следует отметить разнообразие договорных отношений, которые связаны как с созданием результатов интеллектуальной деятельности, распоряжением исключительным правом, управлением или осуществлением интеллектуальными правами на такие результаты и приравненные к ним средства индивидуализации.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая), 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Договоры, обеспечивающие оборот исключительных прав / под ред. Л. В. Санниковой. – М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 2018. – 184 с.
3. Интеллектуальная собственность: проблемы судебной защиты / М. М. Карелина [и др.]. – М. : РГУП, 2019. – 295 с.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая), 18 дек. 2006 г., № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (часть I). – Ст. 5496.

5. *Ситдикова, Р. И.* Договоры о распоряжении исключительными правами / Р. И. Ситдикова // Право, экономика и управление: актуальные вопросы : сб. материалов Всерос. науч.-практич. конф. с международным участием. – Чебоксары, 2020. – С. 259–262.

6. О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных : Закон Российской Федерации, 23 сент. 1992 г., № 3523-1 // Российская газета. – 20 окт. 1992 г.

7. *Подшибихин, Л. И.* Правовая охрана программ для ЭВМ / Л. И. Подшибихин. – М. : ИНИЦ «ПАТЕНТ», 2020. – 152 с.

8. Постановление Суда по интеллектуальным правам, 30 апр. 2021 г., дело № А56-55407/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс. – М., 2024.

9. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв ред. Е. А. Павлова. – М. : ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2018. – 928 с.

10. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 25 дек. 2018 г., № 49. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/own/27540/?ysclid=lsj9tyl713103339255>. – Дата доступа: 12.02.2024.

11. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции, 16 марта 2023 г., дело № 88-5936/2023; 50RS0031-01-2022-003053-74 (№ 2-3882/2022) 2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс. – М., 2024.

12. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, 14 нояб. 2002 г., № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

СЛУЧАЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В РЕГУЛИРОВАНИИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вартанян А. М.

*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель декана юридического факультета, учреждение образования
«Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
пер. Доватора, 3/1, 230000 Гродно, Беларусь,
vartanyan_am@grsu.by*

Аннотация. Раскрыто понятие и значение такой гражданско-правовой категории как «случай» в регулировании договорных отношений. Отмечается недостаточное внимание, уделяемое в юридической литературе случаю как обстоятельству, оказывающему влияние на возможность надлежащего исполнения обязательств. Сделаны выводы о влиянии случая на распределение рисков между сторонами договора, а также диспозитивном характере норм, регламентирующих такие правоотношения.

Ключевые слова: случай; казус; договорное обязательство; надлежащее исполнение обязательства; непреодолимая сила.

THE CASE AND ITS IMPORTANCE IN THE REGULATION OF CONTRACT RELATIONS

Vartanian A.

*PhD in Law, Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Law,
Yanka Kupala State University of Grodno,
Lane Dovatora, 3/1, 230000 Grodno, Belarus,
vartanyan_am@grsu.by*

Abstract. The concept and meaning of such a civil law category as «case» in the regulation of contractual relations is revealed. It is noted that insufficient attention is paid in the legal literature to the case as a circumstance that affects the possibility of proper fulfillment of obligations. Conclusions are drawn about the impact of the case on the distribution of risks between the parties to the contract, as well as the dispositive nature of the norms governing such legal relations.

Keywords: case; incident; contractual obligation; proper performance of the obligation; force majeure.

Как известно, наиболее благоприятным основанием прекращения договорных обязательств является их надлежащее исполнение. Однако, как показывает практика, нередко возникают ситуации, при которых сторона договора не в состоянии исполнить надлежащим образом принятые на себя по договору обязательства по причинам, от нее не зависящим. Кроме того, не зависящие от сторон договора обстоятельства могут в целом повлиять как на характер исполнения обязательств, так и на последствия, которые возникают в связи с их неисполнением. Одной из центральных категорий гражданского права, оказывающих влияние на возможность надлежащего исполнения договорных обязательств, наряду с непреодолимой силой, является случай. При этом если непреодолимой силой как гражданско-правовой категории в научной литературе уделено достаточно много внимания, то такая категория как «случай» в цивилистической сфере остается малоисследованной. В связи с этим представляется актуальным раскрыть содержание понятия «случай» и его значение в регулировании договорных отношений.

Как показывает правоприменительная практика, на возможность надлежащего исполнения обязательств может оказывать влияние целый ряд факторов: политических, экономических, социальных и др. Особенно это проявляется в современных условиях, характеризующихся нестабильными экономическими отношениями, ограничительными мерами экономического, политического, социального и чрезвычайного характера. В этой связи важным представляется разграничение подобных факторов в зависимости от того, насколько они могут оказать влияние на возможность надлежащего исполнения принятых на себя стороной договора обязательств, насколько возникновение или преодоление наступивших последствий зависит от воли стороны того или иного договора.

Категория случая (*casus*) была известна еще в период римского права. Под случаем (*казусом*) римские юристы понимали то, что заранее никто не мог предвидеть. При этом римские юристы разграничивали простой случай и так называемый *casus maior – vis minor* (непреодолимую силу). Непреодолимая сила рассматривалась как случай, который невозможно предотвратить, которому невозможно противостоять (*casus cui resisti non potest*).

Кроме того, следует отметить, что для всестороннего раскрытия понятия «случай» необходимо проанализировать существующие подходы не только в юридической науке, но и в философии. Философско-правовая проблематика в юридической науке играет особую роль, так как порой для раскрытия сущности тех или иных правовых категорий одних лишь юридических средств познания недостаточно, что обуславливает необходимость применения философских подходов к уяснению общего смысла того или иного правового явления с учетом специфики его применения в определенной сфере правовых отношений. Не является исключением и такая категория как «случай».

Так, например, немецкий философ Гегель писал: «Случайное есть вообще лишь нечто такое, что имеет основание своего бытия не в самом себе, а в другом. Это тот образ, в котором действительность первоначально предстает сознанию и который часто смешивают с самой действительностью. Случайность, однако, есть действительное лишь в односторонней форме рефлексии в другое, или, иными словами, есть действительное в значении чего-то лишь возможного. Мы соответственно этому рассматриваем случайное как нечто такое, что может быть и может также и не быть, может быть тем или иным, чье бытие или небытие, бытие того или иного рода имеет свое основание не в нем самом, а в другом» [1, с. 318–319].

То есть, под случайностью Гегель понимал внешнюю сторону действительности, нечто такое, относительно чего нельзя с достоверностью утверждать, наступит оно или нет.

В более поздних работах фигурирует подход, в соответствии с которым случайности могут быть внутренние и внешние. Так, И. В. Пилипенко различает внутренние и внешние случайности. По его мнению, именно первый вид, т. е. «... те случайности, которые органически связаны с необходимостью, которые вызваны действием внутренних факторов... являются казусом» [2, с. 10].

Таким образом, философский подход к определению случая характеризуется возможностью влияния на случайность тех либо иных событий как внутренних, так и внешних факторов. Однако, на наш взгляд, данный подход не приемлем при определении случайности обстоятельств в сфере договорных отношений.

Случай как гражданско-правовая категория не раз упоминается в нормах Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих отдельные виды договоров.

В соответствии со ст. 212 ГК случайные гибель, порча или повреждение имущества влекут негативные последствия имущественного характера лишь для собственника вещи, если только иное не предусмотрено законодательством или соответствующим договором. В данной норме ГК риски распределены с учетом степени влияния лица, у которого находится вещь в соответствии с заключенным договором (владельцем вещи), на сохранность и состояние этой вещи. Если негативное имущественное воздействие на вещь вызвано некими объективными (внешними) факторами, то, несмотря на фактическое нахождение вещи у стороны по договору, ответственность за повреждение такой вещи эта сторона не несет, так как вины ее в наступлении этих последствий нет.

В рамках отдельных видов договоров данное положение нашло свое развитие и подтверждение. Так, в соответствии с п. 1 ст. 325 ГК залогодатель несет риск случайной гибели или случайного повреждения заложенного имущества, если иное не предусмотрено договором о залоге. Учитывая, что, как правило, залогодатель является собственником предмета залога, это правило вытекает из ранее упомянутой общей нормы ГК.

Упоминание вины стороны в договоре как одного из условий, влияющих на ответственность за случайное повреждение вещи, являющейся предметом договора, хоть и указывает на учет вины при определении случайности возникновения негативных последствий, не может выступать в качестве общего подхода ко всем видам договорных обязательств. Об этом свидетельствует норма ГК, содержащаяся в п. 1 ст. 376, в соответствии с которой должник, просрочивший исполнение, отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой, и за последствия случайно наступившей во время просрочки невозможности исполнения. Здесь законодатель указал на случай как дополнительную меру стимулирования своевременного исполнения должником обязательства, так как после допущенной им просрочки придется отвечать даже

за возникшую случайно невозможность исполнения обязательства. То есть правило о привязке вины лица к случайности обстоятельств, не позволивших исполнить обязательство, в данном случае не действует.

Что касается норм об отдельных видах договорных обязательств, то «случай» упоминается в некоторых из них неоднократно.

В общих положениях о купле-продаже (ст. 429 ГК) закреплена норма, в соответствии с которой риск случайной гибели или случайного повреждения товара переходит на покупателя с момента, когда в соответствии с законодательством или договором продавец считается исполнившим свою обязанность по передаче товара покупателю. Здесь также просматривается связь с общей нормой ГК, возлагающей риски случайной гибели, порчи или повреждения имущества на собственника такого имущества, так как по общему правилу право собственности на проданный товар переходит на покупателя с момента передачи ему товара продавцом.

Аналогичная ситуация складывается в отношении имущества, переданного в составе предприятия как имущественного комплекса на основании договора купли-продажи предприятия (п. 2 ст. 534 ГК).

Несколько иначе подошел законодатель к вопросу распределения рисков при случайной гибели имущества, переданного под выплату постоянной ренты. Учитывая специфику данного вида договора ренты, а именно, возможность передачи имущества под выплату ренты за определенную плату или бесплатно, законодатель в зависимости от этого условия распределил и риски случайной гибели или случайной порчи, повреждения имущества. В целях защиты имущественных интересов сторон при оплате стоимости переданного под выплату ренты имущества плательщиком ренты, при случайной гибели или повреждении такого имущества он вправе требовать соответственно прекращения обязательства по выплате ренты либо изменения условий ее выплаты. При бесплатном получении имущества по договору постоянной ренты указанные риски несет сам плательщик ренты (ст. 566 ГК).

Однако даже в рамках общего по правовой природе договорного правоотношения случай может порождать разные правовые послед-

ствия. Это касается договора пожизненной ренты, в соответствии с которым случайная гибель или случайное повреждение имущества, переданного под выплату пожизненной ренты, не освобождают плательщика ренты от обязательства выплачивать ее на условиях, предусмотренных договором пожизненной ренты (ст. 571 ГК).

Примером того, когда несобственник несет риск случайной гибели или случайной порчи имущества является договор лизинга. Законодателем в ст. 640 ГК определено, что риск случайной гибели или случайной порчи арендованного имущества переходит к арендатору (лизингополучателю) в момент передачи ему арендованного имущества, если иное не предусмотрено договором финансовой аренды.

Схожая ситуация складывается и в отношении имущества, переданного в рамках договора безвозмездного пользования (ссуды). При этом законодатель закрепил дополнительное условие для возложения риска случайной гибели или случайного повреждения полученной в безвозмездное пользование вещи – вещь погибла или была испорчена в связи с тем, что ссудополучатель использовал ее не в соответствии с договором безвозмездного пользования или назначением вещи, передал ее третьему лицу без согласия ссудодателя, а также если с учетом фактических обстоятельств мог предотвратить ее гибель или порчу, пожертвовав своей вещью, но предпочел сохранить свою вещь (ст. 650 ГК).

Еще одним случаем разграничения рисков между сторонами договора, в основу которого положены случайная гибель или повреждение имущества, является договор подряда. В рамках данного договора риск случайной гибели или случайного повреждения материалов, оборудования, переданной для переработки (обработки) вещи или иного используемого для исполнения договора имущества несет предоставившая их сторона, а риск случайной гибели или случайного повреждения результата выполненной работы до ее приемки заказчиком несет подрядчик (ст. 659 ГК). При этом если уклонение заказчика от принятия выполненной работы повлекло за собой просрочку в сдаче работы, риск случайной гибели ее признается перешедшим к заказчику в момент, когда передача вещи должна была состояться.

В рамках подряда на выполнение проектных и изыскательских работ законодатель, если иное не предусмотрено законодательством или договором, риск случайной невозможности исполнения договора возлагает на заказчика (п. 2 ст. 713 ГК).

Аналогичная норма закреплена в п. 3 ст. 723 ГК, в соответствии с которой, если иное не предусмотрено законодательством или договором, риск случайной невозможности исполнения договоров на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ несет заказчик.

Особое значение случай приобретает в рамках договора страхования, так как является одной из основополагающих категорий для характеристики страхового правоотношения. Это обусловлено тем, что предполагаемое событие, от наступления которого производится страхование, должно обладать таким признаком как «случайность», то есть его наступление не должно зависеть от воли страхователя. Кроме того, именно наступление страхового случая порождает возникновение у страховщика обязанности произвести страховую выплату страхователю (выгодоприобретателю).

В этой связи видится некорректным использование термина «случай» в ст. 853 ГК в предложенном контексте: «Страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения или страхового обеспечения, если страховой случай наступил вследствие умысла страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица...», так как, по сути, данные обстоятельства случаев являются не будут в связи с тем, что наступили по воле страхователя, а не в результате независимых от него, объективных обстоятельств.

Выше приведены все нормы, упоминающие «случай» в рамках того или иного вида договора, закреплённого в ГК.

Однако следует учитывать, что в гражданском законодательстве закреплён ещё один термин, который по своему смысловому содержанию достаточно близок к случаю как правовой категории – «непреодолимая сила». В этой части могут возникать сложности гражданско-правовой квалификации действий, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных обязательств, которые наступили вследствие непреодолимой силы, что обусловлено

закреплением в гражданском законодательстве такого схожего по своему содержанию правового явления как случай (казус).

Случай и непреодолимая сила во многом схожие правовые категории, которые разграничить лишь по формальным признакам не представляется возможным.

Анализ норм ГК, содержащих такие правовые категории как «случай» и «непреодолимая сила», позволяет прийти к следующему выводу: правовая категория «непреодолимая сила» направлена на исключение возможности привлечения лица к гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе договорного. При соответствии признакам чрезвычайности и непредотвратимости при данных условиях обстоятельство может быть признано непреодолимой силой и, соответственно, исключать ответственность.

Иное предназначение видится у правовой категории «случай». Исходя из норм ГК, упоминающих случай, можно констатировать, что данная правовая категория призвана не освобождать от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, а распределять риски неблагоприятных для сторон обязательства последствий имущественного характера с целью предотвращения правовой неопределенности [3, с. 81].

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

1) говоря о случае как гражданско-правовой категории в сфере договорных отношений, можно утверждать, что под ним следует понимать обстоятельства (внутреннего либо внешнего характера), наступление которых не зависит от воли сторон договора, и которые могут оказать влияние на возможность надлежащего исполнения договорных обязательств;

2) такая правовая категория как «случай», в отличие от непреодолимой силы, призвана не освобождать от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства, а распределять риски неблагоприятных для сторон договора последствий имущественного характера с целью предотвращения возникновения в связи с этим правовой неопределенности;

3) анализ норм ГК, регламентирующих отдельные виды договоров, указывает на то, что нормы, в которых случай оказывает влияние на порядок распределения рисков неблагоприятных последствий имущественного характера между сторонами договора, в своем абсолютном большинстве носят диспозитивный характер, что позволяет сторонам договора иначе урегулировать отношения, связанные с распределением таких рисков, что в свою очередь не позволяет относить случай к безусловным основаниям освобождения от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорного обязательства.

Список использованных источников

1. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель : в 3 т. – М. : Мысль, 1974. – Т. 1 : Наука логики. – 452 с.

2. Пилипенко, И. В. Проблема необходимости и случайности в философии и естествознании : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / И. В. Пилипенко ; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС ; Каф. философии. – М., 1966. – 38 с.

3. Вартамян, А. М. О соотношении понятий «непреодолимая сила» и «случай» в гражданском праве / А. М. Вартамян // Состояние, проблемы и перспективы развития юридической науки и практики: белорусский и зарубежный опыт : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2021. – С. 78–82.

УДК 366.542(091)

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ДОГОВОРА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ И МОДЕЛИ ЕГО НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Горуна Т. А.

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
юридический факультет, учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
б-р Космонавтов, 21, 224016 Брест, Беларусь,
gorupa.brsu@mail.ru*

Аннотация. В статье автор рассматривает потребительский договор как отдельную группу договоров, имеющих особый субъектный состав, цель и особый порядок защиты нарушенных прав. Определены общие черты национальной модели нормативного закрепления потребительского договора. Рассмотрены отдельные зарубежные модели нормативного закрепления потребительского договора на примере законодательства стран Евразийского экономического союза и некоторых стран Европейского союза. Автор приходит к выводу, что именно национальный закон «О защите прав потребителей» должен дополняться нормами, определяющими единые подходы к институту потребительского договора.

Ключевые слова: потребитель товаров (работ, услуг); защита прав потребителей; потребительский договор; публичный договор.

FEATURES OF CONSUMER CONTRACT IN THE SYSTEM OF CIVIL LAW CONTRACTS AND MODELS OF ITS NORMATIVE FIXATION

Harupa T.

*PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines, Faculty of Law,
Brest State University named after A. S. Pushkin,
Boulevard Kosmonavtov, 21, 224016 Brest, Belarus,
gorupa.brsu@mail.ru*

Abstract. In the article, the author considers a consumer contract as a separate group of contracts that have a special subject matter, purpose and special

procedure for protecting violated rights. The general features of the national model of normative consolidation of the consumer contract are identified. Certain foreign models of normative consolidation of a consumer contract are considered, using the example of the legislation of the countries of the Eurasian Economic Union and some countries of the European Union. The author comes to the conclusion that it is the national law «On the Protection of Consumer Rights» that should be supplemented with rules defining uniform approaches to the institution of consumer contracts.

Keywords: consumer of goods (works, services); protection of consumer rights; consumer contract; public contract.

Гражданские правоотношения с участием потребителей возникают в том числе на основании договора как юридического факта и соответственно влекут появление прав и обязанностей для его сторон. Данные правоотношения отличаются спецификой ввиду признания потребителя товаров (работ, услуг) слабой стороной договора, не обладающей потенциалом (организационным, финансовым, информационным и т. д.), имеющимся у контрагентов, для которых их деятельность по продаже товаров (оказанию услуг, выполнению работ) является профессиональной и очень часто предпринимательской. Данное положение вещей вынуждает законодателей всех стран предоставлять гарантии реализации и защиты своих прав слабой стороне. Однако это приводит нас к выводу о наличии в законодательстве отступлений от классических принципов гражданского права – равенства сторон, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, исследованных в трудах отечественных ученых.

Так, профессор В. Н. Годунов считал оправданным «установление пределов свободного усмотрения сторон при заключении гражданско-правовых договоров», а наличие публичных договоров в законодательстве демонстрирует как раз пример «ограничения принципа свободы договора» [1, с. 482]. В свою очередь профессор Н. Л. Бондаренко также указывает на наличие в отдельных гражданских отношениях конфликта «между частноправовой природой договорных отношений субъектов гражданского права и стремлением законодателя реализовать социальную функцию гражданского права» [2, с. 7].

Принцип социального регулирования экономической деятельности и обуславливает стремление законодателей защитить слабую сторону обязательственных отношений – потребителя товаров (работ, услуг), который «в силу специфики фактически складывающихся правоотношений не может в полной мере оценить и осмыслено принять возможные негативные последствия, возникающие в результате принятия и исполнения соответствующих обязанностей» [3, с. 40].

Отечественные ученые последние несколько десятков лет уделяют пристальное внимание потребительской тематике. Еще в 1995 г. профессор В. Н. Годунов с коллективом авторов написали первый комментарий к закону Республики Беларусь «О защите прав потребителей» [4]. Эту тему продолжают разрабатывать и современные цивилисты. Так, к примеру, М. В. Мещанова [5] и Л. В. Царева [6] исследуют вопросы коллизионного регулирования данной тематики. Вместе с тем конструкция потребительского договора в национальной системе гражданско-правовых договоров освещается фрагментарно, авторы концентрируются на исследованиях отдельных видов договоров с участием потребителей в различных сферах (торговля, бытовое обслуживание, жилищно-коммунальное хозяйство, туризм и т. д.), отсутствуют публикации относительно теоретической сущности данного явления, места договора в системе гражданско-правовых договоров.

Вопрос выделения потребительского договора как типа гражданско-правового договора является предметом современных дискуссий. Представляется, что по данному вопросу будет уместным вспомнить наследие профессора В. Н. Годунова относительно сущности предпринимательских договоров, которые «составляют группу гражданско-правовых договоров, опосредующих осуществление предпринимательской (хозяйственной, коммерческой) деятельности. ... Вместе с тем выделение предпринимательских договоров имеет значение как для целей их исследования, так и правового регулирования» [7].

Безусловно главным аргументом в пользу признания потребительского договора как отдельной группы гражданско-правовых договоров, требующей выработки единых доктринальных подходов,

являются его особенности, которые диктуют и специфику гражданско-правового регулирования.

Во-первых, спецификой отличаются стороны потребительского договора – это потребитель товаров (работ, услуг) и продавец (исполнитель).

Закон Республики Беларусь «О защите прав потребителей товаров (работ, услуг)» определяет ряд признаков потребителя:

- это исключительно физическое лицо;
- физическое лицо приобретает товары (работы, услуги) или имеет намерение их приобрести или использует их;
- товары (результаты работ, услуг), приобретаются, используются потребителем исключительно для целей, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Следует отметить, что дефиниция «потребитель» является идентичной для многих стран мира в виду ее закрепления в п. 3 Руководящих принципов по защите прав потребителей, утвержденных Генеральной Ассамблеей ООН 22 декабря 2015 г., как «физическое лицо, независимо от его гражданства, действующее в первую очередь для личных, семейных или домашних нужд, хотя за государствами-членами признается право устанавливать иные определения с учетом конкретных национальных потребностей».

И практика ЕС в этом вопросе показывает как раз иные подходы. Так, в одном из прецедентных решений по делу C-329/19 *Condominio di Milano* Суд ЕС подтвердил, что понятие «потребитель» может быть расширено национальным прецедентным правом таким образом, что его нормы применяются к договору между продавцом и субъектом права, который не является физическим лицом. В частности, это «кондоминиум» (ассоциация совладельцев) в итальянском праве, несмотря на то что такой субъект не подпадает под сферу применения Директивы 93/13/ЕЭС от 5 апреля 1993 г. о несправедливых условиях потребительских договоров, которая дает определение потребителя [8].

Контрагент потребителей – продавец либо исполнитель, в договоре тоже имеет специфику. В контексте смысла потребительского законодательства, рассмотренного выше, потребитель не обладает ресурсами противоположной стороны, поэтому требуется его за-

щита. Соответственно, его контрагентами будут субъекты предпринимательской деятельности, профессионально занимающиеся деятельностью по продаже товаров, выполнению работ и услуг. На постсоветском пространстве практически все страны СНГ, благодаря рекомендательному законодательному акту от 13 мая 1995 г. «Об общих принципах регулирования защиты прав потребителей в государствах – участниках Межпарламентской Ассамблеи» определяют продавцов, изготовителей, исполнителей как юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Аналогично и Протокол № 13 «О проведении согласованной политики в сфере защиты прав потребителей», являющийся Приложением к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., определяет, что к продавцам, изготовителям, исполнителям относятся исключительно «организация независимо от формы (вида) собственности, а также физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя».

Вместе с тем национальный Закон «О защите прав потребителей» достаточно расширительно формулирует контрагентов потребителя – это не только юридические лица и индивидуальные предприниматели, но и ремесленники, лица, оказывающие услуги в сфере агроэкотуризма, и лица, разово реализующие товары в установленных местах. На наш взгляд, такое широкое понимание контрагентов потребителей не согласуется с целями потребительского законодательства.

Во-вторых, спецификой отличаются цели потребительского договора. Так, потребитель приобретает товар (результат работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

В-третьих, формы защиты нарушенных прав потребителей обладают спецификой – используются не только средства гражданско-правовой, но и административно-правовой защиты нарушенных прав.

Данные три черты, пожалуй, ярче всего характеризуют особенности потребительского договора. Вместе с тем выделим и другие, дополнительные.

В-четвертых, потребительский договор по юридической природе может быть исключительно возмездным. Это подтверждается

п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 4 июня 2010 г. № 4 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей», в котором перечисляются гражданско-правовые договоры, на которые распространяется действие законодательства о защите прав потребителей.

Кроме того, потребительский договор, как правило, является публичным и договором присоединения.

В-пятых, в потребительском договоре установлен особый порядок осуществления преддоговорных отношений, заключающийся в надлежащем (своевременном, полном, достоверном) предоставлении потребителю информации о товарах (работах, услугах) и их продавцах (исполнителях, изготовителях).

В-шестых, потребитель имеет право на односторонний отказ от исполнения договора, за исключением случаев, специально оговоренных законодательством, когда такой отказ не допускается либо допускается с определенными условиями.

Национальный закон «О защите прав потребителей» фактически подтверждает существование двух видов потребительского договора: по передаче товаров, особенности которого содержатся в главе 3 «Защита прав потребителя при реализации ему товара», и по выполнению работ и оказанию услуг, правовое регулирование которых закреплено в главе 4 «Защита прав потребителя при выполнении работ (оказании услуг)». Таким образом, закон систематизирует нормы, регулирующие договорные потребительские отношения, делит их в зависимости от предмета договора (товар, работы и услуги как действия) и вида обязательства (по отчуждению имущества, по выполнению работ, по оказанию услуг). Тем самым закон заложил основы выделения на данный момент группы договоров с определенными участниками и целями – потребительского договора, но надо признать, что эта группа имеет свою систему с выделением собственных видов договоров (по передаче товаров, по выполнению работ (оказанию услуг)).

Следуя логике построения нормативной системы потребительских договоров, поставим вопрос: должен ли закон «О защите прав потребителей» содержать нормы, определяющие особенности

правового регулирования отдельных договоров, относящихся к одному из типов, имеющих закрепление в Гражданском кодексе либо другом кодексе, законе?

Национальная модель правового регулирования потребительского договора строится по формуле, определенной п. 1 ст. 3 Закона: «отношения в области защиты прав потребителей регулируются Гражданским кодексом Республики Беларусь, настоящим Законом и иным законодательством...». Анализ национального законодательства показывает расслоение договорных отношений потребителей, их регулирование как на уровне Гражданского кодекса (договор бытового подряда, §2 главы 37 Гражданского кодекса), так и различных законов: «О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг» от 16 июля 2008 г. № 405-3 (ст. 15 – договор на оказание жилищно-коммунальных услуг), «О туризме» от 11 ноября 2021 г. № 129-3 (ст. 22 – договор оказания туристических услуг) и др.

Более того, имеется и ряд подзаконных актов, определяющих особенности порядка заключения, исполнения потребительских договоров. Такие особенности содержат, в частности, Правила бытового обслуживания потребителей, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 декабря 2004 г. № 1590, Правила продажи при осуществлении дистанционной торговли, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 января 2009 г. № 31.

Зарубежные модели правового регулирования договорных отношений потребителей демонстрируют различные подходы.

Государства постсоветского пространства, которые создавали свое законодательство на основании модельных законов СНГ, в целом имеют подходы, аналогичные отечественным. Так, к примеру, и Российская Федерация, и Казахстан договорные отношения регулируют Гражданскими кодексами, Законами «О защите прав потребителей», специальными законами и подзаконными актами. Отличительной особенностью российского закона «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 является закрепление в ст. 26.1 договора розничной купли продажи дистанционным способом и в ст. 16 – недопустимых условий договора, ущемляющих права потребителя, запреты и обязанности, налагаемые

на продавца (исполнителя, владельца агрегатора), а также наличие отдельного Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ, что в принципе схоже с европейскими примерами, которые будут рассмотрены ниже.

Зарубежное законодательство также активно модернизируется с учетом новых вызовов для гражданского оборота, демонстрируя новые подходы в регулировании договорных отношений с участием потребителей. В Европейском союзе на протяжении последних двадцати лет был принят ряд директив, регулирующих в том числе и договорные отношения. Это Директива Совета Европейских Сообществ от 5 апреля 1993 г. № 93/13/ЕЭС «О несправедливых условиях в Договорах с потребителями», Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2000/31/ЕС от 8 июня 2000 г. «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции» (Директива об электронной коммерции), Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2008/48/ЕС от 23 апреля 2008 г. «О договорах потребительского кредитования», Директива Европейского Парламента и Совета Европейского союза 2018/1972 от 11 декабря 2018 г. «Об установлении Европейского Кодекса электронных коммуникаций» и др.

Государства – члены ЕС в соответствии с вышеназванными директивами гармонизируют свое гражданское законодательство. В результате гражданские кодексы, законы о защите прав потребителей государств – членов ЕС дополняются нормами о несправедливых условиях договоров, дистанционных договорах, договорах потребительского кредита и т. д.

В прибалтийских странах, в Республике Польша договорные потребительские отношения регулируются либо на уровне Гражданского кодекса (ст. 6.188 закрепляет 18 несправедливых условий потребительского договора; ст. 6.350 – 6.370 определяют особенности потребительской купли продажи; ст. 6.504–6.510 – особенности потребительской аренды ГК Литовской Республики от 18 июля 2000 г. № VIII-1864), либо на уровне специального закона, регулирующего договорные отношения в гражданском обороте (Обязательно-правовой закон Эстонии от 26 сентября 2001 г.

RT I 2001, 81, 487 закрепляет коммивояжерский договор в ст. 46–51, договоры, заключенные при помощи средств связи, в ст. 52–58, договор потребительского кредита и связанные с ним договоры в ст. 402–421), либо на уровне закона «О защите прав потребителей» (закон Республики Польша от 30 мая 2014 г., закрепляющий дистанционные и заочные договоры в главах 3 и 4, договоры на дистанционное финансовое обслуживание в главе 5, договоры, требующие перехода права собственности на товар к потребителю – глава 5а, контракты на поставку цифрового контента или цифровых услуг – глава 5б).

Таким образом, исследование места потребительского договора в системе гражданско-правовых договоров позволяет рассматривать его как отдельную группу договоров, имеющих ряд отличительных признаков, включая особый субъектный состав, особую цель, особый порядок защиты нарушенных прав. Кроме того, такой договор имеет собственную систему, включающую договоры о передаче имущества и договоры о выполнении работ и услуг, общие положения которых определены национальным законом Республики Беларусь «О защите прав потребителей», а специальные определяются как законодательными, так и подзаконными актами. Представляется, что с учетом позитивной зарубежной практики правового регулирования именно национальный закон «О защите прав потребителей» должен дополняться нормами, определяющими единые подходы к институту потребительского договора и определять, к примеру, несправедливые условия договора либо особенности дистанционных договоров по передаче товаров либо выполнению услуг.

Список использованных источников

1. Годунов, В. Н. Гражданско-правовой договор: некоторые аспекты общих положений / В. Н. Годунов // Научные труды Белорусского государственного экономического университета : сб. / редкол.: В. Н. Шимов [и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, УО «Белорусский гос. экон. ун-т». – Минск : БГЭУ, 2010. – С. 474–484.

2. Бондаренко, Н. Л. Принципы гражданского права Республики Беларусь и проблемы их реализации в правотворчестве [Электронный ресурс] /

Н. Л. Бондаренко. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/163223/1/1.pdf>. – Дата доступа: 05.01.2024.

3. Белов, В. А. Правовая сущность понятий «потребитель» и «слабая сторона» в гражданских правоотношениях / В. А. Белов // Лекс Россия. – № 6(139). – 2018. – С. 25–43.

4. Комментарий к закону Республики Беларусь «О защите прав потребителей» / Н. М. Афанасьев [и др.] ; Белорус. общество защиты потребителей. – Минск : Право и экономика, 1995. – 140 с.

5. Мещанова, М. В. Платформы электронной торговли: опыт зарубежного правового регулирования [Электронный ресурс] / М. В. Мещанова. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=u02201628&q_id=. – Дата доступа: 05.01.2024.

6. Царева, Л. В. К вопросу о правовом регулировании трансграничных договоров с участием потребителей [Электронный ресурс] / Л. В. Царева // Новые возможности реформирования системы международных отношений : материалы междунар. круглого стола, Минск, 30 марта 2017 г. / Белорус. гос. ун-т, Центр междунар. исслед.; сост. Е. А. Достанко. – Минск, 2017. – С. 105–110.

7. Годунов, В. Н. Гражданско-правовой договор и сфера его применения [Электронный ресурс] / В. Н. Годунов. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/109644/1/godunov.7.pdf>. – Дата доступа: 05.01.2024.

8. Judgment of the Court (First Chamber), 2 April 2020, Case C-329/19, Condominio di Milano, via Meda v Eurothermo SpA [Electronic resource]. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62019CJ0329&qid=1666886044669>. – Date of access: 05.01.2024.

Исследование выполнено в рамках реализации НИР «Теоретико-методологические основы защиты прав потребителей товаров (работ, услуг) в механизме правового обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь в условиях региональной интеграции и цифровизации» (номер госрегистрации 20211412) при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь.

**СОГЛАШЕНИЕ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ
НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ:
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ**

Гринева А. В.

*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
ФГБОУВО «Юго-Западный государственный университет»,
ул. 50 Лет Октября, 94, 305040 Курск, Россия, annagrin@rambler.ru*

Аннотация. Автор отмечает критерии признания недействительным соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей, предусмотренные законом о банкротстве, обращаясь к материалам судебной практики. Подчеркивается, что явно завышенный размер алиментов не является исключительным признаком, необходимо подтвердить также причинение вреда имущественным правам кредиторов. Утверждается, что дополнительным критерием, подлежащим учету, должно стать соответствие совершаемой сделки интересам несовершеннолетних детей.

Ключевые слова: интересы детей; соглашение об уплате алиментов; банкротство; недействительность сделки.

**CHILD-SUPPORT AGREEMENT:
PROBLEMS OF QUALIFYING THE INVALIDITY
OF THE TRANSACTION**

Grineva A.

*PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law,
South-west State University, Kursk, Russian Federation,
50 years of October Str., 94, 305040 Kursk, Russia, annagrin@rambler.ru*

Abstract. The author pays attention to the criteria for invalidating the child-support agreement provided for the bankruptcy law on the basis of judicial practice. Furthermore, an obviously excessive amount of alimony can not be recognised as an exceptional feature of the invalidity of the transaction, so it is also necessary to confirm the damage to the property rights of creditors. Author defines the compliance of the transaction with the interests of minor children as an additional criterion that should be taken into account in such cases.

Keywords: children's interests; alimony agreements; child-support agreement; bankruptcy; invalidity of the transaction.

В соответствии со ст. 80 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей, в том числе, установив в соответствующем соглашении размеры, формы и порядок предоставления алиментов (глава 16 СК РФ). Заметим, что родители достаточно часто используют данную договорную конструкцию, признавая соглашение удобным инструментом, обеспечивающим выплату алиментов.

Соглашение об уплате алиментов на детей обладает рядом особенностей, определяющих его действительность как сделки. Прежде всего речь идет о том, что родители, как стороны сделки, должны действовать не в своих интересах, а в интересах детей как непосредственных потребителей предоставляемого содержания. С одной стороны, ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает, что граждане приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе, но, с другой стороны, особый правовой статус родителей налагает на них обязательство: при осуществлении родителями своих прав не допускается противоречие интересам детей (ст. 65 СК РФ).

По общему правилу, недействительность соглашения об уплате алиментов определяется нормами ГК РФ (ст. 101 СК РФ), хотя законодатель предусмотрел и специальное основание. Так, соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетнего ребенка может быть признано недействительным, если предусмотренные этим договором условия предоставления алиментов существенно нарушают интересы ребенка, в частности если размер алиментов ниже того размера алиментов, которые ребенок мог бы получать при взыскании содержания в судебном порядке (ст. 102 СК РФ).

В связи с этим теоретический и практический интерес, по нашему мнению, представляет исследование вопроса о применении оснований недействительности сделок, предусмотренных ГК РФ, к соглашениям об уплате алиментов на несовершеннолетних детей. Данный вопрос приобретает особую актуальность при формировании судебной практики по рассмотрению требований о недействительности соглашений об уплате алиментов, заключенных гражданином, признанным банкротом [1, с. 93–99].

Заметим, что квалификация недействительности названных соглашений в рамках дел о банкротстве предполагает учет общих правил ГК РФ о недействительности сделок; специальных правил СК РФ, регламентирующих отношения между родителями и детьми, в том числе, алиментные обязательства; специальных правил Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Изучение материалов рассмотрения арбитражными судами требований о признании недействительными соглашений об уплате алиментов на несовершеннолетних детей позволило выявить несколько тенденций, свидетельствующих о злоупотреблении родителями как сторонами соглашения своими правами в ущерб интересам не только кредиторов, но и своих несовершеннолетних детей.

Интересным представляется определение Арбитражного суда Свердловской области [2], оставленное без изменения постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда [3].

14 июня 2019 г. в Арбитражный суд Свердловской области поступило заявление о признании Г. В. Вершининой банкротом; 27 декабря 2019 г. финансовый управляющий обратился с требованием о признании недействительными двух соглашений об уплате алиментов, поскольку, по его мнению, алименты имеют явно завышенный размер.

Указанные соглашения заключил супруг Г. В. Вершининой – О. Л. Вершинин. При этом одно из соглашений было заключено 27 июня 2019 г. между отцом и дочерью (29 ноября 2002 г.р.), по которому отец выплачивает дочери алименты в размере 75 % своих доходов до достижения ею совершеннолетия. Второе соглашение было заключено 24 июля 2019 г. между отцом и сыном (20 декабря 2000 г.р.), по которому отец выплачивает сыну алименты в размере 275 000 рублей от всех своих доходов до достижения им 24-летнего возраста или отчисления из высшего учебного заведения. Обосновывая свои требования, финансовый управляющий ссылался на п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, а также ст. 10, 168, 170 ГК РФ.

Обратимся к специальным правилам признания недействительными сделок, предусмотренным п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве,

и разъяснениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 23 декабря 2010 г. № 63 [4]: сделка может быть признана недействительной как подозрительная, если оспаривающее ее лицо доказало наличие совокупности всех следующих обстоятельств: целью совершения сделки было причинение вреда имущественным правам кредиторов; имущественным правам кредиторов был причинен вред в результате совершения сделки; другая сторона сделки знала или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки.

Для установления вышеперечисленных обстоятельств следует учитывать также нормы ст. 2 и 19 Закона о банкротстве: под вредом имущественным правам кредиторов понимается уменьшение стоимости или размера имущества должника и (или) увеличение размера имущественных требований к должнику, а также иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий, приведшие или могущие привести к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества.

При рассмотрении дела было установлено, что общий доход О. Л. Вершинина составляет 908 356,78 рублей; по условиям соглашения об уплате алиментов от 27 июня 2019 г. дочери выплачивается 75 % от всех доходов, то есть 681 267, 58 рублей; остаток от рассчитанного дохода составляет 227 089,20 рублей, которые подлежат перечислению сыну на основании соглашения от 24 июля 2019 г.; размер выплачиваемых алиментов полностью покрывает доход О. Л. Вершинина.

Подлежащий уплате размер алиментов, как полагает финансовый управляющий, имеет явно завышенный и чрезмерный характер, поскольку значительно превышает минимальный размер, установленный в ст. 81 СК РФ (на двух детей в размере 1/3 доходов плательщика); в десятки раз превышает размер прожиточного минимума за 2 квартал 2019 г., который согласно Приказу Минтруда России от 9 августа 2019 г. № 561н составляет для детей 11 004 рублей.

Все вышеизложенное позволило финансовому управляющему утверждать, что заключенные О. Л. Вершининым соглашения об

уплате алиментов на своих детей имели целью сокрытие доходов плательщика алиментов от обращения на них взыскания кредитором.

Суд, апеллируя к постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2012 г. № 11-П [5], пришел к выводу о наличии оснований для удовлетворения заявления, посчитав, что сделки по заключению соглашений были совершены с целью приоритетного получения денежных средств при реализации имущества должника.

В случае, если размер алиментов явно превышает разумно достаточные потребности ребенка в материальном содержании, соглашение может быть признано недействительным в части такого превышения, но с сохранением в силе соглашения в той части, которая была бы взыскана при установлении алиментов в судебном порядке (ст. 81 СК РФ). Если же признак явного превышения не доказан, то такое соглашение не может быть квалифицировано в качестве причиняющего вред остальным кредиторам должника.

Действующее законодательство не предполагает запрет на заключение соглашения об уплате алиментов плательщиком, имеющим признаки неплатежеспособности. Вместе с тем, в отличие от обычных условий, в ситуации несостоятельности обязанного к уплате алиментов лица существенное превышение размера алиментов относительно доли от дохода, которая подлежала бы уплате по закону (ст. 81 СК РФ), может вызвать у кредиторов должника обоснованные претензии, поскольку от объема первоочередных платежей зависит удовлетворение их требований в процедуре банкротства.

Поэтому судам, разрешающим такие споры, необходимо обеспечить баланс интересов несовершеннолетнего в получении содержания, который должен обеспечиваться независимо от несостоятельности плательщика алиментов, и кредиторов, заключающийся в недопущении недобросовестного увеличения кредиторской задолженности. Для признания сделки об уплате алиментов недействительной необходимо установить, что согласованный супругами размер алиментов носит явно завышенный и чрезмерный характер и причиняет вред кредиторам должника. При этом следует исходить из абсолютной величины денежных средств, выделенных ребенку, и уровня доходов плательщика алиментов.

Установив, что оспариваемые соглашения отвечают признакам сделки, совершенной со злоупотреблением права (ст. 10 ГК РФ) и с целью причинения вреда кредиторам (ст. 61.2 Закона о банкротстве), Арбитражный суд признал заявленные требования обоснованными и подлежащими удовлетворению, признав недействительным соглашение об уплате алиментов от 27 июня 2019 г. в части, превышающей 285 592,98 рублей; и соглашение об уплате алиментов от 24 июля 2019 г.

Арбитражный суд в своем определении не указал основания признания недействительным соглашения об уплате алиментов, заключенного 24 июля 2019 г., но в постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, приведено соответствующее обоснование. Сын, являющийся получателем алиментов по соглашению, уже достиг совершеннолетия. Как следует из разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 26 декабря 2017 г., совершеннолетние трудоспособные дети, обучающиеся по очной форме обучения, не относятся к лицам, имеющим право на получение алиментов [6, п. 38].

Приведенный пример, на наш взгляд, заслуживает внимания и с точки зрения оценки процесса осуществления родительских прав. Напомним, стороной одного из оспариваемых соглашений была несовершеннолетняя дочь плательщика, стороной другого соглашения был совершеннолетний сын, являющийся студентом высшего учебного заведения. Представляется, что сомнения должен был вызвать и тот факт, что обязанность по выплате алиментов на детей принял на себя в полном объеме только один из родителей при фактическом устранении матери от исполнения аналогичной обязанности. Означает ли это, что родители действовали лишь в своих интересах? Очевидно, да, учитывая в том числе и то, что оспариваемые соглашения были заключены практически сразу после начала процедуры о признании матери банкротом.

Рассмотрим еще одну историю о признании недействительным соглашения об уплате алиментов, но завершившуюся отказом в удовлетворении соответствующих требований, обоснованность которого признал и суд апелляционной инстанции [7].

Финансовый управляющий 5 августа 2021 г. обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным

соглашения об уплате алиментов от 12 февраля 2020 г., заключенного между Р. М. Ительманом и А. Е. Ительман в части установления размера алиментов на содержание троих несовершеннолетних детей, превышающего размер доли величины прожиточного минимума, установленного в регионе для детей.

По условиям заключенного между супругами-родителями детей соглашения (12 февраля 2020 г.), Р. М. Ительман был должен ежемесячно перечислять своей супруге денежные средства на содержание каждого из детей в размере 40 000 рублей, то есть всего 120 000 рублей.

Как указывает финансовый управляющий, на дату совершения оспариваемой сделки у должника отсутствовал доход, позволяющий выплачивать алименты в таком размере. Ответчик Р. М. Ительман, который был признан банкротом решением суда от 10 февраля 2022 г., иск не признал, указал, что оспариваемая сделка была совершена с учетом ежемесячных потребностей троих несовершеннолетних детей и ранее получаемого должником дохода от предпринимательской деятельности.

Заслушав пояснения лиц, исследовав представленные в материалы дела доказательства, арбитражный суд не нашел оснований для удовлетворения заявленных требований, хотя было установлено, что оспариваемая сделка была совершена в пределах трехлетнего срока до принятия заявления о признании должника банкротом; на момент совершения оспариваемой сделки должник являлся неплатежеспособным, поскольку на основании решения суда было возбуждено исполнительное производство по взысканию с Р. М. Ительмана задолженности по кредитным договорам.

В то же время, доказательства того, что супруга и несовершеннолетние дети должника знали или должны были знать об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества в материалы дела не представлены. Не оспаривается, что в соответствии с п. 3 ст. 19 Закона о банкротстве супруга и дети Р. М. Ительмана являются заинтересованными лицами по отношению к должнику. Но алиментное обязательство предусмотрено законом между именно этими субъектами. Семейно-правовые связи учитываются при рассмотрении дел о банкротстве [8, с. 178–182].

Суд указал, что совершение сделки между заинтересованными лицами не является единственным и безусловным основанием для признания ее недействительной (ничтожной). Тот факт, что А. Е. Ительман является супругой должника и, соответственно, является по отношению к нему заинтересованным лицом, не может однозначно свидетельствовать о недобросовестности указанных лиц, равно как и об осведомленности А. Е. Ительман и ее детей о наличии цели причинения вреда оспариваемой сделкой. Должник пояснил, что с февраля 2020 года по ноябрь 2022 года он выплатил 2 856 000 рублей в качестве алиментов (84 000 рублей ежемесячно), из которых 2 600 000 рублей получены должником от продажи имущества (автомобиля и машиноместа). Соответствующие сделки купли-продажи недействительными не признавались. Доказательств, свидетельствующих о мнимом характере указанных договоров, финансовым управляющим не представлено. Матерью детей также представлены сведения о ежемесячных тратах на содержание несовершеннолетних детей с января 2020 года по ноябрь 2022 года, исходя из которых в среднем затраты составили не менее 93 000 рублей ежемесячно. По мнению суда, представленные сведения о расходах соответствуют в целом представлениям о необходимых тратах на обеспечение разумных потребностей троих несовершеннолетних детей.

Арбитражный суд с учетом общеизвестных сведений об уровне потребительских цен в спорный период указал, что «размер выплат лишь незначительно превышал размер прожиточного минимума на каждого ребенка, что даже при участии в содержании детей второго родителя едва ли позволяло обеспечивать детям роскошный уровень жизни, существенным образом отличающийся от того, что дети получали бы при уплате алиментов в законном размере».

Поскольку в материалах дела отсутствуют доказательства, которые подтверждали бы доводы о заключении сторонами соглашения об уплате алиментов с целью причинить вред имущественным правам кредиторов, об осведомленности супруги и детей должника о такой цели, о наличии непосредственно вреда как результата совершения сделки, суд отказал в удовлетворении требований.

Приведенный пример демонстрирует нам добросовестность родителей в осуществлении родительских прав, поскольку соглашение об уплате алиментов заключено в соответствии с законом и, что наиболее значимо в контексте перспективы недействительности сделки, при отсутствии намерения причинить вред имущественным правам кредиторов. Соответствие заключенного соглашения интересам детей, при отсутствии явно завышенного размера алиментов, – на наш взгляд, – это дополнительный критерий, которым должен руководствоваться суд при рассмотрении соответствующих заявлений.

Список использованных источников

1. Абдиева, А. Ш. Алиментные обязательства при несостоятельности (банкротстве) физических лиц / А. Ш. Абдиева // Образование и право. – 2021. – № 1. – С. 93–99.

2. Определение Арбитражного суда Свердловской области, 21 дек. 2020 г., дело № А60-34373/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/250c78c7-4ee7-49de-bbdc-ebfbc16bddeb/aceffb4c-ab08-47dc-b3fa-ea33a4fff6dd/A60-34373-2019_20201221_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True. – Дата доступа: 09.01.2024.

3. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, 10 марта 2021 г., № 17АП-11760/2020(2)-АК, дело № А60-34373/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/250c78c7-4ee7-49de-bbdc-ebfbc16bddeb/3aae2f4f-adcb-4c28-961f-c6ecb2378bdb/A60-34373-2019_20210310_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True. – Дата доступа: 09.01.2024.

4. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 23 дек. 2010 г. № 63. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109923/. – Дата доступа: 09.01.2024.

5. По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда РФ, 14 мая 2012 г., № 11–П. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129823/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/. – Дата доступа: 09.01.2024.

6. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 26 дек. 2017 г., № 56. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286361. – Дата доступа: 09.01.2024.

7. Определение Арбитражного суда Челябинской области, 22 февр. 2023 г., дело № А76–25527/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8aa1c2e3-24fa-4432-a22e-65679865fa7e/51e2a627-7b7d-4e82-aa4d-908dcae3e5a0/A76-25527-2021_20230222_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True. – Дата доступа: 09.01.2024.

8. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда, 23 мая 2023 г., № 18АП– 3629/2023, 18–АП–3630/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8aa1c2e3-24fa-4432-a22e-65679865fa7e/539246b4-ae84-4ee6-9ee3-4a76464f20ca/A76-25527-2021_20230523_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True. – Дата доступа: 09.01.2024.

НЕЙРОННЫЕ СЕТИ И СГЕНЕРИРОВАННЫЙ КОНТЕНТ КАК ПРОДУКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Гультяева Н. Н.

*главный специалист отдела методологического обеспечения
криминологических экспертиз НПЦ Генеральной прокуратуры,
ул. Захарова, 76, 220088 Минск, Беларусь,
gultyayeva85@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы принадлежности интеллектуальных прав на сгенерированный нейросетью контент: тексты, изображения, компьютерные программы, базы данных для ЭВМ, научные сборники и др. Автор отмечает, что для эффективного использования искусственного интеллекта в творческой и научной областях необходима правовая определенность национального законодательства в данной сфере общественных отношений.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросети; контент; промпт; авторское право; смежные права; интеллектуальная собственность.

NEURAL NETWORKS AND GENERATED CONTENT AS A PRODUCT OF INTELLECTUAL PROPERTY

Hultsiaeva N.

*Chief specialist of the Department for Methodological Support
of Criminological Examinations of the Scientific and Practical Centre
for Problems of Reinforcing Law and Order of the Prosecutor General's Office,
Zakharova Str., 76, 220088 Minsk, Belarus,
gultyayeva85@gmail.com*

Abstract. The article discusses the issues of ownership of intellectual rights to content generated by a neural network: texts, images, computer programs, computer databases, scientific collections and more. The author notes that for the effective use of artificial intelligence in the creative and scientific fields, legal certainty of national legislation in this area of public relations is necessary.

Keywords: artificial intelligence; neural networks; content; prompt; copyright; related rights; intellectual property.

В настоящее время очень широко обсуждается вопрос использования искусственного интеллекта (нейросетей) для создания контента. Искусственный интеллект уже сегодня может создавать не только хорошие тексты, изображения, дизайнерские решения, но и новые компьютерные программы, находить новые научно обоснованные концепции, создавать иные объекты авторских прав, находить патентоспособные решения.

Вместе с тем использование искусственного интеллекта для создания результатов интеллектуальной деятельности в настоящее время имеет ряд вопросов, связанных с правовой неопределенностью оформления прав на результаты такой деятельности.

Одним из таких вопросов является оформление и учет интеллектуальных прав, в том числе исключительных, авторских либо смежных, на результаты деятельности, полученные с использованием искусственного интеллекта.

В Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, вопрос авторского права по отношению к контенту, созданному искусственным интеллектом, не регулируется.

Кроме того, в законодательстве Республики Беларусь не определен субъект авторского права. Законодателем определена исключительно сфера действия авторского права, объекты авторского права, уточняются произведения, являющиеся объектами авторского права. При этом в п. 4 ст. 992 Гражданского кодекса Республики Беларусь указано, что авторское право не распространяется на собственно идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия, факты.

Согласно п. 1 ст. 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации (ч. 4) автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие, или помощь либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществляющие контроль за выполнением соответствующих работ.

Как эти обе законодательные трактовки могут быть соотнесены с понятием «промпт»? Промпт (от англ. prompt – побуждать) – запрос, подсказка, или инструкция, вводные данные, которые набирает человек, когда общается с нейросетью. От правильно введенного промпта (запроса) зависит насколько будет корректной, релевантной информация, полученная от нейросети на выходе. Зачастую, чтобы получить корректную, новую или уникальную информацию от нейросети необходимо обладать специальными знаниями, техническими навыками, вводить информацию, основанную на предыдущих исследованиях в какой-то определенной области.

Если взять определение российского законодателя, то нейросеть не может быть признана субъектом авторского права, поскольку по определению она не может внести личный творческий вклад в создание такого результата, а только оказывает техническое содействие, а человек, который вводит корректный промпт считается автором полученного с помощью нейросети результата.

Белорусский же законодатель, напротив, устанавливает, что авторское право не распространяется на собственно идеи, методы, способы, процессы, системы, концепции, принципы и т. д., к которым, по большому счету, можно отнести и промпт запросы для нейросети.

Мировая практика в данной сфере складывается противоречиво.

Так, в 2020 г. суд Шэньчжэня (КНР) постановил, что статьи, написанные искусственным интеллектом, защищаются авторским правом. Компания скопировала текст, написанный искусственным интеллектом, указав, что контент не имеет автора, поскольку он был создан в автоматическом режиме. Однако суд обязал компанию удалить текст со своих официальных источников и выплатить компенсацию владельцу искусственного интеллекта как правообладателю [1].

Европейское патентное ведомство, наоборот, признало, что изобретателем может быть только физическое лицо. Машины не имеют правосубъектности, а потому не могут иметь никаких прав. На этом основании при рассмотрении патентной заявки было указано, что искусственный интеллект не может считаться автором изобретения, контента, произведения, компьютерной программы и т. д. [2].

По мнению автора, результаты интеллектуального труда, созданные с применением искусственного интеллекта, также являются творческой деятельностью человека, возможно опосредованной творческой деятельностью. Вместе с тем, один человек (группа людей) создали программу искусственного интеллекта, другая группа людей (человек единолично) поставили перед искусственным интеллектом задачу, ввели исходные данные в результате чего получили совместный творческий результат.

Такие авторы, как Н. В. Козлова, Н. В. Суханова, А. С. Ворожевич, И. А. Алешковский считают, что исключение такого результата деятельности человека как пользователя нейросети из объектов интеллектуальной собственности снижает интерес к использованию в исследованиях и разработках технологий искусственного интеллекта. При отсутствии перспектив получения исключительных прав применение искусственного интеллекта окажется невыгодным, что негативно скажется на научном прогрессе, поэтому в интересах цифровой трансформации следует признавать результаты, полученные с использованием искусственного интеллекта, охраноспособными результатами интеллектуальной деятельности [3].

Савина В. С. ставит вопрос более прагматично. Подлежат ли вообще охране объекты, созданные искусственным интеллектом, если да, то какой? Ведь результаты такой работы, по мнению В. Н. Савиной, нельзя в полной мере назвать новыми объектами. Лишенная воображения машина воспроизводит категории и образы, заложенные в нее человеком, поэтому подлинного творчества, создания чего-то абсолютно нового не происходит. Автор в своей публикации предполагает, что генерируемая искусственным интеллектом информация может быть защищена в качестве объекта смежных прав, если соответствует признакам охраноспособности (например, база данных для ЭВМ или сборник). В то же время В. С. Савина считает, что цифровые технологии действительно могут помочь в обработке современного массива информации, но только как инструмент, который находится в умелых руках автора и служит реализации его творческого замысла [4].

В большинстве публикаций, в том числе рассмотренных выше, лидирует мнение о том, что для результатов интеллектуальной

деятельности, созданных при участии искусственного интеллекта и человека как автора (пользователя нейросети), может быть установлен специфический режим правового регулирования. Можно признать авторами (соавторами) результата интеллектуальной деятельности группу физических лиц, например, 1) разработчика алгоритма искусственного интеллекта (нейросети); 2) субъекта, который предоставил алгоритму данные, необходимые для его обучения и решения поставленных задач (пользователь, который вводит промпт, запрос для нейросети). Возможно в качестве соавторов следует рассматривать и лицо, которое контролирует конкретную систему искусственного интеллекта, когда она создает результат интеллектуальной деятельности по запросу пользователя, но этот вопрос остается дискуссионным, поскольку предполагается, что автором не может быть признано лицо, осуществляющее контроль за выполнением соответствующих работ.

Важно, чтобы имущественные права на результаты интеллектуальной деятельности изначально предоставлялись субъектам, которые способны обеспечить их эффективную коммерциализацию. На нормативном уровне следует установить, что правообладатель алгоритма (нейросети) и организатор создания результата интеллектуальной деятельности (пользователь) должны иметь возможность предусмотреть в лицензионном договоре (онлайн договоре) условие, согласно которому если лицензиат использует алгоритм (искусственный интеллект, нейросеть) для создания нового результата интеллектуальной деятельности, то исключительное право на этот результат будет принадлежать лицензиату и лицензиару [3]. Кроме того, необходимо установить, что на такие результаты интеллектуальной деятельности не возникают личные неимущественные права, в том числе право на неприкосновенность сгенерированного контента. Также результаты интеллектуальной деятельности должны отвечать признакам охраноспособности, например, компьютерные программы, медицинские научные исследования, математическое моделирование, междисциплинарные гуманитарные исследования и т. д.

Данный подход к использованию результатов интеллектуального труда, созданных с использованием искусственного интеллекта, заслуживает более пристального внимания законодателя.

Однако есть и обратная сторона медали использования искусственного интеллекта для получения результатов интеллектуальной деятельности. Использование в своей творческой, научной и другой деятельности искусственного интеллекта (нейросетей) создает возможность нарушения интеллектуальных прав третьих лиц. Ведь для обучения машин (роботов) искусственному интеллекту разработчики используют информацию не всегда санкционированно, без нарушения авторских, смежных и других материальных и нематериальных прав третьих лиц. По мнению ряда авторов, таких как Н. В. Козлова, Н. В. Суханова, А. С. Ворожевич, И. А. Алешковский, в подобных случаях субъектом ответственности должен выступать пользователь системы искусственного интеллекта (нейросети). С этим очень трудно согласиться, поскольку несмотря на сформированный запрос (промпт) пользователя к нейросети, искусственный интеллект будет выдавать ответ на запрос не только с учетом данных этого запроса (промпта), но и с учетом данных, заложенных в него разработчиком.

Показательный пример был в США, когда писатели Сильверман, Голден и Кадри выступили против нейросетей Open AI и Meta за использование их книг в целях обучения ChatGPT и ряда других AI. Нейросети свободно используют данные с просторов интернета для обучения искусственного интеллекта – это не является секретом. Вопрос в том, где проходит граница дозволенного? Истцы заявили, что не давали разрешения, а значит их авторские права нарушены. Авторы также поднимают вопрос об использовании пиратских материалов в обучении нейросетей искусственному интеллекту. Если авторы одержат победу, возможности AI по обучению моделей будут ограничены, а разработчикам будут даны большие штрафы [5].

Решение вопроса об ответственности за нарушение интеллектуальных прав третьих лиц при использовании искусственного интеллекта для получения результата в научной, творческой и другой деятельности должно быть дифференцированным, по мнению автора. Здесь нужно разбираться в каждом конкретном случае отдельно, в том числе изучать вводные данные пользователя, его запрос (промпт), обращенный к нейросети. Если в таком запросе нет плагиата, нет незаконного использования произведений, научных

открытий, трудов, формул и другой информации, которая является интеллектуальной собственностью третьих лиц, то за нарушение прав третьих лиц при создании контента с использованием нейросети должен нести ответственность разработчик искусственного интеллекта, который обучал машину при помощи незаконного использования результатов творческой деятельности третьих лиц.

Список использованных источников

1. *Polydor, S.* Chinese Dreamwriter Decision: a Dream Come True for AI-generated Works? [Electronic resource] / S. Polydor, M. Czapska, K. Roberts. – Mode of access: <https://www.connectontech.com/2020/04/20/chinese-dreamwriter-decision-a-dream-come-true-for-ai-generated-works>. – Date of access: 25.10.2023.

2. Grounds for the decision [Electronic resource] / European Patent Office. – Mode of access: <https://register.epo.org/application?documentId=E4B63SD62191498&number=EP18275163&lng=en&npl=false>. – Date of access: 25.10.2023.

3. *Козлова, Н. В.* Цифровая трансформация в контексте приоритетов государственной научно-технической политики и вопросы совершенствования правового регулирования цифровой экономики в Российской Федерации (по состоянию на апрель 2020 г.) [Электронный ресурс] / Н. В. Козлова [и др.] // КонсультантПлюс: Комментарии законодательства / ЗАО «КонсультантПлюс. – М., 2024.

4. *Савина, В. С.* Искусственный интеллект и современное искусство: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / В. С. Савина // КонсультантПлюс: Комментарии законодательства / ЗАО «КонсультантПлюс. – М., 2024.

5. *Закиров, С.* А автор – кто? Судебные иски за контент, созданный нейросетями [Электронный ресурс] / С. Закиров. – Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/835474-a-avtor-kto-sudebnye-iski-za-kontent-sozdannyy-neyrosetyami>. – Дата доступа: 25.10.2023.

**ДОГОВОР В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ:
КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Гурщенков П. В.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса,
учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П. М. Машерова»,
пр-т Московский, 33, 210038 Витебск, Беларусь, Pavelrzn@mai.ru*

Бочков А. А.

*кандидат философских наук, доцент,
профессор кафедры истории и теории права,
учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П. М. Машерова»,
пр-т Московский, 33, 210038 Витебск, Беларусь,
bochkovagulchekhra988@gmail.com*

Аннотация. Договороспособность субъектов хозяйствования – важная характеристика их правосубъектности. Цифровая модернизация права тяготеет к договорным отношениям частно-публичных сфер общественной жизни как одной из самых гибких правовых форм. Цель статьи – на основе национального и зарубежного законодательства, доктринальных положений, правоприменительной практики проанализировать стабильные и динамичные основы хозяйственного договора, определить тенденции его совершенствования. Процесс алгоритмизации, индивидуализации хозяйственных договоров ведет к созданию саморегулируемой среды и массовому использованию искусственного интеллекта в договорных правоотношениях.

Ключевые слова: хозяйственный договор; структура; форма; содержание договора; договороспособность; алгоритмизация; искусственный интеллект.

**CONTRACT IN BUSINESS RELATIONS:
A CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL APPROACH**

Gurshchenkov P.

*PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Law and Civil Procedure of the P. M. Masherov Vitebsk State University,
Moskovsky Ave., 33, 210038 Vitebsk, Belarus, Pavelrzn@mai.ru,*

Bochkov A.

*PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department
of History and Theory of Law of the P. M. Masherov Vitebsk State University,
Moskovsky Ave., 33, 210038 Vitebsk, Belarus,
bochkovagulchekhra988@gmail.com*

Abstract. The contractual capacity of business entities is an important characteristic of their legal personality. The digital modernization of law tends to contractual relations between private and public spheres of public life, as one of the most flexible legal forms. The purpose of the article is to analyze the stable and dynamic foundations of an economic contract based on national and foreign legislation, doctrinal provisions, and law enforcement practice, and identify the main trends in its improvement. The process of algorithmization and individualization of business contracts leads to the creation of a self-regulating environment and the widespread use of AI in contractual legal relations.

Keywords: business agreement; structure; form; content of the agreement; contractual capacity; algorithmization; artificial intelligence.

Электронное, «умное право» через технизацию, алгоритмизацию юридических отношений, осуществление юридических услуг цифровыми платформами повышает качество и востребованность юридической деятельности [1, с. 9]. Цифровая модернизация права тяготеет к договорным отношениям. Это одна из самых гибких правовых форм, в которую могут облекаться различные по характеру общественные отношения. Сделкоспособность – важный элемент правосубъектности, касающийся не только способности субъектов заключать, изменять, прекращать договор, но прежде всего его исполнять. В рамках преддоговорных действий необходимо удостовериться в сделкоспособности сторон. Особое внимание нужно обратить на деловую репутацию и платежеспособность, продолжительность деловой активности, на величину капитала и т. д.

Хозяйственный договор – это наиболее распространенное основание возникновения хозяйственных обязательств [2, с. 125]. Согласно ст. 390 ГК Республики Беларусь договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Соглашение

сторон – основной конститутивный признак договора, в котором проявляется волевой аспект договора. Встречное волеизъявление составляет волевой акт сторон. Свобода договора – важнейший принцип свободного волеизъявления в заключении договора, выборе контрагентов, определении содержания договора. Понуждение к заключению договора возможно лишь в случаях, если обязанность заключить договор предусмотрена законодательством или добровольно принятым обязательством. Примером обязанности заключить в будущем договор является заключение предварительного договора о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг. Предварительные договоры необходимо отличать от встречающихся на практике соглашений (протоколов) о намерениях. Последние лишь закрепляют желание сторон вступить в договорные отношения в будущем. Несоблюдение соглашений (протоколов) о намерениях не влечет каких-либо правовых последствий. Заключение предварительного договора – определенная гарантия для субъектов хозяйствования.

Если свободные договоры заключаются по усмотрению самих сторон, то заключение обязательных договоров является обязанностью для одной или обеих сторон договора.

В договорах присоединения (ст. 398 ГК Республики Беларусь) условия определяются одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могут быть приняты другой стороной путем присоединения к предложенному договору в целом. Если другая сторона не принимает хотя бы одно из предлагаемых условий, то договор присоединения не заключается. Отношения, возникающие при заключении, исполнении, изменении и расторжении хозяйственных договоров, регулируются ГК и другими актами законодательства, имеющими приоритет при применении. Это связано с публично-правовым содержанием выполнения обязательных требований в договорных отношениях.

Ввиду того, что законодательство не содержит легального определения хозяйственного договора, его правовая природа остается предметом спора ученых.

Хозяйственным договором признается соглашение, в силу которого одна сторона обязуется в обусловленный срок передать това-

ры, выполнить работы или оказать услуги в сфере хозяйственной деятельности, а другая сторона обязуется принять и оплатить их. В рамках хозяйственного обязательства либо обе стороны осуществляют хозяйственную деятельность, либо ее осуществляет сторона, на которой лежит основная обязанность, характеризующая существо данного договора. Например, только хозяйственные цели преследуются в договоре поставки, договоре факторинга, концессионном договоре, договоре простого товарищества, лицензионном договоре о предоставлении права на использование товарного знака.

Категория «договор» употребляется в следующих значениях:

- договор – фактическое соглашение между лицами по тем или иным вопросам, влекущее возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В названном значении договор выступает в качестве юридического факта-сделки;

- договор (правоотношение) – это само обязательство, возникшее из договора-сделки, осуществление которого опирается на возможность принуждения. Его элементами выступают субъекты (участники), предмет и содержание. В большинстве случаев договор-правоотношение образует совокупность обязательств;

- договор – это документ (форма), который фиксирует согласованные сторонами условия соглашения (договора-сделки) и обладает необходимыми реквизитами [2, с. 125–131].

Согласно ст. 397 ГК в договоре может быть предусмотрено, что его отдельные положения определяются примерными условиями, разработанными для договоров соответствующего вида и опубликованными в печати. Примерные условия облегчают заключение и исполнение договоров. Примерные условия могут быть изложены в форме типового договора или иного документа, содержащего эти условия (руководство к заключению договора). В соответствии с принципом свободы договора стороны вправе выбрать вид заключаемого договора.

Стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законодательством (смешанный договор). Смешанный договор позволяет участникам хозяйственного оборота при оформлении своих отношений

по своему усмотрению конструировать договор, адекватный их потребностям, со всеми необходимыми элементами. Смешанные договоры необходимо отличать от комплексных договоров. Комплексный договор включает несколько обязательств одного договорного типа или вида (подвида), в которых одна сторона является кредитором, а другая должником, и наоборот. От смешанного договора данный договор отличается тем, что не содержит элементов различных договоров, а включает комплекс обязательств одного вида.

В результате непрерывной эволюции экономического оборота появляются новые типы и виды договоров, отражающие существенное изменение характера обязательств (например, корпоративные, опционные договоры). Субъекты хозяйствования могут заключать договоры как предусмотренные, так и не предусмотренные действующим законодательством. Первые называются в литературе именными (поименованными), вторые – безымянными (непоименованными) договорами (агентские, дилерские, дистрибьютерские и т. п.). Согласно подп. 1 ч. 2 п. 1 ст. 7 ГК гражданские права и обязанности могут возникать как из договоров и иных сделок, предусмотренных законодательством, так и из договоров и иных сделок, не предусмотренных законодательством, однако не противоречащих ему. Непоименованные договоры в целом и отдельные их условия не могут быть признаны недействительными вследствие их несоответствия конкретным предписаниям законодательства. Это обусловлено тем, что непоименованный договор порождает обязательства, которые хотя и не предусмотрены в законодательстве, но не противоречат ему. Правовое регулирование непоименованного договора осуществляется исходя из общих положений ГК об обязательствах и договорах, а комплексного договора – в соответствии с правилами о договорах, комплекс обязательств из которых в нем содержится. Договор, не имеющий содержательного правового регулирования, следует считать непоименованным, даже если в отношении него имеются прецедентные разъяснения высших судов. Например, длительное время в литературе упоминался рамочный договор. В ГК РФ Законом № 42-ФЗ от 8 марта 2015 г. включена ст. 429-1 «Рамочный договор». Рамочным договором

(договором с открытыми условиями) признается договор, определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены путем заключения отдельных договоров, подачи заявок одной из сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора. К отношениям сторон, не урегулированным отдельными договорами, должны применяться общие условия рамочного договора.

Новой формой договора выступают смарт-контракты. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) (п. 5.3) позволяет резидентам Парка высоких технологий (далее – ПВТ) совершать и (или) исполнять сделки посредством смарт-контракта. Лицо, совершившее сделку с использованием смарт-контракта, считается надлежащим образом осведомленным о ее условиях, в том числе выраженных программным кодом, пока не доказано иное.

Согласно Декрету № 8 под смарт-контрактом понимается программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейн), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок, либо совершения иных юридически значимых действий. Код, в соответствии с которым происходит автоматическое исполнение сделок вне распределительной системы и вне ПВТ, смарт-контрактом не признается. Смарт-контракт, как указано в Декрете № 8, введен в качестве правового эксперимента и находится на стадии внедрения как с правовой, так и с технической точек зрения (блокчейн и иные технологии). Пока он предназначен для использования исключительно резидентами ПВТ. В последующем предполагается его распространение и на другие хозяйственные сферы, прежде всего внешнеэкономическую, банковскую и финансовую. Совмещенный с технологиями искусственного интеллекта, смарт-контракт может стать автономным со своей «волей» участником договорных отношений. Правовое регулирование смарт-контракта сосредоточено в его исполняемом коде. Поэтому к нему не применимо в значительной части законодательство,

регулирующее традиционные договоры. Это касается норм ГК о заключении, исполнении, расторжении и недействительности договоров. В Декрете № 8 не говорится о необходимости сопровождения операций по смарт-контрактам первичными учетными документами; об обязанности раскрытия условий контракта контролирующим органам; о препятствовании отмыванию денежных средств преступным путем.

Содержание хозяйственного договора составляют условия, определенные соглашением его сторон, направленные на установление, изменение или прекращение хозяйственных обязательств как согласованные сторонами, так и принимаемые ими в качестве обязательных условий договора в соответствии с законодательством [2, с. 138–140].

Существенными, необходимыми или обязательными являются условие о предмете договора (наименование передаваемого товара, выполняемой работы, оказываемой услуги и т. п.); иные условия (цена, сроки исполнения, количество, местонахождение имущества, его состав, пределы использования имущества и др.), которые могут быть отнесены к существенным в случаях, если они:

- названы в качестве таковых в законодательстве для договоров данного вида (например, наименование и количество товара для договора купли-продажи (ст. 425 ГК) или цена товара, порядок, сроки и размеры платежей по договору купли-продажи в кредит с условием о рассрочке платежа (ст. 459 ГК) и пр.);
- определены как существенные самими сторонами при заключении договора или по заявлению одной из сторон и при этом между сторонами достигнуто соглашение;
- вытекают из сущности договора данного вида.

При отсутствии существенного условия договор не может считаться заключенным.

Согласно ст. 402 ГК существенным для любого договора является условие о предмете договора. Предметом договора является как действие, так и объект, в отношении которого такое действие должно быть совершено. Условия о предмете в хозяйственном договоре должны определять наименование (номенклатуру, ассортимент) и количество продукции (работ, услуг), а также требования к их качеству.

Каждая сделка должна отвечать требованиям ст. 161, 162, 164, 165 ГК Республики Беларусь (соблюдение соответствующей формы).

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 162 ГК сделки (за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения, и сделок, указанных в п. 2 и 3 ст. 160 ГК), заключаемые юридическими лицами между собой и с гражданами, должны совершаться в простой письменной форме. При этом необходимо иметь в виду, что в соответствии с п. 2 ст. 404 ГК договор в письменной форме может быть заключен как путем составления одного документа, подписанного сторонами, так и путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. Статья 161 ГК под простой письменной формой сделки понимает составление текстового документа, включая документ в электронном виде, выражающий ее содержание, который подписан должным образом уполномоченным лицом собственноручно либо с использованием технических средств, информационных систем, если способ подписания позволяет достоверно установить полномочия подписавшего лица. Иностранцы контрагенты не придают такого значения обмену оригиналами документов, как белорусские компании. Для них является привычной практика заключения договоров путем акцепта T&C (terms and conditions) через сайт, подписания «subscription form».

Согласно ст. 10.18 КоАП несоблюдение письменной формы гражданско-правовых договоров на выполнение работ, оказание услуг или создание объектов интеллектуальной собственности, заключаемых юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем с гражданами, а равно отсутствие в этих договорах условий, установленных законодательством, влекут наложение штрафа на индивидуального предпринимателя или юридическое лицо в размере до двадцати пяти базовых величин.

Стабильность хозяйственного договора не исключает возможности его изменения или расторжения.

Статья 392 ГК закрепляет приоритет законодательства над договором, причем как действующего в момент заключения договора, так и вводимого в действие после заключения. Пункт 2 ст. 392 ГК

устанавливает, что если после заключения и до прекращения действия договора принят акт законодательства, устанавливающий обязательные для сторон правила, иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора должны быть приведены в соответствие с законодательством, если иное не предусмотрено законодательством.

Статья 450.1 ГК РФ предусматривает право на односторонний отказ от договора (исполнения договора) путем уведомления управомоченной стороной другой стороны о таком отказе. Данная возможность может быть предусмотрена правовым актом или договором. Договор считается прекращенным с момента получения соответствующего уведомления. Юридическое сопровождение и правовая экспертиза хозяйственных договоров включает:

- контроль соблюдения установленного порядка заключения, исполнения, изменения и расторжения хозяйственных договоров;
- ведение претензионной и исковой работы по спорам, вытекающим из договорных отношений;
- проверку соответствия требованиям законодательства представляемых на подпись руководителю проектов договоров и связанных с ними документов правового характера и др.

Современные технологии, искусственный интеллект (далее – ИИ) оказывают большое влияние на теорию и практику хозяйственных договоров. Это ведет к вытеснению правовых норм алгоритмами, которые являются более эффективными ввиду их высокой формализованности, однозначности и определенности. Массовое использование машиночитаемого и машиноприменяемого права, разработка и реализация индивидуальных договоров на основе персональных данных объективно способствует конвергенции человеческих субъектов с электронными лицами. Создание саморегулируемой среды, основанной на самоисполнении и технологических решениях социально-нравственных субъектов права, соблюдающих справедливость, добросовестность и свободу договора – важнейшее условие оптимизации общества. Электронное моделирование хозяйственных договоров позволяет эффективно использовать ИИ в юридической деятельности по осуществлению экспертизы документов, подготовке проектов договоров и контрактов, оценки

рисков при заключении, их юридического сопровождения, информировании об исполнении обязательств и др. [3, с. 79]. При этом право рассматривается не как набор жестких формул, а как гибкий инструмент защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Список использованных источников

1. *Bochkov, A. A.* Conceptual and Methodological Foundations of the Development of Modern Law in Belarus and Russia in the Context of Digitalization / A. A. Bochkov, P. V. Gurshchenkov, G. Sh. Bochkova // *Право. Экономика. Психология : науч.-практич. журн. / Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова*. – 2022. – № 4(28). – С. 3–10.

2. *Сидорчук, В. К.* Договор в хозяйственных отношениях (общие положения) / В. К. Сидорчук, П. В. Гурщенок // *Хозяйственное право : учеб. пособие*. – Минск : РИПО, 2023. – С. 125–146.

3. *Голенков, В. В.* Перспективные направления применения искусственного интеллекта в юридической деятельности: технологические аспекты / В. В. Голенков, Н. А. Гулякина, Д. В. Шункевич // *Право.by* – 2023. – № 5(85). – С. 75–83.

**ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛ CULPA IN CONTRAHENDO
К ПЕРЕГОВОРАМ ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СПОРА**

Давыденко Д. Л.

*кандидат юридических наук,
доцент и ведущий научный сотрудник кафедры международного права,
факультет международных отношений,
Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030 Минск, Беларусь,
dmitridavydenko@gmail.com.*

Аннотация. Переговоры по урегулированию спора, в том числе медиация, являются средством самостоятельной выработки гражданами и субъектами хозяйствования взаимоприемлемых решений, повышения правовой культуры и этики делового оборота. К таким переговорам применимы принцип конфиденциальности и правила *culpa in contrahendo*, предусмотренные для переговоров о заключении договора: их участники несут обязанность действовать добросовестно.

Однако нарушением этой обязанности не будет неинформирование другой стороны относительно ее прав и обязанностей по существу спора, обоснованности ее правовой позиции, если при этом не было обмана.

В изъятие из общего принципа конфиденциальности, в исключительных случаях, сторона вправе ссылаться на сведения и документы, полученные в ходе переговоров (в том числе медиации), в обоснование недобросовестности поведения другой стороны.

Ключевые слова: переговоры; добросовестность; *culpa in contrahendo*; урегулирование спора; медиация; мировая сделка.

**APPLICATION OF CULPA IN CONTRAHENDO RULES
TO NEGOTIATE A SETTLEMENT
OF CIVIL LAW DISPUTE**

Davydenko D.

*PhD in Law, Associate Professor and Leading Researcher
of the Department of International Law, Faculty of International Relations,
Belarusian State University,
Leningradskaya Str., 20, 220030 Minsk, Belarus,
dmitridavydenko@gmail.com.*

Abstract. Negotiations to settle a dispute, including mediation, constitute a means for individuals and business entities to independently develop mutually acceptable solutions, improve legal culture and business ethics. The principle of confidentiality and the rules of culpa in contrahendo applicable to contract negotiations shall also apply to such settlement negotiations: their participants have an obligation to act in good faith.

However, failure to inform the other party regarding its rights and obligations on the merits of the dispute and regarding the validity of its legal position will not be a violation of this obligation unless there was deceit.

As an exception to the general principle of confidentiality, a party should have the right to refer to information and documents obtained during negotiations (including mediation) to prove the dishonest behavior of the other party.

Keywords: negotiations; good faith; culpa in contrahendo; dispute settlement; mediation; settlement agreement

Одним из актуальных направлений развития законодательства является расширение применения медиации, иных альтернативных способов урегулирования споров в целях снижения нагрузки на судебную систему, самостоятельной выработки гражданами и субъектами хозяйствования взаимоприемлемых решений, повышения правовой культуры и этики делового оборота. К таким способам относятся переговоры. Под переговорами в настоящей работе понимается всякое коммуникационное взаимодействие между сторонами, как устное, так и письменное в любой форме.

Граждане и субъекты хозяйствования самостоятельно вырабатывают взаимоприемлемые решения для исчерпания своих конфликтов и разногласий посредством переговоров, в том числе при содействии представителей и нейтральных третьих лиц, включая медиаторов. Далее в настоящей статье такие переговоры будут именоваться «переговорами об урегулировании спора».

1. Особенность переговоров об урегулировании спора

В переговорах об урегулировании спора стороны уже связаны определенными правоотношениями, договорного или внедоговорного характера. Особое значение в них имеет конфиденциальность.

В этой связи важно обеспечить, насколько это возможно, чтобы такие переговоры стороны могли вести свободно, не опасаясь злоупотреблений, и честно. Следовательно, нужны правовые стимулы

к тому, чтобы стороны не допускали обмана. Для этого следует рассмотреть применимость к переговорам об урегулировании спора существующих в праве требований о добросовестном ведении переговоров – норм о преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*), которую именуют ответственностью особого рода, так как она может наступать независимо от заключения по их итогам договора [1]. Эти требования призваны способствовать повышению правовой культуры и этики делового оборота.

2. Международно-правовой стандарт ведения переговоров и его воплощение в праве Республики Беларусь и России

Международно-правовой стандарт ведения переговоров установлен в рамках Международного института унификации частного права (УНИДРУА): он содержится в ст. 2.1.15 Принципов международных коммерческих контрактов 2016 г. (далее – Принципы) «Недобросовестные переговоры» [2]:

«(1) Сторона свободна проводить переговоры и не несет ответственности за недостижение согласия.

(2) Однако, сторона, которая ведет или прерывает переговоры недобросовестно, является ответственной за потери, причиненные другой стороне.

(3) Недобросовестным, в частности является вступление стороной в переговоры или их продолжение при отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной».

Как предусмотрено в преамбуле Принципов, они «устанавливают общие нормы для международных коммерческих договоров и... подлежат применению, если стороны согласились, что их договор будет регулироваться этими Принципами» и могут применяться в ряде других случаев. Они могут также использоваться «для толкования и восполнения национального законодательства и... служить в качестве модели для национальных и международных законодателей».

И действительно, по модели Принципов построены соответствующие положения ст. 434.1 «Переговоры о заключении договора» Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) России. Из названия и содержания статьи следует, что предметом регулирования являются переговоры «о заключении договора».

Аналогичные положения предусмотрены в п. 153 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» (ст. 404-1 «Переговоры о заключении договора» Гражданского кодекса Республики Беларусь), дата вступления в силу 18 ноября 2024 г.

Данные правила имеют общий характер и относятся к любым гражданско-правовым переговорам, без учета специфики переговоров об урегулировании спора. Необходимо в этой связи рассмотреть применимость данных правил к такого рода переговорам.

3. Применимость правил, установленных для переговоров вообще, к переговорам об урегулировании спора

Приведенные правила для переговоров «о заключении договора» следует применять и к переговорам об урегулировании спора. Во-первых, результатом последних, как правило, будет являться заключение договора. Во-вторых, было бы нелогично считать, что только переговоры непосредственно о заключении договоров должны быть этичными, а все прочие такому стандарту соответствовать не должны.

4. Свобода ведения переговоров

Пункт 1 ст. 434.1 ГК РФ и п. 1 ст. 404-1 ГК Беларуси предусматривают в качестве общего принципа свободу ведения переговоров о заключении договора, которая включает отсутствие ответственности за недостижение соглашения. Однако в отличие от принципов оговаривается, что законом или договором может быть предусмотрено иное.

Добросовестное поведение состоит в том числе в том, чтобы не держать другую сторону в состоянии неопределенности (неразумно длительном ожидании) относительно ответа на ее предложение. Примером является ст. 477 ГК Беларуси и аналогичная ей ст. 507 ГК РФ «Урегулирование разногласий при заключении договора поставки»: при возникновении в ходе заключения договора поставки разногласий по отдельным его условиям в ограниченный срок принять меры по согласованию таких условий договора либо письменно уведомить другую сторону об отказе от его заключения. Следует распространить это правило на переговоры о согласовании условий любых коммерческих договоров.

Представляется, что приведенные правила о свободе ведения переговоров и ее пределах вполне применимы к переговорам об урегулировании спора.

5. Обязанность действовать добросовестно

Обязанность вести себя добросовестно при ведении переговоров и в связи с ними установлена подп. 1 п. 2 ст. 404-1 ГК Беларуси, подп. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ:

«При вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении стороны обязаны действовать добросовестно, в частности не допускать вступление в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной».

Представляется, что это правило также вполне применимо к переговорам об урегулировании спора. Сторона, к которой предъявлено требование, может инициировать или притворно согласиться на переговоры, в том числе медиацию, чтобы затянуть время и, нередко, скрыть имущество, вывести активы или принять иные меры для затруднения исполнения потенциального судебного решения. Такие действия будут примером недобросовестного поведения [3, с. 166].

Примером поведения в переговорах, не соответствующего требованию добросовестности, является заявление покупателем, при наличии у него выбора средств правовой защиты, к продавцу требования о таком исполнении договора, которое будет заведомо очень дорогостоящим для продавца, но принесет лишь небольшую выгоду для самого покупателя. Тем самым покупатель, как можно презюмировать, намеренно вынуждает продавца предложить ему неоправданно высокую сумму отступного в урегулирование спора (или согласиться на нее) [4, р. 409].

Хотя общим правилом является презумпция добросовестности, в то же время, закон устанавливает презумпцию недобросовестности стороны при ведении переговоров в случае наступления следующих условий.

Непредоставление другой стороне полной и достоверной информации

Так, «недобросовестными действиями при проведении переговоров предполагается ... предоставление стороне неполной или недо-

стоверной информации, в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны» (подп. 1 п. 2 ст. 404-1 ГК Беларуси, подп. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ). В отношении переговоров об урегулировании спора на этот счет возникает прежде всего вопрос, будет ли нарушением неинформирование другой стороны относительно ее прав и обязанностей по существу спора: обоснованности ее правовой позиции. Представляется, что в переговорах между субъектами делового оборота такой обязанности не имеется, каждый вправе действовать своей волей и в своих интересах (ст. 2 ГК Беларуси, п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Такой подход демонстрирует пример из судебной практики Италии (постановление Кассационного суда Италии от 30 декабря 1991 г. № 14010). Арендодатель заключил с арендатором мировую сделку по спору о правомерности увеличения им размера арендной платы. Впоследствии он просил суд признать эту мировую сделку недействительной на том основании, что при ее заключении он не знал о том, что закон позволял ему вдвое повысить размер арендной платы. Однако суд в таком иске ему отказал, поскольку заблуждение лица относительно правомерности своей правовой позиции не является основанием для оспаривания действительности заключенной им мировой сделки [5, р. 351].

Представляется, что в гражданско-правовых спорах каждая сторона сама должна принять меры к выяснению своих прав и обязанностей, в том числе может для этого обратиться к квалифицированному юристу. Соответственно, другая сторона вправе в переговорах отстаивать свою позицию и свои интересы, так же как она делала бы это в суде.

Однако если при этом имеет место обман, то такое поведение будет нарушать требование о добросовестности. В этом случае если по итогам переговоров под влиянием обмана стороной заключен, изменен или прекращен договор, его действительность может быть оспорена при наличии причинно-следственной связи. Так, Кассационный суд Франции указал, что мировая сделка признается недействительной в силу обмана, но только если доказано, что, не будь этого обмана, другая сторона не заключила бы эту мировую сделку на таких условиях [6, р. 1070].

Как видно, суды в различных правовых системах допускают защиту прав, нарушенных вследствие обмана в ходе переговоров об урегулировании спора.

Недобросовестными действиями при проведении переговоров также предполагается «внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать» (подп. 2 п. 2 ст. 404-1 ГК Беларуси, подп. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ). Свобода переговоров означает, что по общему правилу обе стороны должны ожидать, что другая сторона может решить более не участвовать в ведении переговоров. Однако об этом необходимо заблаговременно проинформировать другую сторону, чтобы избежать несения ею расходов на подготовку к переговорам, например, на поездку, бронь помещения, оплату услуг технических специалистов.

6. Последствия нарушения обязанности вести переговоры добросовестно

ГК Беларуси (в редакции Закона от 13 ноября 2023 г.) и ГК РФ в качестве санкции императивно устанавливают обязанность стороны возместить другой стороне убытки, причиненные недобросовестным ведением или прерыванием переговоров. К ним относятся «расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора» (что явно применимо к переговорам об урегулировании спора), а также «в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом» (это также может быть применимо в соответствующих случаях)».

Данные санкции применяются независимо от того, был ли заключен сторонами договор по результатам переговоров. Исключением является то, что они не подлежат применению к потребителям (п. 6–7 ст. 404-1 ГК Беларуси, п. 5–7 ст. 434.1 ГК РФ).

7. Обязанность сохранения конфиденциальной информации, полученной в ходе переговоров

Закон защищает передаваемую в ходе переговоров конфиденциальную информацию от недолжного использования (п. 4 ст. 404-1 ГК Беларуси, п. 5–7 ст. 434.1 ГК РФ). Аналогичное правило предусмотрено ст. 2.1.16 Принципов «Обязанность конфиденциальности».

В переговорах об урегулировании спора стороны также обязаны соблюдать требование о неразглашении конфиденциальной информации и недопустимости злоупотребления ею. Правило о конфиденциальности переговоров об урегулировании спора, включая медиацию и относящуюся к ним информацию, широко распространено в мировой практике. Так, наднациональный орган признавал, что намеренное нарушение конфиденциальности процедуры урегулирования спора, включая опубликование документов, полученных от другой стороны в ходе переговоров, может рассматриваться как злоупотребление правом на обращение в суд [7].

Это связано с тем, что достижение согласия по ним – весьма хрупкий процесс: стороны должны быть уверены, что сказанное ими не может быть использовано против них в том числе в случае последующего судебного разбирательства по данному спору.

8. Доказывание нарушения добросовестности в свете принципа конфиденциальности медиации как вида переговоров

Бремя доказывания нарушения обязанности по добросовестному ведению переговоров по общему правилу лежит на истце, что нашло отражение в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «На истце лежит бремя доказывания того, что, вступая в переговоры, ответчик действовал недобросовестно с целью причинения вреда истцу, например, пытался получить коммерческую информацию у истца» [8].

Возникает вопрос, как с учетом этого обеспечить защиту прав стороны в случае недобросовестного поведения другой стороной в ходе переговоров на примере медиации. Медиация является видом переговоров с участием нейтрального лица – медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации»).

Законодательство о медиации содержит специальные диспозитивные правила о конфиденциальности данной процедуры. Статья 16 Закона Республики Беларусь «О медиации» предусматривает:

«1. При проведении медиации сохраняется конфиденциальность всей информации, относящейся к медиации, если стороны

не договорились об ином, за исключением информации о заключении соглашений о применении медиации, о прекращении медиации.

2. Медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без письменного согласия сторон...

3. Стороны, медиатор, а также другие лица, участвовавшие в медиации, независимо от того, связаны ли судебное разбирательство, третейское разбирательство со спором, который являлся предметом медиации, не вправе ссылаться, если стороны не договорились об ином, в ходе судебного или третейского разбирательства на информацию, полученную в ходе медиации, о:

- мнениях или предложениях, высказанных одной из сторон в отношении возможного урегулирования спора, равно как и о готовности одной из сторон принять предложение другой стороны об урегулировании спора;

- заявлениях и признаниях, сделанных одной из сторон».

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон РФ о медиации) относит к конфиденциальной помимо перечисленного также информацию о предложениях одной из сторон о применении медиации, равно как и готовности одной из сторон к участию в ее проведении (подп. 1 п. 3 ст. 5).

Также Закон РФ о медиации предусматривает в ст. 5, что «искреование от медиатора и от организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, информации, относящейся к процедуре медиации, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами, и случаев, если стороны не договорились об ином». В абзаце седьмом ст. 72 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь устанавливается, что медиатор не может быть свидетелем в отношении фактов, которые стали ему известны в связи с участием в медиации, если только стороны не дали на это свое письменное согласие. Таким образом, без специального соглашения стороны не вправе ссылаться на свидетельские показания медиатора,

в том числе в обоснование заявления о недобросовестности другой стороны.

Прежде всего, диспозитивность данных правил означает, что стороны вправе договориться об ином, в том числе конкретизировать требования к добросовестному ведению переговоров и предусмотреть возможность раскрытия относящейся к процедуре медиации информации для целей рассмотрения вопроса о добросовестности поведения стороны в связи с ней.

Если же стороны этого не сделали, как в свете правил о конфиденциальности сторона может обеспечить защиту своих прав в случае недобросовестности поведения другой стороны?

Если такое поведение включало обман, в результате которого было заключено медиативное соглашение, то оно может быть признано судом недействительным по иску потерпевшей стороны (ст. 179 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств»), а по белорусскому праву – любого заинтересованного лица (п. 1 ст. 180 ГК Беларуси). Потерпевшая сторона вправе требовать от другой стороны возмещения понесенных убытков. Это коррелирует положению подп. 1 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ и проекту ст. 404-1 ГК Беларуси.

Однако потерпевший должен доказать обман. Для этого ему необходимо сослаться на сведения и документы, полученные от другой стороны в ходе переговоров. Как он может это сделать с учетом принципа конфиденциальности?

Представляется, что приведенные выше положения законодательства о медиации прямо не препятствуют стороне сослаться на сведения и документы, полученные от другой стороны в ходе переговоров, если стороны не договорились об ином. Однако если в таких документах содержатся «мнения или предложения в отношении возможного урегулирования спора» или заявления и признания стороны, то при буквальном толковании закона на такие документы в суде сослаться нельзя.

Думается, однако, что такое положение закона следует толковать ограничительно: законный интерес каждой из сторон не может состоять в избежании ответственности за недобросовестное

поведение: это следует, в том числе из следующего положения: «Условия соглашения о порядке ведения переговоров, ограничивающие ответственность за недобросовестные действия сторон соглашения, ничтожны» (п. 5 ст. 434.1 ГК РФ, п. 5 ст. 404-1 ГК Беларуси).

Следовательно, приводить в суде в доказательство недобросовестного поведения другой стороны сведения и документы, полученные от нее в ходе переговоров можно, несмотря на принцип конфиденциальности.

При этом принцип конфиденциальности должен оставаться общим правилом, а отступление от него в интересах гарантий добросовестного поведения – исключением.

Следует отметить, что для содействия самостоятельной выработке гражданами и субъектами хозяйствования взаимоприемлемых решений режим конфиденциальности должен распространяться по общему правилу на любые переговоры об урегулировании спора, а не только на переговоры в рамках медиации.

Выводы

Правила *culpa in contrahendo* в целом применимы к переговорам об урегулировании гражданско-правового спора. Участники таких переговоров несут обязанность действовать добросовестно.

Обязанность не держать другую сторону переговоров о согласовании условий договора поставки (ст. 477 ГК Беларуси) в неразумно длительном ожидании относительно ответа на ее предложение следует распространить на переговоры о согласовании условий любых коммерческих контрактов.

Однако нарушением этой обязанности не будет неинформирование другой стороны относительно ее прав и обязанностей по существу спора, если при этом не было обмана.

В изъятие из общего принципа конфиденциальности в исключительных случаях сторона вправе ссылаться на сведения и документы, полученные в ходе переговоров (в том числе медиации), в обоснование недобросовестности поведения другой стороны.

Список использованных источников

1. Мещанова, М. В. Преддоговорная ответственность: материальный и коллизивно-правовой аспекты / М. В. Мещанова // Актуальные проб-

лемы развития законодательства в сфере экономики, природопользования и охраны окружающей среды : сб. науч. ст. / под ред. О. А. Бакиновской. – Минск : Колорград, 2018. – С. 87–100.

2. Принципы международных коммерческих контрактов 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-Russian-bl.pdf>. – Дата доступа: 26.12.2023.

3. *Аболонин, В. О.* Судебная медиация: теория, практика, перспективы / В. О. Аболонин. – М. : Инфотропик Медиа, 2014.

4. *Davies, M.* International transactions in goods: global sales in comparative context / M. Davies, D. V. Snyder. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 478 p.

5. La transazione nella prassi interna ed internazionale // *Antologia*, a cura di Edoardo Andreoli. – Padova : CEDAM, 2000. – P. 351–352.

6. Постановление Кассационного суда Франции, 12 февр. 1997 г. // *Lucas, Andre.* Code civil. – Paris : Litec, 2001. – P. 1070–1071.

7. Миролубов и другие против Латвии (*Miroļubov and others v. Latvia*) (№ 798/05) [Электронный ресурс] : постановление III секции Европейского суда по правам человека. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=002-1348>. – Дата доступа: 01.02.2024.

8. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ, 24 марта 2016 г., № 7 (ред. от 22.06.2021) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс. – М., 2024.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЯ ПО ДОГОВОРУ ОКАЗАНИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСЛУГ

Демкина Е. А.

*преподаватель кафедры гражданского права,
ФГБОУВО «Саратовская государственная юридическая академия»,
ул. им. Чернышевского Н.Г., зд. 104 стр. 3, 410056 Саратов, Россия,
elenadyomkina@yandex.ru*

Аннотация. Вспомогательные репродуктивные технологии сделали огромный шаг вперед за последнее время, долгожданное материнство теперь доступно практически каждому, однако данное направление в медицине является сложным и сопряжено со значительными рисками для вреда жизни и здоровью пациента. Пожалуй, самым верным решением станет страхование профессиональной ответственности врачей, поскольку поможет защитить врачей и медицинские учреждения от финансовых потерь, связанных с возможными исками пациентов, позволит установить стандарты качества и безопасности оказания репродуктивных услуг и повысить профессиональные стандарты в сфере репродуктивной медицины. Цель исследования: проанализировать конкретные правовые ситуации наступления гражданско-правовой ответственности, найти пути дальнейшего развития правовых отношений в сфере профессиональной ответственности врачей. В рамках данного исследования автор предлагает рассмотреть страхование профессиональной ответственности как основного критерия защиты не только врачей, но и медицинского учреждения от финансовых потерь, связанных с возможными исками пациентов. Анализ данной темы показал, что необходимо на законодательном уровне внедрить обязательное страхование врачей, но при этом решив ряд важных вопросов.

Ключевые слова: ответственность; риск; вред жизни и здоровью; врач; пациент; медицинская организация; страхование.

CONTRACTOR'S RESPONSIBILITY UNDER THE AGREEMENT FOR REPRODUCTIVE SERVICES

Demkina E.

*Lecturer at the Department of Civil Law, Saratov State Law Academy,
them. Chernyshevsky N.G Str., 104 building 3, 410056 Saratov,
Russia, elenadyomkina@yandex.ru*

Abstract. Assisted reproductive technologies have made a huge step forward in recent years; long-awaited motherhood is now available to almost everyone, but this area of medicine is complex and carries significant risks of harm to the life and health of the patient. Perhaps the best solution would be professional liability insurance for doctors, since it will help protect doctors and medical institutions from financial losses associated with possible claims from patients, will establish standards for the quality and safety of reproductive services, and raise professional standards in the field of reproductive medicine. Purpose of the study: to analyze specific legal situations of civil liability, to find ways to further develop legal relations in the field of professional liability of doctors. As part of this study, the author proposes to consider professional liability insurance as the main criterion for protecting not only doctors, but also medical institutions from financial losses associated with possible claims from patients. Analysis of this topic showed that it is necessary to introduce compulsory insurance for doctors at the legislative level, but at the same time solving a number of important issues.

Keywords: responsibility; risk; harm to life and health; doctor; patient; medical organization; insurance.

С каждым годом стремительные обороты набирает развитие вспомогательных репродуктивных технологий, позволяющих увеличить шансы долгожданного материнства. Данное направление в медицине можно назвать сложным, поскольку сопряжено с существенными рисками для жизни и здоровья пациентов. Отсутствие законодательных механизмов в России, которые позволяют привлекать врачей к ответственности за некачественно оказанные репродуктивные услуги, является серьезной проблемой, поскольку это создает неблагоприятные условия для пациентов и может приводить к нежелательным последствиям.

Неправильное лечение и причинение вреда здоровью и жизни пациента являются основными последствиями некачественных репродуктивных услуг. Когда врач не выполняет свои обязанности должным образом, это может привести к непредвиденным осложнениям и внесению дополнительных проблем в репродуктивный процесс. Поэтому важно, чтобы пациенты имели возможность обратиться за справедливостью и возмещением ущерба, если им были предоставлены некачественные услуги. Кроме того, нарушение условий договора оказания репродуктивных услуг также может быть

последствием некачественной работы врачей, поскольку это может включать несоблюдение медицинских протоколов, недостаточное информирование пациентов о рисках и побочных эффектах процедур, а также ненадлежащую организацию послеоперационного ухода. Все это создает неблагоприятные условия для пациентов и может привести к негативным последствиям.

В п. 11 ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» сказано, что медицинская организация – юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую деятельность на основании лицензии, выданной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности [1]. В соответствии с п. 1 ст. 1068 ГК РФ на юридическое лицо возлагается обязанность возмещения вреда, причиненного его работником, находящимся с ним в трудовых отношениях [2].

Таким образом, вопрос об установлении основания привлечения к гражданско-правовой ответственности субъекта, некачественно оказавшего репродуктивную услугу, будет зависеть от того, какая форма ответственности применяется (деликтная или договорная). Если речь идет о возмездном оказании репродуктивных услуг, то следует применять правила главы 39 ГК РФ. Вопросы ответственности в этом случае регулируются главой 25 ГК РФ, которая относится к ответственности за нарушение обязательств.

Заметим, что если мы говорим о защите прав пациентов как потребителей репродуктивных услуг, то речь идет как о договорной, так и о внедоговорной ответственности. Достаточно часто можно наблюдать ситуацию, что договорная и внедоговорная ответственность находятся в неразрывной связи друг с другом. Отличие же их состоит в том, что меры гражданско-правовой ответственности прописываются в договоре или соглашении сторон, а вот санкции за преступления в области медицины могут быть установлены только законом и иными правовыми актами. Не имеет значения, прописаны они в договоре или нет. Важно разграничивать договорную и деликтную ответственность при оказании репродуктивных услуг. В случае наступления договорной ответственности будут применяться диспозитивные нормы закона, соответствующие

пунктам договора, а при деликтной только императивные нормы главы 59 ГК РФ.

Репродуктивная услуга, как и любая другая, направлена на удовлетворение потребностей и запросов пациента, в данном случае исполнитель оказал ее, при этом долгожданная беременность так и не наступила, но и вред здоровью в процессе ее оказания не был нанесен, поэтому применимы и нормы договора, и диспозитивные нормы закона. В этом случае ответственность вытекает из самого договора, она не является неожиданной для сторон, они готовы и к такому развитию событий и договариваются об этом заранее.

Рассмотрим конкретные примеры. В 2018 г. в Челябинске по ошибке перепутали биологический материал при процедуре искусственного оплодотворения [3]. Вероятная подмена произошла на этапе эмбриологической лаборатории врачом-эмбриологом. Была проведена ДНК-экспертиза, подтверждающая факт рождения неродного ребенка. В ходе судебного разбирательства между истцом и ответчиком было заключено мировое соглашение, согласно которому медицинская организация обязалась выплатить паре компенсацию в размере 4 млн. В данном примере пара совершенно случайно узнала о подмене биоматериала, а сколько подобных врачебных ошибок происходит на самом деле?

В качестве еще одного примера хотелось бы привести случай, произошедший в США [4]. Медицинский работник по своей халатности перепутал генетический материал, что привело к рождению ребенка иной расы, нежели сами родители-заказчики. Данную ошибку медицинская организация обосновала тем, что эмбриологическая лаборатория обслуживает «большой поток клиентов». Возможно, что данные случаи носят единичный характер, но существует определенный риск, что медицинский работник может совершить ошибку. Полагаем, что несмотря на наличие между пациентом и медицинской организацией договора о предоставлении платных услуг, в случае причинения вреда жизни или здоровью пациента у последнего есть право требовать возмещения вреда в соответствии с нормами о деликтной ответственности, что, в свою очередь, будет иметь юридически значимые последствия как для пациента, так и для медицинской организации».

Можно отметить, что рассмотрение аналогичных дел вызывает больше вопросов, нежели ответов. Ведь, казалось бы, с одной стороны, пациент-потребитель всегда прав (если докажет, что было нарушение) и может по закону претендовать на все предусмотренные выплаты, но с другой стороны, в ходе судебного разбирательства ситуация может измениться и развернуться не в пользу истцов-пациентов. В таких спорах обязательно проведение независимых медицинских экспертиз, поскольку исследование «бумажных доказательств» явно недостаточно.

В качестве второго примера могут выступать осложнения при процедуре искусственного оплодотворения. Так, при проведении искусственного оплодотворения возможны осложнения со здоровьем пациента (самым распространенным заболеванием является гиперстимуляции яичников). Истец М. обратился в суд к Перинатальному центру с исковым заявлением о признании договоров возмездного оказания медицинских услуг по экстракорпоральному оплодотворению недействительными, возмещении вреда, причиненного здоровью, взыскании неустойки, компенсации морального вреда. Истец также приобрел медицинские препараты для стимуляции яичников, которые ей вводились в виде инъекции до переноса эмбриона в полость матки. На протяжении всего этого времени (периода введения препаратов-индукторов овуляции) истец ощущал боли, дискомфорт в нижней части живота, о чем было сообщено лечащему врачу [5].

Вопреки возникшим осложнениям у истца врач осуществил перенос эмбриона в полость матки. Во всех источниках информации говорится о том, что при синдроме гиперстимуляции яичников (СГЯ) беременность наступает вдвое реже, чем у тех, у кого нет осложнений, и практикуется отмена у подсадки эмбрионов с последующей их криоконсервацией и переносом в естественном цикле. На следующий день состояние здоровья истца ухудшилось, в результате чего она была госпитализирована в стационар с диагнозом СГЯ средней степени тяжести.

Истец полагает, что были нарушены условия договора, а именно право на предоставление информации о медицинской услуге, поскольку в день переноса эмбриона врач не владел информацией о количестве и качестве эмбрионов, соответственно, данная информация до истца не доводилась.

В результате истец поступила в стационар, где был диагностирован неполный ранний самопроизвольный аборт после ЭКО. По экстренным показаниям было проведено выскабливание полости матки и проведено лечение, что подтверждается выпиской из истории болезни. По мнению истца, ответчиком предоставлена некавалифицированная медицинская помощь, некачественное оказание медицинской услуги.

Судом установлено, что факт некачественного оказания репродуктивной услуги и причинения вреда здоровью истца не нашел своего подтверждения, а процедура ЭКО выполнена в соответствии с установленными стандартами и правилами, произошедший неполный ранний самопроизвольный аборт после ЭКО не вызван ненадлежащим оказанием медицинской помощи истцу.

О возможных осложнениях, в том числе синдроме гиперстимуляции яичников, а также возможности прерывания беременности после ЭКО в любые сроки (возложена на пациентов обязанность не предъявлять претензии в случае прерывания беременности после ЭКО в любые сроки), истец была проинформирована в добровольном согласии супружеской пары на проведение ЭКО. Вместе с тем суд пришел к выводу, что истцу не была предоставлена полная и необходимая информация, а именно о качестве и количестве эмбрионов перед их переносом.

Операция искусственного оплодотворения является сложным и технически непростым процессом, который может потенциально повлечь ряд нежелательных последствий, одним из таких последствий может быть рождение неполноценного ребенка. В данном случае закономерен вопрос о возмещении вреда в случае рождения неполноценного ребенка.

Определять, кто должен нести ответственность за возмещение вреда, в данном случае можно с учетом нескольких факторов. Во-первых, несомненно, ответственность лежит на медицинском центре, где произошла операция искусственного оплодотворения. Медицинский центр должен быть ответственным за своих врачей и обеспечить высокий уровень процедуры оплодотворения и качество медицинского обслуживания в целом.

Другой важный фактор – возможность спрогнозировать риски, которые могут возникнуть в результате операции искусственного

оплодотворения. Медицинский центр должен провести тщательное обследование и диагностику потенциальных родителей перед началом процесса оплодотворения, чтобы определить вероятность возникновения таких рисков. Также центр должен предупреждать пациентов-заказчиков о возможных последствиях и рисках операции, чтобы обеспечить информированный выбор.

Неполноценность ребенка является серьезным и сложным юридическим вопросом, поэтому основополагающим принципом является необходимость возмещения вреда, причиненного недостатками процедуры искусственного оплодотворения.

Основанием для наступления субъективной ответственности следовало бы считать повреждение плода (в случае доказанного виновного противоправного действия или халатности медцентра или врача), допущенного при экстракорпоральном оплодотворении.

Согласно п. 1 ст. 1081 ГК РФ лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т. п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

В ситуации возмещения учреждением здравоохранения вреда, причиненного жизни (здоровью) пациента, именно оно будет тем самым лицом в контексте вышеуказанной правовой нормы.

Как справедливо отмечается, ответственность за причинение вреда здоровью или жизни пациента медучреждения несут на основании ст. 1084 ГК РФ и 1095 ГК РФ.

Регрессная ответственность врача означает, что врач может быть привлечен к ответственности за возможные негативные последствия своих действий или бездействия, даже если он действовал в соответствии со стандартами профессиональной практики. Это связано с тем, что медицинская практика не может гарантировать полный успех лечения, и потерпевший имеет право на возмещение убытков, если были допущены ошибки или небрежность со стороны врача.

Для того, чтобы врач нес ответственность по регрессной исковой процедуре, необходимы следующие условия: наличие вреда,

причиненного пациенту; неправильные действия врача или его бездействие; наличие доказательств того, что вред был причинен именно действиями или бездействием врача; наличие связи между действиями врача и причиненным вредом.

Однако суды рассматривают такие дела очень тщательно и решают их индивидуально, учитывая все обстоятельства случая.

В связи с вышеизложенным наиболее эффективным инструментом регулирования профессиональных рисков является страхование, которое минимизирует возможный ущерб от наступления ответственности перед пациентом. Большинство зарубежных стран признают важность страхования медицинской ответственности и имеют специальные нормативные акты, регулирующие этот вид страхования, что позволяет обеспечивать финансовую защиту медицинских учреждений и помогает поддерживать качество и безопасность медицинской помощи. Страхование медицинской ответственности имеет и свои плюсы (финансовая защита от возможных судебных исков и потенциальных компенсаций; повышение доверия пациентов и общества к врачебной деятельности; повышение стандартов качества оказания репродуктивной услуги путем предъявления дополнительных требований врачам и медицинским учреждениям по отношению к качеству и безопасности оказываемой медицинской помощи), и свои минусы (высокая стоимость, которая может быть непосильна для многих специалистов; сложности с налогообложением; риски для страховых компаний и т. д.).

В России страхование профессиональной медицинской ответственности является необязательным (п. 7 ч. 1 ст. 72 Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» закреплено право медицинских работников на страхование риска своей профессиональной ответственности), хотя на сегодняшний день популярность страхования растет с каждым годом. Многие медицинские организации и врачи страхуются, чтобы защитить себя от возможных рисков и ущерба от исков со стороны пациентов. Система страхования медицинской ответственности в России основана на добровольном вступлении врачей и медицинских организаций в страховые программы. Страховые компании предлагают различные виды полисов, которые покрывают

ответственность врачей за медицинские ошибки, причинение вреда здоровью или жизни пациента.

Страхование медицинской ответственности является важным инструментом регулирования профессиональных рисков в медицине, поскольку оно помогает обеспечить финансовую защиту и профессиональную поддержку врачам и медицинским организациям, а также повышает доверие пациентов.

Следовательно, нужно ставить вопрос о внедрении обязательного страхования ответственности, для чего предстоит ответить на ряд принципиально важных вопросов, а именно: какие категории медицинских работников должны быть обязаны страховать свою профессиональную ответственность? Это может варьироваться в зависимости от профессии и уровня риска? Какие риски должны быть включены в страхование профессиональной ответственности медицинских работников? Включать ли только ошибки в лечении или также и другие аспекты, такие как ошибки в диагностике, неправильные процедуры и т. д.? Какие стандарты и требования должны быть установлены для страховых компаний, предоставляющих такое страхование (включая коммерческие, обязательные условия страхования и систему оценки рисков)? Какие будут последствия для медицинских работников, не имеющих страхование профессиональной ответственности? Будут ли применяться штрафы или другие меры дисциплинарного наказания? Какая будет стоимость страхования и как она будет оплачена? Будет ли плата за страхование взиматься непосредственно с медицинских работников или будет оплачиваться из общих средств? Как будет осуществляться контроль и надзор за страховыми компаниями, чтобы обеспечить их надежность и справедливость в условиях страхования? Какие будут последствия для медицинских работников в случае их отказа от страхования профессиональной ответственности или невыполнения обязательств по оплате страховки?

Все эти вопросы требуют тщательного анализа и решения со стороны законодателя, чтобы разработать эффективную и справедливую систему обязательного страхования ответственности для медицинских работников. Это позволит обеспечить компенсацию пострадавшим пациентам и защиту прав и интересов медицинских работников.

Список использованных источников

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федер. закон, 21 нояб. 2011 г., № 323-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724; 2023. – № 31. – Ч. 3. – Ст. 5812.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая), 26 янв. 1996 г., № 14-ФЗ (в ред. от 24 июля 2023 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; 2023. – № 31. – Ч. 3. – Ст. 5765.
3. В перинатальном центре Челябинска перепутали эмбрионы при ЭКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://74.ru/text/health/2021/07/23/70038854/>. – Дата доступа: 12.12.2023.
4. Женщина родила ребенка другой расы после похода к врачу и пошла в суд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2019/09/12/vot_eto_da/. – Дата доступа: 22.08.2023.
5. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru>. – Дата доступа: 12.12.2023.

**КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ
С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Евменчикова О. А.

*старший преподаватель кафедры гражданского права,
юридический факультет, Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
evmenchikova@bsu.by*

Аннотация. Статья посвящена исследованию коллизионного регулирования договорных обязательств с участием государства по законодательству Республики Беларусь и зарубежных стран. Автором проведен анализ законодательства Республики Беларусь, а также законодательства ряда государств, с которыми у Республики Беларусь установлено тесное экономическое сотрудничество. По результатам анализа выделены особенности правового регулирования договорных обязательств.

Ключевые слова: договоры с участием государства; применимое право к договорам; принцип автономии воли; принцип характерного исполнения; принцип наиболее тесной связи.

**CONFLICT-OF-LAWS REGULATION
OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS
WITH STATE INVOLVEMENT UNDER THE LEGISLATION
OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND FOREIGN COUNTRIES**

Yevmenchikova O.

*Senior Lecturer at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
evmenchikova@bsu.by*

Abstract. The article is devoted to the research of conflict-of-laws regulation of contractual obligations with state involvement under the legislation of the Republic of Belarus and foreign countries. The author analyzes the legislation of the Republic of Belarus and foreign countries which close economic cooperation has been established with. In the result of an analysis the specific features of legal of contractual obligations were highlighted.

Keywords: contracts with state involvement; law applicable to the contracts; *lex voluntatis*; concept of characteristic performance; proper law of the contract.

В качестве основополагающего принципа регулирования договорных обязательств в международном частном праве рассматривается принцип автономии воли сторон (*lex voluntatis*). Данный принцип в равной степени применим также и к отношениям с участием государства в силу ст. 1114 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

В случае отсутствия предварительного соглашения сторон вопрос о выборе применимого права подлежит разрешению на основании коллизионных норм, избранных компетентным юрисдикционным органом. При этом используемые для определения применимого права формулы прикрепления могут отличаться в зависимости от системы коллизионных правил регулирования договорных обязательств, действующей в государстве, в котором находится указанный юрисдикционный орган. В сфере договорных обязательств наиболее распространенным является использование концепции характерного исполнения и принципа наиболее тесной связи. Концепция характерного исполнения (*characteristic performance*) означает применение права страны местонахождения (основного места деятельности, места жительства) стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора [1, с. 142]. Закон наиболее тесной связи (*proper law of the contract*) предполагает применение к договору в отсутствие соглашения сторон права государства, с которым правоотношение наиболее тесно связано, и позволяет определить применимое право с учетом всей совокупности факторов и обстоятельств рассматриваемого правоотношения.

В качестве общего правила для выбора применимого права при отсутствии соглашения сторон в законодательстве Республики Беларусь (ст. 1125 ГК), а также ряда государств, с которыми у Республики Беларусь установлено тесное экономическое сотрудничество (ст. 1113 Гражданского кодекса Республики Казахстан; ст. 1199 Гражданского кодекса Кыргызской Республики; ст. 1285 Гражданского кодекса Республики Армения), установлен ряд критериев

для определения применимого права к поименованным договорам, перечисленным в соответствующих статьях гражданских кодексов названных государств, а в отношении иных договоров коллизионное регулирование исходит из концепции характерного исполнения: при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве к договору должно применяться право страны основного места деятельности определенной поименованной стороны договора [2, с. 211]. При невозможности определить сторону договора, осуществляющую решающее исполнение, следует руководствоваться правом страны, с которой договор наиболее тесно связан (закон наиболее тесной связи). Иной подход к определению применимого к договору права в отсутствие соглашения сторон характерен для законодательства Российской Федерации, которым предусмотрена корректирующая оговорка, в результате чего принцип наиболее тесной связи договора с территорией определенного государства подлежит применению независимо от того, право какого государства будет установлено в качестве применимого на основании комплекса коллизионных норм, определяющих сторону, осуществляющую решающее исполнение, если из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что договор более тесно связан с правом конкретной страны (п. 9 ст. 1211 Гражданского кодекса Российской Федерации). Таким образом, в отличие от иных государств - членов ЕАЭС, по законодательству Российской Федерации применимое право в большинстве случаев будет определяться на основе принципа наиболее тесной связи, независимо от положений иных коллизионных норм. Следует отметить, что со вступлением в силу изменений, внесенных в ГК Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов», существующий в законодательстве Республики Беларусь подход в отношении определения подлежащего применению к договору права при отсутствии соглашения сторон будет значительно изменен, в том числе путем введения корректирующей оговорки.

Законодательные подходы к определению права, применимого к договору, в государствах Восточной Азии отличаются. Так, в законодательстве Южной Кореи при отсутствии соглашения сторон

о выборе применимого права используется коллизийная привязка «закон места заключения договора» [3, с. 9], а законодательство Вьетнама исходит из принципа наиболее тесной связи [4, ст. 683]. В законодательстве КНР установлен альтернативный подход в вопросах выбора применимого права к договорным обязательствам в отсутствие соглашения сторон: по усмотрению суда применимое право может быть определено либо на основании доктрины характерного исполнения, либо на основании принципа наиболее тесной связи [5, с. 41]. Представляется, что ввиду отсутствия в данном законе четких критериев установления стороны договора, осуществляющей решающее исполнение, возрастает вероятность использования судом принципа наиболее тесной связи для определения применимого права.

Исходя из концепции коллизийного регулирования договорных обязательств, закрепленной в законодательстве Казахстана, Армении, Кыргызстана, принцип наиболее тесной связи подлежит применению при невозможности установить сторону, осуществляющую решающее исполнение. Подобная ситуация может возникнуть в случае заключения смешанных и (или) непоименованных договоров. Принцип наиболее тесной связи закреплен в качестве основного при определении права, применимого к таким договорам, в отсутствие соглашения сторон о выборе применимого права в законодательстве Российской Федерации (п. 10 ст. 1211 Гражданского кодекса Российской Федерации), аналогичный подход получил отражение в новой редакции п. 7 ст. 1125 ГК.

Как отмечается в литературе, «для того, чтобы применить данный критерий, необходимо установить «наиболее тесную связь» возникшего правоотношения с конкретным правопорядком» [2, с. 64]. Хотя на практике применение критерия наиболее тесной связи имеет определенные сложности в силу высокой степени неопределенности его содержания и присутствия субъективного начала, поскольку «выбор права осуществляется путем толкования судом (арбитражем) договора и всех относящихся к нему обстоятельств» [2, с. 68], в доктрине принцип наиболее тесной связи также приводится в качестве основания для применения права государства к договорным отношениям с частными лицами, поскольку в большинстве случаев

сделки с участием государства имеют существенные связи с его территорией [6, с. 79; 7, с. 136; 8, с. 92]. Кроме того, в большинстве случаев исполнение по договорам с участием государства осуществляется на территории данного государства. В частности, инвестиции на основании инвестиционного соглашения осуществляются на территории государства, выступающего его стороной. Если инвестиционное соглашение между иностранным инвестором и государством не содержит оговорку о применимом праве, отношения сторон подчиняются, как правило, праву государства-реципиента. Кроме того, заключение договоров с участием государства в некоторых случаях связано с выполнением определенных процедур на территории данного государства: проведение аукциона (конкурса) по выбору поставщика (исполнителя), регистрация договоров в государственных реестрах и т. п., что также служит дополнительным фактором, свидетельствующим о наличии тесной связи договора с территорией Республики Беларусь. В частности, законодательством Республики Беларусь предусмотрено проведение:

- конкурса по выбору частного партнера для заключения соглашения о государственно-частном партнерстве (ст. 6 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве»);

- конкурса или аукциона по выбору инвестора для заключения с ним концессионного договора (ст. 13 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З «О концессиях»);

- конкурса по выбору инвестора (инвесторов) для заключения с ним инвестиционного договора (п. 1.3 Декрета Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь»);

- конкурса или аукциона по продаже акций (долей в уставных фондах) хозяйственных обществ, находящиеся в собственности Республики Беларусь или в собственности административно-территориальных единиц, а также предприятий как имущественных комплексов в процессе приватизации государственного имущества (ст. 4 Закона Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2103-ХІІ «О приватизации государственного имущества и преобразовании

государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества»).

Процедура регистрации договоров в государственных реестрах установлена законодательством для:

- инвестиционных договоров (п. 13 Положения о порядке заключения, изменения и прекращения инвестиционных договоров между инвестором (инвесторами) и Республикой Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 июля 2016 г. № 563 «О мерах по реализации Декрета Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10»;

- концессионных договоров (ст. 23 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-3 «О концессиях»);

- соглашений о государственно-частном партнерстве (п. 4 ст. 24 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-3 «О государственно-частном партнерстве»);

- договоров, предметом которых является недвижимое имущество (п. 3 ст. 9 Закона Республики Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-3 «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним»);

- лицензионных договоров, договоров уступки и договоров залога прав на объекты интеллектуальной собственности (п. 1.1 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 21 марта 2009 г. № 346 «О регистрации лицензионных договоров, договоров уступки прав на объекты права промышленной собственности, договоров о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак, знак обслуживания, и договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга)»).

Таким образом, ввиду наличия в ГК корректирующей оговорки возникают основания для признания тесной связи договора с Республикой Беларусь, что может стать дополнительным фактором, определяющим разрешение коллизионного вопроса в пользу белорусского права.

Полагаем, во избежание возможных споров и разночтений в толковании правовых норм в законодательстве должна быть закреплена единая концепция иммунитета государства по коллизионным вопросам. В этой связи в целях повышения степени

юридической определенности и обеспечения устойчивости позиций государства при участии в правоотношениях с частными лицами представляется более предпочтительным использование принципа автономии воли сторон к определению права, применимого к договорным отношениям с участием государства. При этом для обеспечения баланса интересов сторон, в качестве меры, гарантирующей интересы иностранных контрагентов в случаях подчинения договора между Республикой Беларусь и иностранными частными субъектами праву Республики Беларусь, может быть использована стабилизационная оговорка. Как отмечается в литературе, цель стабилизационных оговорок (*stabilization clause*) – обеспечить неизменность законодательства, регулирующего порядок и условия осуществления деятельности в рамках международных коммерческих контрактов в течение срока их действия [9, с. 23]. Сфера применения стабилизационной оговорки в международной практике охватывает следующие вопросы: налоговый режим; запрет дискриминации; курс обмена валют; доступность иностранной валюты; свободный перевод валюты за границу [9, с. 24–25]. Включение в сферу применения стабилизационной оговорки указанных вопросов свидетельствует о ее значительной публично-правовой составляющей, что не позволяет отнести данную меру к частноправовым способам разрешения коллизионного вопроса о праве, применимом для регулирования отношений с участием государства. Кроме того, как указывает С. И. Крупко, «действительность стабилизационной оговорки, которая включена в инвестиционное соглашение, зависит от права, применимого при разрешении инвестиционного спора», поскольку зачастую применение стабилизационной оговорки тесно взаимосвязано с вопросами полномочий представителей государства и ограничения суверенной свободы действий [10, с. 12].

Представляется, что использование стабилизационной оговорки в международных коммерческих контрактах, заключенных Республикой Беларусь с иностранными частными субъектами, целесообразно в исключительных случаях, в частности, при реализации крупных инвестиционных и инфраструктурных проектов, имеющих ключевое значение для экономики Республики Беларусь, что обусловлено необходимостью защиты национальных интересов.

Список использованных источников

1. *Вилкова, Н. Г.* Договорное право в международном обороте / Н. Г. Вилкова. – М. : Статут, 2004. – 511 с.
2. *Международное частное право : учеб. пособие / под ред. В. П. Мороза.* – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2016. – 496 с.
3. Закон Южной Кореи о коллизиях законов 1962 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/060401>. – Дата доступа: 13.12.2023.
4. Civil Code of the Socialist Republic of Vietnam : Law, November 24, 2015, No. 91/2015/QN13 [Electronic resource]. – 2023. – Mode of access: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/vn/vn079en.pdf>. – Date of access: 13.12.2023.
5. Закон Китайской Народной Республики о применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям, 28 окт. 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/data/2015/11/16/1081085258/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%202010.pdf>. – Дата доступа: 13.12.2023.
6. *Delaume, G.* Law and Practice of Transnational Contracts / G. Delaume. – New York : Oceana Publications, 1988. – 409 p.
7. Отдельные виды обязательств в международном частном праве. – М. : Статут, 2008. – 601 с.
8. *Sornarajah, M.* The pursuit of nationalized property / M. Sornarajah. – Dordrecht : M. Nijhoff Publ., 1986. – 354 p.
9. *Лихуто, А. Ю.* Стабилизационная оговорка: на пути к балансу интересов сторон / А. Ю. Лихуто // Промышл.-торговое право. – 2015. – № 4. – С. 23–27.
10. *Крупко, С. И.* Инвестиционные соглашения и споры между государством и частным иностранным инвестором / С. И. Крупко // Хозяйство и право. – 2001. – № 5. – С. 3–54.

**ДОГОВОР НАЙМА
ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЖИЛИЩНОГО ФОНДА**

Емельянова Ю. В.

*старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права,
Институт управленческих кадров,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007 Минск, Беларусь,
juliav_resh@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена договору найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда, который является одним из основных способов удовлетворения потребности в жилье для граждан, нуждающихся в социальной защите. Отмечается, что на условиях договора найма жилого помещения социального пользования государственным жилищного фонда гражданам предоставляется в безвозмездное владение и пользование жилое помещение социального пользования, имеющее ряд особенностей в правовом режиме.

Ключевые слова: граждане, нуждающиеся в социальной защите; договор найма жилого помещения социального пользования государственно-жилищного фонда; жилое помещение социального пользования; право на жилище; социальная защита.

**LEASE AGREEMENT OF RESIDENTIAL PREMISES
FOR SOCIAL USE OF THE STATE HOUSING FUND**

Emelyanova Y.

*Senior Lecturer of the Department of Civil and Economic Law,
Institute of Managerial Personnel,
Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
Moskovskaya Str., 17, 220007 Minsk, Belarus,
juliav_resh@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the contract for the lease of residential premises for social use of the state housing stock, which is one of the main ways to meet the housing needs of citizens in need of social protection. It is noted that under the terms of the lease agreement for social residential premises of the state housing stock, citizens are provided with free possession and use of social residential premises, which has a number of features in the legal regime.

Keywords: citizens in need of social protection; rental agreement for residential premises for social use of the state housing stock; residential premises for social use; right to housing; social protection.

Согласно ч. 2 ст. 48 Конституции Республики Беларусь гражданам, нуждающимся в социальной защите, жилище предоставляется государством и местным самоуправлением бесплатно или по доступной для них плате в соответствии с законодательством. Одним из основных начал жилищного законодательства является принцип предоставления жилых помещений государственного жилищного фонда в первую очередь гражданам, нуждающимся в социальной защите. В развитие данных положений законодатель в главе 16 Жилищного кодекса Республики Беларусь (далее – ЖК) определяет основания, порядок и категорию граждан, имеющих право на получение жилых помещений социального пользования государственного жилищного фонда.

Жилые помещения социального пользования предоставляются гражданам во владение и пользование на условиях договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда.

В действующем законодательстве отсутствует легальное определение договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда. Поскольку договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда является видом договора найма жилого помещения, то легальное определение договора найма жилого помещения, закрепленное в п. 1 ст. 50 ЖК является универсальным для всех его видов с учетом особенностей, установленных законодательством.

По своей правовой природе договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда является двусторонним, консенсуальным, безвозмездным, и, как правило, бессрочным.

Сторонами договора являются наниматель и наймодатель. Нанимателем жилого помещения социального пользования может быть гражданин, имеющий право на получение жилого помещения социального пользования (ст. 108 ЖК).

Категории граждан, которые имеют право на получение жилого помещения социального пользования, определены п. 1 ст. 105 ЖК. При этом к лицам, имеющим право на получение такого жилого помещения, отнесены только те граждане, которые состоят на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, независимо от размера их дохода (подп. 1.1–1.11 п. 1 ст. 105 ЖК) и с определенным уровнем материальной обеспеченности (подп. 1.12 п. 1 ст. 105 ЖК). Порядок определения среднемесячного совокупного дохода и стоимости имущества граждан и членов их семей для предоставления жилого помещения социального пользования установлен постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 февраля 2006 г. № 301.

Право на получение жилого помещения социального пользования возникает у граждан с даты принятия их на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий и, по общему правилу, может быть реализовано только один раз. В п. 2 ст. 105 ЖК предусмотрены два исключения из данного правила, в частности: при выселении из одного жилого помещения социального пользования в другое жилое помещение социального пользования, а также при улучшении жилищных условий малообеспеченных граждан, указанных в подп. 1.12 п. 1 ст. 105 ЖК.

Жилые помещения социального пользования предоставляются гражданам, имеющим право на получение таких жилых помещений, в порядке очередности исходя из времени принятия на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Вне очереди жилые помещения социального пользования предоставляются гражданам:

- больным активной формой туберкулеза с бактериовыделением, что подтверждено клинико-лабораторными или иными методами исследования, если при соблюдении больными предписанного режима лечения и после проведенного шестимесячного курса противотуберкулезного лечения сохраняется выделение микобактерий;

- указанным в подп. 1.1, 1.3–1.8 (неработающие одинокие инвалиды I и II группы), 1.9, абз. 2 и 8 подп. 1.12. п. 1 ст. 105 ЖК, например, гражданам, жилые помещения которых вследствие чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, боевых действий и актов терроризма стали непригодными для проживания.

При нарушении очередности предоставления жилого помещения социального пользования граждане, чьи права нарушены, вправе обжаловать решение о предоставлении жилого помещения социального пользования в судебном порядке.

Существенными условиями договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда являются:

1) предмет договора, которым является жилое помещение социального пользования. Предоставляемое нанимателю жилое помещение социального пользования должно соответствовать типовым потребительским качествам, то есть быть благоустроенным применительно к условиям соответствующего населенного пункта.

Передача жилого помещения социального пользования нанимателю должна осуществляться по акту о приеме-передаче во владение и пользование жилого помещения (п. 1 ст. 54 ЖК), который составляется сторонами договора в произвольной письменной форме.

Заселенные жилые помещения социального пользования не подлежат исключению из состава жилых помещений социального пользования, кроме случаев, предусмотренных ЖК и иными законодательными актами (п. 4 ст. 104 ЖК);

2) срок действия договора, если договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда является срочным.

По общему правилу, жилое помещение социального пользования передается нанимателю в бессрочное владение и пользование, но из данного правила есть два исключения, а именно:

- сроком на 5 лет договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда заключается с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, в отношении которых принято решение об эмансипации или которые вступили в брак, и лицами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

- сроком на 10 лет договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда заключается с одним из трудоспособных совершеннолетних членов семьи бывшего нанимателя, проживающих совместно с ним и не имеющих

во владении и пользовании жилого помещения государственного жилищного фонда соответствующего вида на основании договора найма либо в собственности в данном населенном пункте другого жилого помещения общей площадью 15 кв. м и более (в г. Минске – 10 кв. м и более) на одного человека, соответствующего установленным для проживания санитарным и техническим требованиям;

3) срок внесения платы за жилищно-коммунальные услуги и возмещения расходов на электроэнергию. Данный срок определен законодательством, в частности, согласно п. 1 ст. 31 ЖК плата за жилищно-коммунальные услуги вносится и расходы на электроэнергию возмещаются нанимателями жилых помещений за каждый истекший месяц не позднее 25-го числа следующего за ним;

4) члены семьи нанимателя жилого помещения социального пользования, которые имеют право владения и пользования жилым помещением. Так, согласно п. 2 ст. 106 ЖК жилые помещения социального пользования предоставляются:

- гражданину и совместно состоящим с ним на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий супруге (супругу), их несовершеннолетним и совершеннолетним нетрудоспособным детям и нетрудоспособным родителям;

- детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в отношении которых принято решение об эмансипации или которые вступили в брак, и лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – без учета членов их семей;

- гражданам, взявшим на воспитание троих и более детей-сирот и (или) детей, оставшихся без попечения родителей, – с учетом их несовершеннолетних детей, а также воспитываемых детей-сирот и (или) детей, оставшихся без попечения родителей.

При заключении договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда стороны должны руководствоваться типовым договором найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 марта 2013 г. № 193.

Непосредственно сам договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда заключается

в письменной форме в трех экземплярах и подлежит обязательной регистрации районным, городским, поселковым, сельским исполнительными комитетами, местной администрацией района в городе, поскольку считается заключенным с даты его регистрации. Несоблюдение положений о форме может являться основанием для признания договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда ничтожным на основании п. 6 ст. 53 ЖК.

Для нанимателей жилого помещения социального пользования установлен ряд ограничений, а именно, заперт на приватизацию (ст. 72 ЖК), обмен (ст. 75 ЖК) и раздел жилого помещения (ст. 104 ЖК), если иное не определено Президентом Республики Беларусь.

Имеются ограничения и в праве нанимателя жилого помещения социального пользования на предоставление права владения и пользования занимаемым им жилым помещением членам своей семьи. Так, в соответствии со ст. 107 ЖК наниматель жилого помещения социального пользования вправе предоставить право владения и пользования занимаемым им жилым помещением только своим супругу (супруге), своим несовершеннолетним и совершеннолетним нетрудоспособным детям, нетрудоспособным родителям, не имеющим в данном населенном пункте жилых помещений в собственности, жилого помещения государственного жилищного фонда соответствующего вида на основании договора найма.

Прекращение либо расторжение договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда может происходить как по общим основаниям, предусмотренным главой 8 ЖК, так и по специальным, которые предусмотрены законодательством исключительно для договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда.

Прекращение договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда возможно в следующих случаях:

- 1) в случае истечения срока действия срочного договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда.

По истечении срока действия договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда жилое помещение социального пользования подлежит включению в состав арендного жилья по решению местного исполнительного и распорядительного органа, за исключением случаев, когда наниматель относится к другим категориям граждан, имеющих право на получение жилого помещения социального пользования. После перевода жилого помещения социального пользования в арендное жилье договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда прекращается, а с гражданами, проживающими в этих жилых помещениях, заключаются договоры найма арендного жилья;

2) в случае смерти, признания судом безвестно отсутствующим или объявления умершим нанимателя жилого помещения социального пользования, если в жилом помещении не остались проживать совершеннолетние члены его семьи, имеющие право требовать замены нанимателя.

Совершеннолетние члены семьи нанимателя, проживающие совместно с ним, имеют право требовать замены нанимателя жилого помещения социального пользования только в том случае, когда они не имеют во владении и пользовании жилого помещения государственного жилищного фонда соответствующего вида на основании договора найма либо в собственности в данном населенном пункте другого жилого помещения общей площадью 15 кв. м и более (в г. Минске – 10 кв. м и более) на одного человека, соответствующего установленным для проживания санитарным и техническим требованиям.

При этом срок действия договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда, заключаемого с одним из совершеннолетних членов семьи нанимателя, зависит от ряда факторов, а именно:

- если в жилом помещении социального пользования остались проживать совершеннолетние нетрудоспособные члены семьи нанимателя, имеющие право требовать замены нанимателя, то с одним из них заключается договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда бессрочно;

- если в жилом помещении социального пользования остались проживать трудоспособные совершеннолетние члены семьи нанимателя (т. е. граждане, не достигшие общеустановленного пенсионного возраста, не являющиеся инвалидами I или II группы), имеющие право требовать замены нанимателя, то с одним из них заключается договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда на срок до 10 лет.

В течение срока действия договора гражданам, проживающим в этом жилом помещении, предоставляется внеочередное право на улучшение жилищных условий путем строительства (реконструкции) или приобретения жилого помещения с государственной поддержкой;

- если наниматель жилого помещения социального пользования умер после 8 апреля 2006 г., а в жилом помещении остались проживать трудоспособные совершеннолетние члены семьи нанимателя, которые вселились в жилое помещение социального пользования вместе с нанимателем, предоставленное до 8 апреля 2006 г. и при получении которого наниматель сдал занимаемое им ранее жилое помещение либо произвел отчуждение на возмездной или безвозмездной основе принадлежавшего ему на праве собственности жилого помещения местным исполнительным и распорядительным органам, другим государственными организациями, то с одним из них заключается договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда бессрочно.

Специальные основания для расторжения договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда жилищным законодательством не предусмотрены.

При прекращении либо расторжении договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда наниматель и проживающие совместно с ним граждане обязаны освободить жилое помещение в течение 3 суток и передать его по акту о сдаче жилого помещения в том состоянии, в котором они его получили, с учетом естественного износа. В случае отказа наниматель и проживающие совместно с ним граждане подлежат выселению из жилого помещения в судебном порядке без предоставления другого жилого помещения.

Выселение из жилых помещений социального пользования без предоставления другого жилого помещения возможно и по иным основаниям, предусмотренным ЖК, в частности, подлежат выселению в судебном порядке без предоставления другого жилого помещения:

1) совершеннолетние члены семьи выбывшего нанимателя, которые обеспечены в данном населенном пункте другим жилым помещением общей площадью 15 кв. м и более (в г. Минске – 10 кв. м и более) на одного человека, соответствующим установленным для проживания санитарным и техническим требованиям (п. 1 ст. 85 ЖК);

2) граждане, взявшие на воспитание в опеку или приемную семью троих и более детей-сирот и (или) детей, оставшихся без попечения родителей, и получившие в связи с этим жилое помещение социального пользования, в случае принятия органом опеки и попечительства решения об освобождении (отстранении) их от исполнения обязанностей опекунов (попечителей) в отношении указанных детей или о прекращении (расторжении) договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью либо приобретения взятыми на воспитание детьми дееспособности в полном объеме, если эти граждане ранее не имели во владении и пользовании жилых помещений государственного жилищного фонда на основании договора найма (п. 2 ст. 85 ЖК).

Однако если такие граждане ранее имели во владении и пользовании жилые помещения государственного жилищного фонда, им при выселении предоставляются эти жилые помещения или равноценные им другие жилые помещения на условиях договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда соответствующего вида, заключаемого в соответствии с законодательством;

3) наниматель жилого помещения социального пользования и проживающие совместно с ним граждане в случае признания договора найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда недействительным, добровольно не освободившие жилое помещение (п. 2 ст. 66 ЖК, п. 3 ст. 85 ЖК).

В случаях, когда граждане, указанные в признанном недействительным договоре, ранее имели во владении и пользовании жилые

помещения государственного жилищного фонда, им при выселении предоставляются эти жилые помещения или равноценные им другие жилые помещения на условиях договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда соответствующего вида, заключаемого в соответствии с законодательством;

4) в иных случаях, предусмотренных законодательными актами.

Таким образом, можно выделить следующие особенности правового режима жилых помещений социального пользования:

- жилые помещения социального пользования не подлежат передаче в собственность, обмену, разделу, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь;

- заселенные жилые помещения социального пользования не подлежат исключению из состава жилых помещений социального пользования, кроме случаев, предусмотренных ЖК и иными законодательными актами;

- жилые помещения социального пользования предназначаются для проживания граждан, имеющих право на получение таких жилых помещений, а также членов их семей.

С учетом данных особенностей, а также легального определения договора найма жилого помещения, закрепленного в п. 1 ст. 50 ЖК, договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда можно определить как соглашение, по которому одна сторона (наймодатель) обязуется предоставить другой стороне (нанимателю) жилое помещение типовых потребительских качеств во владение и пользование для проживания в нем без взимания платы за пользование жилым помещением.

УДК 343.13

РАЗВИТИЕ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Зайцева Л. Л.

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой прокурорской деятельности
учреждения образования «Институт переподготовки и повышения
квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений
юстиции Белорусского государственного университета»,
ул. Советская, 14, 220030 Минск, Беларусь,
ippk.kpd@gmail.com*

Аннотация. В современном законодательстве наблюдается конвергенция частного и публичного права путем проникновения договорных отношений в уголовный процесс. В результате происходит усиление диспозитивного метода правового регулирования, основанного на волеизъявлении участников уголовного процесса и развитие в нем согласительных процедур. Они призваны наиболее полно обеспечить права, свободы и законные интересы личности при производстве отдельных следственных действий и принятии процессуальных решений. Согласительные процедуры, направленные на применение ускоренных и упрощенных производств, способствуют оптимизации уголовно-процессуальной деятельности и повышению ее эффективности.

Ключевые слова: уголовный процесс; участники уголовного процесса; диспозитивность; договорные отношения; волеизъявление; согласительные процедуры.

DEVELOPMENT OF CONTRACTUAL RELATIONS IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Zaytseva L.

*PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Prosecutor's Activities
of the Institute for Retraining and Qualification Upgrading of Judges,
Prosecutors and Legal Professionals at the Belarusian State University,
Sovetskaya Str., 14, 220030 Minsk, Belarus,
ippk.kpd@gmail.com*

Abstract. In modern legislation, there is a convergence of private and public law through the penetration of contractual relations into the criminal

process. As a result, there is a strengthening of the dispositive method of legal regulation based on the will of the participants in the criminal process and the development of conciliation procedures in it. They are designed to most fully ensure the rights, freedoms and legitimate interests of the individual when carrying out individual investigative actions and making procedural decisions. Conciliation procedures aimed at the use of accelerated and simplified proceedings help optimize criminal procedural activities and increase their efficiency.

Keywords: criminal process; participants in criminal proceedings; discretion; contractual relations; expression of will; conciliation procedures.

Существенное влияние на развитие современного законодательства оказывает глобализация, которая стимулирует проникновение элементов частного права в сферу публичных правоотношений, в том числе и уголовно-процессуальных. Пределы действия частных начал в уголовном судопроизводстве – это установленные законом границы, определяющие правовые последствия волеизъявления соответствующих лиц, участвующих в производстве по уголовному делу.

В юридической литературе в этой связи справедливо отмечается, что «проникновение частно-правового регулирования не только существует, но и расширяется в казалось бы самой заповедной публичной сфере – уголовном процессе» [1, с. 228]. В тоже время проникновение частного права в сферу публичных отношений может быть оправданным лишь тогда, когда оно не влечет ослабления защиты общественных и государственных интересов, требующих публично-правового обеспечения.

Наиболее типичным проявлением конвергенции частного и публичного права выступает усиление диспозитивного метода регулирования уголовно-процессуальных правоотношений на основе волеизъявления их участников и развитие в уголовном судопроизводстве согласительных процедур [2, с. 12]. К последним обычно относят так называемые «сделки с правосудием» (соглашения между обвинением и защитой о признании вины, о досудебном сотрудничестве и т. д.), программы восстановительного правосудия с участием сторон конфликта (переговоры, посредничество, медиация, примирение, возмещение причиненного преступлением

вреда и др.), различные виды упрощенного судопроизводства (ускоренное, сокращенное, приказное, заочное и т. п.), т. е. институты, во многом заимствованные из гражданского права и процесса [3, с. 153–157].

Представители уголовно-процессуальной науки не всегда однозначно оценивают конвергенцию частного и публичного права. Некоторыми учеными отмечается специфика уголовно-процессуального законодательства, которое регламентирует особые правила, выходящие за рамки публичности и формирующие частное начало уголовного судопроизводства [4, с. 90]. Оно проявляется в тех ситуациях, когда учитывается воля лица при принятии процессуальных решений в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела. При этом частное начало формирует особую зону свободы воли, где вершителем уголовного судопроизводства выступает гражданин. В данном случае обязанностью государства является защита частных лиц (кроме случаев, предусмотренных действующим законодательством) [5, с. 8–9].

В юридической литературе отмечаются опасения ученых относительно излишней интенсивности частно-правовой рецепции, которая выражается в экспансии гражданского права по отношению к другим структурным частям системы права, в том числе к уголовно-процессуальному праву [6, с. 234]. Указывается на необходимость принятия во внимание структурных и системных различий, которые присущи разноплановым типам уголовного процесса. Именно эти отличия уголовного процесса государств-носителей данных типов и определяют пределы рецепции. Они устанавливаются законодательством и формируют правовые последствия волеизъявления лица в ходе производства по уголовному делу [7, с. 141].

Имеются и противники внедрения частно-правовых юридических средств в уголовно-процессуальное регулирование правоотношений. В своих аргументах они опираются на классическую теоретическую конструкцию учения о дифференциации форм уголовного судопроизводства и утверждают, что существующие в уголовном процессе согласительные процедуры являются его очередными «упрощенными» формами [8, с. 34].

В то же время большинство исследователей высказываются за целесообразность использования и дальнейшего развития частно-правовых юридических средств в сфере уголовного судопроизводства. В обоснование своей позиции ученые отмечают, что соглашения, заключаемые между публичными и частными субъектами, а тем более между частными субъектами, нередко затрагивают интересы, которые проявляются одновременно в разных сферах общественных отношений [9, с. 74]. В настоящее время можно с уверенностью утверждать, что частно-правовые юридические средства, которые стали стремительно проникать в сферу уголовного судопроизводства в последнее десятилетие прошлого века, сегодня нашли закрепление в различных согласительных процедурах, основанных на волеизъявлении участников уголовного процесса [10, с. 12].

Волеизъявление как психофизиологический поведенческий акт, в котором проявляется реакция субъекта уголовно-процессуальной деятельности на правовую действительность, может быть классифицировано по следующим критериям:

- процессуальному статусу субъекта, от которого оно исходит, на волеизъявление подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля;
- форме выражения, в которой оно доведено до правоприменителя, на устное и письменное;
- процессуальному оформлению на ходатайство, жалобу, заявление, возражение, замечание и др.;
- субъекту инициирования на выраженное по собственной инициативе либо в связи с действиями иных лиц, участвующих в уголовном процессе, или органов, осуществляющих производство по уголовному делу;
- способу доведения до правоприменителя на выраженное лично, непосредственно самим участником либо представленное с помощью посредника (защитника, представителя, законного представителя);
- составу субъектов, чье мнение необходимо для наступления юридически значимых последствий, на единоличное либо согласованное с другими участниками (одним либо несколькими);

- степени активности субъекта на положительное (совершение определенных действий, направленных на его реализацию) и отрицательное (бездействие);
- соблюдению субъектом норм уголовно-процессуального закона на правомерное, противоправное и злоупотребляющее правом;
- воздействию на уголовно-процессуальную деятельность на основание (т. е. определяющий фактор) и условие (т. е. учитываемый фактор) для принятия процессуального решения либо производства следственного действия;
- отношению субъекта к предложению правоприменителя на согласие (отсутствие возражений) и несогласие (возражения).

Внедрение в уголовный процесс особых порядков, где многие процессуальные решения зависят от волеизъявления их участников, изменило соотношение публичности и диспозитивности в уголовно-процессуальной деятельности и привело к появлению и развитию так называемых согласительных процедур. В основе этих процедур лежит согласие (отсутствие возражений) субъекта уголовно-процессуальной деятельности, в котором выражается его отношение к предложению правоприменителя. В зависимости от роли и значимости данного субъекта во взаимоотношениях с правоприменителем, от пределов влияния на принимаемое решение позиции соответствующего лица его согласие может быть единственным условием законности производства следственного действия или принятия процессуального решения либо выступать в качестве одного из предусмотренных в законе условий.

Такие правовые механизмы позволяют без ущемления интересов общества и государства в большей степени учитывать законные интересы личности при разрешении надлежащим образом и в разумный срок уголовно-правовых конфликтов, существенно ускорять производство по уголовным делам, а значит способствовать экономии ресурсов, связанных с его государственным финансированием. В тоже время значение института согласительных процедур в уголовном процессе заключается не только в снижении затрат на такую государственную деятельность, как борьба с преступностью, но и в повышении качественных показателей правового регулирования уголовно-процессуальных отношений.

К вопросу о правовой природе, сущности, содержании и значении согласительных процедур в уголовном процессе обращались многие исследователи. При этом в их публикациях речь идет либо о компромиссных моделях судопроизводства, либо договорных механизмах разрешения правовых споров. Думается, что они являются синонимами, поскольку понятие «договор» в справочной литературе раскрывается через понятие «соглашение», а латинским эквивалентом последнего является понятие «компромисс», в основе которого лежит достижение согласия сторон путем взаимных уступок.

По мнению представителей науки, согласительная процедура, будучи разновидностью уголовно-процессуальной формы, представляет собой урегулированную нормами УПК деятельность участников уголовного судопроизводства, специфика которой заключается в направленности этой деятельности на получение юридически значимого результата посредством согласования своих позиций [11, с. 7; 12, с. 12].

Содержательная сторона согласительных процедур как уголовно-процессуальной формы компромиссного решения, целью которого является достижение желаемого исхода производства по уголовному делу, заключается, во-первых, в определении условий такого компромисса, во-вторых, в их выполнении [13, с. 19]. С таких же позиций рассматривают согласительные процедуры и другие авторы, именуя их «компромиссными производствами», под которыми понимаются основанные на взаимном согласии участников уголовно-правового конфликта процессуальные конструкции [14, с. 5]. Представленные позиции демонстрируют единый подход ученых к определению сущности согласительных процедур – достижение согласия между участниками уголовного судопроизводства по поводу содержания дальнейших уголовно-процессуальных отношений.

Под согласительными процедурами понимается предусмотренный законом порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности, обязательным условием которого является согласие (отсутствие возражений) ее участников, защищающих свои права и интересы, на принятие процессуальных решений и производство

следственных и иных процессуальных действий. Позиция указанных лиц по вопросу о наличии или отсутствии такого согласия выясняется органом, ведущим уголовный процесс, путем проведения переговоров с соответствующим участником (участниками) [15, с. 69–73].

Для понимания значения отдельных согласительных процедур и определения их места в общей системе предлагается классифицировать данные процедуры по следующим основаниям:

1) функциональному назначению:

- направленные на охрану прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе;
- направленные на повышение эффективности уголовного судопроизводства.

2) предмету процедуры:

- направленные на производство процессуальных действий;
- направленные на принятие процессуальных решений.

3) субъектному составу:

- двухсубъектные (двухсторонние);
- многосубъектные (многосторонние).

4) процессуальному оформлению:

- удостоверение в протоколе;
- заключение соглашения (о сотрудничестве, признании вины, и др.).

5) правовым последствиям в виде принятия процессуального решения:

- императивные;
- дискреционные.

6) влиянию на уголовно-процессуальную форму:

- направленные на ее упрощение;
- направленные на ее усложнение.

7) форме изложения позиции участников:

- требующие «согласия»;
- требующие «отсутствия возражений».

С учетом данной классификации в уголовном процессе Республики Беларусь можно выделить следующие виды согласительных процедур:

1) досудебное соглашение о сотрудничестве, которое заключается в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором с их согласия (п. 41 ст. 6 УПК);

2) согласительные процедуры, применяемые при упрощении уголовно-процессуальной формы:

- проведение судебного следствия в сокращенном порядке с согласия сторон обвинения и защиты (ч. 1 ст. 326 УПК);

- постановление приговора по делу ускоренного производства без судебного разбирательства с согласия сторон обвинения и защиты (ч. 1 ст. 459 УПК).

3) согласительные процедуры, применяемые при производстве следственных действий:

- допрос подозреваемого и обвиняемого, которые вправе согласиться давать показания или отказаться от дачи показаний (п. 9 ч. 2 ст. 41, п. 8 ч. 2 ст. 43 УПК);

- допрос потерпевшего и свидетеля, которые вправе дать согласие или отказаться свидетельствовать против себя самого, членов своей семьи и близких родственников (п. 2 ч. 2 ст. 50, п. 1 ч. 3 ст. 60 УПК);

- осмотр компьютерной информации с согласия ее обладателя (ст. 204-1 УПК);

- осмотр, следственный эксперимент и проверка показаний на месте, которые проводятся в жилище или ином законном владении с согласия собственника или проживающих в нем совершеннолетних лиц (ч. 7 ст. 205, ч. 11 ст. 207, ч. 11 ст. 225 УПК);

- проведение экспертизы свидетеля и получение у свидетеля образцов для сравнительного исследования с его согласия (ч. 3 ст. 229, ч. 2 ст. 234 УПК).

4) согласительные процедуры, применяемые при принятии процессуальных решений о прекращении производства по уголовному делу:

- за истечением сроков давности и вследствие акта амнистии с согласия подозреваемого или обвиняемого (ч. 3 ст. 29 УПК);

- в отношении умершего при отсутствии возражений (согласии) его близких родственников, членов семьи либо законных представителей (ч. 5 ст. 29 УПК);

- с освобождением от уголовной ответственности в связи с применением мер административного взыскания, утратой деянием или лицом общественной опасности, деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим при отсутствии возражений (согласии) обвиняемого (ч. 4 ст. 30 УПК);

- при отказе прокурора от обвинения в судебном разбирательстве и согласии с ним потерпевшего, гражданского истца или их представителей (ч. 8 ст. 293 УПК).

5) согласительные процедуры, предусмотренные при применении отдельных мер пресечения:

- личного поручительства с согласия подозреваемого или обвиняемого (ч. 2 ст. 121 УПК);

- залога с согласия подозреваемого, обвиняемого либо иного физического лица на внесение в орган, в производстве которого находится уголовное дело, денежных средств, ценных бумаг, ценностей, иного движимого и недвижимого имущества, принадлежащего залогодателю на праве частной собственности (ч. 1 ст. 124 УПК);

- обращении судом залога в счет возмещения вреда (ущерба), причиненного преступлением, с согласия залогодателя, если им не является обвиняемый (ч. 6 ст. 124).

6) согласительные процедуры, связанные с изменением подсудности уголовных дел:

- передача уголовного дела в Верховный Суд Республики Беларусь с согласия обвиняемого и его защитника в целях обеспечения объективности судебного разбирательства (п. 2 ч. 1 ст. 269 УПК);

- оставление уголовного дела, начатого рассмотрением в судебном заседании, в производстве суда, которому оно неподсудно, с согласия сторон обвинения и защиты (ч. 1 ст. 273 УПК);

- передача уголовного дела из суда, которому оно подсудно, в другой суд с согласия сторон обвинения и защиты в целях наиболее быстрого, всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела (ч. 1 ст. 274 УПК).

Таким образом, согласительные процедуры прочно вошли в уголовно-процессуальную деятельность. На всем протяжении уголов-

ного процесса применение отдельных норм и целых институтов зависит от волеизъявления соответствующих участников процесса, защищающих свои права и интересы, – подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а в некоторых случаях – и свидетеля. Процедуры, основанные на согласии указанных лиц, оказывают существенное влияние на развитие отечественного уголовно-процессуального законодательства путем внедрения в него демократических и гуманистических начал.

Список использованных источников

1. Коршунов, Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики : моногр. / Н. М. Коршунов. – М. : Норма, 2011. – 240 с.

2. Хатуаева, В. В. Реализация частного (диспозитивного) начала в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В. В. Хатуаева ; Рос. акад. правосудия. – М., 2006. – 56 с.

3. Гриненко, А. В. Договорные отношения в российском уголовном судопроизводстве / А. В. Гриненко // Журн. российск. права. – 2019. – № 2. – С. 152–158.

4. Безруков, С. С. Международно-правовые, конституционные и уголовно-правовые предпосылки принципа публичности в уголовном процессе / С. С. Безруков // Журн. российск. права. – 2015. – № 4. – С. 87–95.

5. Артамонова, Е. А. Частное начало в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. А. Артамонова ; Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов : СГЮА, 2000. – 164 с.

6. Кучин, О. С. «Согласительные» процедуры в российском уголовном процессе: за и против / О. С. Кучин // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : материалы междунар. науч.-практ. конф., Орел, 18–19 окт. 2018 г. – Орел : Орлов. юридич. ин-т МВД России, 2018. – С. 233–236.

7. Гайдаенко Шер, Н. И. Примирительные и согласительные процедуры: сложности перевода, или на пути к единому понятийному аппарату / Н. И. Гайдаенко Шер // Журн. зарубеж. и сравнит. правоведения. – 2018. – № 3. – С. 139–144.

8. Головинская, И. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве / И. В. Головинская, М. М. Головинский. – Владимир, 2011. – 192 с.

9. Зайцев, О. А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве / О. А. Зайцев // Журн. российск. права. – 2019. – № 1. – С. 73–81.

10. *Артамонова, Е. А.* Волеизъявление обвиняемого в системе правовых категорий и основных начал уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е. А. Артамонова ; Саратов. гос. юрид. акад. – Саратов : СГЮА, 2019. – 51 с.

11. *Абшилава, Г. В.* Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Г. В. Абшилава ; Москов. акад. экономики и права. – М., 2012. – 56 с.

12. *Мильтова, Е. В.* Согласительные процедуры в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. В. Мильтова ; Тюмен. юрид. ин-т МВД России. – Тюмень, 2011. – 21 с.

13. *Саркисян, Т. Б.* Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Т. Б. Саркисян ; Краснодар. ун-т МВД РФ. – Краснодар, 2012 – 25 с.

14. *Кувалдина, Ю. В.* Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю. В. Кувалдина. – Самара : СамарГУ, 2011. – 20 с.

15. Переговоры и посредничество по уголовным делам : учеб. пособие / Л. Л. Зайцева [и др.] ; под ред Л. Л. Зайцевой. – Минск : БГУ, 2022. – 303 с.

**К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ДИСТАНЦИОННОГО ДОГОВОРА
РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ**

Зарапина Л. В.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, юридический факультет,
ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»,
ул. Новочеремушкинская, 69, 117418 Москва, Россия,
zarapinalv@mail.ru*

Белокопытова Н. Ю.

*старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
юридический факультет, Пятигорский институт (филиал)
ФГАОУВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
пр. 40 лет Октября, 56, 357500 Пятигорск, Россия,
nb2018@mail.ru*

Аннотация. В статье проанализированы проблемы определения терминологии договора продажи дистанционным способом, вопросы заключения и исполнения исследуемого вида договора. Акцентируется внимание на значении электронной подписи в решении проблемы достоверной идентификации контрагентов в договоре дистанционной продажи товаров. Авторы приходят к выводу о необходимости развивать правовую систему в области дистанционной торговли с целью уменьшения количества возникающих конфликтов.

Ключевые слова: договор купли-продажи; дистанционный способ; идентификация покупателя; электронная подпись.

**ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION
OF THE REMOTE RETAIL SALE AGREEMENT**

Zarapina L.

*PhD of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Russian State University of Justice,
Novocheremushkinskaya Str., 69, 117418 Moscow, Russia,
zarapinalv@mail.ru*

Belokopytova N.

*Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure, Faculty of Law,
North Caucasus Federal University Pyatigorsk Institute (branch),
40 Let Oktyabrya Ave., 56, 357500 Pyatigorsk, Russia,
nb2018@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the problems of defining the terminology of a sales contract by remote means, the issues of concluding and executing the type of contract under study. Attention is focused on the importance of an electronic signature in solving the problem of reliable identification of counterparties in a contract for the remote sale of goods. The authors conclude that it is necessary to develop a legal system in the field of distance trading in order to reduce the number of conflicts that arise.

Keywords: purchase and sale agreement; remote method; identification of the buyer; electronic signature.

Дистанционные формы реализации товаров с использованием различных печатных материалов, средств телекоммуникационной связи, ресурсов Интернет-среды становятся все более удобными для продавца (изготовителя) и покупателя, что, как следствие, обуславливает высокие темпы и масштабы развития Интернет-торговли, расширение возможностей доступа к товарам для различных групп потребителей и других категорий участников.

В век активной информатизации всех сфер жизни общества граждане львиную долю своего времени отдают потреблению контента в интернете и социальных сетях. Серьезный толчок к увеличению числа заключаемых дистанционных договоров розничной купли-продажи осуществила пандемия Covid-19, когда дистанционный способ купли-продажи стал для многих наиболее комфортным и безопасным.

Однако отсутствие согласованной терминологии в правоотношениях дистанционной торговли, неточные формулировки некоторых дефиниций, например таких как «мелкая бытовая сделка», отсутствие единой системы нормативно-правовых актов, регулирующие дифференцированные по структуре, содержанию и характеру отношения, возникающие в сфере дистанционной торговли, порождают различные казусы в правоприменительной практике.

В ст. 492 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) дано понятие исследуемой договорной конструкции: «по договору розничной купли-продажи продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, обязуется передать покупателю товар, предназначенный для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью».

Термин «дистанционный способ продажи товара» законодательно определен в нескольких правовых источниках. В соответствии со ст. 497 ГК РФ «дистанционный способ продажи товара» определяется как способ, при котором договор розничной купли-продажи заключается на основании ознакомления покупателя с описаниями товаров с помощью печатных материалов или средств связи, при которых отсутствует возможность непосредственного контакта потребителя с продавцом и его непосредственного доступа к товару.

Основные требования к дистанционной розничной купле-продаже товара закреплены в ст. 26.1 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о правах потребителей), согласно которой данный договор заключается путем ознакомления потребителя с товарами с использованием средств, исключающих непосредственное их ознакомление с ними. Иначе говоря, вместо витрины магазина, располагающей на себе товар, создается иное, чаще всего электронное средство, которое может донести до потребителя информацию о желаемой продукции.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2463 установлены правила продажи товаров дистанционным способом, где прописывается иная терминология, отличная от законодательно закрепленной. Законодательно закрепленный термин фиксирует невозможность изучения товара или его образца непосредственно воочию до момента его получения, при этом ознакомление с интересующим товаром происходит посредством различных печатных материалов, средств телекоммуникационной связи, ресурсов Интернет-среды, при этом отсутствует личный непосредственный контакт участников данного договора с целью его заключения и передачи товара.

Отчасти данным постановлением законодатель начинает ликвидацию ситуации разобщенности норм, регулирующих отношения дистанционной розничной купли-продажи. Если ранее нормы для ознакомления с данными отношениями нужно было буквально собирать из других актов, теперь часть из них становятся собранными воедино.

Исследуя вопросы торговли в Интернет-среде, А. И. Савельев [1], отмечает, что не каждая продажа товара в Интернет-среде считается дистанционной, т. е. где имеет место нарушение хронологии действий при заключении договора дистанционной продажи. Автор не рассматривает в качестве дистанционной торговли договор, где потребитель имел возможность заранее изучить товар в салоне магазина, но впоследствии оформил договор в этом же магазине с помощью ресурса Интернет-среды (сайта магазина), а также если потребитель заранее информирует продавца о параметрах необходимого для него товара, а продавец подбирает интересующий товар по заданным параметрам.

В своей работе В. В. Архипов, Е. В. Килинкарлова и Н. В. Мелашенко [2, с. 122–124] отмечают, что в отличие от европейского и американского подходов, которые предполагают заключение наряду с договорами дистанционной продажи товаров также договоров дистанционного оказания услуг, в отечественном законодательстве отсутствует данная практика. Поскольку российский законодатель не регулирует дистанционное оказание услуг, авторы делают вывод о том, что отечественное законодательное определение термина «дистанционная торговля» не имеет идентичной смысловой нагрузки с терминами, сложившимися в европейской и американской практиках, несмотря на то, что посредством Интернет-среды можно приобрести товар и заказать услугу.

Так, Правила продажи товаров дистанционным способом из всего спектра существующих услуг отчасти регулируют только те услуги, которые относятся к сопутствующим во исполнение договора дистанционной продажи, что, как представляется, является значительным и весомым недостатком законодательства и, по справедливому замечанию О. Н. Зименковой [3, с. 21–22], не стимулирует развитие свободы потребительской активности.

Согласимся с мнением И. В. Фролова, который предлагает трактовать дистанционную торговлю как особый вид деятельности по продаже товаров и оказанию услуг потребителям не для предпринимательских целей, исключая объективную возможность личного ознакомления с товаром и контакт с продавцом в момент оформления бланка заказа посредством различных печатных изданий, использования ресурсов (сайтов) Интернет-среды. Автор указывает на то, что приобретение товара или услуги осуществляется на основании предоставленной продавцом информации, описания товара/услуги из разнообразных источников [4, с. 13].

Исследуемую область общественных отношений регулирует целый ряд других нормативных актов, таких как: Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» (далее – Закон № 15-ФЗ), прямо запрещающий дистанционную продажу табачной, никотинсодержащей продукции, кальянов дистанционным способом продажи; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон № 152-ФЗ), запрещающий собирать, обрабатывать, хранить и использовать личную информацию покупателя без его на то согласия; Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (далее – Закон № 150-ФЗ), запрещающий пересылку, в том числе и дистанционную продажу оружия.

Таким образом, в данной сфере видим развивающуюся систему правовых актов, соответствующую современным тенденциям. Во многом это связано с устойчивостью и монолитностью норм, созданных ранее: норм ГК РФ, норм Закона о правах потребителей и других.

В то же время законодательство имеет множество направлений для развития. Например, существует множество проблем с соблюдением законодательных требований к обращению с персональными данными потребителей, на сегодняшний день даже существует понятие «черный рынок персональных данных». Данная проблема известна, актуальна, но решать ее достаточно сложно, так

как существует она, в первую очередь, в Интернет-пространстве. И. В. Фролов [4, с. 44] полагает возможным объединить в один правовой акт нормы, связанные с дистанционной куплей-продажей и дистанционным оказанием услуг, поскольку это две близкие сферы отношений, в которые современные граждане с каждым днем вступают все чаще и которые все чаще переплетаются. Т. С. Шодрыгнэ [5, с. 87] отмечает роль систем по подбору товарных позиций и предлагает устанавливать соответствие информации о товаре на сайте продавца требованиям о предоставлении сведений при продаже товаров дистанционно.

Перечень прав и обязанностей продавца и потребителя по договору дистанционной продажи товаров достаточно дифференцирован законодательно. Одновременно с этим большая часть указанных норм являются базовыми для всех иных видов купли-продажи, регулируют лишь исходные начала этих отношений, в то время как сфера дистанционной купли-продажи чрезвычайно быстро развивается. В данном случае возникают обычаи, которые применяются в сфере торговли и при заключении договоров в Интернет-среде.

Морозов И. К. постулирует: документ, заключаемый в электронной форме и фиксирующий права и обязанности сторон, является договором [6, с. 1]. Заключение договора розничной купли-продажи дистанционным способом характеризуется следующими особенностями: неизвестность местоположения продавца как стороны договора, невозможность идентификации сторон договора, как правило продавца, связь контрагентов с информационными провайдерами; электронный способ заключения договора в сети, требующий специального приложения. Данные особенности связаны с исполнением договорных обязательств.

В правовой доктрине исследователями Е. Е. Томилиной, А. В. Зубач, С. И. Снеговским и Г. М. Даитгаджиевым справедливо отмечается тесная взаимосвязь информации о товаре и оферты, когда на сайтах Интернет-магазинов представлена вся необходимая информация о наименовании предложенного товара, его виде и цене, которая, при этом, обращена к неопределенному кругу лиц с предложением приобрести этот товар, что по смыслу нормы ст. 494 ГК РФ трактуется в качестве публичной оферты [7].

Фактические действия покупателя по оформлению бланка на Интернет-сайте магазина, содержащего все существенные условия договора, где выражена воля покупателя на приобретение товара, и последующая отправка такого сообщения на сервер данного магазина, по смыслу ст. 438 ГК РФ трактуется в качестве акцепта.

Проблема надлежащей идентификации покупателя является актуальной для договоров дистанционной продажи товаров, поскольку, регистрируясь на маркетплейсах, покупатели нередко указывают недостоверные персональные данные. Также при заключении договоров покупатель может указать любое имя, любой адрес, по которому желает принять товар, и при возникновении конфликтов с продавцом их урегулирование может пойти в тупик или значительно затянуться в самом начале: на моменте установления сторон конфликта и их данных.

Ситуации, когда товар забирает другое лицо, а не покупатель, который его заказывал и оплачивал, не являются редкостью для российской правовой действительности. Связано это с тем, что продавец не осуществляет достоверной и достаточной идентификации покупателя, ведь при выдаче товара достаточно запросить штрихкод посредством личного кабинета.

В юридической литературе своевременно ставится вопрос: при неизвестности одного из контрагентов возможно ли считать такой договор заключенным? Отвечая на поставленный вопрос, согласимся с мнением Р. О. Халикова [8], который неразрывно связывает момент заключения соглашения в Интернет-среде с моментом подтверждения оферентом подлинности электронной цифровой подписи. Идентифицировать достоверность участников договора надлежащим образом может позволить исключительно применение усиленной электронной подписи.

С развитием дистанционной торговли развивается и дистанционный документооборот, что порождает необходимость создания и развития программного и аппаратного обеспечения, которое будет упрощать, ускорять и защищать данный процесс.

Одной из подобных технологий являются технологии формирования электронной подписи; данный механизм чрезвычайно важен:

он позволяет минимизировать количество ошибок при заключении договоров и уменьшить случаи мошенничества.

Закон выделяет несколько видов электронной подписи; отличаются они друг от друга сложностью получения и, как следствие, надежностью. Если простая электронная подпись представляет собой сочетание кодов, паролей, то усиленная является уже документом, защищенным от внесения в него изменений после заверения.

Помимо технологий формирования используются технологии сканирования и отправки документов в сети Интернет, технологии, позволяющие проверить подлинность данных документов и избежать мошенничества, технологии принятия оплаты покупателями и др.

Предмет исследуемого договора остается тем же, но необходимо помнить, что существует ряд товаров, дистанционная продажа которых, как нами уже упоминалось, прямо запрещена, например: алкогольная продукция (постановление Правительства Российской Федерации от 5 июня 2018 г. № 651), табачная продукция и изделия (Закон № 15-ФЗ), оборот гражданского оружия (Закон № 150-ФЗ) и др., и потому предмет дистанционного договора продажи расходится с предметом обычной продажи.

Так, например, в 2017 г. в Куйбышевский районный суд г. Омска обратилось управление Роспотребнадзора по Омской области, указав, что в ходе обзора Интернет-ресурсов им был обнаружен сайт, на котором была размещена информация о продаже дистанционным способом алкогольной продукции. Управление просило признать информацию запрещенной к распространению. Решением суда требования управления были удовлетворены [9].

Еще одной важной особенностью является противостояние интересов продавца и покупателя при возникновении у покупателя желания возврата или обмена купленного товара, особенно если товар входит в число указанных в перечне непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену. С одной стороны, существуют экономические интересы предпринимателя в отношении исключения убытков, с другой, интересы потребителя, являющегося слабым субъектом экономических отношений, не обладающего специальными знаниями и не являющегося профессиональным

участником отношений, которые заключаются в извлечении максимальной пользы из приобретенной вещи. Покупатель является более хрупким звеном, так как заранее видит лишь описание товара – текстовое, на фото, видеоматериалах и способен оценить его в натуре в большинстве случаев лишь после доставки, в то время денежный интерес продавца удовлетворяется сразу же после покупки. Таким образом, изначально участники данных правоотношений оказываются в неравном положении.

Существуют различные точки зрения относительно цены как существенного условия. Ряд авторов считают, что цену также необходимо признавать существенным условием, так как движение денег, отражаемых ценой, составляет в целом имущественный интерес его сторон, т. е. зачастую главный интерес, другие считают, опираясь на законодательство, что если сумма оплаты не указана в договоре, то покупатель должен оплачивать товар по обычной цене при похожих обстоятельствах (ст. 424 ГК РФ) [10, с. 384]. Полагаем, что договор розничной купли-продажи, совершаемый дистанционным способом, не может быть заключен без фиксации цены. Во-первых, условие об обязательности данной фиксации содержится в ГК РФ, во-вторых, когда данная купля-продажа совершается дистанционно, покупатель не видит ни продавца, ни сам товар, а лишь его описание, и, если к тому же будет отсутствовать четко фиксированная договором цена, это будет порождать множество конфликтов и споров.

Влияние провайдеров на процесс заключения договора может иметь самый разный характер: от отсутствия у контрагентов возможности совершать действия из-за отсутствия доступа к сети из-за сетевых сбоев провайдера, до удаления провайдерами Интернет-страниц, содержащих запрещенный для распространения на территории Российской Федерации материал. Так, рассмотрев требование прокурора о признании запрещенным на территории Российской Федерации Интернет-сайта, содержащего материал о продаже и обороте алкогольной продукции, суд пришел к выводу, что распространение указанной информации противоречит действующему законодательству, и доступ к сайту должен быть закрыт, что осуществляется в том числе провайдером, так как доступ

пользователям к веб-сайтам напрямую предоставляется в первую очередь им [11].

Перечисленные нами особенности описываемых правоотношений являются основанием возникновения множества конфликтов между субъектами договора дистанционной продажи и, зачастую, являются проблемами данного вида правоотношений. Например, по причине сетевых сбоев провайдера один из контрагентов не может выполнить возложенные на него обязательства, что порождает конфликт между сторонами, либо после доставки какого-либо товара покупатель понимает, что товар ему не подходит, а продавец отказывается его принимать и возвращать уплаченные средства, так как это станет причиной убытков. Мы солидарны с позицией Конституционного Суда РФ о том, что «дистанционный способ продажи товара должен быть направлен на защиту прав граждан (потребителей) как слабой стороны договора розничной купли-продажи».

Таким образом, необходимо укреплять и развивать правовую систему России в области дистанционной торговли, чтобы уменьшать количество возникающих конфликтов и как можно быстрее и благоприятнее разрешать уже возникшие.

Список использованных источников

1. *Савельев, А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование [Электронный ресурс] / А. И. Савельев. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/podborki/savelev_jelektronnaya/?ysclid=lq55rk9bua685379584. – Дата доступа: 12.12.2023.

2. *Архипов, В. В.* Проблемы правового регулирования оборота товаров в сети Интернет: от дистанционной торговли до виртуальной собственности / В. В. Архипов, Е. В. Килинкарлова, Н. В. Мелашенко // Закон. – 2014. – № 6. – С. 120–143.

3. *Зименкова, О. Н.* Законодательство Европейского экономического сообщества о защите прав потребителей / Зименкова, О. Н. – М. : б. м., 1994. – 48 с.

4. *Фролов, И. В.* Правовое регулирование дистанционной торговли товарами и услугами в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Фролов. – М., 2018. – 166 с.

5. *Шодрыгнэ, Т. С.* Правовая характеристика договора дистанционной розничной купли-продажи / Т. С. Шодрыгнэ // Евраз. науч. журн. – 2017. – № 6. – С. 85–87.

6. *Морозов, И. К.* Проблемы заключения договора в электронной форме / И. К. Морозов // *Междунар. студенч. науч. вестн.* – 2018. – №. 5. – С. 1–8.

7. *Томилина, Е. Е.* Некоторые проблемы реализации договора розничной купли-продажи посредством сети интернет [Электронный ресурс] / Е. Е. Томилина, А. В. Зубач, С. И. Снеговский, Г. М. Даитгаджиев. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-realizatsii-dogovora-roznichnoy-kupliprodazhi-posredstvom-seti-internet>. – Дата доступа: 29.11.2023.

8. *Халиков, Р. О.* Правовой режим электронного документа: вопросы использования электронной цифровой подписи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] / Р. О. Халиков. – Режим доступа: https://libweb.kpfu.ru/z3950/referat/220306_7.pdf. – Дата доступа: 11.12.2023.

9. Решение Куйбышевского районного суда г. Омска, 29 марта 2017 г., № 2-1443/2017, 2-1443/2017~М-947/2017 М-947/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/cDuZb1kDgsYp/>. – Дата доступа: 10.12.2023.

10. *Брагинский, М. И.* Договорное право. Книга первая: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2005. – 285 с.

11. Решение Ленинского районного суда г. Ижевска (Удмуртская Республика), 18 февр. 2020 г., № 2А-684/2020 2А-684/2020~М-280/2020 М-280/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/vXpNqr80Tfbn>. – Дата доступа: 10.12.2023.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКОВ В ДОГОВОРЕ БАНКОВСКОГО СЧЕТА

Иванова М. С.

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права, юридический факультет,
ФГБОУВО «Тверской государственный университет»,
ул. Желябова, 33, 170100 Тверь, Россия,
ivanova.ms@tversu.ru*

Аннотация. Автор рассматривает вопрос о распределении рисков в договоре банковского счета в условиях электронного взаимодействия сторон. Объектом исследования являются правоотношения, связанные с последствиями заключения договора ненадлежащим лицом, предоставления защиты кредитной организации или клиенту банка в зависимости от распределения рисков и добросовестности. Целью работы является обоснование возможности использования принципов добросовестности, доктрины видимости в праве и теории риска в праве при урегулировании споров, связанных со списанием денежных средств со счета. С помощью общелогических методов теоретического анализа, системного анализа, формально-юридического метода и толкования исследуются вопросы распределения рисков с учетом принципов доверия и добросовестности, проводится сравнение с регулированием платежных систем. Предлагаются критерии распределения рисков.

Ключевые слова: договор; договор банковского счета; кредитный договор; принцип добросовестности, распределение рисков.

RISK ALLOCATION IN THE BANK ACCOUNT AGREEMENT

Ivanova M.

*PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law,
Faculty of Law, Tver State University,
Zhelyabova Str., 33, 170100 Tver, Russia,
ivanova.ms@tversu.ru*

Abstract. The author considers the issue of risk allocation in the bank account agreement in terms of electronic interaction between the parties. The object of the study is legal relations related to the consequences of concluding an agreement by

an improper person, providing protection to a credit institution or a bank client, depending on the distribution of risks and good faith. The purpose of the work is to substantiate the possibility of using the principles of good faith, the doctrine of visibility in law and the theory of risk in law in the settlement of disputes related to the withdrawal of funds from an account. Using general logical methods of theoretical analysis, system analysis, formal legal method and interpretation, the issues of risk allocation are investigated, taking into account the principles of trust and integrity, and a comparison is made with the regulation of payment systems. Criteria for risk allocation are proposed.

Keywords: contract; bank account agreement; loan agreement; principle of good faith, risk allocation.

Развитие информационных и цифровых технологий оказывает безусловное влияние на правовое регулирование различных сфер жизни. Для заключения договоров стороны могут не видеть друг друга в лицо, сводя общение по правовым и иным вопросам к электронной переписке, обмениваясь электронными документами и подтверждая свое волеизъявление электронными подписями. Тем не менее, удобство и оперативность таких процессов имеют оборотную сторону, связанную с возможностью различных злоупотреблений. Наиболее показательными являются споры, связанные с заключением кредитных договоров или списанием денежных средств с банковского счета, где тонкая грань между материальным правом, оценкой фактических обстоятельств и электронной средой лишь подчеркивает актуальность и необходимость четкого понимания правовых категорий.

В данном исследовании рассматривается ситуация, когда сначала кредитный договор, а после списание денежных средств заключается с использованием чужой электронной подписи, обсуждаются вопросы, права и интересы какой стороны договора подлежат защите, как распределяются риски при разной степени добросовестности сторон, рассматривается возможность сравнения рисков при несанкционированном перечислении безналичных денег с аналогичной ситуацией, но для электронных платежных средств.

В качестве примера для иллюстрации рассуждений используется определение Верховного Суда РФ от 11 апреля 2022 г. № 305-ЭС21-27249 по делу № А40-212650/2020 [1]. Дело вполне ординарное,

но при этом дает возможность на частном казусе сделать общие выводы.

Фабула дела. В 2020 г. в банк поступила заявка от ООО на заключение кредитного договора на сумму 1,5 миллиона рублей под 19,4 % годовых. Заявление подписано электронной цифровой подписью директора общества.

Банк совершил акцепт оферты общества и перечислил денежные средства на расчетный счет общества. В этот же день от имени общества были даны платежные поручения о перечислении кредитных денежных средств на счета третьих лиц.

По истечении срока кредита банк обратился с требованием к обществу о возврате кредита.

Общество возвращать денежные средства отказалось, ссылаясь на то, что оно не подавало заявку на заключение кредитного договора, это сделали неустановленные третьи лица, получив доступ к электронной цифровой подписи, о чем банк был уведомлен сразу после проведения подозрительных операций. Поскольку общество не подписывало кредитный договор, денежные средства по кредитному договору фактически не получало, то кредитный договор считается незаключенным.

Суды трех инстанций отказали в удовлетворении требований банка. Они сослались на то, что банк не подтвердил совершение спорных банковских операций непосредственно обществом. Обязанность идентифицировать плательщика и убедиться, что поручение исходит от уполномоченного лица, возлагается на банк, поскольку именно банк должен обеспечивать безопасность работы электронных систем дистанционного обслуживания.

В рассматриваемом случае суды посчитали, что меры, принятые банком, были недостаточными.

Верховный Суд РФ не согласился с решениями судов и отправил дело на новое рассмотрение. Вероятно, невыясненность фактических обстоятельств стала одним из оснований такого решения высшей судебной инстанции, но данное дело интересно не столько фактурой, а общим подходом к подобным спорам из договоров банковского счета в условиях электронных платежей и систем.

Основными правовыми проблемами в рассматриваемом казусе являются вопросы о добросовестности действий участников право-

отношений и о распределении рисков. К вопросу о том, чьи права и интересы подлежат защите, можно подходить как с доктрины видимости в праве, так и с теории риска. Исследование сути и основных понятий обозначенных теорий в предмет данной работы не входит.

Между сторонами был заключен договор банковского счета, в одном из пунктов которого содержалось условие, что банк не несет ответственности за последствия и убытки, возникшие вследствие исполнения им распоряжений о перечислении или выдаче денежных средств со счета, выданных неуполномоченными лицами, если в соответствии с установленными действующим законодательством Российской Федерации банковскими правилами и настоящим договором процедурами банк не мог установить факт выдачи распоряжения неуполномоченным лицом.

По смыслу п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19 апреля 1999 г. № 5 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета» [2] банк несет ответственность за исполнение поручений, выданных неустановленными лицами, в том случае, если иное не установлено законом и договором.

То есть, исходя из судебного толкования, общая норма об ответственности за несанкционированный перевод денежных средств возлагается на банк, но стороны могут в договоре изменить это условие.

Согласно п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В силу п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

В п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I ч. 1 Гражданского кодекса РФ» [3] разъяснено, что оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны.

Следует отметить, что принцип добросовестности в ст. 1, 10 и 307 ГК РФ понимается в объективном смысле. То есть поведение субъекта оценивается с точки зрения честности и этических стандартов.

Насколько такое договорное решение, выбранное сторонами, справедливо, полагаем, следует рассмотреть через категорию риска. Согласно методу политико-правового регулирования риск возлагается на того, в чьей зоне влияния находится этот риск. Например, в договоре подряда риск случайной гибели вещи лежит на подрядчике, поскольку у него больше влияния на нее в силу непосредственного взаимодействия.

В случае с договором банковского счета сложно было бы возложить риски на заемщика, клиента банка и обязывать его отвечать за безопасность расчетов со стороны банка, поскольку создание целостной системы безопасности платежей и расчетов полностью находится в сфере влияния банка. Более того, надежность и безопасность расчетов являются критериями привлекательности банка для заемщиков. Верховный Суд справедливо указывает, что дистанционное предоставление банковских услуг, в том числе в рамках обслуживания банковского счета клиента, заключение с ним дополнительных договоров основывается на возможностях обмена электронными документами между различными участниками хозяйственного оборота.

Банк несет перед клиентом ответственность за последствия исполнения поручений, выданных неуполномоченными лицами, так как на нем лежит обязанность по обеспечению безопасности работы электронных систем дистанционного обслуживания от проникновения третьих лиц; банк должен определить достаточность надежности работы системы при приеме, передаче, обработке и хранении информации, а также защите информации [1].

Для сравнения обратимся к ст. 9 ФЗ «О национальной платежной системе», где регламентирован порядок платежей и действий оператора на случай проверки несанкционированных действий. Этим законом предусмотрено, что в случае утраты электронного средства платежа и (или) его использования без согласия клиента клиент обязан направить соответствующее уведомление оператору по переводу денежных средств в предумыш-

тренной договором форме незамедлительно после обнаружения факта утраты электронного средства платежа. При получении от клиента – юридического лица такого уведомления после осуществления списания денежных средств с банковского счета клиента оператор по переводу денежных средств, обслуживающий плательщика, обязан незамедлительно направить оператору по переводу денежных средств, обслуживающему получателя средств, уведомление о приостановлении зачисления денежных средств на банковский счет получателя средств.

Полагаем, что правовое положение клиентов банка по договору банковского счета и клиентов платежных систем не может быть кардинально разным. Поскольку целью правового регулирования является минимизация рисков участников при осуществлении расчетов независимо от того являются ли предметом электронные деньги, электронные средства платежа или безналичные денежные средства, так как их суть одна – платежная. Следовательно, в вопросах распределения рисков необходимо единство, то есть возложение их на банк.

Тут следует сделать оговорку, что решение с распределением рисков при виновных или неправомерных действиях заемщика, клиента может быть иным, однако в исследуемом казусе судами не было установлено неправомерного поведения со стороны заемщика, и предполагается, что было вмешательство третьих лиц.

Предоставление защиты банку или клиенту в подобных случаях несанкционированного списания можно рассматривать и с точки зрения доктрины видимости в праве. Если бы третье лицо воспользовалось не электронной подписью, а имело бы место подделка подписи, повлияло бы это на распределение рисков? Что меняется, когда подпись электронная? Банк никогда достоверно не знает, кто в реальности выступает со стороны клиента при заключении договора онлайн, или кто выдает поручения на распоряжение деньгами со счета. Поэтому несправедливо бы было возлагать на него риски во всех случаях.

В обороте нередки ситуации, когда представления субъектов о действительности и то, как есть на самом деле, противоречат друг другу. Не всегда право предоставляет защиту той стороне, которая полагается на видимые обстоятельства. Как правило, в целях

стабильности оборота и с учетом принципа доверия защита предоставляется именно исходя из видимых, обычно воспринимаемых условий, а не из объективно существующей реальности. Критерием защиты в такой ситуации выступает добросовестность (защита добросовестного приобретателя, добросовестного залогодержателя и др.).

Одновременно с добросовестностью работает и принцип доверия в праве. Одним из компонентов доверия является знание как некая предсказуемость поведения другой стороны и представление самого субъекта о том, достаточно ли он знает партнера, а также насколько субъект способен прогнозировать свое поведение в ситуации неопределенности. То есть банк основывает свое дистанционное взаимодействие с клиентом на основе доверия с учетом имеющихся идентификаторов клиента и надежности систем безопасности платежных инструментов, за которые сам же и отвечает. Банк полагается на видимость полномочий клиента, считая ее реальной.

Меняется ли позиция о распределении рисков, если банк был добросовестным, проверил полномочия, и оснований сомневаться в их подлинности не имелось?

Вероятно, в каждом конкретном случае с учетом фактических обстоятельств ответ будет зависеть не только от добросовестности, но и от объективности видимости, а также действий самого заемщика или владельца счета, который не должен способствовать несанкционированному доступу к средствам электронной идентификации. То есть при наличии в поведении заемщика действий, которые привели к умышленному или по грубой небрежности получению доступа третьих лиц к его платежной информации (передача паролей, цифровых подписей, оставление в местах общего доступа и пр.), риски несанкционированных платежей с банка могут переходить на заемщика, владельца счета.

Еще одним аспектом, в том числе связанным с распределением рисков и заключением, например, кредитного договора или распоряжением деньгами с банковского счета при помощи электронной подписи общества, но не обществом, и последующим списанием со счета этих денежных средств, является вопрос о фактическом выгодоприобретателе. Если возлагать риск несанкционированного

списания на заемщика, владельца счета, то получается следующее. Третье лицо, притворяясь обществом, получает деньги от банка, который не управомочен собственником на такое отчуждение. Общество, так как имелось несанкционированное действие третьих лиц, не давало банку распоряжения о списании полученного кредита. Статья 302 ГК РФ вроде бы дает защиту приобретателю, и согласно п. 3 деньги не могут быть истребованы, а недобросовестность получателя придется доказывать. Такое положение вряд ли можно считать справедливым, что еще раз подтверждает тезис о нецелесообразности возложения рисков на клиента банка.

Подводя итог рассуждениям о рисках в договоре банковского счета в условиях дистанционного обслуживания клиента следует отметить, что вероятность наступления гражданско-правовой ответственности в виде убытков или получение судебной защиты от взыскания таких убытков связано не только с фактическими обстоятельствами и их оценкой, но и применением к правоотношениям принципов доверия, справедливости, доктрины видимости в праве и учетом целей законодательного регулирования платежных систем и электронных денежных средств.

Список использованных источников

1. Определение Верховного Суда РФ по делу № А40-212650/2020, 11 апр. 2022 г., № 305-ЭС21-27249 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-31052022-n-305-es21-27249-podelu-n-a40-2126502020>. – Дата доступа: 06.01.2024.

2. О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета : постановление Пленума ВАС РФ, 19 апр. 1999 г., № 5 // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда Российской Федерации. Специальное приложение. – 2005. – № 12.

3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ, 23 июня 2015 г., № 25. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/files/14913>. – Дата доступа: 06.01.2024.

**СВОБОДА ДОГОВОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ:
ПРОЕКЦИРОВАНИЕ НА ПЛОСКОСТЬ
СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

Ильина О. Ю.

*доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ,
декан юридического факультета,
ФГБОУВО «Тверской государственный университет»,
ул. Желябова, 33, 170000 Тверь, Россия,
Ilina.OY@tversu.ru*

Аннотация. Автор рассматривает особенности применения гражданско-правового принципа свободы договора при регулировании семейных отношений. Целью предпринятого исследования является выявление и демонстрация специфики ограничения свободы субъектов семейно-правовых договоров. При этом акцентируется внимание на таких проявлениях принципа свободы как самостоятельность сторон при согласовании условий договора, при заключении смешанных договоров и др. Автор подчеркивает также особые правовые последствия недействительности семейно-правовых соглашений, соотнося их с проявлением принципа свободы сторон.

Ключевые слова: гражданское законодательство; принцип свободы договора; семейные правоотношения; семейно-правовые договоры; ограничения свободы договора.

**FREEDOM OF CONTRACT IN CIVIL LAW:
PROJECTION ONTO THE PLANE
OF FAMILY LEGAL RELATIONS**

Ilyina O.

*Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Dean of the Faculty of Law of the Tver State University,
Zhelyabova Str., 33, 170000 Tver, Russia,
Ilina.OY@tversu.ru*

Abstract. The author examines the features of the application of the civil law principle of freedom of contract in regulating family relations. The purpose of the undertaken research is to identify and demonstrate the specifics of restricting the freedom of subjects of family law contracts. At the same time, attention is

focused on such manifestations of the principle of freedom as the independence of the parties when agreeing on the terms of the contract, when concluding mixed contracts, etc. The author also emphasizes the special legal consequences of the invalidity of family law agreements, correlating them with the manifestation of the principle of freedom of the parties.

Keywords: civil legislation; the principle of freedom of contract; family legal relations; family law agreements; restrictions on freedom of contract.

Многолетняя дискуссия о соотношении гражданского права и семейного права в контексте отраслевой самостоятельности последнего имеет исторические предпосылки и объективное обоснование. Развитие социальных отношений, трансформация многих социальных институтов и механизма их правового регулирования, очевидно, свидетельствуют об уникальности и предмета семейно-правового регулирования, и метода, и иных критериев, характеризующих отрасль права. В то же время, не стоит отрицать, что признание семейного права самостоятельной отраслью права исключает применение гражданского законодательства при регулировании соответствующих общественных отношений.

Представляется, что достаточно много точек соприкосновения можно обнаружить в сфере договорного регулирования семейных отношений, поскольку и ст. 4 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), и некоторые другие статьи СК РФ, содержащие прямые ссылки на Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), являются тому подтверждением.

На наш взгляд, семейные правоотношения обладают особенностями, обусловленными лично-доверительным характером отношений между членами семьи, в связи с этим наиболее интересным для исследования представляется гражданско-правовой принцип свободы договора и специфика его проецирования на плоскость семейных отношений.

Как известно, принцип свободы договора упомянут среди основных начал гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ), признаки, позволяющие раскрыть суть данного принципа, обозначены в ст. 421 ГК РФ. Предлагаем обратиться к каждому из признаков принципа свободы договора, сопровождая это анализом реализации данного принципа в семейных правоотношениях.

Во-первых, согласно п. 1 ст. 421 ГК РФ граждане свободны в заключении договора, по общему правилу, не допускается понуждение к заключению договора.

В семейных правоотношениях возможность заключения того или иного договора, предусмотренного СК РФ, связана с наличием у субъекта особого семейно-правового статуса. Так, например, соглашение об уплате алиментов могут заключить между собой лишь те члены семьи, которые выступают субъектами алиментного обязательства (ст. 99 СК РФ). Пленум Верховного Суда Российской Федерации по этому поводу даже дал специальные разъяснения: «Соглашение об уплате алиментов следует отличать от гражданско-правовых договоров о предоставлении содержания, заключенных между иными лицами, не относящимися к названным выше (например, договор о предоставлении содержания трудоспособному совершеннолетнему ребенку на период его обучения), на которые не распространяются правила, предусмотренные Семейным кодексом РФ в отношении соглашения об уплате алиментов (например, об индексации денежных сумм в соответствии со ст. 117 СК РФ)».

При регулировании отношений по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, в семье опекунов (попечителей), а также в приемную семью тоже может заключаться соответствующий договор. Примечательно, что даже при полном соответствии потенциальных воспитателей требованиям, предусмотренным СК РФ, ФЗ «Об опеке и попечительстве», соответствующий договор не может быть заключен, если против назначения опекуна (попечителя), приемного родителя возражает ребенок, достигший возраста десяти лет (п. 4 ст. 145 СК РФ). Таким образом, ребенок, хотя и не является стороной договора, своим несогласием на назначение опекуна фактически блокирует перспективу заключения договора об осуществлении опеки или попечительства либо договора о приемной семье.

Кстати, в соответствии с п. 7 ст. 145 СК РФ при необоснованном уклонении органа опеки и попечительства от заключения соответствующего договора опекун (попечитель) может обратиться в суд с требованием о понуждении к заключению договора (п. 4 ст. 445 ГК РФ).

Полагаем необходимым отметить еще одну особенность в определении субъектов семейно-правовых договоров. Так, например, брачный договор может быть заключен не только между супругами, но и между лицами, имеющими намерение вступить в брак (ст. 40 СК РФ). Таким образом, лица, не являющиеся субъектами семейных правоотношений, обладают правом заключить договор, регулирующий в будущем имущественные отношения между супругами, т. е. после заключения брака. Естественно, что такой брачный договор вступает в силу со дня государственной регистрации заключения брака, в противном случае он считается заключенным, но не действует до момента регистрации заключения брака.

Специфика семейных отношений находят свое проявление и при заключении соглашения о разделе общего имущества супругов, нажитого ими в период брака. Согласно п. 2 ст. 38 СК РФ «Общее имущество супругов может быть разделено между супругами по их соглашению». Буквальное толкование данной нормы позволяет утверждать, что данное соглашение может быть заключено только между супругами. Однако правоприменительная практика свидетельствует о признании действительными соглашений о разделе общего имущества супругов, заключенных между уже бывшими супругами. Ключевым моментом в подобных ситуациях выступает объект – общее имущество, нажитое супругами в период брака, а соглашение о его разделе может быть заключено и после прекращения семейных правоотношений.

Во-вторых, как следует из п. 4 ст. 421: «условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами».

Казалось бы, соглашение об уплате алиментов и брачный договор предусмотрены законодателем именно для того, чтобы стороны могли в необходимом для них объеме реализовать принцип свободы при установлении условий соглашения и взаимных обязательств. Весьма привлекательной видится перспектива регламентации исполнения алиментного обязательства с учетом содержания п. 2 ст. 104 СК РФ: «Алименты могут уплачиваться в долях к заработку и (или) иному доходу лица, обязанного уплачивать алименты;

в твердой денежной сумме, уплачиваемой периодически; в твердой денежной сумме, уплачиваемой единовременно; путем предоставления имущества, а также иными способами, относительно которых достигнуто соглашение. В соглашении об уплате алиментов может быть предусмотрено сочетание различных способов уплаты алиментов».

В то же время п. 2 ст. 103 СК РФ содержит императивное предписание, в соответствии с которым размер алиментов, выплачиваемых на несовершеннолетних детей по заключаемому соглашению, не может быть меньше того размера алиментов, которые дети могли бы получать, если бы алименты взыскивались в судебном порядке. Если же данное правило нарушено, а также если установленные соглашением условия предоставления алиментов несовершеннолетнему ребенку или совершеннолетнему недееспособному члену семьи существенно нарушают их интересы, то данное соглашение может быть признано судом недействительным.

Если вдруг по тем или иным причинам стороны не предусмотрели в соглашении условие об индексации алиментов, то это не означает, что индексация не будет производиться, в такой ситуации будет применяться ст. 117 СК РФ (ст. 105 СК РФ).

Свобода супругов или лиц, вступающих в брак, при заключении брачного договора определяется правилами ст. 42 СК РФ. С одной стороны, в брачный договор могут быть включены любые условия, регулирующие имущественные отношения между супругами (п. 1 ст. 42 СК РФ), но, с другой стороны, в п. 3 этой же статьи содержится императивное правило: «брачный договор не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав; регулировать личные неимущественные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей; предусматривать положения, ограничивающие право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания; содержать другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства». Кстати, законодатель предусмотрел различные правовые последствия вышеназванных предписаний. Так, брачный договор по требованию

одного из супругов может быть признан недействительным полностью или частично, если условия соглашения ставят данного супруга в крайне неблагоприятное положение (п. 2 ст. 44 СК РФ), то есть нарушение соответствующего требования влечет оспоримость брачного договора. Если же при заключении брачного договора были нарушены другие предписания п. 3 ст. 42 СК РФ, то такое соглашение является ничтожным (п. 2 ст. 44 СК РФ).

Кстати, для такого семейно-правового договора как брачный договор есть еще одно исключение: при аннулировании всех правовых последствий брака, признанного недействительным, по заявлению добросовестного супруга суд может признать брачный договор действительным частично или полностью (п. 4 ст. 30 СК РФ).

Апеллируя к гражданско-правовому принципу свободы сторон при определении условий договора, полагаем необходимым обратиться к нормам СК РФ, регламентирующим соглашение о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (п. 2 ст. 66 СК РФ). Конечно же, родители свободны как при решении вопроса о заключении данного соглашения, так и при выборе условий, подлежащих согласованию.

Необходимо подчеркнуть, что законодатель о таком виде соглашения родителей говорит в пределах одного предложения. Значит ли это, что тем самым родителям предоставляется фактически безграничное усмотрение при заключении соглашения данного вида? Отнюдь. Глава 12 «Права и обязанности родителей» содержит нормы, определяющие права и обязанности родителей, принципы осуществления ими своих родительских прав, основным из которых является учет интересов ребенка.

Необходимо учитывать и то, что хотя в названии соглашения фигурирует лишь один из родителей (тот, который проживает отдельно от ребенка), по сути, это соглашение определяет порядок осуществления родительских прав обоими родителями, потому как порядок осуществления родительских прав и тем родителем, с которым проживает ребенок, тоже меняется.

Заметим, что в отличие от других семейно-правовых договоров данное соглашение может быть заключено в письменной форме. Однако, как свидетельствуют материалы правоприменительной

практики, родители обращаются к нотариусу для удостоверения такого соглашения, расширяя зачастую его пределы посредством включения условий о выплате родителем, проживающим отдельно от ребенка, алиментов на его содержание. Нотариальное удостоверение соглашения о порядке осуществления родительских прав при раздельном проживании ребенка с одним из родителей является для родителей некой гарантией исполнения соглашения (что совершенно не предполагает закон), кроме того, силу исполнительного листа будет иметь лишь часть данного соглашения, а именно условия о предоставлении ребенку алиментов.

Полагаем, что срок действия и иные условия соглашения, которое заключают родители при раздельном проживании одного из них с ребенком, должны быть соотнесены с возрастом ребенка; наличием у сторон других несовершеннолетних детей, в том числе общих; местом жительства и режимом работы каждого из родителей и т. п.

Весьма интересным и заслуживающим внимания с точки зрения заимствования видится опыт регулирования данных отношений в Республике Беларусь. Согласно ст. 76.1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье родители могут заключить между собой соглашение о детях, если соответствующие вопросы не разрешены вступившим в законную силу судебным постановлением или уже не регламентированы брачным договором или соглашением об уплате алиментов. В соглашении о детях родители в таком случае могут определить место жительства детей, порядок общения с детьми и участия в их воспитании того родителя, который проживает отдельно, размер алиментов, выплачиваемых на детей, порядок выезда детей за пределы Республики Беларусь и другие вопросы воспитания и содержания детей, при условии, что это не будет нарушать права и интересы детей и иных лиц, а также не будет противоречить законодательству. Такое соглашение заключается между родителями в письменной форме, удостоверяется нотариусом. Кроме того, в этой же статье Кодекса указывается и на то, что при расторжении брака супруги могут заключить соглашение о детях в порядке, установленном процессуальным законодательством для мировых соглашений.

В-третьих, п. 3 ст. 421 ГК РФ предусматривает, что стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, т. е. так называемый смешанный договор. По нашему мнению, таким договором является договор о суррогатном материнстве. До недавнего времени на страницах научных публикаций велась активная дискуссия об отраслевой природе данного договора, неоднократно высказывались предложения о дополнении соответствующей нормой статей СК РФ, регламентирующих порядок установления происхождения детей.

В соответствии с актуальной редакцией п. 9 ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» договор о суррогатном материнстве заключается между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям (далее – потенциальные родители (генетическая мать и генетический отец) и которые состоят в браке между собой, либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения и для которой вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям (далее – одинокая женщина (генетическая мать)).

Само же суррогатное материнство определяется законодателем как вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды).

Кроме смешанного характера договора о суррогатном материнстве отметим также некоторые ограничения свободы его заключения. Так, постановлением Правительства РФ от 31 мая 2023 г. № 882 утверждены Правила установления потенциальных родителей в качестве генетической матери и генетического отца, а равно одинокой женщины в качестве генетической матери. Требования же к суррогатной матери как стороне договора установлены в п. 10 ст. 55 указанного Федерального закона: женщина в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, имеющая гражданство РФ, имеющая не менее одного здорового собственного ребенка; если потенциальная суррогатная мать состоит в браке,

то она может заключить договор только с письменного согласия супруга.

По нашему мнению, данный договор является смешанным, поскольку в полном объеме не может быть согласован без учета условий медицинского сопровождения процесса заключения и исполнения договора, в связи с чем в такой ситуации в полном объеме должны быть применимы правила главы 39 ГК РФ о договоре возмездного оказания услуг.

Нельзя оставить без внимания и положения ст. 51 и 52 СК РФ, устанавливающих порядок записи родителей ребенка в книге записи рождений и оспаривания отцовства (материнства), если происхождение ребенка (вынашивание и рождение) было регламентировано договором о суррогатном материнстве. Учитывая цель заключения договора о суррогатном материнстве, полагаем, что приоритет все-таки имеет семейно-правовой характер соответствующих договорных отношений.

Подчеркнем, что в СК РФ определено очень ограниченное число договоров, для которых четко установлен субъектный состав, содержание и форма. В связи с этим к категории смешанных договоров, позволяющих сторонам проявить некоторую свободу, относится соглашение, упомянутое в ст. 24 СК РФ. Речь идет о договоренности супругов, расторгающих брак и представивших суду соглашение:

- об определении места жительства несовершеннолетних детей после расторжения брака;
- о размере и порядке выплаты алиментов на несовершеннолетних детей;
- о размере и порядке выплаты алиментов на содержание нетрудоспособного нуждающегося супруга;
- о разделе общего имущества супругов.

Заметим, что речь идет о соглашении супругов, но при этом законодатель не предъявляет каких-либо требований к форме соглашения, хотя наличествующая в данной ситуации договоренность супругов, как минимум, по трем вопросам, по общему правилу, должна сопровождаться нотариальным удостоверением (п. 1 ст. 100 и п. 2 ст. 38 СК РФ). Таким образом, соглашение супру-

гов, предусмотренное п. 1 ст. 24 СК РФ, может быть представлено в письменной форме (например, в исковом заявлении о расторжении брака), сделано устно непосредственно в судебном заседании, но так или иначе, это отражается в протоколе судебного заседания и, возможно, в резолютивной части решения суда о расторжении брака.

Кстати, законодатель предусмотрел о последствия своеобразного игнорирования соглашения супругов, если суд установит, что данное соглашение нарушает интересы детей или одного из супругов, то суд обязан определить место жительства несовершеннолетних детей после расторжения брака родителей, а также размеры и порядок взыскания алиментов на детей. Соглашение в части регулирования имущественных отношений между супругами, в том числе взыскания алиментов на содержание одного из супругов игнорируется в такой ситуации в полном объеме, а соответствующие вопросы рассматриваются судом лишь по требованию супругов (одного из них) (п. 2 ст. 24 СК РФ).

Полагаем, что представленные нами суждения о специфике отдельных семейно-правовых договоров позволяют подтвердить озвученный вначале тезис о возможности проецирования на плоскость семейных правоотношений гражданско-правового принципа свободы договора, применение которого должно сопровождаться учетом особенностей предмета семейного права.

**СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ:
СВОБОДА УСМОТРЕНИЯ СТОРОН**

Короткевич М. П.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
MKorotkevich@mail.ru*

Аннотация. В исследовании анализируются проблемы определения свободы усмотрения субъектов семейных отношений при заключении семейно-правовых соглашений. По мнению автора, договорное регулирование семейных отношений должно допускаться только в интересах семьи, для обеспечения наилучших интересов несовершеннолетних детей, нетрудоспособных субъектов семейных отношений. Договорное регулирование семейных отношений за пределами поименованных семейно-правовых соглашений возможно только по воле законодателя, которая должна быть закреплена в кодифицированном акте. Однако целесообразность такой новации вызывает вопросы с учетом положительной нотариальной практики применения поименованных семейно-правовых соглашений.

Ключевые слова: семейно-правовые соглашения; субъекты семейного права; семейные права и обязанности; пределы свободы усмотрения; поименованные соглашения; непоименованные соглашения.

**FAMILY LAW AGREEMENTS:
FREEDOM OF DISCRETION OF THE PARTIES**

Korotkevich M.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
MKorotkevich@mail.ru*

Abstract. The study analyzes the problems of determining the discretion of subjects of family relations when concluding family law agreements. According to the author, contractual regulation of family relations should be allowed only in the

interests of the family, to ensure the best interests of minor children and disabled subjects of family relations. Contractual regulation of family relations outside the named family law agreements is possible only at the will of the legislator, which must be enshrined in a codified act. However, the feasibility of such an innovation raises questions taking into account the notarial practice of applying the named family law agreements.

Keywords: family law agreements; subjects of family law; family rights and obligations; limits of discretion; named agreements; unnamed agreements.

Доктор юридических наук, профессор Валерий Николаевич Годунов является известным белорусским ученым, ученым-педагогом, который внес значительный вклад в развитие юриспруденции, науки гражданского права, имеет большое количество научных работ, последователей и учеников. Многие исследования, в том числе диссертационные, проведены им именно по гражданско-правовой тематике [1, с. 8]. Уделял внимание уважаемый профессор в последние годы и проблемам семейного права. В 2020 г. под редакцией профессора В. Н. Годунова и М. П. Короткевич сотрудниками кафедры гражданского права юридического факультета БГУ был подготовлен практикум по семейному праву [2]. В 2020–2022 годах В. Н. Годунов опубликовал ряд статей, в которых рассмотрена проблематика развития и совершенствования семейного законодательства Республики Беларусь [3; 4; 5]. Анализируя нормы действующего Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), который вступил в силу с 1 сентября 1999 г., Валерий Николаевич Годунов в числе норм, «отражающих новые подходы или новые явления в изменившихся социально-экономических условиях» называет нормы, «касающиеся договорного регулирования семейных отношений» [3, с. 191].

В Республике Беларусь с 1999 г. постепенно формируется новая модель регулирования семейных отношений, допускающая договорное регулирование этой достаточно деликатной сферы. Договорное начало в семейном праве законодатель расширяет постепенно. Так, после вступления в силу с 1 сентября 1999 г. КоБС предусматривал возможность заключения только брачного договора (ст. 13) и соглашения о детях (при расторжении брака в судебном порядке) (ст. 38). С 1999 г. в КоБС изменения и дополнения вносились много

раз, в том числе в области договорного регулирования. КоБС дополнен рядом новых договорных конструкций, расширен и субъектный состав семейно-правовых соглашений. Так, Законом Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 164-З в ст. 13 КоБС внесены дополнения, право заключать брачный договор предоставлено не только супругам, но и лицам, вступающим в брак. Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 446-З КоБС дополнен новой договорной конструкцией – соглашением о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей (соглашение об уплате алиментов) (ст. 91, Глава 11-1). Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 277-З КоБС дополнен определением брачного договора (ст. 13), у родителей появилась возможность заключить соглашение о детях независимо от состояния в браке, которое подлежит нотариальному удостоверению (КоБС дополнен ст. 761), в ст. 24 КоБС закреплена возможность заключения супругами, бывшими супругами соглашения о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, которое также подлежит нотариальному удостоверению.

Для предусмотренных в КоБС соглашений, в том числе брачного договора, законодатель определил круг уполномоченных на их заключение субъектов, заключение семейно-правовых договорных конструкций обусловил достижением конкретных целей, закрепленных в нормах КоБС. Если проанализировать все нововведения, имевшие место в КоБС за последние десятилетия, касающиеся договорного регулирования семейных отношений, то можно выделить их общую направленность – обеспечение субъектов семейных отношений более широким договорным инструментарием. Однако расширение вариативности поименованных в КоБС семейно-правовых соглашений осуществляется без системного учета действующих норм КоБС и нововведений, КоБС не содержит общего подхода к договорному регулированию семейных отношений, в том числе относительно вопроса свободы усмотрения сторон при выборе семейно-правовых соглашений, формулировании их условий, до сих пор не определены КоБС и ограничения (пределы) применения гражданского законодательства к семейно-правовым соглашениям [6, с. 99].

Следует констатировать, что в семейных отношениях решение различных вопросов невозможно без достижения определенных договоренностей. Однако именно при заключении поименованных в КоБС соглашений с соблюдением установленных требований исполнение закрепленных в этих документах договоренностей «выходит на иной уровень», получает публичную защиту. Только в некоторых ситуациях без заключения семейно-правовых соглашений субъекты не могут реализовать устные договоренности даже при надлежащем поведении, например, удостоверить права на недвижимое имущество, нажитое супругами в период брака, по своему усмотрению.

В отличие от гражданско-правового договора, даже поименованное в КоБС семейно-правовое соглашение не выступает самостоятельным юридическим фактом, порождающим семейные отношения. В КоБС отсутствует норма, определяющая основания возникновения семейных правоотношений (для сравнения можно привести ст. 7 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Из содержания ст. 2 КоБС, а также доктрины семейного права следует, что семейные правоотношения возникают на основании брака, родства, усыновления (удочерения) и других форм устройства детей на воспитание в семью. Многие исследователи отмечают, что семейно-правовые соглашения заключаются с целью определения порядка реализации прав и исполнения обязанностей уже существующих (прав и обязанностей) или координацию отношений между лицами, которые хотят урегулировать их, не прибегая к юрисдикционным формам защиты своих прав и интересов [7, с. 64; 8, с. 170; 6, с. 95; 9, с. 78; 10, с. 149]. Следует согласиться, что в некоторых случаях договор (соглашение) в семейных отношениях служит средством предупреждения возможных конфликтов при наличии коллидирующих интересов участников правоотношений, пока между ними не утрачена доверительность [11, с. 7]. Но важен тот факт, что субъекты семейных отношений могут не заключать никаких соглашений вовсе, а отсутствие соглашений не повлияет на существования семейных отношений. Поэтому в отличие от гражданского права в семейном праве соглашения выступают лишь дополнительным инструментом регулирования возникших семейных отношений.

Однако насколько стороны семейно-правовых соглашений свободны в выборе договорных конструкций, формулировании условий семейно-правовых соглашений? Все поименованные в КоБС соглашения подлежат нотариальному удостоверению. Только соглашение о детях может быть либо удостоверено нотариально, либо, при соблюдении требуемых условий, может быть заключено при расторжении брака судом родителями-супругами в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь для заключения мировых соглашений, выступая с точки зрения формы поименованным мировым соглашением.

Особые требования к форме семейно-правых соглашений предопределили упрощенный порядок их принудительного исполнения. Согласно ст. 460 ГПК на основании соглашений о детях, утвержденных судом, брачных договоров, соглашений о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей и других актов, если это предусмотрено законодательством, взыскателю выдается исполнительный лист.

Полагаем при решении вопроса выбора поименованного в КоБС семейно-правового соглашения сторонам следует руководствоваться теми целями, на достижение которых направлено их заключение, и, конечно, исходить из семейно-правового статуса субъекта (родитель, супруг). Так, соглашение о детях заключается родителями в целях обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних детей (ст. 761 КоБС); брачный договор заключается супругами (лицами вступающими в брак) в целях повышения культуры брачных и семейных отношений и ответственности одного супруга перед другим, согласования супругами своих прав и обязанностей (ст. 13 КоБС) и обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних детей. Исходя из положений ст. 91, главы 11-1 КоБС соглашение об уплате алиментов заключается между родителями в целях достижения и фиксации достигнутых договоренностей о порядке и форме предоставления содержания детям, в частности для закрепления в соглашении размера, способов и порядка уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних, совершеннолетних нетрудоспособных детей. Соглашение о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, заключается супру-

гами или бывшими супругами в целях раздела совместно нажитого имущества (ч. 3 ст. 24 КоБС), прекращения общей совместной собственности супругов [12, с. 105–106]. Таким образом, каждая договорная конструкция в КоБС предлагается для достижения определенной цели (целей).

Уникальность семейно-правовых соглашений, предусмотренных в КоБС, в которых могут быть определены вопросы взаимоотношений между родителями и детьми, состоит в том, что все они заключаются только между родителями. Согласно КоБС, брачный договор, соглашения о детях заключаются между родителями (родителями-супругами) (ст. 13, ст. 761 КоБС). В п. 604 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2006 г. № 63 (в редакции постановления от 26 января 2015 г. № 15 с последующими изменениями и дополнениями (далее – Инструкция № 63)) также закреплено, что соглашение о детях заключается между родителями. Соглашение об уплате алиментов также заключается между родителями (в том числе родителями совершеннолетних нетрудоспособных, нуждающихся в помощи, хотя такой подход вызывает вопросы), что следует из полного наименования данного соглашения – «соглашение о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей» (ст. 761 КоБС).

Однако чем следует руководствоваться правоприменителям при анализе содержания семейно-правовых соглашений, в частности, могут ли семейно-правовые соглашения не только устанавливать особенности исполнения закрепленных в КоБС обязанностей, но и влечь возникновение обязанностей у субъектов семейных отношений, которые не предусмотрены КоБС?

Например, на практике возникает вопрос: возможно ли при нотариальном удостоверении в соглашении о детях закреплять обязанности родителей в отношении совершеннолетних нетрудоспособных нуждающихся в помощи детей или вообще в отношении ребенка после его совершеннолетия независимо от трудоспособности и материального положения как родителей, так и их совершеннолетнего ребенка? В ст. 761 КоБС прямого ответа на данный вопрос нет, соглашение, как указано, заключается

только в целях обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних детей. В главе 102 «Удостоверение соглашения о детях» Инструкции № 63 также нет ответа на поставленный вопрос.

В публикации 2020 г. нотариусам предложено включать в соглашение о детях размер алиментов, подлежащих уплате родителем и после совершеннолетия ребенка, но только, если такие условия не будут ущемлять права ребенка [13]. Однако в 2022 г. практикующими нотариусами высказывается прямо противоположное мнение – соглашение о детях «позволяет урегулировать вопросы содержания только несовершеннолетних детей» [14, с. 324].

Полагаем, сфера регулирования такого соглашения должна согласовываться с целью его заключения – обеспечение прав и законных интересов своих несовершеннолетних детей. При этом аналогичный вопрос может возникать и в отношении содержания брачного договора. Здесь практикующие нотариусы констатируют возможность у родителей брачным договором продлить срок уплаты алиментов, например, «до окончания высшего учебного заведения или наступления определенного возраста» [14, с. 324].

Приведем позицию по сходной проблеме Верховного Суда РФ, обозначенную в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов», касающегося соглашения об уплате алиментов. Согласно п. 53 постановления соглашение об уплате алиментов следует отличать от гражданско-правовых договоров о предоставлении содержания, например, договор о предоставлении содержания трудоспособному совершеннолетнему ребенку на период его обучения), на которые не распространяются правила, предусмотренные Семейным кодексом РФ (далее – СК РФ) в отношении соглашения об уплате алиментов (например, об индексации денежных сумм в соответствии со ст. 117 СК РФ). Следует учитывать, что СК РФ, как и КоБС, не закрепляет обязанности родителей содержать совершеннолетнего трудоспособного ребенка даже в период его обучения, следовательно, в постановлении не признается семейно-правовая природа соглашения, закрепляющего обязанности, не предусмотренные семейным законодательством. Полагаем,

указанный подход может учитываться при последующем совершенствовании законодательства.

Еще одним дискуссионным вопросом следует назвать вопрос о допустимости заключения семейно-правовых соглашений, не предусмотренных семейным законодательством, т. е. непоименованных семейно-правовых соглашений. КоБС, как и СК РФ, прямо не закрепляет запрета на заключение соглашений, не указанных в нем. Однако в отличие от КоБС СК РФ содержит ст. 5 «Применение семейного законодательства и гражданского законодательства к семейным отношениям по аналогии», которая имеет существенное значение при решении вопроса о допустимости непоименованных соглашений в семейных отношениях, так как данная норма закрепляет, что отношения между членами семьи регулируются не только семейным законодательством, но также и соглашением сторон. Так, российские авторы, обосновывая возможность заключения субъектами семейных отношений непоименованных в СК РФ соглашений, приводят в том числе норму этой статьи, так как в ней говорится о любом соглашении сторон, а не о «предусмотренном законом» соглашении [15, с. 50; 16, с. 292]. При этом справедливо акцентируется, что в семейное право невозможно имплементировать свободу воли и равенство прав участников гражданских правоотношений в полной мере, в том числе с учетом проблемы соотношения частного и публичного интереса в семейном праве [16, с. 292–293].

Полагаем исходя из анализа норм КоБС непоименованные семейно-правовые соглашения могут стать договорным инструментом в семейных отношениях только в случае закрепления соответствующих норм в КоБС. Одним из вариантов такого закрепления можно назвать подход, который отметил в своей работе профессор В. Н. Годунов на основании изучения опыта других государств, когда в кодифицированном акте закрепляется в качестве общего принципа регулирования семейных отношений – «семейные отношения могут быть урегулированы по договоренности (договору) между их участниками». При этом в иной норме предусматривается детализация регулирования семейных отношений по договоренности (договору) сторон, заключающая в установлении некоторых ограничений для обязательности договора в семейных отношениях, в частности,

противоречие требованиям кодифицированного акта, других законов и моральным устоям общества [3, с. 196–197]. Однако целесообразность такой новации вызывает вопросы с учетом положительной нотариальной практики применения поименованных семейно-правовых соглашений.

В настоящее время законодатель Республики Беларусь обеспечил поименованными договорными инструментами таких субъектов семейных отношений, как супруги и родители. Определяя целевое значение каждой договорной конструкции, законодатель учитывает особый характер и природу семейных отношений, закрепляет специфику реализации семейно-правовых соглашений и защиту закрепленных в них условий. Как отметил профессор В. Н. Годунов, «дальнейшее развитие семейного законодательства Республики Беларусь будет происходить с учетом практики применения его норм, научного исследования проблемных вопросов семейного законодательства, современных подходов и тенденций в регулировании семейных отношений, изучения и использования опыта других государств» [4, с. 15–16]. Надеемся, что обозначенные в настоящем исследовании проблемы будут учтены и разрешены при дальнейшем совершенствовании семейного законодательства Республики Беларусь.

Поддерживаем ранее высказанную позицию, что лично-доверительный характер отношений субъектов семейного права обуславливает специфику использования договорных конструкций в семейном праве [7, с. 73]. Договорное регулирование семейных отношений должно допускаться только в интересах семьи, для обеспечения наилучших интересов несовершеннолетних детей, нетрудоспособных субъектов семейных отношений. Указанное необходимо обеспечить закреплением в КоБС четких правил, определяющих основы договорного регулирования семейных отношений, в том числе свободу усмотрения субъектов семейных отношений по выбору договорных конструкций и их содержанию. Гражданско-правовой инструментарий к семейно-правовым договорным конструкциям должен применяться только в силу прямого указания в КоБС.

Список использованных источников

1. Годунов, В. Н. Кафедра гражданского права: 100 лет в образовании и науке / В. Н. Годунов, М. В. Мещанова // Теоретико-прикладные аспекты развития гражданского законодательства Республики Беларусь под влиянием цифровизации : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; под ред. О. А. Бакиновской, М. В. Мещановой. – Минск : Колорград, 2022. – С. 5–11.

2. Семейное право: практикум : учеб. пособие / В. Н. Годунов [и др.] ; под ред. В. Н. Годунова, М. П. Короткевич. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2020. – 316 с.

3. Годунов, В. Н. Правовое регулирование семейных отношений в Республике Беларусь / В. Н. Годунов // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Вып. 5. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2020. – С. 190–200.

4. Годунов, В. Н. Семейное законодательство Республики Беларусь и его развитие / В. Н. Годунов // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. Вып. 2 / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2021. – С. 4–18.

5. Годунов, В. Н. Частное право Республики Беларусь: история становления, развитие и перспективы совершенствования / В. Н. Годунов, М. В. Мещанова // Частное право в странах бывшего СССР: итоги 30-летия : сб. ст. / Исследоват. центр частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ ; под ред. Л. Ю. Михеевой. – М. : Статут, 2022. – С. 152–190.

6. Короткевич, М. П. К вопросу о применении гражданского законодательства при договорном регулировании семейных отношений / М. П. Короткевич // Применение положений части первой ГК РФ при регулировании семейных отношений: проблема соотношения гражданского и семейного законодательства : моногр. / Ю. Ф. Беспалов [и др.] ; отв ред. Ю. Ф. Беспалов. – М. : РГ-Пресс, 2020. – С. 93–99.

7. Короткевич, М. П. Свобода договора в семейных отношениях / М. П. Короткевич // Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей: международное публичное и международное частное право : сб. ст. по итогам VII ежегод. Междунар. науч.-практ. конф., проведенной каф. междунар. права юрид. фак. Южного федер. ун-та, 20 дек. 2021 г. / под ред. А. Е. Тарасовой. – М. : ООО «РУСАЙНС», 2022. – С. 62–74.

8. Ситкова, О. Ю. К вопросу о сущности семейно-правовых договорных обязательств / О. Ю. Ситкова // Договор и обязательство по гражданскому законодательству РФ: некоторые теоретические и практические аспекты :

материалы Междунар. науч.-практ. круглого стола, Москва, 14 июня 2018 г. / Всероссийский гос. ун-т юстиции ; отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. – М. : РГ-Пресс, 2018. – С. 167–174.

9. *Короткевич, М. П.* К вопросу о предмете Брачного договора и пределах свободы усмотрения сторон при определении его содержания / М. П. Короткевич // Судовы весн. – 2022. – № 4. – С. 77–82.

10. *Летова, Н. В.* Особенности регулирования сделок в сфере семейных отношений / Н. В. Летова // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 6(58). – С. 134–149.

11. *Чашкова, С. Ю.* Система договорных обязательств в российском семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Ю. Чашкова ; Рос. правовая академия М-ва юстиции РФ. – М., 2004. – 23 с.

12. *Короткевич, М. П.* Особенности договорного регулирования семейных отношений / М. П. Короткевич // Актуальные проблемы семейного права в современной России : моногр. / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. – М. : Проспект, 2021. – С. 104–108.

13. *Делендик, Т.* Договориться о воспитании и содержании детей и разделить имущество поможет нотариус [Электронный ресурс] / Т. Делендик. – Режим доступа: <https://belnotary.by/novosti/publikatsii/dogovoritsya-o-vospitanii-i-soderzhanii-detey-i-razdelit-imushchestvo-pomozhet-notarius/>. – Дата доступа: 04.01.2024.

14. *Грекова, Л. П.* Соглашения в сфере брачно-семейных отношений в нотариальной практике / Л. П. Грекова // Теоретико-прикладные аспекты развития гражданского законодательства Республики Беларусь под влиянием цифровизации : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; под ред.: О. А. Бакинской, М. В. Мещановой. – Минск : Колорград, 2022. – С. 319–325.

15. *Чефранова, Е. А.* Непоименованные договоры как основание регулирования семейных отношений / Е. А. Чефранова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 7. – С. 48–54.

16. *Титаренко, Е. П.* Пределы усмотрения субъектов семейных отношений при заключении соглашений / Е. П. Титаренко // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования РФ О. Ю. Ильиной : моногр. – М. : ЮНИТИ-ДАТА: Закон и право, 2023. – С. 291–297.

УДК 347.44+347.77.043+344.752

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПРАВА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ландо Д. Д.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, lando@bsu.by*

Иванова Д. В.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь, ivanovadv@bsu.by*

Аннотация. Авторами анализируются изменения, внесенные в Гражданский кодекс Республики Беларусь в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. «Об изменении кодексов» в области договорных отношений в сфере интеллектуальной собственности. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при заключении лицензионного договора и договора франчайзинга. Целью исследования является оценка эффективности принятых норм в части решения существующих проблем правового регулирования. Практическое значение полученных результатов состоит в определении комплексности предложенного регулирования с точки зрения правоприменителей и в возможности их использования для проведения будущих научных исследований по данной тематике.

Ключевые слова: договор; интеллектуальная собственность; лицензионный договор; договор франчайзинга.

TRANSFORMATION OF LEGAL REGULATION OF PROVIDING THE RIGHT TO USE INTELLECTUAL PROPERTY

Lando D.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus, lando@bsu.by*

Ivanova D.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
ivanovadv@bsu.by*

Abstract. The authors analyze the changes made to the Civil Code of the Republic of Belarus by the Law of the Republic of Belarus of November 13, 2023 «On Amendments to Codes» with respect to contractual relations in the field of intellectual property. The object of the study is relations that arise when concluding a license agreement and a franchise agreement. The purpose of the study is to assess the effectiveness of the adopted norms in terms of solving existing problems of legal regulation. The practical significance of the results obtained lies in determining the comprehensiveness of the proposed regulation from the point of view of law enforcers and in the possibility of using them for future scientific research on this subject.

Keywords: agreement; intellectual property; license agreement; franchise agreement.

Законом Республики Беларусь «Об изменении кодексов», принятым 13 ноября 2023 г., внесены изменения в Гражданский кодекс Республики Беларусь. За некоторым исключением они вступят в силу с 19 ноября 2024 г. Принятие указанных изменений сложно оценить не только ввиду длительности их обсуждения и объема, но и в силу осознания того, что не все участники дискуссии о будущем кодификации частно-правовых отношений в Республике Беларусь сегодня с нами [1]. 14 декабря 2022 г. не стало В. Н. Годунова, чей академический интерес всегда находился в сфере договорного права. В своих публикациях В. Н. Годунов исследовал ряд вопросов, представляющих интерес для специалистов в области интеллектуальной собственности [2].

В рамках ранее осуществленных нами исследований отмечалось, что большинство анализируемых новелл подчинены заданному направлению правового регулирования: унификация гражданского законодательства государств-членов Евразийского экономического союза. В то же время о целесообразности нововведений и последовательности такой унификации можно дискутировать [3; 4].

Трансформации правового регулирования также способствуют, например, такие факторы, как растущая потребность в организации электронной подачи документов для осуществления регистрации договоров в сфере интеллектуальной собственности, практическая необходимость в детализации общедоступных баз данных патентного органа. В главе 6 «Развитие институциональной системы в сфере интеллектуальной собственности» Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года отмечается, что «особое внимание будет уделено вопросам дальнейшего развития НЦИС, в том числе будут осуществлены мероприятия по масштабной цифровизации его деятельности, что позволит ускорить процедуры предоставления правовой охраны объектам интеллектуальной собственности, а также повысить качество оказываемых им услуг (в том числе в образовательной деятельности). Планируется внедрить в НЦИС полноценный электронный документооборот и передовые информационно-коммуникационные технологии при проведении экспертизы заявок на выдачу охраняемых документов на объекты права промышленной собственности (в том числе с применением технологий искусственного интеллекта), продолжить интеграцию национальных и международных баз данных, создать и внедрить цифровые платформы, содействующие распоряжению и защите прав на объекты интеллектуальной собственности».

С учетом указанного вектора есть предпосылки для активизации использования смарт-контрактов правообладателями в Республике Беларусь. Перспективным представляется одновременное использование технологии блокчейн и смарт-контрактов. Вместе с тем, с учетом действующего законодательства уже обосновывалось, что количество императивных норм в праве интеллектуальной собственности и обязательных процедур регистрации договоров, предметом которых являются права на объекты интеллектуальной собственности, непризнание смарт-контрактов законодателем полноценной альтернативой договора на материальном носителе может привести к обесцениванию преимуществ смарт-контрактов [5, с. 156].

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 декабря 2023 г. № 906 «Об изменении постановления Совета

Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672» внесены изменения в Стратегию Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года. В целях развития системы управления интеллектуальной собственностью в 2024–2025 годах планируется осуществление ежегодного мониторинга состояния и динамики количества зарегистрированных Национальным центром интеллектуальной собственности (далее – НЦИС) договоров о передаче (предоставлении) прав на объекты права промышленной собственности (п. 24.2 Плана мероприятий по реализации Стратегии на 2024–2025 годы). Такой мониторинг позволит не только отслеживать статистические изменения в заключении и регистрации указанных договоров, но и делать предложения по изменению законодательства, направленные на развитие соответствующих договорных отношений, на их основе. В 2022 г. НЦИС было зарегистрировано 547 лицензионных договоров и 138 договоров франчайзинга, что по сравнению с 2021 г. больше на 46,7 % и 22,1 % соответственно [6, с. 34–35].

Согласно п. 1 ст. 910 ГК лицензионный комплекс, который предоставляется по договору франчайзинга правообладателем пользователю, должен содержать право использования фирменного наименования правообладателя, других объектов интеллектуальной собственности, предусмотренных договором, а также нераскрытой информации в предпринимательской деятельности пользователя. Ранее уже обосновывалось, что реальное использование фирменного наименования по договору не представляется возможным, поскольку фактически предполагает отождествление правообладателя и пользователя. Номинальное использование обосновывается сугубо для целей регистрации договоров, блокируя при этом правомерное выступление индивидуального предпринимателя, как на стороне правообладателя, так и пользователя [7, с. 70]. Практиками справедливо отмечалось, что фирменное наименование в большинстве случаев не ассоциируется с обозначением, отличающим товары, работы и (или) услуги коммерческой организации. Фирменное наименование, являясь средством индивидуализации коммерческой организации как участника гражданского оборота, может быть реально использовано франчайзи только при условии

его переименования. Кроме того, в качестве более эффективного решения рассматриваемой проблемы предлагается помимо нераскрытой информации включать в качестве обязательного элемента лицензионного комплекса право на использование товарного знака [8, с. 200–201].

На наш взгляд, законодатель предложил не самый рациональный вариант правового регулирования, фактически так и не предоставив индивидуальному предпринимателю возможность реально участвовать в отношениях франчайзинга. В соответствии с новой редакцией п. 3 ст. 910 ГК сторонами по договору франчайзинга могут быть коммерческие организации. Индивидуальные предприниматели смогут заключать договор франчайзинга только в качестве пользователей, а также быть стороной в договоре комплексной предпринимательской сублицензии в соответствии со ст. 910-2 ГК. Таким образом, участие индивидуального предпринимателя в качестве стороны данного договора ограничено, при этом вопрос об обоснованности использования индивидуальным предпринимателем фирменного наименования так и не получил разрешения.

В п. 2 ст. 910-1 ГК уточняется, что по своей природе регистрация договора франчайзинга в патентном органе – это государственная регистрация. Действующая редакция этой нормы – договор франчайзинга подлежит регистрации в патентном органе в порядке, установленном законодательством, – не позволяет найти ответы на ряд важных с точки зрения правоприменения вопросов. Во-первых, не определены последствия отсутствия такой регистрации. Согласно подп. 1.3 п. 1 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 21 марта 2009 г. № 346 «О регистрации лицензионных договоров, договоров уступки прав на объекты права промышленной собственности, договоров о залоге имущественных прав, удостоверяемых свидетельством на товарный знак, знак обслуживания, и договоров комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга)» договоры франчайзинга при отсутствии их регистрации в патентном органе считаются недействительными в случаях, предусмотренных законодательными актами. Норма, устанавливающая недействительность незарегистрированного

договора франчайзинга, отсутствует. Применение п. 2 ст. 165 ГК, на наш взгляд, не представляется возможным, поскольку к правилу о регистрации такого договора нельзя отнести положения о государственной регистрации сделки с движимым имуществом (определенных видов).

Вышеназванным Законом вносятся изменения в ст. 165 ГК, согласно п. 1 которой будет установлено, что если законодательными актами предусмотрена государственная регистрация сделок, правовые последствия сделки наступают после ее государственной регистрации. Одновременно из текста ГК исключается п. 1 ст. 166, в соответствии с которым несоблюдение нотариальной формы или требования о государственной регистрации сделки влечет ничтожность такой сделки. Таким образом, без государственной регистрации договора франчайзинга не будут наступать правовые последствия этой сделки.

Пунктом 2 ст. 165 ГК будет предусмотрено, что сделка, предусматривающая изменение условий зарегистрированной сделки, а также ее прекращение, подлежит государственной регистрации. Такое решение законодателя не противоречит п. 3 ст. 910-7 ГК, согласно которому в отношениях с третьими лицами стороны договора франчайзинга вправе ссылаться на изменение договора с момента регистрации этого изменения. Вместе с тем, полагаем более оправданным исключение указания на отношения с третьими лицами и обеспечение единообразного регулирования наступления правовых последствий, обусловленных изменением договора франчайзинга и лицензионного договора.

К сожалению, законодатель не воспринял предложение о выработке переходных положений, касающихся последствий, наступающих в случае отсутствия регистрации договоров в сфере интеллектуальной собственности [9, с. 28].

Следует обратить внимание на новую редакцию п. 3 ст. 910-2 ГК, которая делает возможной защиту интересов вторичного пользователя по договору комплексной предпринимательской сублицензии. По действующему законодательству при прекращении договора франчайзинга имело место прекращение договора субфранчайзинга, что обусловило необходимость применения на практике

сложных схем по сохранению франчайзинговых отношений между правообладателем и вторичным пользователем.

В связи с тем, что раздел V ГК будет изложен в новой редакции, изменится нумерация статей (ст. 985 будет посвящена распоряжению исключительным правом, ст. 987 – лицензионному договору). Исключительная лицензия признается договором, по которому лицензиату предоставляется право использования объекта интеллектуальной собственности без сохранения за лицензиаром права заключения лицензионных договоров с третьими лицами (подп. 2 п. 2 ст. 987 ГК). По нашему мнению, предложенное законодателем определение порождает ряд вопросов. Отсутствие в нем указания на то, что может существовать некий объем использования, не переданный лицензиату, и в этой части за лицензиаром сохраняется право использования объекта, как предусмотрено в действующей пока редакции нормы, представляется не совсем обоснованным. В соответствии с ч. 1 п. 3 ст. 987 ГК, согласно которой лицензиар по исключительной лицензии не вправе сам использовать объект интеллектуальной собственности в тех пределах, в которых такое право предоставлено лицензиату, можно приблизиться к классическому определению исключительной лицензии.

Ранее уже предлагалось определить три вида лицензии: неисключительная, исключительная и единичная [1, с. 508; 10, с. 47]. Единичная лицензия предполагает наличие одного лицензиата, лицензиар при этом сохраняет право использования объекта интеллектуальной собственности наряду с лицензиатом. Такой вид лицензии востребован на практике, однако нормы, определяющие только два вида лицензионных договоров (неисключительная, исключительная лицензия) и допускающие существование иных видов, предусмотренных законодательными актами, фактически не позволяют ее использовать.

Согласно действующей редакции ч. 2 п. 1 ст. 985 ГК не допускается безвозмездное предоставление права использования объекта интеллектуальной собственности в отношениях между коммерческими организациями, если иное не установлено законодательными актами. На наш взгляд, целесообразно ввести аналогичные требования и в отношении иных договорных типов в сфере

интеллектуальной собственности. В новой редакции аналогичная по содержанию норма закрепляется в п. 5 ст. 987 ГК, а именно не допускается безвозмездное предоставление права использования объекта интеллектуальной собственности при заключении лицензионного договора между коммерческими организациями. Можно предположить ситуацию, когда расширение предмета лицензионного договора регистрируется в патентном органе как изменение договора. В этом случае буквальное толкование рассматриваемой нормы позволяет предположить, что при изменении лицензионного договора можно предоставить право на использование объекта интеллектуальной собственности на безвозмездной основе, что нарушает правила логики.

Своевременным является решение вопроса о производстве товаров и оказании услуг по заказу обладателя исключительного права и об отсутствии необходимости заключения при этом лицензионного договора. На практике существует проблема, связанная с тем, что в случае любого использования объекта интеллектуальной собственности, в том числе, когда оно связано с изготовлением товаров, выполнением работ или оказанием услуг для правообладателя и по его заданию, например, при создании рекламы ее производителем, при буквальном толковании законодательства следует сделать вывод об обязательности заключения лицензионного договора между такими субъектами. В соответствии с ч. 4 п. 1 ст. 983 ГК новой редакции раздела V «Интеллектуальная собственность» выполнение работ или оказание услуг с применением объекта интеллектуальной собственности для обладателя исключительного права на такой объект по его заданию (заказу), выраженному в договоре, третьими лицами не являются использованием объекта интеллектуальной собственности этими третьими лицами. Таким образом, законодателем избрана максимально широкая формулировка в части полного исключения вероятности отнесения таких действий к категории «использование объекта интеллектуальной собственности», что означает, в том числе, отсутствие необходимости заключения лицензионного договора.

На основании проведенного анализа внесенных в ГК изменений можно констатировать совершенствование правового регули-

рования, в частности, в части обеспечения защиты интересов вторичного пользователя по договору субфранчайзинга, закрепления отсутствия необходимости заключать лицензионный договор при применении объекта интеллектуальной собственности для обладателя исключительного права на такой объект по его заданию (заказу). Вместе с тем, были предложены дальнейшие возможные направления трансформации правового регулирования предоставления права на использование объектов интеллектуальной собственности по договору франчайзинга и лицензионному договору.

Список использованных источников

1. Кодификация гражданского законодательства Республики Беларусь: состояние и перспективы / В. Н. Годунов [и др.] // Юридычная наука і адукацыя ў Беларускаім дзяржаўным універсітэце: гісторыя і сучаснасць: да 95-годдзя юрыдычнага факультэта : зб. навук. прац / рэдкал.: Т. М. Міхалёва (гал. рэд.) [і інш.] ; пад рэд. Т. М. Міхалёвай [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2020. – С. 244–262.

2. См., в частности, *Годунов, В. Н.* Изменение и расторжение гражданско-правовых договоров / В. Н. Годунов // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2013. – С. 66–78; *Годунов, В. Н.* Принцип свободы договора и его реализация в законодательстве Республики Беларусь / В. Н. Годунов // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – Вып. 23. – С. 144–164.

3. *Ландо, Д. Д.* Изменения в регулировании договорных отношений в сфере интеллектуальной собственности / Д. Д. Ландо // Гражданское право в эпоху трансформации общественных отношений : материалы междунар. науч.-практ. конф. (в рамках ежегодных цивилистич. чтений), посвящ. 80-летию со дня рождения акад. НАН РК, д-ра юрид. наук, проф. Сулейменова Майдана Кунтуаровича, Алматы, 30 сент. – 1 окт. 2021 г. / отв. ред. М. К. Сулейменов. – Алматы, 2022. – С. 503–510.

4. *Иванова, Д. В.* Система права интеллектуальной собственности в государствах – членах ЕАЭС: сравнительный анализ / Д. В. Иванова // Управление наукой и наукометрия. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 286–307.

5. *Мещанова, М. В.* Смарт-контракты как компонент правового эксперимента по апробации новых правовых институтов в законодательстве Республики Беларусь / М. В. Мещанова, Д. Д. Ландо // Объекты авторского

права и смежных прав и их правовой режим по гражданскому законодательству РФ : моногр. / отв. ред. Ю. Ф. Беспалов. – М. : Проспект, 2021. – С. 146–157.

6. Годовой отчет Национального центра интеллектуальной собственности за 2022 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ncipr.by/upload/iblock/e2c/smonfakve4rncxv4197hmqzrpdwh99yw.pdf>. – Дата доступа: 09.01.2024.

7. Ландо, Д. Д. Интеллектуальная собственность в контексте реформирования Гражданского кодекса Республики Беларусь / Д. Д. Ландо // Гармонізація приватно-правового законодавства України із законодавством країн ЄС : Збірник статей і тез : матеріали ІХ Міжнарод. цивілістич. форуму, Харків, 11–12 квітня 2019 рік. – Київ.: ТОВ «Знання», 2019. – С. 67–73.

8. Королёва, С. В. Товарный знак. Теория и практика / С. В. Королёва [и др.]. – Минск : Колорград, 2018. – 252 с.

9. Ландо, Д. Д. Защита прав на объекты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь: актуальные инициативы и известные проблемы [Электронный ресурс] / Д. Д. Ландо // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 26 мая 2023 г. / Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2023. – С. 27–30.

10. Иванова, Д. В. Объем правомочий сторон лицензионного договора / Д. В. Иванова, Д. Д. Ландо // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 10. – С. 42–47.

**ДОГОВОРЫ
О РАСПОРЯЖЕНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ:
ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
И ИХ РЕШЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Лосев С. С.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права,
Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220050 Минск, Беларусь,
sergei_losev@list.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые изменения в регулировании договорных отношений по поводу распоряжения исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности. Автор обращает внимание на более корректное определение предмета договора уступки исключительного права и предмета лицензионного договора, а также новые нормы, определяющие права и обязанности сторон этих договоров.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности; исключительные права; распоряжение исключительным правом; договор уступки; лицензионный договор.

**AGREEMENTS
ON THE DISPOSAL OF EXCLUSIVE RIGHTS:
MAIN THEORETICAL PROBLEMS
AND THEIR SOLUTION IN LEGISLATION**

Losev S.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of International Law,
Belarusian State University,
Leningradskaya Str., 20, 220050, Minsk, Belarus,
sergei_losev@list.ru*

Abstract. The article examines key changes in the regulation of contractual relations regarding the disposal of exclusive rights to intellectual property. The author draws attention to a more correct definition of the subject of the agreement for the assignment of an exclusive right and the subject of the license agreement, as well as new rules defining the rights and obligations of the parties to these agreements.

Keywords: intellectual property right; exclusive rights; disposal of exclusive rights; assignment agreement; license agreement.

Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» внесены многочисленные изменения в нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь. В новой редакции изложен раздел V «Интеллектуальная собственность». Среди изменений в нормах ГК особого внимания заслуживают изменения в нормах, посвященных распоряжению исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Вопросам договорных отношений в праве интеллектуальной собственности посвящено значительное количество научных трудов. На рубеже XIX - XX веков концептуальные подходы к определению сущности исключительных прав и механизма распоряжения этими правами разрабатывали такие известные правоведы как С. А. Беляцкий, Я. А. Канторович, А. А. Пиленко, И. Г. Табашников, Г. Ф. Шершеневич и др. В советский период проблематика договорных отношений по использованию объектов авторского и патентного права рассматривалась в трудах Э. П. Гаврилова, В. А. Дозорцева, В. И. Корецкого, А. П. Сергеева, В. И. Серебровского, С. А. Чернышевой и др.

В настоящее время значительное внимание проблематике распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации уделяется российскими цивилистами, среди которых можно назвать И. А. Близнеца, О. А. Городова, В. И. Еременко, И. А. Зенина, В. О. Калятина, Е. А. Моргунову, О. А. Рузакову, А. П. Сергеева и др. В современной отечественной науке гражданского права Беларуси данное направление представлено в работах таких исследователей как Д. В. Иванова, С. С. Лосев, И. В. Попова, Ю. А. Федорова, Т. М. Халецкая, В. Ф. Чигир и др.

Проблематике правового регулирования оборота исключительных прав и договорных отношений по поводу создания и использования объектов права интеллектуальной собственности посвящен целый ряд диссертационных исследований, авторы которых

исследуют как понятие распоряжения исключительным правом, так и формулируют свои предложения о системе гражданских договоров, опосредующих распоряжение этими правами. Среди наиболее обсуждаемых можно назвать следующие вопросы:

- о системе договоров, применяемых для распоряжения исключительными правами, и их месте в системе гражданских договоров;
- основные виды договоров, используемых для распоряжения исключительными правами;
- отграничение форм распоряжения исключительным правом (отчуждение и лицензия);
- о правовой природе лицензионного договора и др.

Среди диссертационных работ особо следует выделить докторскую диссертацию О. А. Рузаковой на тему «Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами», в которой проведено комплексное исследование форм распоряжения исключительными правами [1].

Анализируя систему договоров в гражданском праве России, Ю. В. Романец относит договоры, направленные на использование исключительных прав, к договорам на оказание услуг [2, с. 4]. Однако в цивилистической литературе подобный подход не нашел поддержки. Говоря о соотношении договоров, направленных на распоряжение исключительными правами, и договоров об оказании услуг О. А. Рузакова выделяет их отличительные признаки, к которым относит:

1) предмет – предмет договора об оказании услуг не включает в себя объект второго рода, которым в договорах о распоряжении исключительными правами является охраняемый объект и права на него;

2) особый характер услуг, которые потребляются в процессе оказания, в то время как права на результаты интеллектуальной деятельности используются в течение срока действия договора [1, с. 95].

По мнению О. А. Рузаковой, систему договоров в сфере интеллектуальной собственности составляют:

1) договоры об отчуждении исключительных прав, лицензионные договоры (договоры о распоряжении исключительными правами)

и договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности (договоры заказа), классификация которых осуществляется по различным признакам, предопределяющим их элементы правового регулирования;

2) иные договоры, предметом которых также выступают исключительные права, но не имеющие в качестве системообразующего признака направленность на использование исключительных прав [1, с. 12].

При этом О. А. Рузакова обращает внимание на разграничение класса гражданских договоров о передаче имущества, договоров на выполнение работ, в предмет которых входят материальные объекты, и договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами, в предмет которых входят нематериальные результаты интеллектуальной деятельности; различия заключаются в порядке исполнения договоров, привлечения третьих лиц, существенных условиях, последствиях неисполнения договоров и т. д. [3, с. 66].

В диссертации «Договорные способы распоряжения исключительным правом» российский исследователь А. С. Касьянов предлагает в структуре договоров о распоряжении исключительным правом по критерию направленности на конечный результат сделки, состоящей в передаче исключительного права в полном объеме или предоставлении права использования результата интеллектуальной деятельности (средства индивидуализации), выделить две группы договоров: 1) направленных на отчуждение правообладателем принадлежащего ему исключительного права и 2) направленных на предоставление обладателем исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации права использования такого результата или средства [4, с. 7].

С. В. Зыков предлагает выделить в отдельную группу иные договоры, объектом которых также выступают исключительные права:

1) соглашения о порядке осуществления совместного исключительного права;

2) договоры, объектом которых является исключительное право, однако его передачи, в т.ч. в ограниченном объеме, не происходит;

3) сделки по исключению объекта из правовой охраны;

4) договоры, в рамках которых решается юридическая судьба исключительного права, возникшего на объект, созданный в порядке исполнения данного договора;

5) договоры, предмет которых составляет передача (предоставление) исключительного права, иные, чем договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор [5, с. 108].

По обоснованному суждению О. А. Рузаковой, договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами представляют собой договоры самостоятельного класса наряду с договорами о передаче имущества, выполнении работ, оказании услуг [1, с. 8]. При этом в качестве квалифицирующего системного признака этих договоров, отличающих их от договоров других классов, должен рассматриваться такой элемент предмета договора, как исключительные права и охраняемый объект [1, с. 10-11]. Такую же позицию обосновывает И. А. Зенин, по мнению которого договоры о приобретении и распоряжении исключительными правами сформировали особый класс договоров [6, с. 428].

Значительное внимание в работах российских правоведов уделяется исследованию отдельных форм распоряжения исключительным правом. В правовой доктрине традиционно выделяется две формы: уступка и лицензия. Так, В. А. Дозорцев выделял для исключительных прав, независимо от их объекта, две формы распоряжения правом: уступку права и выдачу лицензии, при этом понятие уступки он толкует именно как безвозвратный переход исключительного права другому лицу. Анализируя российское законодательство, В. А. Дозорцев отмечал, что разграничение уступки и лицензии последовательно проведено только в патентном законодательстве, а законодательство об авторском праве содержит лишь нормы об авторском договоре, который по своей правовой природе является лицензионным договором [7, с. 9].

Следует отметить, что В. А. Дозорцев был не одинок в своем стремлении унифицировать нормы о договорах по использованию объектов права интеллектуальной собственности. Близких взглядов придерживался В. О. Калятин; указывая на то, что для рыночного

оборота характерной является возможность правообладателя как уступить право, так и только предоставить объект во временное пользование, В. О. Калятин говорит о том, что распоряжение правом на использование произведения должно происходить в одной из трех основных форм: уступка, исключительная лицензия, неисключительная лицензия [8, с. 149]. При этом под уступкой В. О. Калятин также понимает отчуждение права.

Теоретические представления о системе договоров в сфере интеллектуальной собственности постоянно развиваются. Одной из тенденций является представление о необходимости ее расширения. Так, Е. М. Нетбай в своей диссертации на тему «Договор об отчуждении исключительного права по законодательству Российской Федерации» приходит к заключению о том, что система договоров о распоряжении правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации наряду с договорами о распоряжении исключительным правом также должна охватывать договоры о распоряжении иными оборотоспособными интеллектуальными правами, в частности, договор об отчуждении права на получение патента [9, с. 12].

Основу для классификации договоров, предметом которых выступает распоряжение исключительными правами, в законодательстве Республики Беларусь составляет норма ст. 984 ГК, согласно которой имущественные права, принадлежащие обладателю исключительных прав на объект интеллектуальной собственности, если иное не предусмотрено кодексом или иным законом, могут быть переданы правообладателем полностью или частично другому лицу по договору.

Согласно норме п. 3 ст. 984 ГК к договору, предусматривающему предоставление исключительных прав в период его действия другому лицу на ограниченное время, применяются правила о лицензионном договоре (ст. 985), если иное не предусмотрено законом. К договору, предусматривающему передачу исключительных прав другому лицу в полном объеме на весь срок действия исключительного права, применяются правила о договоре уступки исключительного права (ст. 984-1). В результате, критерием для отграничения сферы применения договора уступки исключительного права

от лицензионного договора становится срок, на который передается исключительное право: правила о лицензионном договоре применяются к договору, предусматривающему предоставление исключительного права на определенное время, а правила о договоре уступки – к договору, предусматривающему передачу исключительного права на весь срок его действия.

Недостаток примененной законодателем конструкции в том, что ограниченный срок, на который по договору передается исключительное право, может равняться сроку действия этого права. Например, стороны могут заключить лицензионный договор, предусматривающий предоставление лицензиату права пользования запатентованным изобретением на весь срок действия патента. При этом исключительное право, обеспечиваемое патентом, в случае заключения договора исключительной лицензией будет передаваться лицензиату «в полном объеме». В то же время, между лицензионным договором и договором уступки имеется принципиальное различие, состоящее в том, что в рамках лицензионного договора основанием для обладания правом является действующий договор, прекращение которого по любому основанию влечет прекращение этого права у лицензиата. Заключив договор уступки исключительного права, лицо становится самостоятельным правообладателем и может лишиться этого права лишь в связи с недействительностью заключенного договора. Таким образом, можно говорить о том, что отечественный законодатель не только не провел четкого разграничения между двумя договорными типами, а скорее усложнил решение этой задачи.

Основываясь на положениях современной правовой доктрины, можно сделать вывод о том, что в основу типологии сделок, оформляющих переход исключительных прав, должно быть положено выделение сделок по отчуждению права и сделок по передаче права на определенный срок, и такая классификация должна быть законодательно закреплена с указанием критерия для отграничения форм распоряжения правом (безвозвратный или временный характер перехода права от правообладателя к другому лицу) и применяемых для распоряжения исключительным правом договорных типов (договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор).

Еще одной проблемой, требовавшей законодательного решения, являлась необходимость четкого определения правовой природы лицензионного договора. Несмотря то, что лицензионный договор давно известен отечественной правовой системе, основным вопросом, не получившим однозначного решения в правовой доктрине и в законодательстве, являлся вопрос о предмете лицензионного договора.

Происхождение термина «лицензия» от латинского *licentia*, означающего свободу, право или разрешение, дало основание многим исследователям рассматривать лицензионный договор с позиции того, что в его основе лежит определенное разрешение. Такой подход на протяжении длительного периода времени господствовал как в отечественной, так и в зарубежной доктрине. В русской дореволюционной цивилистике преобладающим было мнение А. А. Пиленко, который определял суть лицензии как снятие с третьих лиц лежащего на них запрета использования запатентованного изобретения. Развивая свою идею, А. А. Пиленко неизбежно приходил к выводу о том, что независимо от вида заключаемого договора (исключительная или неисключительная лицензия) преследовать нарушителя патента может только сам патентообладатель [10, с. 450–452]. В последующем эта позиция получила поддержку в работах советских правоведов.

Встречается такой подход и в современной литературе. Так, по мнению Л. Н. Хасимовой существо договоров лицензионного типа «выражается в предоставлении разрешения контрагенту на использование в его деятельности определенного исключительного права» [11, с. 10]; утверждая, что сутью лицензионного договора является предоставление разрешения на использование определенного исключительного права, данный автор относит лицензионный договор к договорам «лицензионной (разрешительной) природы» [11, с. 60]. Наиболее системно представление о сути лицензионного договора, выражающейся в предоставлении разрешения, на наш взгляд, представлено в диссертации А. Г. Никитиной, которая приходит к выводу о том, что «... право любого лицензиата является обязательственным и сводится к возможности требовать со стороны лицензиара воздержания от осуществления им запрета (а в слу-

чае с исключительной лицензией – также от выдачи иных лицензий). В отличие от договора отчуждения исключительного права, где происходит его переход, при заключении лицензионного договора имеет место лишь обременение исключительного права лицензиара обязательственным правом лицензиата.» [12, с. 14–15].

Можно говорить о том, что в науке гражданского права достаточно давно существует теория, согласно которой существом лицензионного договора является разрешение со стороны правообладателя. Последствием такого понимания лицензионного договора является непризнание лицензиата в качестве лица, обладающего исключительным правом, что, в свою очередь, не позволяет рассматривать его в качестве субъекта, уполномоченного осуществлять защиту исключительного права на соответствующий объект интеллектуальной собственности.

Альтернативная точка зрения состоит в том, что лицензионный договор понимается как предоставление права использования объекта интеллектуальной собственности. Наиболее четко эта мысль была сформулирована в работе известного немецкого правоведа Г. Штумпфа: если в прошлом предоставление лицензии собственником патента рассматривалось в качестве его отказа от запрета лицензиату использовать запатентованное изобретение, то в новейшей доктрине и судебной практике высказывается другое мнение, в соответствии с которым предоставление исключительной или неисключительной лицензии означает предоставление лицензиату позитивного права использования патента [13, с. 30]. По мнению Г. Штумпфа, «...если рассматривать лицензию только как отказ патентообладателя от своего права, то существо данного обязательства должно заключаться в бездействии; если рассматривать лицензию как передачу лицензиаром лицензиату позитивного права, то со стороны лицензиара будет недостаточно воздерживаться от мер, направленных на пресечение использования объекта лицензии, а лицензиар должен сделать все возможное, чтобы обеспечить лицензиату возможность такого использования [4, с. 30–31]. Такой подход представляется предпочтительным еще и потому, что определение лицензионного договора как предоставления лицензиату исключительного права в полном или ограниченном объеме

на определенный срок позволяет теоретически обосновать право обладателя исключительной лицензии защищать полученное исключительное право в отношении третьих лиц. Г. Штумпф указывает на то, что «... исключительная лицензия дает лицензиату монопольное позитивное правомочие использовать в соответствующем объеме предоставленное ему одному право на определенных рынках. Исключительная лицензия может оставить лицензиару лишь формальное право на патент, а все вытекающие из обладания патентом права использования переходят к лицензиату» [13, с. 47].

В современной правовой доктрине постсоветских государств такое понимание сути лицензионного договора становится преобладающим. Категорически отрицая мнение о том, что сутью лицензионного договора является разрешение, современный российский исследователь Е. П. Калиничева, отмечает, что последнее предполагает выражение воли лишь одной стороны правоотношения – правообладателя. «Отождествление лицензии и разрешения означало бы, ...что лицензия является односторонней сделкой. ...Однако такое решение противоречит легальному определению лицензии ..., в соответствии с которым лицензия является договором» [14, с. 18]. Исходя из анализа норм действующего законодательства, Е. П. Калиничева делает вывод о том, что лицензионный договор предполагает предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации» [14, с. 18–19]. При этом Е. П. Калиничева особо подчеркивает, что по лицензионному договору предоставляется позитивное право использования объекта интеллектуальной собственности.

Обобщая приведенные выше точки зрения правоведов, рассматривающих лицензионный договор как средство предоставления лицензиату исключительного права, можно сделать вывод о том, что этот подход представляется непротиворечивым, и, как следствие, более обоснованным. При этом следует отметить, что в законодательстве Республики Беларусь до настоящего времени не было единообразного подхода в решении вопроса о том, что является сутью лицензионного договора – разрешение или соглашение о предоставлении права.

Теперь перейдем к анализу новых норм, которые включены в Гражданский кодекс Республики Беларусь.

Излагаемая в новой редакции ст. 986 ГК посвящена договору уступки исключительного права. В отличие от действующей ст. 9841 ГК в ней более четко определен предмет договора – отчуждение обладателем исключительного права этого права в полном объеме другой стороне. Кроме того, статья дополнена нормами, предусматривающими обязанность правообладателя передать приобретателю исключительное право свободным от прав третьих лиц, а также переход к приобретателю прав и обязанностей по лицензионным договорам, предметом которых является отчуждаемое исключительное право.

Статья 987 ГК в новой редакции посвящена лицензионному договору и призвана заменить действующую ст. 985 ГК. Концептуальное отличие от действующей редакции, определяющей предмет договора как разрешение лицензиара на использование объекта интеллектуальной собственности, состоит в том, что предлагаемая новая редакция определяет предмет лицензионного договора как предоставление права использования объекта интеллектуальной собственности. Определение предмета лицензионного договора как предоставляемого позитивного права позволяет более четко понять суть возникающих между сторонами отношений, а также по умолчанию возложить на лицензиара ответственность за наличие, недостатки и возможные обременения предоставляемого лицензиату права.

Определения основных видов лицензионного договора – исключительная лицензия и неисключительная лицензия – претерпели редакционные изменения, оставшись по существу прежними: неисключительная лицензия предусматривает предоставление лицензиату права использования объекта интеллектуальной собственности с сохранением за лицензиаром права использования этого объекта и права заключения лицензионных договоров с третьими лицами; исключительная лицензия предусматривает предоставление лицензиату права использования объекта интеллектуальной собственности без сохранения за лицензиаром права заключения лицензионных договоров с третьими лицами. При этом в новой редакции

статьи сохранилась норма, согласно которой если лицензионным договором не предусмотрено иное, лицензия предполагается неисключительной.

Для уточнения сути исключительной лицензии норма п. 3 новой редакции ст. 987 ГК предусматривает, что лицензиар, заключивший договор исключительной лицензии, не вправе сам использовать объект интеллектуальной собственности в тех пределах, в которых такое право предоставлено лицензиату. Для определения исключительной лицензии ст. 987 также дополнена нормой, предусматривающей право лицензиата, заключившего договор исключительной лицензии, защищать предоставленное по договору исключительное право на объект интеллектуальной собственности от нарушений со стороны третьих лиц. Данная норма уже предусмотрена в ряде специальных законов, посвященных отдельным объектам интеллектуальной собственности; однако ее закрепление на уровне ГК как универсальной имеет принципиально важное значение.

Резюмируя краткий обзор новых норм Гражданского кодекса, посвященных договорам о распоряжении исключительными правами на объекты интеллектуальной собственности, можно сделать вывод о том, что в них решены основные теоретические проблемы: дано четкое определение предмета договора уступки исключительного права как отчуждения этого права, а также дано определение предмета лицензионного договора как предоставления исключительного права на определенный срок. В то же время можно говорить о том, что с учетом представленного в современной правовой доктрине понимания системы договоров о распоряжении исключительным правом нормы отечественного законодательства требуют дальнейшего развития.

Список использованных источников

1. Рузакова, О. А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / О. А. Рузакова ; Рос. академ. госуд. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2007. – 497 с.

2. Романец, Ю. В. Система договоров в гражданском праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00 03 / Ю. В. Романец ; Рос. академ. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2001. – 48 с.

3. Рузакова, О. А. Проблемы договорных отношений в сфере интеллектуальной собственности / О. А. Рузакова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2010. – № 4. – С. 65–69.

4. Касьянов, А. С. Договорные способы распоряжения исключительным правом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. С. Касьянов ; МГУ им. М. В. Ломоносова. Федерации. – М., 2011. – 35 с.

5. Зыков, С. В. Учение об интеллектуальных правах / С. В. Зыков ; отв. ред. А. В. Цихоцкий ; Российская акад. наук, Сибир. отд., Ин-т философии и права. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. – 122 с.

6. Зенин, И. А. Право интеллектуальной собственности : учеб. для вузов / И. А. Зенин ; 11-е изд., перераб. и доп. - М. : Изд-во Юрайт, 2023. – 577 с.

7. Дозорцев, В. А. О мерах по развитию рынка интеллектуальных продуктов / В. А. Дозорцев // Законодательство и экономика. – 1998. – № 7. – С. 4–17.

8. Калятин, В. О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права) : учеб. для вузов / В. О. Калятин. – М. : Изд-во НОРМА, 2000. – 459 с.

9. Негбай, Е. М. Договор об отчуждении исключительного права по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. М. Негбай ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2010. – 32 с.

10. Пиленко, А. А. Право изобретателя / А. А. Пиленко. – М. : Статут, 2001. – 688 с.

11. Хасимова, Л. Н. Лицензионный договор в праве промышленной собственности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Л. Н. Хасимова ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2006. – 197 с.

12. Никитина, А. Г. Договоры о передаче исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в странах СНГ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Г. Никитина ; Рос. гос. ун-т. дружбы народов. – М., 2011. – 24 с.

13. Штрумф, Г. Лицензионный договор: пер. с нем. / Г. Штрумф. – М. : Прогресс, 1988. – 478 с.

14. Калиничева, Е. П. Лицензионный договор как основание возникновения обязательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. П. Калиничева ; Южный федер. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2011. – 29 с.

**ДОГОВОРЫ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ
САНАТОРНО-КУРОРТНЫХ И ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ УСЛУГ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

Максименюк В. В.

*старший преподаватель кафедры гражданского права,
юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 8, 220006 Минск, Беларусь,
mack.vital2015@gmail.com*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются две разновидности договоров возмездного оказания услуг: на санаторно-курортное обслуживание и на оказание оздоровительных услуг. Обоснованы утверждения о том, что значительная часть таких обязательств регулируется не только гражданским законодательством, но также и законодательством о туризме. Предложены выводы о схожести и взаимосвязи, а также выявлены основания для разграничения договоров, заключаемых с указанными целями в сфере оздоровления.

Ключевые слова: санаторно-курортные услуги; оздоровительные услуги; гражданско-правовой договор; обязательство; туризм.

**CONTRACTS FOR PAID PROVISION
OF SANATORIUM AND RESORT AND HEALTH SERVICES:
SIMILARITY AND DIFFERENCE**

Maksimeniuk V.

*Senior Lecturer at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Leningradskaya Str., 8, 220006 Minsk, Belarus,
mack.vital2015@gmail.com*

Abstract. This article discusses two types of contracts for the provision of paid services: for sanatorium and resort services and for the provision of health services. The assertions are substantiated that a significant part of such obligations is regulated not only by civil law, but also by tourism legislation. Conclusions about similarities and relationships are proposed, and grounds for distinguishing between contracts concluded with the specified goals in the field of health improvement are identified.

Keywords: health resort services; health services; civil contract; obligation; tourism.

В гражданском обороте используется значительное количество договоров, как поименованных, так и непоименованных.

Следует отметить, что в контексте данного исследования гражданско-правовые договоры рассматриваются в первую очередь в качестве юридических фактов. Статьей 390 ГК Республики Беларусь установлено, что гражданско-правовой договор – это соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. В. Ф. Чигир предложил определение гражданско-правового договора в значении юридического факта, считая, что термин «лица» следует заменить на «стороны» в силу того, что волеизъявления каждой из сторон, хотя и направлены на достижение единой цели, но, как правило, имеют противоположную сущность [1, с. 5].

Различные классификации гражданско-правовых договоров неоднократно предлагались исследователями в области права.

В частности, В. Ф. Чигир, обосновывая одно из оснований классификации гражданско-правовых договоров (по совокупности экономических и юридических критериев) называет, в том числе, договоры об оказании услуг [1, с. 35]. В. Н. Годунов выделяет договоры на оказание услуг, среди которых выявляются самостоятельные типы, например, договор возмездного оказания услуг [2, с. 344].

Согласно п. 2 ст. 733 ГК Республики Беларусь к договорам возмездного оказания услуг относятся договоры оказания медицинских, ветеринарных, аудиторских, консультационных, информационных, риэлтерских, туристических услуг, услуг связи, услуг в сфере образования и иных услуг. То есть перечень видов таких обязательств оставлен открытым, а также установлено, к каким из договоров не применяется правила главы о возмездном оказании услуг (договор подряда, договор на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, договор перевозки, договор транспортной экспедиции, различные договоры на оказание банковских услуг и др.). Данное отграничение является значимым и в силу того, что, согласно

вышеуказанным классификациям, некоторые из перечисленных правоотношений входят в группу договоров об оказании услуг.

Обязательства по оказанию санаторно-курортных и оздоровительных услуг возникают на основании гражданско-правовых договоров, заключаемых гражданами Республики Беларусь, а также иностранными гражданами, приезжающими в Республику Беларусь для оздоровления, и соответствующими субъектами туристической деятельности. Согласно ст. 22 Закона Республики Беларусь от 22 ноября 2021 г. № 129-З «О туризме» (далее – Закон «О туризме») по договору оказания туристических услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать туристические услуги, а заказчик обязуется их оплатить; к такому правоотношению применяются правила, установленные законодательством для договора возмездного оказания услуг. Так как названные физические лица подпадают под понятия «туристы» и «заказчики» (ст. 1 Закона «О туризме»), заключаемые заказчиком и исполнителем договоры относятся к договорам возмездного оказания туристических услуг. В таких случаях санаторно-курортные или оздоровительные услуги входят в комплекс оказываемых туристических услуг, а значит – в предмет вышеуказанного договора.

Иная ситуация складывается, если физическое лицо заключает договор непосредственно с санаторно-курортной либо оздоровительной организацией. В таком случае уместно говорить о «самодетельном» туризме, который, по мнению многих исследователей, в том числе М. Б. Биржакова, именуется также «самостоятельным», «независимым» и др., и представляет собою специфический вид туризма, когда путешествие осуществляется на добровольной самодетельной основе без участия (или без участия в основной части организации путешествия) организаторов туризма (туроператоров и турагентов) [3, с. 69]. Однако, несмотря на то, что фактически имеются основания считать такие договоры заключаемыми в области туризма, их не следует относить к возмездному оказанию туристических услуг. В качестве оснований для такого отграничения возможно привести отсылочную норму-дефиницию, содержащуюся в ст. 1 Закона «О туризме», согласно которой исполнитель, это «туроператор, сформировавший тур и являющийся стороной дого-

вора оказания туристических услуг, туроператор или турагент, являющиеся стороной договора возмездного оказания услуг, связанных с организацией туристического путешествия». В исследуемых же договорах, как было сказано, исполнителем является санаторно-курортная или оздоровительная организация.

Поскольку определений договоров на оказание санаторно-курортных и (или) оздоровительных услуг в законодательстве не содержится, формально возможно считать их безымянными (непоименованными) договорами [2, с. 345], т. е., как установлено п. 1 ст. 7 ГК Республики Беларусь, хотя и не предусмотренными действующим законодательством, но не противоречащими ему.

В то же время имеются основания относить данные договоры к договорам возмездного оказания услуг в силу соответствия их признаков требованиям указанной группы договоров. Согласно ст. 733 ГК Республики Беларусь по договору возмездного оказания услуг одна сторона (исполнитель) обязуется по заданию другой стороны (заказчика) оказать услуги (совершить определенные действия или совершать определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Определение услуги включено в подп. 2.30 п. 2 ст. 13 Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь: «услуга – деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности либо по ее завершении». Санаторно-курортные и оздоровительные услуги подпадают под указанное определение, а также под понимание услуг в главе 39 ГК Республики Беларусь. Таким образом, несмотря на то, что рассматриваемые в настоящем исследовании договоры непосредственно не приводятся в указанной статье ГК Республики Беларусь, в случаях заключения таких договоров между физическим лицом и санаторно-курортной или оздоровительной организацией, их возможно отнести к договорам оказания «иных услуг».

При дальнейшем исследовании следует учитывать, что гражданско-правовые договоры на оказание санаторно-курортных и оздоровительных услуг во многих случаях как в законодательстве, так и на доктринальном и практическом уровнях не разделяются, либо их различиям не придается существенного значения.

В частности, согласно постановлению Министерства спорта и туризма от 7 августа 2023 г. № 36 «О ведении Единой классификации видов туризма в Республике Беларусь», которым определены перечни видов туризма в Республике Беларусь, лечебно-оздоровительный туризм включает путешествие с целями санаторно-курортного лечения, оздоровления и отдыха, а к классификационным признакам такого путешествия относится пребывание в санаторно-курортных или оздоровительных организациях. Кроме того, все субъекты, оказывающие подобные услуги, т. е. санаторно-курортные и оздоровительные организации, входят в перечень организаций, подчиненных специализированному государственному органу – Республиканскому центру по оздоровлению и санаторно-курортному лечению населения.

В практике санаторно-курортных и оздоровительных организаций также возможно встретить объединение рассматриваемых объектов гражданско-правовых договоров: например, публичная оферта дочернего унитарного предприятия «Санаторий Криница» именуется «Публичный договор возмездного оказания санаторно-курортных и оздоровительных услуг» [4].

Однако встречается и иной подход, когда субъекты не смешивают оказание тех или иных видов услуг. В частности, в СК УП «Белпрофсоюзкурорт» Федерации профсоюзов Беларуси разработана примерная форма публичного договора возмездного оказания санаторно-курортных услуг для санаториев [5]; филиалом ПС ЗАО «ТРЕСТ ПРОМСТРОЙ» «Санаторно-курортный комплекс «Плисса» предложена форма договора оказания оздоровительных услуг [6].

Согласно п. 1 ст. 402 ГК Республики Беларусь договор считается заключенным, когда между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным его условиям, в связи с чем для разграничения рассматриваемых договоров следует рассмотреть понимание существенных условий. Как в Гражданском кодексе Республики Беларусь (п. 1 ст. 402), так и в доктрине гражданского права существенные условия разделяются на три категории:

- 1) о предмете;

2) названные в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида;

3) которые должны быть согласованы по заявлению одной из сторон [7, с. 163].

Как указывает С. П. Протасовицкий, условие о предмете существенно для любого гражданско-правового договора. В связи с этим, условие о предмете – это единственное условие, без которого невозможно существование (наличие) ни одного гражданско-правового договора как юридического факта [8, с. 159].

В. П. Мороз отмечает, что правовое регулирование обязательств по оказанию услуг осуществляется нормами главы 39 ГК «Возмездное оказание услуг», а также специальным законодательством, регулирующим отношения по оказанию услуг, подпадающих под действие данной главы [9, с. 236]. Определение санаторно-курортных и оздоровительных услуг в Законе Республики Беларусь «О здравоохранении» не установлено, но в Концепции санаторно-курортного лечения и оздоровления населения в Республике Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров от 4 ноября 2006 г., № 1478 (далее – Концепция санаторно-курортного лечения и оздоровления населения) указанные объекты гражданских прав объединяются термином «лечебно-оздоровительные услуги», которые включают, в том числе, и медицинские услуги.

В теории санаторно-курортного лечения встречаются различные взгляды в отношении указанных объектов гражданских прав. В частности, Г. П. Бусыгин описывает санаторно-оздоровительную услугу как «комплексную услугу по оказанию профилактической, лечебной, диагностической, восстановительно-реабилитационной, транспортной деятельности, а также услуг медицинского сервиса, оказываемых потребителю в санаторно-оздоровительных предприятиях» [10, с. 9]. А. М. Ветитнев и Л. Б. Журавлева указывают, что санаторно-курортные услуги – это услуги, предоставляемые предприятиями размещения, расположенными в курортных местностях, отдыхающим с целью удовлетворения их потребностей в санаторном лечении и курортном отдыхе [11, с. 18].

На основании определений понятий «услуги по санаторно-курортному лечению» и «услуги по оздоровлению», содержащихся

в Концепции санаторно-курортного лечения и оздоровления населения, возможно выделить их ключевые различия: в первом случае медицинские услуги указываются наравне с комплексом иных первоочередных мероприятий, во втором – медицинские услуги являются сопутствующим средством для достижения целей оздоровления.

Если для медицинских услуг характерна монохроничность, то для санаторно-оздоровительных услуг полихроничность (совмещение различных видов деятельности) – в первую очередь, восстановление здоровья и отдых [10, с. 9]. В частности, постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28 ноября 2023 г. № 180 «Об установлении перечня медицинских услуг, оказываемых при санаторно-курортном лечении населения» установлен перечень медицинских услуг при санаторно-курортном лечении; в постановлении Совета Министров от 29 марта 2016 г. № 259 «О государственных минимальных социальных стандартах в области здравоохранения» в перечне бесплатных медицинских услуг содержится «установление медицинских показаний для санаторно-курортного лечения».

Концепцией санаторно-курортного лечения и оздоровления населения установлено, что санаторно-курортными организациями считаются организации, предоставляющие услуги по санаторно-курортному лечению населения согласно медицинским профилям, установленным по результатам государственной аттестации. К ним относятся: санатории (для взрослых, взрослых и детей, детей), студенческие санатории-профилактории, детские реабилитационно-оздоровительные центры, реабилитационные центры (отделения). Оздоровительные организации – прошедшие государственную аттестацию организации, предоставляющие услуги по оздоровлению населения. К оздоровительным организациям относятся: профилактории, оздоровительные центры (комплексы), образовательно-оздоровительные центры, оздоровительные лагеря, спортивно-оздоровительные лагеря, дома (базы) отдыха, пансионаты.

Кроме того, согласно Концепции санаторно-курортного лечения и оздоровления населения, перечень названных субъектов

не является закрытым, и оздоровительные услуги могут оказывать иные субъекты. В частности, ст. 289 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании» установлено, что к числу учреждений образования, реализующих программы воспитания, относятся воспитательно-оздоровительные учреждения, которые могут создаваться в виде образовательно-оздоровительных центров и оздоровительных лагерей.

Подобные организации действуют и в области физической культуры и спорта. Так, в ст. 25 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З «О физической культуре и спорте» определено, что физкультурно-оздоровительные, спортивные центры (комбинаты, комплексы, центры физкультурно-оздоровительной работы), физкультурно-спортивные клубы могут оказывать на базе принадлежащих им физкультурно-спортивных сооружений физкультурно-оздоровительные услуги.

Подпунктом 6.7 Директивы Президента Республики Беларусь от 3 декабря 2021 г. № 9 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой» в числе задач по взаимодействию государств определено продвижение оздоровительного туризма в Беларусь, а подп. 6.8 – обеспечение реконструкции не менее 15 усадеб, в том числе для медицинского туризма. Возможно предположить, что в результате реализации указанных мер будут созданы новые субъекты, оказывающие рассматриваемые виды услуг. В случае, если таким организациям не будет присвоен статус медицинских учреждений, их можно будет рассматривать в качестве сторон исследуемых договоров.

Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь в постановлении от 16 декабря 1999 г. № 16 «О применении норм Гражданского кодекса, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров» в редакции постановления от 6 апреля 2005 г. № 7 разъяснил, что, если перечень существенных условий договора не содержится в законодательстве, в этих случаях существенными (помимо предмета и условий, согласовываемых по заявлению одной из сторон) будут условия, которые вытекают из сущности договоров данного вида (п. 3). По нашему мнению, в соответствующем договоре существенным условием является указание вида санаторно-

курортной (оздоровительной) организации, а также сведений о ней. В обоснование такого утверждения возможно обратиться к п. 3 ст. 22 Закона «О туризме», согласно которой к существенному условию договора о возмездном оказании туристических услуг относится указание сведений об исполнителе, в частности, наименование субъекта туристической деятельности (фамилия, собственное имя, отчество индивидуального предпринимателя), место нахождения (место жительства), банковские реквизиты. Отметим, что, хотя наличие субъекта туристической деятельности как стороны договора следует из его сути такого договора, сведения о конкретном исполнителе дают заказчику предварительно получить информацию о качестве его работы. Концепцией санаторно-курортного лечения и оздоровления населения установлена обязательная государственная аттестация для санаторно-курортных и оздоровительных организаций, по результатам которой подтверждается (определяется) профиль деятельности, т. е. их компетенция. Следовательно, указание сведений о конкретном субъекте в соответствующем договоре позволяет выяснить не только информацию о качестве его работы, но также узнать спектр оказываемых услуг исполнителем в целом (конкретные услуги станут впоследствии предметом договора).

В отношении иных существенных условий рассматриваемых разновидностей договоров возможно утверждать об их схожести, подтверждением чему является вышеприведенные доводы об отнесении таких договоров к договорам возмездного оказания услуг и практике их составления (заключения), специфике лечебно-оздоровительного туризма.

Следовательно, в практике субъектов, оказывающих санаторно-курортные услуги и услуги по оздоровлению, отмечается использование договоров на оказание одноименных услуг, разграничение которых возможно провести по предмету (виду оказываемых услуг) и субъектам, которые могут быть исполнителями по договору. Вместе с тем, взаимосвязь названных субъектов, а также видов, целей и особенностей оказываемых ими услуг, позволяет исполнителю оказывать названные услуги и в комплексе, т. е. – на основании одного заключенного гражданско-правового договора.

Таким образом, возможно утверждать о наличии проблемы в квалификации договоров на оказание санаторно-курортных и оздоровительных услуг. Если отнести их к отдельным видам договоров возмездного оказания услуг, то при их объединении возможно утверждать о наличии смешанного договора. В случаях отнесения договора на оказание санаторно-курортных и оздоровительных услуг к отдельному виду договора возмездного оказания услуг, рассматриваемые договоры следует считать его разновидностями.

В качестве решения указанных проблем, по нашему мнению, видится разработка и нормативное закрепление определений указанных договоров.

Список использованных источников

1. Чигир, В. Ф. Гражданско-правовой договор / В. Ф. Чигир // Промышленно-торговое право. – 2000. – № 3–4. – С. 3–104.

2. Годунов, В. Н. Классификация гражданско-правовых договоров и ее аспекты / В. Н. Годунов // Право в современном белорусском обществе : юбилейный сб. науч. тр., посвящ. 20-летию Нац. центра зак-ва и прав. исслед. Респ. Беларусь / Нац. центр зак-ва и прав. исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2017. – Вып. 12. – С. 341–350.

3. Биржаков, М. Б. Введение в туризм / М. Б. Биржаков. – М.-СПб. : Невский фонд, Торговый дом «Герда», 2000. – 192 с.

4. Публичный договор возмездного оказания санаторно-курортных и оздоровительных услуг [Электронный ресурс] : утв. приказом гл. врача дочернего унитарного предприятия «Санаторий Криница», 26 дек. 2022 г., № 203. – Режим доступа: <https://krynitsa.by/assets/files/newpubliccontract2.pdf?ysclid=ls061tlo5x282389847>. – Дата доступа: 14.12.2023.

5. Публичный договор возмездного оказания санаторно-курортных услуг (примерная форма) [Электронный ресурс] / Санаторно-курорт. унитар. предприятие «Белпрофсоюзкурорт» Федерации профсоюзов Беларуси. – Режим доступа: <https://kurort.by/klientam/publichnyj-dogovor.html?ysclid=ls2ytkz4n9308920950>. – Дата доступа: 14.12.2023.

6. Публичный договор возмездного оказания оздоровительных услуг [Электронный ресурс] : утв. приказом гл. врача ПС ЗАО «ТРЕСТ ПРОМСТРОЙ» «СКК «Плисса», 1 июля 2020 г. – Режим доступа: <https://plissa.by/assets/files/publichnyj-dogovor-01-07-2020-1.pdf?ysclid=ls0de5w79c524704009>. – Дата доступа: 10.12.2023.

7. Годунов, В. Н. Принцип свободы договора и его реализация в законодательстве Республики Беларусь / В. Н. Годунов // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – Вып. 23. – С. 144–164.

8. Протасовицкий, С. П. Условие о предмете гражданско-правового договора / С. П. Протасовицкий // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 окт. 2010 г. / редкол.: И. Н. Колядко (гл. ред) [и др.]. – Минск : Позитив-центр, 2010. – 552 с. – С. 159–161.

9. Мороз, В. П. Возмездное оказание услуг / В. П. Мороз // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – Т. 1. – С. 236–237.

10. Бусыгин, Г. П. Организационно-экономический механизм управления санаторно-оздоровительным комплексом региона (на примере Свердловской области) : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Г. П. Бусыгин ; Уральск. гос. экономич. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – 23 с.

11. Ветитнев, А. М. Курортное дело : учеб. пособие / А. М. Ветитнев, Л. Б. Журавлева. – 2-е изд., стер. – М. : КНОРУС, 2018. – 528 с.

О ВЗЫСКАНИИ ФАКТОРОМ ШТРАФНЫХ САНКЦИЙ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ДОЛЖНИКА

Мясоедов Г. Г.

*секретарь судебного заседания – помощник судьи,
Экономический суд города Минска,
ул. Академическая, 15/1, 220072 Минск, Беларусь,
gennady.myasoedov@gmail.com*

Аннотация. Наличием судебной практики о взыскании с должника штрафных санкций в пользу фактора обусловлена необходимость поиска баланса интересов фактора и должника. Объект исследования – правоотношения, основанные на договоре факторинга, возникающие в связи с неисполнением должником обязанности уплатить денежные средства фактору. Выявлены способы увеличения размера ответственности должника по сравнению с размерами ответственности, предусмотренными договором между кредитором и должником. Обоснована непропорциональность взыскания с должника в пользу фактора штрафных санкций сверх размеров ответственности, определенных договором между кредитором и должником. Дана рекомендация об определении в договоре факторинга пределов ответственности должника с учетом размеров ответственности, предусмотренных договором между кредитором и должником.

Ключевые слова: факторинг; ответственность должника; штрафные санкции; уступка; обеспечение исполнения обязательства.

THE COLLECTION BY THE FACTOR OF PENALTIES FOR NON-FULFILLMENT OF THE DEBTOR'S OBLIGATION

Myasoedov H.

*Secretary of a court session – judge assistant,
The Economic Court of Minsk City,
Akademicheskaya Str., 15/1, 220072 Minsk, Belarus,
gennady.myasoedov@gmail.com*

Abstract. The balance of factor's and debtor's interests is in focus of our attention due to existence of judicial practice on the collection of penalties from the debtor in favor of the factor. The paper deals with the legal relations which arise out of factoring contract in case of debtor's violation to pay money. The

methods of increasing the amount of debtor's responsibility in comparison with the amount of responsibility stated in contract between creditor and debtor have been found. It has been found that it is disproportional to recover from debtor more penalties than the limits of responsibility stated in contract between creditor and debtor. The following recommendation is given: the limits of debtor's responsibility in according with factoring contract should correspond to the limits of debtor's responsibility in according with the contract between creditor and debtor.

Keywords: factoring; debtor's responsibility; penalties; assignment; ensuring the fulfillment of an obligation.

Договор факторинга представляет собой соглашение, в соответствии с которым одна сторона (фактор) обязуется другой стороне (кредитору) или сторонам (кредитору и должнику) вступить в денежное обязательство между кредитором и должником путем выплаты кредитору суммы денежного обязательства должника за вознаграждение (ч. 1 п. 1 ст. 772 ГК Республики Беларусь).

Факторинг связан как с шансом получения дополнительных выгод для фактора (например, в случае приобретения денежного требования должника с существенным дисконтом и взыскания с должника всего номинала долга или перепродажи с меньшим дисконтом [1, с. 789]), так и с риском неисполнения должником обязанности перед фактором по уплате денежных средств. Указанный риск в определенной части может компенсироваться дисконтом (вознаграждением фактора). Кроме того, в договор факторинга может быть включено положение об ответственности должника за ненадлежащее исполнение (неисполнение) обязанности перед фактором по осуществлению платежа. Необходимостью поиска баланса между недопустимостью чрезмерного обогащения фактора и эффективностью размещения фактором его денежных средств обусловлено освещение вопроса о взыскании фактором штрафных санкций (неустойки, процентов за пользование чужими денежными средствами) с должника.

В отличие от взыскания фактором основного долга по денежному требованию, приобретенному от кредитора по договору факторинга, взыскание фактором штрафных санкций не является бесспорным. Именно поэтому взыскание основного долга допускается

в порядке приказного производства, взыскание же штрафных санкций производится фактором в порядке искового производства.

На основании анализа дел Экономического суда г. Минска [2–5], возбужденных на основании исковых заявлений факторов о взыскании неустойки и процентов за пользование чужими денежными средствами в связи с ненадлежащим исполнением должниками обязанности по оплате поставленного кредитором товара и рассмотренных в порядке искового производства, остановимся на наиболее типичной ситуации: в трехсторонний договор факторинга включен пункт о том, что факт заключения договора факторинга не изменяет и не отменяет размеры имущественной ответственности должника, установленные в договоре поставки, который поименован в самом договоре факторинга. В дополнение к договору факторинга между фактором и должником подписано генеральное соглашение о расчетах, которым, в частности, установлено: в случае несвоевременного исполнения должником денежного обязательства в сумме и сроки, указанные в уведомлении кредитора, фактор вправе потребовать от должника уплаты неустойки. При этом должник обязуется уплатить неустойку в размере 0,1 % от суммы образовавшейся задолженности за каждый день просрочки, неустойка носит штрафной характер.

Принимая во внимание изложенные договорные условия, логически можем смоделировать как минимум четыре способа увеличения фактором размера ответственности, которая наступает в случае ненадлежащего исполнения (неисполнения) должником своей обязанности:

1) в договоре между кредитором и должником отсутствуют условия об ответственности должника за просрочку оплаты, но указанные условия предусмотрены соглашением между фактором и должником;

2) соглашением между фактором и должником будет установлен больший размер ответственности (например, больший процент пени), чем установленный договором между кредитором и должником;

3) теоретически возможно заявление фактором требований о применении мер ответственности к должнику, предусмотренных

как договором поставки, так и соглашением между фактором и должником; либо если фактору уступлен не полный объем денежного требования, а только основной долг, возможно заявление фактором требования о взыскании штрафных санкций с должника на основании соглашения фактора с должником и одновременное заявление кредитором аналогичного требования, основанного на договоре кредитора с должником;

4) в соглашении между фактором и должником может быть установлено, что денежные средства, которые должник обязан уплатить фактору, являются коммерческими займом, за пользование которым начисляются проценты.

Формально-юридически с точки зрения белорусского законодательства указанные в п. 1, п. 2 и п. 4 способы увеличения фактором размера ответственности должника являются допустимыми в силу принципа свободы договора (абз. 7 ч. 2 ст. 2 и ст. 391 ГК).

Применительно же к п. 3 необходимо отменить следующее: в соответствии со ст. 159 Банковского кодекса Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. (далее – БК), при факторинге с финансированием фактор приобретает право на всю сумму денежного обязательства должника, включая основной долг, пени, проценты. Я. И. Функ, основываясь на общих положениях обязательственного права, а именно на том, что деньги всегда представляют собой делимые вещи, делает вывод, что кредитор может уступить фактору «не только все денежное требование и неустойку, связанную с просрочкой оплаты, но и уступить лишь исключительно само денежное требование, а пени либо штраф за просрочку исполнения оставить за собой» [6, п. 47].

У должника имеется возможность выдвинуть против требований фактора, возникших в связи с ситуациями, описанными выше в п. 2 и п. 3, эффективные возражения, основанные на принципе полноты возмещения причиненного вреда или убытков (п. 1 ст. 14 ГК) или на недопустимости действий субъектов гражданского права, которые осуществляются исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также недопустимости злоупотребления правом в иных формах (п. 1 ст. 9 ГК). Так, в соответствии с принципом полноты возмещения причиненного вреда или убыт-

ков, «реализуя право на возмещение убытков, потерпевшая сторона не должна получить ничего лишнего, т. е. обогатиться за счет правонарушителя» [7, с. 201]. Эффективность возражений определяется тем, что, например, решая вопрос о соразмерности неустойки последствиям неисполнения обязательства суд учитывает, причинены ли убытки лицу, заявляющему требование о взыскании неустойки, если причинены, то каков их размер.

Вместе с тем приведенные выше условия договора факторинга и генерального соглашения о расчетах могут вызвать сомнение в том, отражают ли они баланс интересов фактора и должника.

Норма ст. 161 БК говорит о том, что, если фактором представлено финансирование кредитору, должник не вправе требовать от фактора уплаченных ему денежных средств на том основании, например, что полученный должником товар оказался некачественным.

А. В. Тарасовым и Я. И. Функом обосновывается мнение о том, что вне зависимости от того, предоставлено ли фактором финансирование, должник в случае возникновения у него права на возврат денежных средств, уплаченных фактору за поставленный товар, может обратиться за возвратом денежных средств к кредитору, но не к фактору [8; 6, п. 57].

По мнению А. В. Тарасова, предоставление ст. 161 БК должнику возможности обратить свое притязание как кредитору (поскольку соответствующее требование должника, например, по возврату денежных средств, уплаченных должником за некачественный товар, возникло именно из действий кредитора), так и к фактору является излишней дополнительной защитой должника, которая «полностью игнорирует интересы менее защищенной стороны – кредитора» [8].

Представляется, что мнение А. В. Тарасова о том, что должник не должен иметь возможности требовать от фактора возврата уплаченной должником фактору суммы денежных средств, поскольку в данном случае не должник, а кредитор является слабой стороной, не учитывает того, что право должника требовать возврата денежных средств возникло именно вследствие действий кредитора. Ввиду того, что кредитор является стороной, нарушившей

обязательство, он не заслуживает защиты со стороны законодательства. Кредитор после выплаты должником фактору денежных средств при отсутствии финансирования фактором кредитора и возникновении у должника права требовать возврата финансирования несет вместе с фактором солидарную ответственность перед должником по возврату денежных средств в соответствии со ст. 303 ГК. Кроме того, Законом Республики Беларусь № 312-З от 13 ноября 2023 г. «Об изменении кодексов» предусматривается норма ст. 772-7 ГК, содержание данной нормы соответствует действующей в настоящее время ст. 161 БК.

Функом Я. И. в обоснование того, что должник не может требовать от фактора возврата полученных им от должника денежных средств приводится тезис о том, что обязательства должника перед фактором не связаны с обязательством кредитора перед должником [6, п. 57].

Если обязательства должника перед фактором не связаны с обязательством кредитора перед должником, то ответственность должника, вытекающая из договора поставки (а равно любого иного договора, на основании которого у кредитора возникло денежное требование к должнику), должна быть реализована в пользу кредитора, а не фактора.

Фактор, приобретая денежное требование с дисконтом, учитывает в размере дисконта риск несвоевременной оплаты должником долга. Поэтому взыскание с должника в пользу фактора штрафных санкций сверх размеров ответственности, определенных договором между кредитором и должником, видится непропорциональным.

Кроме того, А. В. Тарасов, применительно к допустимости изменить договор между кредитором и должником после уступки денежного требования фактору, но до уведомления должника, а также применительно к судьбе арбитражной оговорки при уступке денежного требования ссылается на принцип неухудшения положения должника при уступке [8]. Тарасов А. В. полагает, что несмотря на ущемление интересов цессионария, изменение заключенного между кредитором и должником договора после уступки, но до уведомления должника будет действительным. Действительность

в данном случае предполагает возможность заявления должником возражений против требований фактора, возникших из совершенного изменения. Рассматривая вопрос о судьбе арбитражной оговорки, А. В. Тарасов делает вывод, что в силу принципа неухудшения положения должника, арбитражная оговорка должна сохранять силу и после уступки денежного требования, потому что возможность принудительной защиты является неотъемлемым элементом самого субъективного права, подлежащего защите [8].

Полагаем, что указанный принцип должен учитываться и при поиске баланса между недопустимостью чрезмерного обогащения фактора и эффективностью размещения фактором его денежных средств в рамках вопроса о взыскании фактором штрафных санкций с должника. Должник не должен ставиться в более обременительное положение вследствие уступки фактору денежного требования к должнику, в частности ответственность должника за ненадлежащее исполнение им обязанности по оплате полученных должником благ: поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги – не должна возрастать ввиду уступки денежного требования кредитором фактору.

Также полагаем необходимым отметить, что внушительные размеры штрафных санкций не могут полностью исключить риски фактора, связанные с фактической невозможностью принудительного взыскания денежных средств с должника. В этой связи страхование риска непогашения должником долга перед фактором является более надежным обеспечением надлежащего исполнения обязанностей должника, чем, например, неустойка.

На основании изложенного считаем целесообразным рекомендовать сторонам договора факторинга определять пределы ответственности должника за просрочку оплаты денежных средств с учетом размеров ответственности, предусмотренных договором между должником и кредитором.

Список использованных источников

1. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет : постатейный коммент. к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2019. – 1282 с.

2. Архив Экономического суда г. Минска за 2023 г. – Дело экономического искового производства № 155ЭИП232996.
3. Архив Экономического суда г. Минска за 2023 г. – Дело экономического искового производства № 155ЭИП231818.
4. Архив Экономического суда г. Минска за 2023 г. – Дело экономического искового производства № 155ЭИП231837.
5. Архив Экономического суда г. Минска за 2023 г. – Дело экономического искового производства № 155ЭИП231951.
6. *Функ, Я. И.* Факторинг по законодательству Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Я. И. Функ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.
7. Гражданское право : учеб.: в 3 т. / Т. В. Авдеева [и др.] ; под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2010. – Т. 2. – 960 с.
8. *Тарасов, А. В.* Договор финансирования под уступку денежного требования (факторинга) по законодательству Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Т. В. Тарасов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ
В РАМКАХ ООН НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРА
КУПИ-ПРОДАЖИ**

Матвеева К. А.

*магистр юридических наук,
преподаватель кафедры гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
kseniamatveeva99@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности заключения частноправовых договоров в рамках Организации Объединенных Наций на примере договора купли-продажи. На основании проведенного исследования автором сформулированы практические предложения по формулированию оговорок о применимом праве, а также по регламентации ответственности сторон в таких договорах.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций; частноправовые отношения; договор купли-продажи; применимое право; договорная ответственность.

**SOME SPECIFIC FEATURES
OF MAKING PRIVATE LAW CONTRACTS
WITHIN THE UNITED NATIONS ON THE EXAMPLE
OF THE SALES CONTRACT**

Matveyeva K.

*Master in Laws,
Assistent at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
kseniamatveeva99@gmail.com*

Abstract. The article considers some specific features of making private law contracts within the framework of the United Nations on the example of the sales contract. On the basis of the research conducted, the author has made practical proposals on the formulation of reservations on the applicable law, as well as on the regulation of the liability of the parties in such contracts.

Keywords: United Nations; private law relations; sales contract; applicable law; contractual liability.

Организация Объединенных Наций (далее – ООН) в процессе реализации ее публичных функций и задач, является активной участницей частноправовых отношений. Специализированные учреждения, агентства и фонды ООН ежедневно заключают частноправовые договоры. Так, Т. Н. Нешатаева пишет о том, что заключение контрактов гражданско-правового характера с международной организацией для многих коммерческих фирм считается не только выгодной, но и достаточно престижной и ответственной операцией [1].

Правовые основы, определяющие правосубъектность ООН, закреплены в Уставе ООН от 26 июня 1945 г. [2], Конвенции о привилегиях и иммунитетах ООН от 13 февраля 1946 г. [3], Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений от 21 ноября 1947 г. [4], Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 марта 1986 г. [5], Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. [6], а также соглашениях ООН со специализированными учреждениями, соглашениях между ООН и США по вопросу о местоположении центральных учреждений ООН и во многих других международных договорах. Указанные международные акты регламентируют вопросы членства, статуса организации, полномочия на заключение международных договоров и содержат другие нормы, определяющие цели и задачи организации, полномочия ее органов, порядок взаимоотношений организации с государствами-членами и государствами, не являющимися членами ООН, а также иными международными организациями.

Реализуя свои полномочия на территории Республики Беларусь, фонды ООН выступают в качестве сторон гражданско-правовых договоров. Из ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь вытекает, что установленные гражданским законодательством правила применяются к отношениям с участием иностранных и международных юридических лиц (организаций, не являющихся юридическими лицами), если иное не определено Конституцией Республики

Беларусь и международными договорами Республики Беларусь [7]. Так, в процессе организации своей деятельности ООН заключает договоры аренды помещений, купли-продажи (поставки) товаров, страхования, подряда, возмездного оказания услуг и другие гражданско-правовые договоры.

Секретариатом ООН были разработаны специальные правила по заключению частноправовых контрактов и типовых договоров. Кроме этого, в процессе заключения контрактов Фонды организации действуют на основании полномочий, закрепленных во внутренних условиях каждого офиса (Country Office TOR's), в которых определяется круг полномочий конкретного фонда. Необходимо учитывать, что у каждого фонда существуют политики, программы, правила и стратегические планы, на основании которых они и реализуют свои полномочия.

Наиболее распространенным договором, встречающимся в практике ООН и ее учреждений является договор купли-продажи (в английском эквиваленте используются термины «Supply contract», «Procurement of Supplies», «Contract for goods» и др.).

Процедура заключения договоров купли-продажи с ООН существенно отличается от заключения таких договоров между двумя субъектами, коммерческие предприятия которых находятся на территориях различных государств (несмотря на то, что ООН в таких правоотношениях признается юридическим лицом, исходя из ее правосубъектности в частных правоотношениях). И уж тем более такой договор отличается от договора купли-продажи между национальными контрагентами.

Кратко рассмотрим особенности, имеющиеся на стадии заключения договора купли-продажи с ООН.

Специфика начинается с официального опубликования информации о тендере. Продавцы, желающие вести дела с фондами, должны зарегистрироваться через Глобальную торговую площадку ООН. Процедура регистрации бесплатна. При регистрации необходимо указать для своей продукции и/или услуг соответствующие коды Общей системы кодирования ООН. Секретариат использует эти коды при поиске поставщиков для участия в конкурсных торгах. При регистрации исходят из таких критериев, как соответствие товаров и услуг потребностям ООН, а также опыт в сфере

международной коммерческой деятельности, финансовая стабильность компании и соблюдение международных стандартов в области качества и управления.

После регистрации субъект получает право принять участие в конкурсных торгах в соответствии с тремя вариантами тендерных документов:

1) запрос на оферту: неофициальное предложение представить расценки на товары или услуги, стоимость которых не превышает установленного ООН минимального значения;

2) запрос на предложение: официальная просьба представить предложение относительно товаров и услуг, стоимость которых превышает минимальное значение и технические спецификации которых недостаточно четко определены на момент запроса предложения, причем от оферента ожидается, что он продемонстрирует инновационный подход и профессиональный опыт в конкретной деятельности в целях более адекватного удовлетворения потребностей в закупках;

3) приглашение на торги: официальное приглашение принять участие в тендере на закупку товаров и услуг, технические спецификации которых четко или точно определены. Как правило, при заключении контракта единственным определяющим условием является цена. При соблюдении всех технических требований контракт заключается с поставщиком, предложившим в своей заявке самую низкую цену.

Все тендеры фондов публикуются на Глобальной торговой площадке ООН. Страны, для которых осуществляются закупки товаров и услуг, признаются странами-бенефициарами. В свою очередь каждый тендер содержит информацию о стране-бенефициаре.

Отделом закупок ООН для поставщиков был принят отдельный кодекс поведения, который устанавливает требования к лицам, имеющим право принимать участие в тендере.

На этапе регистрации Фонды должны сообщить поставщикам в тендерных и контрактных документах, что они должны придерживаться самых высоких этических стандартов как во время тендерного процесса, так и на протяжении всего выполнения контракта.

Заявки на участие в тендерах подаются в порядке, определенном тендерной документацией, которая, как правило, прилагается

к тендеру. Документооборот по сделкам в системе Глобальной торговой площадки ООН определяется требованиями конкретного тендера. Компании, желающие участвовать в тендерах организации, подают заявку/коммерческое предложение в порядке и по форме, определяемой тендерной документацией. Затем следует оценка предложений. После того как поставщик изъявит желание сотрудничать с офисом, запускается механизм проверки потенциального контрагента. Эта процедура существенно отличается от заключения договора купли-продажи по национальному законодательству.

Чтобы гарантировать, что фонды ведут дела с поставщиками, которые придерживаются высочайших этических стандартов, в отношении всех потенциальных поставщиков проводятся проверки до регистрации на Глобальной торговой площадке ООН.

После первого этапа (отбора в соответствии с проверкой указанной на портале информации), формируется список наиболее подходящих предложений.

Далее отобранным поставщикам высылается документ, где они должны указать все данные и информацию об опыте работы с ООН, о форс-мажорах в процессе других сделок, информацию о финансовой отчетности компании за последние три года: отчет аудитора/внешнего бухгалтера, отчет о прибылях и убытках, бухгалтерский баланс. В случае если финансовые документы составлены на русском языке, необходимо приложить к ним нотариально заверенный перевод на английский язык. Такую тщательную проверку потенциального контрагента можно назвать отличительной особенностью процедуры заключения договоров купли-продажи в рамках ООН.

Далее производится оценка результатов, определение победителя, подготовка контракта и объявление победителя публично.

После выбора предложения начинается длительное согласование условий договора и проверка их соответствия законодательству. Общие условия договора купли-продажи прописаны во внутренней политике организации, однако здесь возникают сложности, связанные с различием национальных правовых систем, в том числе в сфере валютно-финансового регулирования, перевозки, описания товара, определения его стоимости, налогообложения и др. На этом этапе происходит обсуждение и согласование проекта договора с юристами и руководителями.

После проверки контракта Управлением ООН по правовым вопросам, проведения переговоров и окончательного одобрения проекта руководством ООН участнику, выигравшему тендер, направляется последняя версия контракта для согласования.

Система контроля ООН работает не только в процессе исполнения контрактов, но и во время подготовки их проектов.

На сотрудников фондов возложена обязанность регистрировать договоры и международные соглашения в Секретариате, а Секретариату поручается публиковать зарегистрированные договоры и международные соглашения. В рамках Секретариата обязанности по выполнению этих функций возлагаются на Договорную секцию.

Все договоры или международные соглашения, которые подлежат регистрации и стороной в которых является Организация Объединенных Наций, регистрируются ООН *ex officio*. Регистрация *ex officio* – это акт, которым Организация Объединенных Наций в одностороннем порядке регистрирует все договоры или международные соглашения, стороной которых она является. Именно регистрация, а не опубликование договора или международного соглашения является необходимым предварительным условием того, чтобы на них можно было сослаться в Международном Суде или в любом другом органе ООН.

Контракты, заключаемые ООН, также имеют значительную специфику, определяемую их содержанием. Обратим внимание на оговорку о применимом праве, поскольку в рассматриваемых договорах присутствует субъект, который с точки зрения законодательства Республики Беларусь не является отечественным.

В отношении продавцов, с которыми фонды ООН заключают договоры, прописывается следующая формулировка: «Поставщик обязуется соблюдать все законы, постановления, указы, правила и положения, касающиеся выполнения его обязательств по условиям настоящего Контракта». В отношении второй стороны (фондов ООН) никаких оговорок о применимом праве не предусматривается.

Полагаем, такая формулировка в контракте не может быть признана корректной. Применимое право должно быть согласовано сторонами и определяться в отношении договора в целом. Кроме этого, оговорка о применимом праве должна содержать в себе

четкое указание на право, а также акты и документы, которые стороны договорились соблюдать. Поскольку формулировка «все законы, постановления, указы и правила» может привести к коллизиям и спорам относительно применимого к договору права.

Такое изменение оговорки будет способствовать не только интересам контрагентов, но и самой организации, ведь их поставщики будут четко понимать какие акты и правила им следует соблюдать при исполнении договора.

Вопросы ответственности в таких договорах также предусмотрены довольно интересно. Во-первых, делается акцент на особом юридическом статусе фондов. Во-вторых, в контракте обязательно обозначаются основания освобождения от ответственности. Фактически, в таких контрактах нет ни единого пункта в отношении ответственности фонда, все положения об ответственности прописываются лишь в отношении продавца.

Неоднозначными представляются и положения о разрешении споров. Часто контракты заключаются по форме национального контрагента. В этом случае организация фактически подписывается под тем, что в случае возникновения спора из договора, он будет разрешаться в экономическом суде Республики Беларусь. Вместе с тем на практике это невозможно ввиду признания за организацией абсолютного иммунитета.

Вопросы участия международных межправительственных организаций в качестве ответчика в суде регламентированы в законодательстве Республики Беларусь неоднозначно, поскольку правовой статус международных межправительственных организаций существенно осложняется наличием у них юрисдикционного иммунитета. Так, согласно п. 10 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь № 21 от 31 октября 2011 г. суд принимает к производству иск по хозяйственному (экономическому) спору, ответчиком по которому является международная организация, судебный иммунитет которой определен международными договорами Республики Беларусь, только при наличии явно выраженного согласия ответчика на рассмотрение спора в хозяйственном (экономическом) суде [8].

Подобное согласие следует рассматривать в качестве отказа от судебного иммунитета международной организации. В свою очередь,

и в разделе 2 Конвенции ООН о привилегиях и иммунитетах закрепляется возможность отказа международной организации от судебного иммунитета [3].

Однако в этом случае возникает вопрос: можно ли признать явно выраженным согласием подписание контракта с пророгационным соглашением, указывающим на разрешение споров в экономических судах Республики Беларусь? В этой связи ответ однозначный – нет. Поскольку в таких контрактах присутствует следующая оговорка: «Ни одно из положений, содержащихся в Контракте или имеющих к нему отношение, не должно рассматриваться как добровольный отказ, явный или неявный, от любых привилегий и иммунитетов Организации Объединенных Наций, в том числе его вспомогательных органов».

Вместе с тем национальные суды – не единственная форма защиты прав. В контрактах обычно прописываются альтернативные или же мирные способы разрешения споров. Самый распространенный – переговоры. Также в контрактах могут быть указаны в качестве способов разрешения споров мировое соглашение и арбитраж.

В отношении арбитражного порядка разрешения споров в договорах содержится следующая оговорка: «Споры, проистекающие из контракта, не урегулированные мирным образом должны быть переданы в арбитраж в соответствии с Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ. Решения арбитражного суда должны опираться на основы принципов международного торгового права». При этом практика разрешения споров по рассматриваемым контрактам арбитражами до настоящего момента отсутствует.

Таким образом, ООН ежедневно в рамках выполнения своих функций и задач заключает частноправовые договоры с национальными контрагентами. Ввиду специфики таких контрактов разработано огромное количество специальных документов, регламентирующих правила их заключения. Однако вопросы определения применимого права, ответственности сторон и разрешения споров из частноправовых контрактов все еще нуждаются в доработке. Такое положение вещей требует создания надлежащих условий защиты прав участников договорных отношений. Решение поднятых проблем будет способствовать повышению доверия контрагентов к ООН, формированию ее положительной репутации и обеспечит

надлежащие правовые гарантии защиты прав и законных интересов негосударственных субъектов, вступающих в частноправовые отношения с международной межправительственной организацией.

Список использованных источников

1. *Нешатаева, Т. Н.* Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании / Т. Н. Нешатаева. – М. : Дело, 1998. – 272 с.

2. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда / ООН, Департамент обществ. информ. – Нью-Йорк : ООН, 1998. – 104 с.

3. Конвенция Организаций Объединенных Наций о привилегиях и иммунитетах [Электронный ресурс] : Нью-Йорк, 21 нояб. 1946 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – М., 2024.

4. Конвенция о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений [Электронный ресурс] : Нью-Йорк, 21 нояб. 1947 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – М., 2024.

5. Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями [Электронный ресурс] : Вена, 21 марта 1986 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <http://daccessdsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N86/554/11/IMG/N8655411.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 20.01.2024.

6. Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс] : Вена, 23 мая 1969 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml. – Дата доступа: 20.01.2024.

7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

8. О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 31 окт. 2011 г., № 21 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

9. ООН в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://un.by/tenders>. – Дата доступа: 04.01.2024.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Новикова Е. В.

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой судебной деятельности ИППК судей,
работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ,
ул. Советская, 14, 220030 Минск, Беларусь,
mypostaddress@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются и анализируются способы уголовно-правовой охраны исполнения договорных обязательств. Затрагиваются проблемы отграничения неисполнения договорных обязательств от хищения. Исследуются вопросы в части общественной опасности таких преступлений, как принуждение к совершению сделки и принуждение к выполнению обязательств. Приводятся примеры из судебной практики. Делаются выводы о необходимости пересмотра подходов к санкционному обеспечению данных норм.

Ключевые слова: правовая охрана; договорные обязательства; принуждение; мошенничество; сделка.

TO THE QUESTION ABOUT LEGAL PROTECTION OF EXECUTION OF CONTRACTS

Novikava K.

*PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Judicial Activities, Institute for Retraining
and Qualification Upgrading of Judges, Prosecutors and Legal Professionals
at the Belarusian State University,
Sovetskaya Str., 14, 220030 Minsk, Belarus,
mypostaddress@mail.ru*

Abstract. This article discusses and analyzes methods of criminal law protection of the fulfillment of contractual obligations. The problems of distinguishing non-fulfillment of contractual obligations from theft are touched upon. Issues regarding the social danger of such crimes as coercion to complete a transaction and coercion to fulfill obligations are explored. Examples from judicial practice are given. Conclusions are drawn about the need to revise approaches to the enforcement of these norms.

Keywords: legal protection; contractual obligations; coercion; fraud; transaction.

Как известно, в гражданском законодательстве среди важнейших принципов закреплены принцип свободы заключения договора, принцип неприкосновенности собственности, принцип добросовестности участников гражданских правоотношений. Нарушение указанных принципов может повлечь за собой негативные правовые последствия. Законодатель предусматривает различные меры реагирования на нарушения в сфере договорных отношений. Их правовая охрана осуществляется в том числе и с помощью норм уголовного закона.

Охранительная задача Уголовного кодекса Республики Беларусь реализуется посредством установления уголовно-правового запрета на общественно опасное поведение, в том числе, заключающееся в хищении чужого имущества или права на имущество; незаконном отчуждении вверенного имущества; принуждении к совершению сделки; принуждении к отказу от совершения сделки; принуждению к исполнению обязательств, включая договорные. Уголовно-правовая охрана исполнения договорных обязательств осуществляется и посредством установления уголовной ответственности за различные варианты должностных злоупотреблений, криминализации общественно опасных деяний в сфере осуществления экономической деятельности, а также в иных областях.

В рамках предлагаемого материала остановимся лишь на отдельных вопросах, возникающих при реализации норм уголовного закона, выполняющих указанную выше охранительную функцию.

Первый вопрос: при каких обстоятельствах неисполнение договора «превращается» в преступление?

Как показало изучение судебной практики, в последнее время участились случаи преднамеренного неисполнения договорных обязательств. Нередко контрагенты обращаются в правоохранительные органы, желая разрешить свой спор уголовно-процессуальным путем. В связи с этим актуализируется давно известная проблема разграничения такой формы хищения, как мошенничество с неисполнением договора. Дело в том, что преднамеренное неисполнение

договорных обязательств при установлении определенных признаков квалифицируется как мошенничество. Проблема заключается в том, что обман, являясь способом совершения мошенничества, может использоваться и в гражданско-правовых отношениях.

О критериях указанного разграничения в доктрине уголовного права ведутся давнишние споры. Так, в известной монографии А. И. Бойцова «Преступления против собственности» указано, что «...очень сложным оказывается вопрос об отличии мошенничества от обычной деловой практики в предпринимательской сфере. Границы понятия обмана подвижны и изменяются по мере развития «этики бизнеса», которая время от времени заставляет законодателей признавать мошенничеством тот или иной вид «деловой активности». Ни доктрине уголовного права, ни судебной практике не удается выработать достаточно четких критериев такого разграничения. Во всяком случае существуют разновидности обмана, которые очень трудно признать преступными» [1, с. 324–325]. В качестве примера можно привести продажу мобильных телефонов, заведомо для продавца не работающих на территории Республики Беларусь. Есть ли при таком обмане признаки мошенничества? Можно ли в такой ситуации говорить о наличии безвозмездности как обязательной составляющей любой формы хищения? Практики спорят...

Возможны самые различные варианты неисполнения обязательства, граничащего с мошенничеством. Подчас одно обстоятельство (признак) может быть решающим при даче правовой оценки внешне схожих ситуаций. Например, если лицо отказывается передать имущество, ссылаясь на то, что сделки не было заключено, а нами доказано обратное, то есть основания вести речь о мошенничестве. Если при отказе от возврата имущества факт предшествующей этому сделки не отрицается, а происходит ссылка на невозможность по тем или иным объективным причинам выполнить предусмотренные договором условия, то речь можно вести о гражданско-правовых отношениях. К сожалению, не все так просто. Нередко суды не аргументируют должным образом, почему они вменяют мошенничество в тех или иных случаях, касающихся неисполнения договорных обязательств. Важно помнить, что при мошенничестве умы-

сел на завладение имуществом возникает до момента неисполнения обязательства. Тут возникают сложности доказывания.

Часто правоприменитель, делая вывод о наличии признаков мошенничества, указывает на нереальность или на необоснованность принятых на себя обязательств. Это определенный ориентир.

Отдельным вопросом является проблема качества оказания услуг по сделке. К сожалению, в законе не разработаны критерии качества предоставления информации. И это отдельная проблема.

Второй вопрос: в чем заключается общественная опасность принуждения к совершению сделки или отказу от нее, а также принуждению к выполнению обязательств.

Уголовный закон охраняет свободу волеизъявления и самоопределения человека относительно своего поведения. Любое насильственное психическое воздействие на потерпевшего с целью заставить его совершить (не совершить) то или иное деяние вопреки своей воли общественно опасно. В УК наряду с общей нормой «Принуждение» (ст. 185) предусмотрен ряд специальных составов. Степень общественной опасности принуждения весьма различна в зависимости от того, что заставляют сделать (или не сделать) потерпевшего незаконными способами. Именно по этой причине с целью усиления или ослабления ответственности за различные виды принуждения законодатель предусмотрел уголовную ответственность в различных статьях УК.

Согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь физические и юридические лица свободны в заключении договора. Закон не допускает понуждение к заключению или отказу от заключения сделок, кроме случаев, прямо предусмотренных в нем. Но и при допустимом понуждении недопустимы запрещенные способы воздействия. В соответствии со ст. 246 УК уголовно-наказуемыми являются такие способы заставить потерпевшего совершить (отказаться от совершения) сделку (сделки), как угроза применения насилия над потерпевшим или его близкими; угроза уничтожения или повреждения их имущества.

Статья 384 УК предусматривает ответственность за принуждение к выполнению следующих обязательств: договорных, по возмещению причиненного ущерба, уплате долга, штрафа, неустойки

или пени. Подчеркнем, что, совершая «самоуправство в сфере исполнения обязательств», лицо преследует цель полного исполнения должником обязательства. Логично предположить, что она должна существенно снижать ответственность по сравнению с иными видами принуждений. Человек пытается вернуть долг, исполнить иные обязательства, применяя при этом недопустимые способы в виде угроз и насилия. Нередко виновные доведены до отчаяния. Да, ими допускается самоуправство. Такие способы исполнения обязательств караются. Но ни законодателю при установлении наказуемости, ни правоприменителю при выборе меры уголовной ответственности нельзя игнорировать факт того, что потерпевшего принуждают выполнить законные обязательства.

Для полноты картины обратимся к судебной практике.

Судом Г. признан виновным в принуждении к выполнению договорных обязательств под угрозой уничтожения имущества, при отсутствии признаков вымогательства, и на основании ч. 1 ст. 384 УК Республики Беларусь назначено наказание в виде штрафа в размере 30 (тридцати) базовых величин с рассрочкой на 10 месяцев. На основании договора подряда Г. выполнял работы в ООО, управляющим которого являлся потерпевший. За выполненные работы с ним в установленный договором срок не рассчитались. Г. постоянно созванивался с потерпевшим и просил расчет, выслушивая в ответ обещания исполнить условия договора. Не дождавшись выполнения обещанного, Г. отправил на мобильный телефон потерпевшего СМС с угрозой уничтожения принадлежавших ему автомобилей. Заработанные деньги были переведены на карточку Г., когда тот перестал уже их ждать. А спустя неделю он узнал об обращении потерпевшего в милицию.

П. признана виновной в принуждении к уплате долга, совершенном под угрозой применения насилия, с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, группой лиц. Как следует из материалов уголовного дела, П. с целью возврата 200 рублей, которые она одолжила Б. и неоднократно безуспешно пыталась вернуть, обратилась к другому лицу, попросив его помощи в возврате долга, чтобы тот попросту присутствовал для устрашения. Заблаговременно ею

не оговаривались способы воздействия на должника, она не просила о применении насилия, не знала, что другое лицо привлечет для разрешения конфликта С. В дом к потерпевшему Б. она зашла после другого лица с С., услышав крики. П. видела, что С. держит в опущенной руке предмет, похожий на пистолет (как показала в дальнейшем экспертиза это был пневматический газобаллонный пистолет, не относящийся к огнестрельному оружию). Кроме того, П. видела, что другое лицо, стоя около Б., опускал ногу после нанесения удара. Испугавшись, П. попросила остановиться, что тот и сделал. П. продолжила требовать возврата долга. Полученные Б. телесные повреждения относятся к телесным повреждениям, не повлекшим кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности. Следует отметить, что обвиняемая П. и потерпевший Б. ходатайствовали об освобождении обвиняемой от уголовной ответственности по ст. 89 УК. В соответствии со ст. 89 УК, лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный преступлением вред. Обстоятельств, отягчающих ответственность П., судом не установлено. Обстоятельствами, смягчающими ответственность П., суд признал возмещение ущерба, причиненного преступлением, принесение извинений. Вместе с тем суд пришел к выводу о невозможности освобождения обвиняемой от уголовной ответственности как на основании ст. 89 УК, так и на основании ст. 86 УК. По убеждению суда не имеется оснований и для применения иных мер уголовной ответственности. П. назначено реальное наказание в виде штрафа в размере 60 (шестидесяти) базовых величин на сумму 1920 (одна тысяча девятьсот двадцать) рублей.

С. осужден на два года лишения свободы с условным неприменением наказания за то, что несколько раз ударил рукой по лицу М. в связи с тем, что тот, арендовав у С. автомобиль иного лица, прекратил передачу арендной платы, в связи с чем С. вынужден был платить собственнику автомобиля личные средства. Образовавшийся долг М. отрицал.

Указанные примеры демонстрируют, что причины неправомерного поведения виновных заключаются в неправомерном поведении потерпевших. Бесспорно, что требования о выполнении законных обязательств должны не покидать правовой плоскости. Вместе с тем, учитывая реально существующие сложности исполнения договоров, беспомощность органов принудительного исполнения (нет никаких гарантий, что даже решение суда будет реализовано), виновных в анализируемых случаях самоуправства можно понять. Это не исключает привлечения их к уголовной ответственности, но должно учитываться как законодателем, так и правоприменителем при формулировании и назначении конкретной меры уголовно-правового воздействия.

Немного о наказуемости. Бесспорно, что необоснованная санкция приводит к неоправданности общественных ожиданий, невозможности достижения целей уголовной ответственности. Несправедливое наказание увеличивает рынок криминальной среды. Пределы санкций должны быть определены в уголовном законе так, чтобы у суда была возможность назначить лицу, совершившему преступление, справедливое наказание, которое обеспечило бы как частную, так и общую превенцию.

Не забывая о сути анализируемых преступлений, обратимся к санкционному обеспечению действующего УК и сравним статьи Особенной части, предусматривающие ответственность за разные виды принуждения.

В УК предусмотрена ответственность за различные виды принуждения (не считая тех преступлений, которые нашли иное словесное выражение, однако по сути связаны с принуждением (например, вымогательство)).

Статья 135 УК «Нарушение законов и обычаев войны». Данное преступление, выразившееся, например, в принуждении лиц, пользующихся во время военных действий международной защитой, к службе в вооруженных силах противника (ч. 1 статьи) карается ограничением свободы на срок от 3 до 5 лет или лишением свободы от 3 до 7 лет. Для сравнения: принуждение к выполнению обязательств, совершенное повторно (ч. 2 ст. 384 УК), предусматривает возможность назначения лишения свободы от 2 до 6 лет.

Статья 163 УК «Принуждение к даче органов или тканей для трансплантации». Принуждение лица к даче его органов или тканей для трансплантации, совершенное с применением насилия (ч. 2 данной статьи) карается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения. И тут мы видим менее длительные сроки лишения свободы по сравнению с насильственным принуждением к выполнению договорных обязательств.

Статья 171-1 УК «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией». Насильственное принуждение к продолжению занятия проституцией наказывается мягче, чем насильственное принуждение к выполнению обязательств (максимальные 5 лет со штрафом против 10 лет лишения свободы по ч. 3 ст. 384 УК).

Вывод очевиден. Требуется санкционная реформа. Наказуемость за принуждение к выполнению обязательств должна быть соразмерна общественной опасности содеянного. Полагаем, что состав преступления, предусмотренного ст. 384 УК, должен быть привилегированным. В ст. 384 действующего УК ответственность в разы жестче по сравнению не только с общей нормой (ст. 185 УК – максимальное наказание – ограничение свободы до 2-х лет), но и иными видами принуждения, очевидно для всех предусматривающих более опасные его проявления.

Также заметим, что ряд квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, предусмотренных в ч. 2–3 ст. 384 УК, необходимо исключить (некоторые ученые придерживаются обратного мнения [2, с. 6]). Так, трудно представить себе принуждение к выполнению обязательств, совершаемое организованной группой.

Список использованных источников

1. *Бойцов, А. И.* Преступления против собственности / А. И. Бойцов. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. – 775 с.

2. *Лапцевич, И. И.* Уголовная ответственность за принуждение к выполнению обязательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. И. Лапцевич. – Минск, 2014. – 24 с.

**КРИТЕРИЙ НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ
И ЕГО СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ
ДОГОВОРНЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ**

Павловский В. О.

*преподаватель кафедры гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
vilen675@gmail.com*

Аннотация. В исследовании на основе сравнительно-правовой методологии анализируются нормативные подходы различных правовых систем к закреплению содержания принципа наиболее тесной связи. В основу анализа положено исследование функций принципа наиболее тесной связи в договорной сфере.

Ключевые слова: гибкое регулирование; принцип наиболее тесной связи; презумпции принципа наиболее тесной связи; метод коллизионного регулирования.

**THE PRINCIPLE OF CLOSEST CONNECTION
AND ITS SUBSTANTIVE TERMS
CONTRACT PRESUMPTIONS**

Pavlovsky V.

*Lecturer of the Civil Law Department, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
vilen675@gmail.com*

Abstract. On the basis of comparative legal methodology, the study analyzes the legislative approaches of different legal systems to fixing the concept of the principle of closest connection in contract law.

Keywords: flexible regulation; the principle of the closest connection; the function of the principle of the closest connection; the method of conflict of laws control.

Анализируя международный конвенциональный формат правового регулирования принципа наиболее тесной связи в международном частном праве (далее – МЧП), следует исследовать

систему факторов-презумпций как выражение содержательных условий критериев тесной связи. Плюрализм подходов и требований, закрепленных в презумпциях тесной связи, требует оценки по степени воздействия на общественные отношения, осложненные иностранным элементом, по видам и типам договорных отношений. В данной работе на основе методологии сравнительного правоведения проведено исследование особенностей презумпций принципа тесной связи и их содержания сквозь призму различных нормативных актов по мере их развития. Основная цель исследования: проследить эволюцию принципа наиболее тесной связи и систему его критериев – как выражение направления развития коллизионного регулирования.

Международно-правовой формат закрепления презумпций тесной связи изначально был нормативно не уточнен, и носил характер общего абстрактного критерия. Например, Конвенцией о кодексе поведения линейных конференций 1974 г. [1] определено, что применяется право, которое наиболее тесно связано с совокупностью обстоятельств; тесная связь была выражением универсального критерия. Впоследствии процессы нарастающей экономической регионализации обусловили выработку системы генеральных презумпций, в контексте которых отражены критерии определения применимого права на основе принципа тесной связи. Генеральная коллизионная презумпция, содержащаяся в ст. 8 Гагской конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров 1986 г. [2], основана на критерии деловых отношений между сторонами. Статья 3 Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 г. использует критерий связи с обстоятельствами, которые известны сторонам [3]. Статья 2 Конвенции УНИДРУА по международным факторинговым операциям 1988 г. отражает критерий предполагаемых обстоятельств [4], а ст. 9 Межамериканской конвенции о праве, применимом к международным контрактам, 1994 г. основана на критерии учета субъективных и объективных элементов контракта [5]. В данных источниках правового регулирования мы видим зарождение генеральной коллизионной функции критерия наиболее тесной связи, однако все еще существующая

определенная экономическая, политическая правовая, культурная разрозненность участников конвенциональных форматов наносили свой тормозящий отпечаток на универсализацию презумптивных договорных критериев.

Впоследствии обрастая эмпирическим базисом и практикой применения с последующим скрытым гармонизирующим эффектом в обслуживаемых правовых системах, данные конвенции существенно повлияли на изменение функциональной роли принципа наиболее тесной связи и отразились на формах закрепления презумпций в национальных кодификациях, механизм применения которых также изначально имел общий (абстрактный) характер, то есть презумпция закреплялась в общих положениях конкретного нормативного акта и регулировала весь спектр гражданско-правовых отношений. Например, абстрактная презумпция тесной связи отмечена в общих руководящих началах §1 Федерального Закона Австрии «О международном частном праве» 1978 г.

«Содержащиеся в законе отдельные правила и применимом правопорядке (отсылочные нормы) рассматриваются как выражение этого принципа» [6]. Схожая формулировка – в ст. 41 Гражданского кодекса Португалии 1966 г. (недействующий закон) [7]. Важно подчеркнуть, что отдельные коллизионные нормы имели проявления принципа наиболее тесной связи с неустановленными объективными презумптивными критериями, которые могли бы предопределить более широкий ход развития принципа наиболее тесной связи.

Однако существенные изменения, вызванные общей регионализацией стран Европейских сообществ, внесли новые условия для функционирования принципа тесной связи. Так п. 3 ст. 4 Конвенции о праве, применимом к контрактным обязательствам 1980 г. (Римская Конвенция) [8], сформировал презумптивный коллизионный подход, основанный на квалифицирующем признаке осуществления исполнения, являющегося характерным для конкретного договора, в котором реализация общего подхода имела три вида содержательной характеристики презумпций, вытекающих из условий теории *characteristic performance*:

1) содержательные условия (презумпции определяли квалифицирующие признаки осуществления исполнения, являющегося характерным для конкретного договора);

2) субъектные условия (презумпции указывали на связь со страной стороны, осуществляющей исполнение);

3) временные (интемпоральные) условия (презумпции указывали на связь с той страной, в которой сторона имела в момент заключения договора свое местожительство или центр управления).

Данный подход отражения презумпций, основанный на проявлении теории характерного исполнения, плавно перетек в наднациональный формат функционирования критерия наиболее тесной связи. Так, в Регламенте № 593/2008 Европейского парламента и Совета ЕС о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам 2008 г., (далее – Регламент «Рим» I) [9] в ст. 4 п. 3 нормативного акта произошел отказ от принципа наиболее тесной связи как презумпции. Правотворцем были выдвинуты вперед жесткие коллизионные нормы. Вместе с тем принцип наиболее тесной связи стал выполнять субсидиарную функцию и функцию корректирующей оговорки, которые требовали учета гипотезы норм материального права.

В дальнейшем перечень условий изменялся по мере процессов коммунитаризации (europeanisation) МЧП в рамках Европейского Союза (далее – ЕС). В п. 50 Регламента (ЕС) 2016 г. № 1104 «О расширении сотрудничества в сфере юрисдикции, подлежащего применению права, а также признания и исполнения решений по вопросам имущества партнеров, проживающих в зарегистрированном партнерстве» в отношении применимого права в случае отсутствия соглашения партнеров о выборе применимого права, отмечено, что выбор права зависит от доказательств сторон, которые обоснуют тесную связь с другим государством, и его законами. Иными словами, объективные презумпции связи ставят в зависимость от субъектных, временных (интемпоральных) и интерпретационных содержательных условий [10].

Проект Регламента Европейского парламента и Совета о праве, применимом к внешним эффектам уступки требования 2018 г.,

(далее – проект Регламента о праве, применимом к внешним эффектам уступки требования) [11] относительно вопроса о применимом праве ориентируется на коллизионную гибкость в контексте принципа правовой определенности. Коллизионные нормы, касающиеся предмета регулируемых отношений (трансграничной уступки требований), касаются двух трансграничных элементов, относящихся к *lex causa*:

1) договорного элемента, который связан с обязательствами сторон по отношению друг к другу;

2) имущественного элемента, который затрагивает передачу имущественных прав по требованию.

Анализ положений ст. 20 проекта Регламента о праве, применимом к внешним эффектам уступки требования показывает, что предсказуемость необходима для защиты права третьих сторон, заинтересованных в приобретении правового статуса по уступленному требованию. В то же время ст. 28 проекта Регламента о праве, применимом к внешним эффектам уступки требования указывает, что гибкость должна предоставляться при определении права, применимого к внешним эффектам уступки требований в отношении секьюритизации с тем, чтобы удовлетворить потребности всех секьюритистов и способствовать расширению трансграничного рынка секьюритизации [11]. Как видно из приведенных актов, общеевропейское договорное законодательство пропитано компромиссными идеями, колеблющимися между правовой определенностью и коллизионной гибкостью. Тогда как последняя (гибкость) служит поливариантным способом выражения коллизионных привязок, через систему презумптивных требований, в которых заложен учет правореализационного материального аспекта.

Национально-правовой формат презюмирования тесной связи имеет особенности, например Федеральный Закон Швейцарии «О международном частном праве» 1987 г [12] (далее – Швейцарский Закон о МЧП), находящийся в сфере экономического влияния Европейских сообществ на заре доктринальной разработки, безусловно, впитал в себя элементы конвенционального формата Римской Конвенции 1980 г. [9], апробировав коллизионный подход, реализованной через механизм принципа наиболее тесной связи с элементами

теории характерного исполнения, идентичный Римской Конвенции 1980 г., с небольшими исключениями.

В качестве генеральной презумпции в ст. 117 Швейцарского Закона о МЧП, согласно нормам которого если стороны не избрали применимое право, к договору применяется право государства, с которым он имеет наиболее тесную связь, договор считается имеющим наиболее тесную связь с государством, в котором сторона, обязанная совершить предоставление, определяющее существо обязательства, имеет место обычного пребывания, а если договор заключен при осуществлении профессиональной или коммерческой деятельности – место делового обзаведения.

Под предоставлением, определяющим существо обязательства, в частности, понимается: предоставление отчуждателя в договорах об отчуждении имущества; предоставление стороны, передающей вещь или право в пользование – в договорах о пользовании вещью или правом; предоставление услугодателя – в договорах поручения, подряда и других договорах об оказании услуг; предоставление хранителя – в договоре хранения; предоставление гаранта или поручителя – в договорах гарантии и поручительства.

Таким образом, система частных презумпций как объективная коллизионная индивидуализация по видам правоотношений и типам договоров позволила расширить функциональное поле принципа наиболее тесной связи. Частные (уточненные) презумпции отражены в ст. 52 Закона Лихтенштейна «О международном частном праве» 1996 г. [13], ст. 3082 Гражданского кодекса Квебека (*Code civil du Québec*) 1991 г. [14], ст. 2.637 Закона Румынской Республики применительно к регулированию отношений международного частного права 1992 г. (в настоящее время отменен) [15], схожий подход отражен в п. 5 ст. 9 Закона Нового Южного Уэльса о выборе права 1993 г., (закон о частном праве Австралии) [16], ст. 8 (1) Закона Японии об общих правилах применения законов 1898 г. (*Act on General Rules for the of Application of Laws*) [17]. Основным модельным актом, несомненно, явились положения Римской Конвенции 1980 г., однако существенным различием является разный формат презумптивных критериев, влияющих на перечень функциональных ролей принципа тесной

связи в конкретной юрисдикции. Парадоксально прозвучит тезис о существенном влиянии процессов европейской интеграции на правовую систему Китая [18], в которой принцип наиболее тесной связи впервые был отмечен в ст. 145 Общих положений гражданского права Китая 1986 г. (наданный момент вступили в силу новые положения от 1 октября 2017 г.), ст. 126 Закона КНР «О договорах» (принят 15 марта 1999 г.) [20]. Имея установленный широкий презумптивный подход с оттенком стремления законодателя положить гибкое регулирование в канву принципа предсказуемости и определенности с помощью механизма теории характерного исполнения.

Наиболее широкое развитие содержательных условий презумпций тесной связи с учетом теории характерного исполнения получило в Российской Федерации. Так, например ст. 1211 Гражданского кодекса Российской Федерации 1994 г. (далее – ГК РФ) [21] закрепляет генеральную презумпцию места жительства или основного места деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора с последующей трансформацией частных презумпций по видам связи и типам договора с определением существенного значения для содержания конкретного договора.

В данном случае имеется концептуальное единство с наиболее передовыми презумптивными подходами в контексте применения механизма *escape close* (избавительная оговорка), отмеченного в общеевропейском подходе (п. 3 ст. 4 Регламента Рим I). В определенных случаях такой механизм может предоставлять суду право (условия расширения коллизионной вилки) отклониться от предписаний из конкретной коллизионной нормы в пользу применения права страны, иллюстрирующей значительно более тесную связь со спорным отношением. Например, в соответствии п. 9 ст. 1211 ГК РФ [21], если из условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что договор более тесно связан с правом иной страны, чем та, которая указана в предыдущих положениях этой статьи, то подлежит применению право страны, с которой договор наиболее тесно связан. Более того, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации 2019 г. № 24 «О при-

менении норм международного частного права судами Российской Федерации» разъясняются особенности учета и поиска корреляционных факторов по двум основным направлениям презумптивных условий с широкой интерпретационной палитрой [22].

Первой группой факторов (презумптивных условий) являются условия наиболее преобладающей территориальной связи различных элементов правоотношения с правом конкретного государства. К особо важным элементам относятся: место жительства и гражданство сторон – физических лиц; основное место деятельности и место учреждения сторон – юридических лиц; место нахождения обособленного подразделения юридического лица, участвовавшего в заключении договора; место нахождения объекта гражданских прав, место исполнения обязательств.

Второй группой факторов (презумптивных условий) служат материально-правовые; как следует из текста разъяснения, суду следует ориентироваться на применение права той страны, которая позволит наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права и построения отдельных его институтов (в данную категорию входят принципы *lex benignitatis*, запрет использования шиканы, стремление соблюдения принципа *bona fide*, принципа предпочтительности сохранения действительности сделки и др.) [22]. Данные положения говорят о том, что вектор принципа наиболее тесной связи направлен на анализ материальных условий. Иными словами, происходит медленная подмена заранее установленных презумпций связи в пользу анализа выявленных материальных факторов, подлежащих учету при определении права, имеющего наиболее тесную связь с правоотношением. Такой способ отражения коллизионных факторов говорит о материализации презумптивных условий и критериев установления тесной связи.

В основе содержательных характеристик презумпций тесной связи, наряду с тремя вышеназванными, появилась четвертая характеристика, имеющая четкую материально-нормативную основу, выраженную стремлением реализовать общепризнанные принципы гражданского права в различных правовых системах (*bona fide*, запрет использования шиканы, принцип *lex benignitatis*)

современности в зависимости от субъекта и типа гражданско-правового отношения. Иными словами, существенное значение для решения коллизионного вопроса судом (арбитражем) имеет анализ материальных норм (последствий) того или иного принимаемого решения для сторон спора; такой методологический подход выбора права мы именуем как применение гипотезы норм материального права.

Подводя итоги дискуссии, следует отметить, что квалифицирующими признаками осуществления исполнения, являющегося характерным для конкретного договора, в котором реализация общего подхода имеет несколько видов содержательной характеристики презумпций (перечень основных условий), имеет:

1) содержательные условия (презумпции, определяющие квалифицирующие признаки осуществления исполнения, являющегося характерным для конкретного договора);

2) субъектные условия (презумпции, указывающие на связь со страной стороны, осуществляющей исполнение);

3) временные (интемпоральные) условия (презумпции, указывающие на связь с той страной, в которой сторона имела в момент заключения договора свое обычное местожительство или центр управления);

4) материальные условия (презумпции, указывающие на связь с той страной, которая наиболее полноценно и выгодно реализует закрепленные материальные последствия и принципы международного частного права).

Данный перечень условий, составляющих содержание презумпций, является прерывистым балансом основных характеристик критериев тесной связи и служит содержательным показателем того или иного выбора применимого права. В теории коллизионного регулирования, выбор права, основанный на эклектике различных содержательных презумптивных критериев (в том числе материальных) описывается как «правовой микс» (Rechtsmix), подразумевая, в том числе и учет основных содержательных условий, приведенных выше.

Стоит подчеркнуть, в целях уяснения понятия «материализация», что в определенных ситуациях принцип наиболее тесной

связи выступает в качестве общего руководящего начала, предоставляя правовую основу для урегулирования всей взаимосвязанной группы общественных отношений наиболее тесно связанным правом в аспекте требований публичного порядка, а это говорит о существенном влиянии принципа тесной связи на результат правоприменения. Например, §187 Свода о конфликте закона США (The Restatement Third of Conflict of Laws) 1971 г. [23], п. 1. ст. 7 Римской Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам 1980 г. [9], ст. 11 Межамериканской Конвенции о праве, применимом к международным контрактам 1994 г. [5], п. 1 ст. 19 закона Швейцарии [12], ст. 3079 Кодекса Квебека [14] имеют требования учета публичных императивов страны, с которой правоотношение наиболее тесно связано. Это наводит на тезис о том, что принцип наиболее тесной связи, являющийся универсальным центром выражения коллизионных требований, служит ограничителем принципов *lex voluntatis* и *ordre public* и является объективной закономерностью взаимодействия различных национальных правовых систем в договорном праве. И, несмотря на тот факт, что существенным различием в понимании коллизионных подходов является различная коллизионная методология доктрин, на которых основаны способы разрешения коллизий в вышеназванных нормативных актах и, следовательно, в правовых семьях: характерного исполнения в романских и доктрины локализации в англосаксонских системах, через которые реализуются презумпции наиболее тесной связи. Принцип наиболее тесной связи устраняет противоречия, которые возникают уже на стадии анализа соотношения вышеназванных доктрин, позволяя взаимодействовать правовым системам путем соотношения материального и коллизионного регулирования в нормативном срезе.

Безусловно, методологическое взаимодействие не предоставляет лишь один принцип тесной связи. Обеспечение устойчивых связей выполняет совокупность принципов. По нашему мнению, такую совокупность представляют принципы коллизионного приоритета: *lex voluntatis* – автономия воли; *lex connectionis fermitatis* – принцип наиболее тесной связи; *ordre public* – публичный порядок.

Расширение перечня условий договорных презумпций говорит о стремлении субъекта правотворчества лавировать между принципами коллизионной гибкости, правовой определенности и предсказуемости. Компромиссным решением данной задачи является корреляционный механизм учета свойств различной правовой природы факторов, лежащих в содержательной структуре конкретного правоотношения и его гравитационных индикаторов, основанных на принципах коллизионного приоритета с учетом материальных последствий для субъекта права.

Функционирование критерия тесной связи без установленной презумпции с широким спектром нормативно закрепленных факторов связи указывают на точку абсолютного коллизионного равновесия; такое равновесие обеспечивается путем системного взаимодействия принципов коллизионного приоритета, в то время как жесткие коллизионные предписания формально создают асимметрию выбора.

Расширение функционального поля в аспекте выполняемых задач критерия тесной связи и ухода данного механизма от узкого перечня установленных открытых презумпций образует широкую палитру коллизионного выбора в различных нормативных единицах, основанных на гармонизирующих, имплементирующих, коммунитарных эффектах, где принцип тесной связи служит основным методом формулирования коллизионных требований.

В настоящий момент существенное различие понимания критерия наиболее тесной связи как привязки и принципа в договорной сфере лежит в плоскости нормативного закрепления, перечня функциональных ролей и механизма действия в конкретной юрисдикции. Анализировать принцип наиболее тесной связи в развитии коллизионного регулирования можно исходя из широкого перечня условий. Мы проанализировали лишь содержательные условия презумпций в договорных правоотношениях в наиболее значимых правовых системах современности.

Список использованных источников

1. Конвенция о кодексе поведения линейных конференций [Электронный ресурс] : Женева, 6 апр. 1974 г. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540282>. – Дата доступа: 07.12.2024.

2. Гагская конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров : Гаага, 22 дек. 1986 г. // Отдельные виды обязательств в международном частном праве / отв. ред. В. П. Звекон ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. – М. : Статут, 2008. – С. 379–389.

3. Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге : Оттава, 28 мая 1988 г. // Договорное право в международном обороте / Н. Г. Вилкова. – М. : Статут, 2002. – С. 488–500.

4. Конвенция УНИДРУА по международным факторинговым операциям [Электронный ресурс] : Оттава, 28 мая 1988 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900403>. – Дата доступа: 13.11.2023.

5. Межамериканская конвенция о праве, применимом к международным контрактам [Электронный ресурс] : Мехико, 17 марта 1994 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9760972>. – Дата доступа: 13.11.2023.

6. Unternehmensberatung, A. §1 IPRG (IPR-Gesetz), Grundsatz der stärksten Beziehung [Electronic resource] // Jusline : Recht. Schnell. – Mode of access: <https://www.jusline.at/gesetz/iprg/paragraf/1>. – Date of access: 18.08.2023.

7. Международное частное право. Иностранное законодательство / сост. и научн. ред. А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. – М. : Статут, 2000. – 892 с.

8. О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам [Электронный ресурс] : регламент (ЕС) Европ. парламента и Совета, 17 июня 2008 г., № 593/2008. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu>. – Дата доступа: 13.11.2023.

9. Конвенция о праве, применимом к контрактным обязательствам : Рим, 19 июня 1980 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901889343>. – Дата доступа: 13.11.2023.

10. Осуществление расширенного сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений по вопросам имущественных последствий зарегистрированных партнерств [Электронный ресурс] : регламент (ЕС) Европ. парламента и Совета, 24 июня 2016 г., № 2016/1104 // EUR-Lex. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/homepage.html>. – Дата доступа: 21.12.2024.

11. *Bazinas, S. V.* The law applicable to third-party effects of assignments of claims: the UN Convention and the EU Commission Proposal compared [Electronic Resource] / S. V. Bazinas // *Uniform Law Review*. – Vol. 24, Issue 4. – P. 609–632. – 2019. – Mode of access: <https://doi.org/10.1093/ulr/unz032>. – Date of access: 21.12.2024.

12. SR 291 Über das Internationale Privatrecht (IPRG) [Electronic resource] : Bundesgesetz vom 18 dez. 1987. – Mode of access: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19870312/index.html#a15>. – Date of access: 13.11.2023.

13. Code civil du Québec [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ccq.lexum.org/ccq/>. – Date of access: 12.09.2023.

14. Закон Лихтенштейна о международном частном праве 1996 г. [Электронный ресурс] // Высш. шк. экономики. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042801>. – Дата доступа: 12.09.2023.

15. Закон Румынии применительно к регулированию отношений международного частного права 1992 г., № 105 [Электронный ресурс] // Высш. шк. экономики. – Режим доступа: <https://docs.google.com/viewer?docx=1&url=https://pravo.hse.ru/data/2017/12/28/1160673600/ЗАКОН%201992%20г.%20№%20105%20применительно%20к%20регу.й%20международного%20частного%20права.pdf>. – Дата доступа: 12.09.2023.

16. Закон Нового Южного Уэльса о выборе права 1993 г., № 94 [Электронный ресурс] // Научно-учебная группа «Современная конструкция международного частного права» . – Режим доступа: <https://docs.google.com/viewer?docx=1&url=https://pravo.hse.ru/data/2015/10/21/1079468824/Австралия%201992-1993.pdf>. – Дата доступа: 12.09.2023.

17. Act on General Rules for the of Application of Laws : Law of Japan, June 21, 2006, № 78 // Scribd [Electronic resource] . – Mode of access: <https://ru.scribd.com/document/256101085/JapanApplication-of-Laws>. – Date of access: 13.10.2023.

18. Общие положения гражданского права Китая 1986 г. [Электронный ресурс] // Высш. шк. экономики. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/060601>. – Дата доступа: 12.09.2023.

19. Закон Китайской Народной Республики о применении права к гражданско-правовым отношениям, выходящим за пределы одного государства : 28 окт. 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hk.lexiscn.com/law/interpretation-of-the-supreme-peoples-court-on-several>

issues-concerning-the-application-of-the-law-of-the-peoples-republic-of-china-on-foreign-related-civil-relations-i.html. – Дата доступа: 13.11.2023.

20. Contract Law of the People's Republic of China [Electronic resource] : Law of China, March 15,1999. – Mode of access: <https://u.to/mV5KFw>. – Date of access: 13.10.2023.

21. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья [Электронный ресурс] : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.: одобр. Советом Федерации 14 нояб. 2001 г.: в ред. Федер. закона от 26 нояб. 2001 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

22. О применении норм международного частного права судами Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 9 июля 2019 г., № 24 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

23. The Restatement Third of Conflict of Laws [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ali.org/media/filer_public/62/26/62269cac-1b96-4b11-9c75-8f9f43d2be39/pages_from_conflict_of_laws_pd_2_online.pdf. – Date of access: 13.11.2023.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ЗАЩИТЫ АВТОРСКОГО И СМЕЖНЫХ ПРАВ
В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Петкилёв П. И.

аспирант кафедры

*гражданского права и процесса и международного частного права,
ФГАОУВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»,
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 Москва, Россия,
petrpetkilev@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются отдельные вопросы защиты авторских и смежных прав в сети «Интернет». Автор исследует вопрос принятия предварительных обеспечительных мер в отношении переработанного объекта, вопросы определения компенсации за нарушение исключительного права в отношении отдельных объектов. Обращается внимание на влияние лицензионного договора для целей определения компенсации.

Ключевые слова: авторское право; смежные права; сеть Интернет; защита прав.

CERTAIN ISSUES
OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS PROTECTION
ON THE INTERNET

Petkilev P.

Postgraduate student

*of the Department of Civil Law and Procedure and International Private Law
of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
Miklukho-Maklaya Str., 6, 117198 Moscow, Russia,
petrpetkilev@yandex.ru*

Abstract. The article examines certain issues of copyright and related rights protection on the Internet. The author examines the issue of taking preliminary interim measures in respect of a recycled object, certain issues of determining compensation for violation of an exclusive right in respect of individual objects. Attention is drawn to the impact of the license agreement for the purposes of determining compensation.

Keywords: copyright; related rights; Internet; protection of rights.

В настоящей статье исследуются следующие аспекты защиты авторского и смежных прав в сети «Интернет»:

1. Допустимость применения обеспечительных мер в отношении переработанного объекта.

2. Значимость субъективного характера критериев определения размера компенсации, выработанных Верховным Судом Российской Федерации.

3. Влияние цены лицензионного договора на определение размера компенсации в двукратном размере стоимости права использования произведения при расчете цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель.

Несмотря на то, что институт обеспечительных мер нашел свое отражение еще в 1864 г. в Российской Империи [1, с. 111] по сегодняшний день возникают вопросы, связанные с применением соответствующих правил. В некоторой степени данные вопросы осложняются применением новых технологий.

Право интеллектуальной собственности утвердительно отвечает на вопрос о принципиальной возможности введения предварительных обеспечительных мер в спорах о защите авторского и смежных прав в сети «Интернет». Однако нередко возникает вопрос о том, допустимо ли принимать предварительные обеспечительные меры в сети «Интернет» в отношении переработанного объекта интеллектуальных прав?

Как обосновано замечают Д. А. Лепёшин и Т. В. Даутия, «подача заявлений о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав осуществляется до предъявления иска, в отличие от иных судебных процессов, где ходатайство о принятии обеспечительных мер подается одновременно с исковым заявлением или на любой стадии судебного процесса» [2, с. 43]. При этом сама по себе процедура принятия предварительных обеспечительных мер в отношении объектов авторского или смежных прав строго формализована и направлена, в первую очередь, на соблюдение баланса интересов сторон.

В целях единообразного применения положений процессуального законодательства по данному вопросу Верховный Суд Российской Федерации принял постановление от 1 июня 2023 г. № 15

«О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» [3]. Буквальное толкование п. 43 названного судебного акта не позволяет прийти к выводу о том, что предварительные обеспечительные меры могут распространяться на иной, переработанный, по мнению заявителя, объект. Такой вывод основан на том, что предварительные обеспечительные меры принимаются судом, если заявителем представлены достаточные доказательства принадлежности ему исключительных прав на объект и факта использования этого объекта на конкретной странице сайта в сети «Интернет». В силу подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ переработка влечет за собой создание нового производного произведения. Тем самым в сети «Интернет» появляется новый объект, что предопределяет необходимость обращения за защитой в порядке искового производства.

Иное предопределяло бы выход суда за пределы процессуальной формы. То есть предварительные обеспечительные меры были бы «экспресс правосудием» в негативном смысле. Сказанное не исключает определенную степень судебной дискреции по вопросу принятия предварительных обеспечительных мер.

Пример того, когда суд апелляционной инстанции продемонстрировал неординарный, но глубоко обоснованный подход можно найти в апелляционном определении Первого апелляционного суда от 31 марта 2021 г. по делу № 66-1727/202 [4]. На крупнейшем сайте объявлений была размещена информация о продаже составного (литературное и аудиовизуальное) произведения. На сайт само произведение не загружалось. После перечисления денежных средств правонарушителем предоставлялась ссылка на облачное хранилище, куда было загружено произведение. По смыслу ч. 1 ст. 15.2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» правообладатель вправе требовать ограничения доступа к информационным ресурсам, распространяющим не только объекты авторских и (или) смежных прав, но и информацию, необходимую для их получения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. В связи с чем предварительные обеспечительные меры были признаны обоснованными.

Еще один вопрос, который связан с защитой авторского и смежных прав в сети «Интернет» касается определения размера компенсации и критериев, установленных п. 62 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5] с учетом особенностей конкретного объекта. Иными словами, допустимо ли установить различный размер компенсации в зависимости еще и от вида объекта авторского или смежных прав?

Представляется, что идея о том, что компенсация за нарушение прав на один объект оценивается в большей степени, чем на другой объект, должна быть обоснована. На сегодняшний день такого обоснования в доктрине и практике не усматривается. Не является очевидным, почему в среднем компенсация за нарушение прав на литературное произведение должна быть выше, чем, например, в среднем компенсация за нарушение прав на фонограмму.

Сама по себе идея максимально рационализировать определение размера компенсации в праве не нова. Например, в вопросах определения морального вреда в доктрине предлагается формула, которая переводит критерии в цифры и путем умножения выводит размер подлежащей компенсации [6; 7]. Формулы определения компенсации встречаются, например, и в делах о банкротстве, в частности формулу можно встретить в определении Верховного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2023 г. по делу № А60-31963/2020 [8].

Из чего следует, что в российском праве предпринимаются попытки введения универсальных формул расчета компенсации в рамках различных правоотношений: от правоотношений в рамках морального вреда до банкротных правоотношений.

Соответствующие вопросы имеют большое значение и в праве интеллектуальной собственности. Представляется, что вопросы творческой деятельности (в широком смысле слова) несколько тоньше, чем вопросы простой экономической деятельности, и перевести их на язык цифр бывает сложно. Поэтому критерии из п. 62 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10, которые учитывает суд при определении размера компенсации, глубоко обоснованы и явно необходимы, и в их субъективизме их плюс. Более того, словесный оборот

«в частности» свидетельствует о том, что перечень критериев не является закрытым, а значит остается возможность для определенной судебной дискреции.

Особого внимания также заслуживает вопрос определения размера компенсации по правилам п. 3 ст. 1301 Гражданского кодекса Российской Федерации. В частности, в двукратном размере стоимости права использования произведения, при расчете цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель, учитывается стоимость исключительной или неисключительной лицензии?

Следует заметить, что простая (неисключительная) лицензия по смыслу п. 1 ст. 1236 ГК РФ отличается от исключительной лицензии тем, остается ли за лицензиаром право выдавать лицензии иным лицам. Более того, как разъяснено в п. 79 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10, у лицензиатов – обладателей простой (неисключительной) лицензии, по общему правилу, отсутствует право защищать свои права способами, предусмотренными ст. 1250 и 1252 ГК РФ.

Представляется, что суд сам по себе не ограничен в том, чтобы исходить из цены исключительной лицензии при определении размера компенсации таким образом. Но это не предполагает, что компенсация должна быть определена судом в двукратном размере цены лицензионного договора во всех случаях. В силу принципа состязательности сторон (ст. 12 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), ответчик не лишен возможности возражать на доводы истца и представлять суду доказательства обоснования иной цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель.

Например, ответчик может предоставить заключение лица, обладающего специальными знаниями по данному вопросу. Более того, представляется, что ответчик может предоставить результаты отдельных исследований, которые удовлетворяют условиям относимости, допустимости и достоверности. Равно также могут представляться любые другие доказательства, удовлетворяющие соответствующим признакам.

Более того, подлежит изучению сам лицензионный договор с точки зрения его содержания, поскольку в силу принципа свободы договора, который имеется не только в Российской Федерации и Республике Беларусь, но и «закреплен в гражданских кодексах и других государств на постсоветском пространстве» [9, с. 129], стороны не ограничены в возможности включения самых разных условий, прямо не запрещенных законом. Из чего следует, что в содержание лицензионного договора могут быть включены, например, условия договора об оказании услуг или подряда. Иными словами, сам документ будет именоваться лицензионным договором, однако толкование текста такого договора приведет к выводу о том, что договор является смешанным, т. е. включает в себя условия сразу нескольких договоров, а не только лицензионного договора.

Например, из апелляционного определения Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 26 мая 2022 г. по делу № 66-1381/2022 [10] отмечалось, что после исследования судом апелляционной инстанции содержания лицензионного договора стоимость компенсации была снижена с 40 миллионов рублей до 200 тысяч рублей. Вывод суда во многом основывался на том, что истец предоставлял две лицензии: на использование литературного произведения (рациональная модель трудовых отношений) в период внедрения на предприятие и проведения показательной эксплуатации на предприятии и на бессрочное использование литературного произведения на предприятии. Ответчик же в свою очередь не предлагал покупателям использование произведения в период внедрения, поскольку никуда не внедрял его, а только опубликовал статью с использованием фрагментов литературного произведения и предлагал к продаже экземпляры литературного произведения.

На основании изложенного, представляется необходимым сформулировать следующие выводы и обобщения в рамках проведенного исследования вопроса отдельных проблем защиты авторского и смежных прав в сети «Интернет».

Во-первых, недопустимо принимать предварительные обеспечительные меры в сети «Интернет» в отношении переработанного объекта. Соответствующий вывод подтверждается тем, что толкование п. 43 постановления Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» названного судебного акта не позволяет прийти к выводу о том, что предварительные обеспечительные меры могут распространяться на иной, переработанный, по мнению, заявителя объект.

Во-вторых, критерии из п. 62 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10, которые учитывает суд при определении размера компенсации, глубоко обоснованы и явно необходимы, и в их субъективизме их преимущество.

В-третьих, при определении размера компенсации в двукратном размере стоимости права использования произведения при расчете цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель, суд сам по себе не ограничен в том, чтобы исходить из цены исключительной лицензии при определении размера компенсации таким образом. При этом суд учитывает и само содержание такого договора, а в силу принципа состязательности сторон ответчик не лишен возможности возражать на доводы истца и представлять суду доказательства обоснования иной цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567>.

Список использованных источников

1. *Котлярова, В. В.* Становление института обеспечительных мер в российском процессуальном праве / В. В. Котлярова // Российский юридич. журн. – 2016. – № 6. – С. 110–114.

2. *Лепёшин, Д. А.* Отдельные аспекты правоприменительной практики принятия предварительных обеспечительных мер в порядке статьи 1441 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / Д. А. Лепёшин, Т. В. Даутия // Гос-во и право. – 2022. – № 6. – С. 41–47.

3. О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты : постановление

Пленума Верховного Суда РФ, 1 июня 2023 г., № 15 // Российская газета. – 2023. – № 123.

4. Апелляционное определение Первого апелляционного суда, 31 марта 2021 г., дело № 66-1727/2021 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

5. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ, 23 апр. 2019 г., № 10 // Российская газета. – 2019. – № 96.

6. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. – М. : М-Логос, – 2023. – 82 с.

7. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда / А. М. Эрделевский. – М. : Р. Валент, 2007. – 272 с.

8. Определение Верховного Суда РФ, 2 нояб. 2023 г., дело № А60-31963/2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

9. Годунов, В. Н. Договорное право: совершенствование общих положений / В. Н. Годунов // Вестн. Акад. правоохранит. органов при Генер. прокуратуре Республики Казахстан. – 2016. – № 1. – С. 128–137.

10. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции, 26 мая 2022 г., дело № 66-1381/2022 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

ДОГОВОР НА УПРАВЛЕНИЕ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ СОВМЕСТНОГО ДОМОВЛАДЕНИЯ

Попова И. В.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
popova2@tut.by*

Аннотация. В статье исследуется практически не обсуждаемая в научно-практических источниках правовая природа, а также элементы договора на управление общим имуществом совместного домовладения. По мнению автора, законодательство Республики Беларусь, посвященное отношениям, вытекающим из названного договора, должно быть дополнено нормами, направленными на защиту права собственности участников совместного домовладения на их общее имущество.

Ключевые слова: совместное домовладение; управление общим имуществом совместного домовладения; участник совместного домовладения; уполномоченное лицо; жилищно-коммунальные услуги.

AGREEMENT FOR THE MANAGEMENT OF THE COMMON PROPERTY OF A JOINT OWNERSHIP

Popova I.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law, Law Faculty,
Belarusian State University,
Leningradskaya Str., 8, 220030 Minsk, Belarus,
popova2@tut.by*

Abstract. The article explores the legal nature practically not discussed in scientific and practical sources, as well as the elements of the contract for the management of the common property of a joint ownership. According to the author, the legislation of the Republic of Belarus on relations arising from this agreement should be supplemented with norms aimed at protecting the property rights of participants in joint ownership of their common property.

Keywords: joint ownership; management of the common property of a joint ownership; participant in joint ownership; authorized person; housing services.

Согласно статистическим данным доля жилых помещений государственного жилищного фонда в составе жилищного фонда Республики Беларусь составляет лишь 5,8 %. Остальные (94,2 %) – жилые помещения частного жилищного фонда [1].

Определенную часть жилых помещений частного жилищного фонда составляют индивидуальные жилые дома. Утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 5 апреля 2013 г. № 267 Концепцией государственной жилищной политики Республики Беларусь до 2016 года одним из направлений улучшения жилищных условий граждан названо развитие индивидуального жилищного строительства и строительства жилья в сельской местности. Постановлено к 2016 г. увеличить долю индивидуального жилищного строительства в общем объеме вводимого жилья до не менее чем 40 %. На протяжении последних семи лет объемы строительства индивидуальных жилых домов стабильно растут. Так, по данным Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь в 2022 г. доля индивидуального жилищного строительства в общем объеме жилищного строительства составила 43,9 % [2]. Однако даже с учетом этой тенденции можно с уверенностью утверждать, что большая половина граждан Республики Беларусь проживает в многоквартирных жилых домах частного жилищного фонда.

Согласно ст. 273 Гражданского кодекса Республики Беларусь собственнику квартиры в многоквартирном доме наряду с принадлежащим ему помещением, занимаемым под квартиру, принадлежит также доля в праве собственности на общее имущество дома. Состав общего имущества многоквартирного жилого дома (общего имущества совместного домовладения) определяется рядом нормативных правовых актов: п. 1 ст. 274 ГК, п. 31 ст. 1 Жилищного кодекса Республики Беларусь, абз. 7 подп. 1.25 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 10 декабря 2018 г. № 473 «О долевом строительстве» и некоторых иных.

Согласно п. 4 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 8 января 1998 г. «О совместном домовладении» в состав общего имущества совместного домовладения (далее – общее имущество) входят помещения, расположенные за пределами объектов недвижимого имущества и предназначенные для обслуживания двух и более объектов

недвижимого имущества в нежилых капитальных строениях (зданиях, сооружениях), а также крыши, входные группы, ограждающие несущие и ненесущие конструкции, включая фасады, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, обслуживающее два и более объекта недвижимого имущества и находящееся внутри или за пределами объектов недвижимого имущества, групповые приборы учета расхода воды, тепловой и электрической энергии, газа, технические средства противопожарной защиты, а также отдельно стоящие объекты, служащие целевому использованию нежилого капитального строения (здания, сооружения) и расположенные на земельном участке, предоставленном для его строительства и (или) обслуживания.

Нести расходы по содержанию общего имущества должны его собственники – участники совместного домовладения. Они же обязаны осуществлять контроль за техническим состоянием всего здания и его конструктивных элементов и инженерных систем, поддерживать их в исправном и работоспособном состоянии, осуществлять иные действия, связанные с эксплуатацией здания и прилегающей к нему территории, а также участвовать в реализации прав владения и пользования общим имуществом и предоставлении жилищно-коммунальных услуг (далее – ЖКУ). Совокупность таких действий названа в доктрине и законодательстве управлением общим имуществом совместного домовладения (далее – управление общим имуществом).

Если в собственности у нескольких участников совместного домовладения находится не более десяти объектов недвижимого имущества, управлять своим общим имуществом они могут непосредственно сами. В иных случаях управление общим имуществом осуществляется уполномоченным лицом, назначаемым местным исполнительным и распорядительным органом, либо организацией застройщиков или товариществом собственников (п. 1 ст. 151 ЖК).

Если управление общим имуществом осуществляется уполномоченным лицом, каждый собственник жилого помещения как участник совместного домовладения обязан заключить с уполномоченным лицом договор на управление общим имуществом (ч. 1 п. 1 ст. 155 ЖК). По договору на управление общим имуществом совместного домовладения одна сторона (уполномоченное лицо)

по поручению другой стороны (участника совместного домовладения, лица, которому собственником жилого и (или) нежилого помещений или законодательством предоставлено право на заключение договора на управление общим имуществом совместного домовладения) за плату обязуется организовать оказание основных и дополнительных ЖКУ, осуществлять иную деятельность, направленную на достижение целей управления общим имуществом совместного домовладения (п. 2 ст. 155 ЖК).

Сторонами договора на управление общим имуществом совместного домовладения (далее – договор на управление общим имуществом) являются участник совместного домовладения или лицо, которому участником совместного домовладения или законодательством предоставлено право на заключение такого договора, и уполномоченное лицо. Поскольку основной обязанностью уполномоченного лица является организация оказания ряда основных, а также дополнительных ЖКУ, в нормативных правовых актах, регулирующих прямо или косвенно отношения по договору на управление общим имуществом, и иных источниках, посвященных этому договору, участника совместного домовладения именуют потребителем. На стороне потребителя, как правило, выступают граждане или юридические лица, являющиеся собственниками жилых и (или) нежилых помещений в многоквартирном жилом доме, или их представители.

Уполномоченным лицом по управлению общим имуществом является организация, назначаемая местным исполнительным и распорядительным органом в целях организации оказания основных и дополнительных ЖКУ, за исключением услуг, объем которых может быть установлен по показаниям индивидуальных приборов учета (водоснабжения, водоотведения (канализации), газо- и электроснабжения), а также для осуществления деятельности, направленной на обеспечение сохранности и содержания общего имущества в надлежащем техническом и санитарном состоянии и решение вопросов владения и пользования этим имуществом, а также иных функций, определенных законодательством. Например, государственным заказчиком в сфере жилищно-коммунального хозяйства на территории Центрального района г. Минска определено Коммунальное унитарное

предприятие «Жилищное коммунальное хозяйство Центрального района г. Минска».

Уполномоченное лицо является государственным заказчиком в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Оно непосредственно ЖКУ не оказывает, а заключает договоры подряда или возмездного оказания услуг с организациями (исполнителями), оказывающими такие услуги, представляя перед ними интересы потребителей, и следит за качеством оказанных потребителю ЖКУ.

Существенные условия договора на управление общим имуществом содержит п. 4 ст. 16 Закона Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. «О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг» (далее – Закон о защите прав потребителей ЖКУ): наименование уполномоченного лица и имя потребителя; предмет договора; перечень ЖКУ (основных и (или) дополнительных), оказание которых организуется уполномоченным лицом; тариф на услугу по управлению общим имуществом совместного домовладения; права и обязанности сторон; ответственность сторон за невыполнение условий договора, основания для освобождения от ответственности; порядок разрешения споров; условия и порядок изменения и прекращения действия договора; адрес места нахождения уполномоченного лица и места жительства потребителя; иные условия, в отношении которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Договор на управление общим имуществом является бессрочным (п. 3 ст. 155 ЖК). Учитывая, что содержание всех этих условий достаточно подробно раскрыто в ряде нормативных правовых актов, посвященных оказанию ЖКУ и управлению общим имуществом, в том числе ЖК; Законе о защите прав потребителей ЖКУ; постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 27 января 2009 г. № 99 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг» (далее – Постановление № 99); ежегодно издаваемых указах Президента Республики Беларусь, устанавливающих тарифы для населения в сфере жилищно-коммунального хозяйства на год, в том числе тариф на управление общим имуществом, отсутствие всех этих условий, кроме условия о предмете, не должно считаться основанием для признания договора на управление общим имуществом незаключенным.

Договор на управление общим имуществом заключается в простой письменной форме в двух экземплярах (ч. 3 п. 1 ст. 155 ЖК). Постановлением № 99 утвержден Типовой договор на управление общим имуществом совместного домовладения, заключение которого для участника совместного домовладения является обязательным. При отказе участника совместного домовладения заключить договор на управление общим имуществом уполномоченное лицо вправе заявить в суд требование о понуждении заключить такой договор (ч. 2 п. 1 ст. 155 ЖК). Представители Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь считают, что нет необходимости что-то подписывать и заверять печатью, достаточно выполнить указанные в Типовом договоре на управление общим имуществом совместного домовладения условия, например, принять и оплатить услугу. Если же собственнику нужен бумажный экземпляр, то его можно получить в РСЦ и по месту нахождения уполномоченного лица [3]. А поскольку отказаться от ЖКУ, организация которых возложена на уполномоченное лицо, и их оплаты собственники не могут (с 1 июня 2021 г. плата за управление общим имуществом включена отдельной строкой в извещение о размере платы за ЖКУ и платы за пользование жилым помещением), договор на управление общим имуществом будет считаться заключенным с даты начала оказания потребителю ЖКУ без какого-либо его оформления.

Права и обязанности сторон договора на управление общим имуществом наиболее полно определены в Типовом договоре на управление общим имуществом совместного домовладения. Поскольку договор на управление общим имуществом является взаимным (двусторонне обязывающим), права и обязанности участников договора достаточно рассмотреть на примере одной из его сторон. Так, в число обязанностей уполномоченного лица входит:

- обеспечение благоприятных и безопасных условий для проживания потребителя; надлежащего содержания общего имущества;
- организация оказания основных ЖКУ, за исключением тех, объем которых устанавливается по индивидуальным приборам учета, и дополнительных ЖКУ;

- обеспечение эксплуатации жилищного фонда с соблюдением требований нормативных правовых актов, в том числе обязательных для соблюдения технических нормативных правовых актов;
- обращение в интересах потребителя с претензией об устранении нарушения прав потребителей ЖКУ к исполнителю, с которым у него заключен договор в соответствии с гражданским законодательством;
- представление интересов потребителя в отношениях с третьими лицами в соответствии с законодательством о защите прав потребителей ЖКУ и иными актами законодательства, регулирующими правоотношения между потребителями и исполнителем;
- выполнение иных требований, предусмотренных законодательством.

Уполномоченное лицо имеет, в том числе, следующие права:

- представлять интересы потребителя при управлении общим имуществом, в том числе в отношениях с третьими лицами;
- контролировать выполнение потребителем обязанностей, предусмотренных настоящим договором;
- требовать от потребителя соблюдения жилищного законодательства;
- обращаться в суд с иском о защите прав потребителя;
- представлять в суде права и законные интересы потребителя;
- в случае несвоевременного внесения потребителем платы за основные жилищно-коммунальные услуги принимать меры по ее взысканию в порядке, установленном законодательством;
- осуществлять иные права, предусмотренные законодательством.

К такому законодательству относится Закон Республики Беларусь от 29 декабря 2023 г. «Об изменении законов по вопросам управления жилищным фондом и его эксплуатации» (далее – Закон от 29 декабря 2023 г.), которым внесены дополнения в п. 7 ст. 159 ЖК. Согласно этим дополнениям из-под исключительной компетенции общего собрания участников совместного домовладения выводится, в том числе, решение вопроса об отчуждении либо передаче общего имущества одному или нескольким участникам совместного домовладения, иным лицам, если это не нарушает прав и законных интересов участников совместного домовладения. Пункт 7 ст. 159

ЖК дополняется частью следующего содержания: «В случае, если управление общим имуществом совместного домовладения осуществляется уполномоченным лицом, уполномоченное лицо вправе без проведения общего собрания участников совместного домовладения в интересах участников совместного домовладения передавать общее имущество совместного домовладения во владение и пользование одному или нескольким участникам совместного домовладения, иным лицам, если это не нарушает прав и законных интересов участников совместного домовладения». Вопросы о том, кто и как будет устанавливать интерес собственников жилых помещений в распоряжении уполномоченным лицом принадлежащим им общим имуществом, на какой основе (возмездно или безвозмездно) будет осуществляться распоряжение уполномоченным лицом таким имуществом, на какие нужды будут направляться денежные средства, полученные уполномоченным лицом от распоряжения общим имуществом, как будет разрешена ситуация, если решение уполномоченного лица об отчуждении (передаче в возмездное или безвозмездное пользование) общего имущества не совпадет с желанием собственников сохранить это имущество за собой, в Законе от 29 декабря 2023 г. не решены. Из названных дополнений не ясно, будут ли собственники вообще поставлены в известность о том, что принадлежащее им общее имущество будет отчуждено или передано во владение и пользование другим лицам.

Согласно п. 58 ст. 1 ЖК управление общим имуществом является услугой по осуществлению деятельности в целях обеспечения эксплуатации общего имущества, реализации собственниками прав пользования объектами недвижимого имущества и общим имуществом, а значит договор на управление общим имуществом следует относить к договорам возмездного оказания услуг. Однако наличие у уполномоченного лица прав и обязанностей, установленных ст. 16–17 Закона о защите прав потребителей ЖКУ и Типовым договором на управление общим имуществом совместного домовладения, позволяет утверждать, что заключение договора на управление общим имуществом устанавливает между уполномоченным лицом и участниками совместного домовладения отношения представительства. Таким образом, договор на управление общим имуществом с учетом его юридической природы можно

относит к договору смешанному, содержащему признаки как договора возмездного оказания услуг, так и договора поручения.

Согласно законодательству уполномоченное лицо представляет интересы участников совместного домовладения (пользователей) согласно договору на управление общим имуществом, однако фактически, с учетом дополнений, внесенных в ЖК Законом от 29 декабря 2023 г., такое представительство стало законным. Данное несоответствие должно быть устранено.

Полагаю, что внесенные Законом от 29 декабря 2023 г. дополнения должны получить дальнейшее развитие либо в ЖК, либо в Законе «О защите прав потребителей ЖКУ». В противном случае появится вероятность злоупотребления уполномоченным лицом правом на распоряжение общим имуществом и нарушения права собственности участников совместного домовладения.

Список использованных источников

1. Жилищной фонд Республики Беларусь в 2022 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2023/infographics-house-2022.pdf. – Дата доступа: 20.12.2023.

2. Краткая информация о реализации Государственной программы «Строительство жилья» на 2021–2025 годы в Республике Беларусь в 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mas.gov.by/uploads/files/grafichmaterialy-2.pdf>. – Дата доступа: 20.12.2023.

3. Шука, Я. Что такое управление общим имуществом и почему подешевеют некоторые ЖКУ? Интервью с начальником управления жилищного хозяйства МЖКХ А. Ромашко [Электронный ресурс] / Я. Шука. – Режим доступа: <https://gkx.by/poleznye-sovety/3260-chno-takoe-upravlenie-obshchim-imushchestvom-i-pochemu-podesheveyut-nekotorye-zhku>. – Дата доступа: 05.01.2024.

ПОНЯТИЕ ДОГОВОРА НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЖИЛИЩНОГО ФОНДА

Попучеева Ж. В.

*аспирант, юридический факультет,
Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070 Минск, Беларусь,
zha982@yandex.ru*

Аннотация. В статье изучается правовая природа договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда, сущность, виды, особенности указанного договора. Актуальность исследования обусловлена той значительной ролью, которую договор найма жилого помещения продолжает играть в настоящее время. Предметом исследования является анализ нормативных правовых актов, регулирующих договор найма жилого помещения государственного жилищного фонда. По результатам проведенного исследования предлагается внести дополнения в действующее законодательство.

Ключевые слова: договор найма жилого помещения; наймодатель; наниматель; жилое помещение; регистрация договора, срок действия договора.

THE CONCEPT OF A LEASE AGREEMENT OF RESIDENTIAL PREMISES IN THE STATE HOUSING FUND

Popucheyeva Zh.

*postgraduate student, Faculty of Law,
Belarusian State Economic University,
Partizansky Ave., 26, 220070 Minsk, Belarus,
zha982@yandex.ru*

Abstract. The article studies the legal nature of the contract for the rental of residential premises of the state housing stock, the essence, types, and features of this contract. The relevance of the study is due to the significant role that the residential lease agreement continues to play at the present time. The subject of the study is the analysis of legislation and regulations governing the lease of residential premises of the state housing stock. Based on the results of the study, it is proposed to make amendments to the current legislation.

Keywords: residential lease agreement; landlord; employer; living space; registration of the contract, duration of the contract.

Конституция Республики Беларусь гарантирует гражданам страны право на жилище, которое обеспечивается развитием государственного и частного жилищного фонда, содействием гражданам в приобретении жилья.

Законом предусматривается разнообразие правовых форм удовлетворения гражданами своих жилищных потребностей и их свобода в выборе. Одной из важнейших правовых форм удовлетворения жилищной потребности и права граждан на жилье остается договор найма жилых помещений, оформляющий их передачу в пользование граждан.

Этот договор и его виды – договоры найма жилого помещения социального пользования и арендного жилья, договор найма жилого помещения в общежитии, а также договор найма специального жилого помещения, – являются основаниями возникновения обязательств жилищного найма, которые представляют собой разновидность гражданско-правовых обязательств по передаче имущества в пользование.

Действующие договоры найма отличаются друг от друга по предмету договора, по сроку, в течение которого наниматель может пользоваться жилым помещением, по размеру и составу платы, по ряду иных прав и обязанностей. Особенности и отличия указанных договоров имеют важное теоретическое и практическое значение.

Актуальность исследования обусловлена той значительной ролью, которую договор найма жилого помещения продолжает играть в настоящее время. Как известно, жилье является одним из главнейших материальных условий жизни человека наряду с пищей, одеждой, водой, воздухом и т. п. Наличие надлежащего жилья входит составной частью в понятие достойного жизненного уровня человека. Право на жилье – это одно из основных законодательно установленных прав человека. Нормы гражданских правоотношений, связанных с наймом жилого помещения, широко применяются в практической юридической деятельности.

Объектом исследования являются правовые отношения, возникающие в процессе заключения договора найма жилого помещения, предоставления жилых помещений во владение и пользование нанимателю, изменения, расторжения договора найма жилого помещения.

Предметом исследования является анализ литературных источников, законодательства, регулирующего договорные отношения в сфере найма жилых помещений государственного жилищного фонда.

Как отмечает П. В. Крашенинников, договор найма жилого помещения можно назвать основным институтом жилищного законодательства, с помощью которого жилые помещения передаются во временное владение и пользование, т. е. достигается реализация основного предназначения такого объекта гражданского оборота, как жилое помещение [1, с. 99–100].

Наем жилых помещений – один из институтов гражданского права. Учитывая, что в ст. 642 Гражданского кодекса Республики Беларусь указано, что отношения, вытекающие из договора найма жилого помещения, регулируются Жилищным кодексом Республики Беларусь, договор найма жилого помещения является самостоятельным типом договора, относится к числу договоров имущественного найма и имеет специфику, определяемую жилищным законодательством.

Согласно ст. 50 Жилищного кодекса Республики Беларусь по договору найма жилого помещения одна сторона обязуется предоставить за плату другой стороне во владение и пользование жилое помещение. Данные правовые основы договора найма жилого помещения являются общими для всех видов найма независимо от принадлежности жилых помещений, являющихся объектом этого договора.

Поскольку исторически наем жилого помещения рассматривался как разновидность аренды, договор найма жилого помещения по своим характеристикам схож с договором аренды (имущественного найма). Как и при аренде, сдача жилого помещения внаем – реализация собственником помещения его права распоряжения своим имуществом, а права нанимателя являются обременением жилого помещения при смене собственника [2, с. 29].

Как отмечает О. А. Чаусская, квалифицирующими признаками данного договора являются его предмет и субъектный состав [3, с. 249].

По мнению С. Коребо, договор найма жилого помещения не ограничивается лишь передачей жилого помещения в пользование.

«Жилое помещение как таковое (вещь) не может служить удовлетворению потребности человека в жилье. Поэтому предмет договора найма жилого помещения носит сложный характер и включает в себя не только вещь (жилое помещение), но и работы (ремонт, реконструкция, восстановление и т. п.), услуги (обслуживание технических устройств, содержание придомовой территории и т. п.). Жилое помещение – одна из составляющих предмета договора найма жилого помещения. Пользование жилым помещением неразрывно связано с потреблением проживающими в нем лицами коммунальных услуг» [4, с. 59].

Предметом договора найма выступает, как правило, квартира либо изолированное жилое помещение, состоящее из одной или нескольких комнат, жилой дом. Часть жилой комнаты (койко-место в общежитии) также может быть предметом договора найма.

Сторонами в договорах найма жилого помещения являются наймодатель и наниматель. В роли наймодателя выступает местный исполнительный и распорядительный орган (по доверенности – жилищно-эксплуатационная организация), государственный орган, государственная организация, гражданин-собственник. Наниматель – только гражданин, которому представлено жилое помещение. Юридические лица не могут быть нанимателями по договору найма жилого помещения – им жилые помещения предоставляются по другим договорам (аренды), а использовать помещение юридическое лицо должно только для проживания граждан.

Важной отличительной чертой договора найма является принадлежность к жилищным правоотношениям, для которых в свою очередь характерны особенности наличия жилого помещения как специфического объекта регулирования; особого субъектного состава, заключающегося в обязательном наличии физического лица в качестве стороны договора; сложности структуры и содержания, а также четкой целенаправленности на юридическое обеспечение удовлетворения материальной потребности граждан в жилье. В отношениях, регулируемых данным договором, главенствующим является принцип приоритета общественных интересов и преобладает административный метод. Особенностью договора найма жилого помещения является и то, что вытекающие

из него права (а по договору социального найма жилого помещения и обязанности) несут граждане, не принимавшие участия в заключении договора, но проживающие совместно с нанимателем.

Договоры найма жилого помещения двусторонние, срочные, но в отдельных случаях договор может быть заключен без указания конкретного срока. Например, договор найма жилого помещения социального пользования государственного жилищного фонда может быть срочным и бессрочным. Жилое помещение в общежитии предоставляется на период работы (службы). Договор найма арендного жилья заключается на время трудовых отношений. Данный договор является срочным и подлежит прекращению (расторжению) в связи с утратой оснований для проживания в данном жилом помещении. В то же время в договоре найма арендного жилья, предоставленного гражданину, состоящему на учете нуждающихся в улучшении жилищных условия, указывается срок – 5 лет.

Договоры найма жилого помещения – возмездные. При заключении договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда всегда указывается сумма платы за предоставленное жилое помещение, за исключением социального жилья, которое предоставляется определенным категориям граждан бесплатно. Если это арендное жилье, то плата за пользование жилым помещением регулируется законодательством.

Форма договора найма жилого помещения – письменная. Обязательность письменной формы заключается в подготовке и подписании договора найма жилого помещения. Существенные условия определены в законодательстве и конкретизируются сторонами применительно к заключаемому договору. При этом надо помнить, что для договоров найма жилых помещений в домах государственного жилищного фонда установлены типовые формы договоров, которыми наймодатель и наниматель должны руководствоваться. Типовые договоры найма жилого помещения утверждаются в порядке, определяемом Советом Министров Республики Беларусь.

Особая социальная значимость объекта жилищного правоотношения состоит в том, что жилое помещение предназначается

исключительно для проживания в нем граждан. Именно этим объясняется установление жестких критериев, которым должно отвечать предоставляемое в пользование нанимателю жилое помещение.

Договор найма жилого помещения является двусторонним, поэтому права и обязанности одной стороны корреспондируют обязанностям и правам другой стороны.

Цели, преследуемые сторонами при заключении договора найма жилого помещения, также существенно разнятся. Наниматель жилого помещения государственного жилищного фонда ставит себе цель приобретения права пользования жилым помещением. В то же время наймодатель не всегда восполняет полное возмещение затрат, получаемых в процессе надлежащего содержания жилищного фонда. По мнению А. В. Афонинной, «целью договора найма жилого помещения (независимо от его разновидности) всегда является удовлетворение потребности нанимателя (физического лица) в жилье» [5, с. 78]. В указанном случае необходимо также отметить, что использование жилого помещения для других целей, а не для проживания, невозможно реализовать в связи с законодательно установленным запретом, что также указывает на специфику такого объекта правоотношений, как жилое помещение.

Расторжение договора найма жилого помещения возможно как по соглашению сторон, так и по требованию одной из сторон в случае нарушения другой стороной существенных условий договора найма и по другим основаниям, предусмотренным законодательством. Никто самовольно и без оснований не может быть выселен из жилого помещения.

Порядок одностороннего расторжения договора найма нанимателем предусмотрен в п. 2 ст. 62 Жилищного кодекса Республики Беларусь: наниматель жилого помещения вправе расторгнуть договор найма жилого помещения в любое время после исполнения своих обязательств перед наймодателем. Таким образом, исходя из норм Жилищного кодекса, под исполнением нанимателем обязательств перед наймодателем можно рассмотреть:

- сдачу жилого помещения наймодателю по акту о приеме-передаче;

- погашение обязательств по договору (оплата жилищно-коммунальных услуг, плата за пользование жилым помещением);
- снятие с регистрационного учета по месту жительства.

При выезде нанимателя из жилого помещения и проживающих совместно с ним членов его семьи на место жительства в другое жилое помещение договор найма жилого помещения считается расторгнутым со дня их выезда. Вместе с тем, даже в случае, когда наниматель добровольно выполнил обязательства по надлежащей сдаче жилого помещения, погашению задолженности и т. п., у него не всегда есть основания для снятия с регистрационного учета по месту жительства.

В связи с этим наймодаделец часто вынужден обращаться в суд с требованиями о признании нанимателя утратившим право владения и пользования жилым помещением. Особенности рассмотрения таких споров определены в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2014 г. № 11 «О применении судами законодательства о договорах найма жилых помещений государственного жилищного фонда».

Анализ действующего жилищного законодательства Республики Беларусь показывает, что договор найма жилого помещения включает в себя такие виды договоров, как:

- 1) договор найма арендного жилья;
- 2) договор найма жилого помещения в общежитиях;
- 3) договор найма жилого помещения социального пользования;
- 4) договор найма специального жилого помещения государственного жилищного фонда.

Принадлежность помещения к тому или иному виду жилых помещений влияет на состав юридических фактов, являющихся основанием заключения определенных подвидов договора найма жилого помещения, на условия договора, объем прав и обязанностей нанимателя и наймодателя.

Для заключения договора найма жилого помещения государственного жилищного фонда наймодателю в обязательном порядке необходимо убедиться в наличии решения о предоставлении жилого помещения, выданного уполномоченным государственным органом или уполномоченной государственной организацией, и указать такое решение в преамбуле договора найма жилого помещения

государственного жилищного фонда. Без наличия данного правоустанавливающего документа договор найма жилого помещения государственного жилищного фонда не может быть заключен, а его регистрация будет являться незаконной. Регистрация осуществляется районными, городскими, поселковыми, сельскими исполнительными комитетами, местными администрациями района в городе. При этом договор найма жилого помещения будет считаться заключенным с даты его регистрации. Причем он может быть заключен только на свободное жилое помещение.

В заключении следует указать, что в соответствии с подписанием Указа Президентом Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии», в целях совершенствования работы с административными процедурами и дальнейшего цифрового развития полагаем возможным подать заявления о регистрации договора найма государственного жилищного фонда осуществлять в электронной форме посредством единого портала электронных услуг. Получение административного решения (дата и номер регистрации договора найма) осуществлять также через личный кабинет на едином портале электронных услуг.

Для успешной реализации указанного предложения полагаем целесообразным внести следующие изменения: после абзаца пятого графы «Форма и порядок предоставления документа и (или) сведений» подп. 2.1 п. 2 Регламента административной процедуры, осуществляемой в отношении субъектов хозяйствования, по подп. 16.4.1 «Регистрация договора найма жилого помещения частного или государственного жилищного фонда или дополнительного соглашения к такому договору», утвержденного постановлением Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь от 23 марта 2022 г № 5, дополнить графу словами «в электронной форме – через единый портал электронных услуг».

В целом правовое регулирование отношений, связанных с договором найма жилого помещения, широко отражено в действующем законодательстве.

Список использованных источников

1. Крашенинников, П. В. Жилищное право / П. В. Крашенинников. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2010. – 413 с.
2. Бондаренко, Н. Л. Гражданское право. Особенная часть: ответы на экзаменационные вопросы / Н. Л. Бондаренко. – 2-е изд. – Минск : Тетралит, 2015. – 159 с.
3. Чаусская, О. А. Гражданское право : курс лекций / О. А. Чаусская. – М. : Эксмо, 2009. – 432 с.
4. Коребо, С. К вопросу о жилом помещении в науке жилищного права / С. Коребо // Судовы весн. – 2001. – № 2. – С. 57–60.
5. Афонина, А. В. Жилищное право : курс лекций / А. В. Афонина. – М. : Эксмо, 2009. – 240 с.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА

Протасовицкий С. П.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
hello@prata.me*

Аннотация. В статье раскрывается гражданско-правовая природа смарт-контракта с применением формального и функционального подхода. Отмечена возможность его квалификации как объекта авторского права. Приведена аргументация того, что смарт-контракт может быть гражданско-правовым договором, но не каждый из них есть договор. Показаны особенности заключения, исполнения, изменения и прекращения смарт-контракта.

Ключевые слова: смарт-контракт; гражданско-правовой договор; программный код; распределенная информационная система; автоматическое исполнение.

THE CIVIL LAW NATURE OF SMART CONTRACT

Pratasavitski S.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
hello@prata.me*

Abstract. The article reveals the civil law nature of smart contract using a formal and functional approach. The possibility of its qualification as an object of copyright is noted. It is argued that a smart contract can be a civil law agreement, but not every smart contract is such an agreement. The peculiarities of conclusion, execution, modification and termination of a smart contract are shown.

Keywords: smart contract; civil law agreement; program code; distributed ledger; automatic execution.

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, одобренная Президиумом Совета Министров Республики Беларусь 2 мая 2017 г., предусматривает реализацию концепции, направленной на создание цифровой экономики (п. 13). С этой целью Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 (далее – Декрет № 8) постановлено провести в рамках Парка высоких технологий (далее – ПВТ) правовой эксперимент для апробации новых правовых институтов на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство, для чего резидентам ПВТ предоставлено право, помимо прочего, осуществлять совершение и (или) исполнение сделок посредством смарт-контракта (п. 5.3). С 21 октября 2019 г. такое же право имеют Национальный банк и участники межбанковской системы идентификации (п. 1.13 Указа Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2019 г. № 148). Возникновение в белорусском правовом порядке и начавшееся внедрение в гражданский оборот новой конструкции, именуемой «смарт-контракт», порождает необходимость ее научного осмысления и гражданско-правовой квалификации. Как отмечают Е. А. Кириллова и Т. Э. Зульфугарзаде, «понимание правовой природы, юридических концептуальных основ, сущности, технико-правовых принципов работы смарт-контрактов объективно необходимо для совершенствования их гражданско-правового обеспечения в самом ближайшем будущем» [1, с. 3].

Для решения поставленной научной задачи нам дано явление, обозначенное термином «смарт-контракт». На основе его анализа мы должны уяснить, что есть смарт-контракт в цивилистике по своей сути, каким гражданско-правовым понятием он охвачен. Это позволит установить его правовой режим и выявить возможные проблемы использования в гражданском обороте.

Смарт-контракт находит выражение в программном коде – тексте, составленном на языке программирования. Его содержание образуют инструкции (алгоритмы), определяющие условия, параметры и порядок выполнения операций в распределенной информационной системе.

Формальный подход к смарт-контракту приводит к мысли, что он являет собой компьютерную программу (ее часть). Следовательно,

смарт-контракт, созданный творческим трудом, есть объект авторского права (подп. 10 п. 1 ст. 993 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Такой вывод не вызывает возражений, однако не отражает сущность смарт-контракта, которая раскрывается при функциональном его рассмотрении.

Операции, выполняемые в результате реализации смарт-контракта, могут иметь гражданско-правовое значение. По дефиниции белорусского законодателя, в подобных операциях заключается его смысл: «Смарт-контракт – программный код, предназначенный для функционирования... в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий» (п. 9 Приложения 1 к Декрету № 8). В связи с этим, а также наличием в его обозначении слова «контракт» в литературе обсуждается вопрос о квалификации смарт-контракта в контексте договорного и обязательственного права.

Ряд зарубежных авторов видят в данном явлении договор с особым исполнением. «Смарт-контракт, – пишет М. Раскин (M. Raskin), – это соглашение, исполнение которого автоматизировано» [2, с. 309]. Р. де Кариа (R. de Caria) называет смарт-контрактом любое цифровое соглашение, которое выражено в компьютерном коде и автоматически исполняется на блокчейне или аналогичной распределенной системе без какого-либо вмешательства человека [3, с. 24]. По мнению М. Руданко (M. Rudanko), программный код включает в себя договор, исполняемый без вмешательства сторон при соблюдении предустановленных условий [4, с. 61]. Таким образом, полагает Я. Дальхузен (J. Dalhuisen), смарт-контракт можно определить как соглашение, суть которого состоит в автоматизации и самоисполнении предустановленного условного плана действий [5, с. 41].

Аналогичная позиция находит поддержку отечественных авторов. На взгляд А. И. Савельева, «смарт-контракт – это договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств» [6, с. 99]. Сомова Е. В. предлагает «рассматривать смарт-контракт как договор в форме программного кода или отдельные договорные условия, содержащий/

содержащие положение об автоматизированном исполнении обязательств сторон» [7, с. 83]. В самом общем виде А. А. Волос определяет его «как запрограммированный договор, условия которого прописаны в программном коде и который автоматически исполняется с помощью блокчейна» [8, с. 13]. С точки зрения Е. В. Зайнутдиновой, «смарт-контракт представляет собой договор, заключаемый в децентрализованной распределенной информационной системе, предусматривающий автоматизированное исполнение обязательств и опосредующий оборот цифровых прав и цифровой валюты» [9, с. 10].

Вместе с тем в литературе присутствует и несколько иное понимание исследуемого феномена. По мнению Л. И. Сафаргалеева, «смарт-контракт нецелесообразно рассматривать как самостоятельное соглашение (договор)... Это обусловлено тем, что договор есть абстрактная юридическая конструкция и распространение на смарт-контракты правового режима договоров повлечет большие трудности в правоприменении. Правильно рассматривать смарт-контракты как разновидность письменной формы договора» [10, с. 28]. «...Смарт-контракт, – утверждает В. О. Пучков, – есть в первую очередь способ исполнения договорных условий. Тем самым считать его договором... неправомерно прежде всего из методологических соображений, поскольку это приведет к смешению договора как конституирующего гражданское правоотношение правового акта и самого опосредуемого им гражданского правоотношения, т. е. по сути – к фундаментальной понятийной ошибке» [11, с. 21].

Договорная квалификация смарт-контракта возможна лишь при совместимости соответствующих понятий. В силу п. 1 ст. 390 ГК «договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей». По своей форме соглашение может быть устным и письменным (п. 1 ст. 404, п. 1 ст. 159 ГК). Его содержание образуют условия о гражданских правах и обязанностях.

Договор и смарт-контракт, будучи способными к письменному выражению, совместимы по форме. При этом нет юридических препятствий для составления договора (его части) на языке программирования. Но, поскольку стороны думают на естественном

языке, необходимо обеспечить корректное понимание ими программного кода. Одно из решений – включение в смарт-контракт комментария на естественном языке. Он не влияет на семантику кода и является пояснением текста последнего. Такой подход уже реализуется в белорусском законодательстве (подп. 8.2 п. 8 Положения о порядке совершения и (или) исполнения сделок... посредством смарт-контрактов, утвержденного Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 24 декабря 2020 г. № 428, далее – Положение о смарт-контрактах). Другое решение – разработка унифицированных правил подготовки и толкования смарт-контрактов или иного подобного документа с переводом типичных условий договоров на язык программирования и наоборот.

Не вызывает сомнений совместимость договора и смарт-контракта по содержанию. Если операции в распределенной информационной системе влекут гражданско-правовые последствия, то программные инструкции, исполнение которых воплощается в этих операциях, можно признать условиями о гражданских правах и обязанностях. Как пишет А. И. Савельев, «если содержанием программного кода является совершение операций, которые представляют собой автоматизированный эквивалент действий сторон, которые могут выступать предметом гражданско-правового договора, то такой смарт-контракт вполне может рассматриваться в качестве юридически значимого соглашения сторон» [6, с. 106–107].

Отметим, запрограммированные операции не всегда имеют гражданско-правовое значение. Вместе с тем для целей Декрета № 8 программный код, направленный на юридически безразличные операции, не считается смарт-контрактом.

Таким образом, договор и смарт-контракт – понятия совместимые (пересекающиеся). Смарт-контракт может быть договором (его частью), но не всякий смарт-контракт есть договор.

Заключение договора в письменной форме требует подписания текстового документа каждой из сторон (часть первая п. 2 ст. 404 ГК). Однако возможна комбинация письменной оферты и акцепта в форме действий по выполнению указанных в оферте условий договора (п. 3 ст. 404, п. 3 ст. 408 ГК). Иначе говоря, для заключения

договора необходима подпись хотя бы одной стороны. Но заключение смарт-контракта допускается без учинения подписей, если обстоятельства его заключения позволяют определить, что волеизъявление исходит от стороны по договору (часть четвертая п. 21 Положения о ПВТ, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12, далее – Положение о ПВТ). Смарт-контракт, размещенный в открытом доступе в глобальной компьютерной сети Интернет, содержащий существенные условия договора и предложение заключить его на указанных условиях с любым, кто отзовется, считается публичной офертой (часть пятая п. 21 Положения о ПВТ). Она акцептуется конклюдентным действием участника сети.

В соответствии с подп. 8.3 п. 8, п. 9 Положения о смарт-контрактах факт совершения сделки (заключения смарт-контракта) связан с согласием ее участников на совершение этой сделки. Думается, законодатель здесь допустил ошибку, назвав сделочное волеизъявление согласием на совершение сделки. Юридическая конструкция такого согласия получила закрепление в ст. 158-1 ГК. Она тоже подразумевает волеизъявление, но со стороны третьего лица, а не участников сделки.

Если смарт-контракт выступает частью договора, то его заключение происходит в обычном порядке (вне распределенной информационной системы).

Гражданско-правовой договор может быть изменен и расторгнут (п. 1 ст. 420 ГК). Однако смарт-контракт, размещенный в распределенной системе, обладает техническим иммунитетом от изменения программного кода. Ни стороны, ни третьи лица не способны внести корректировки в смарт-контракт, даже если того требует закон. Единственный вариант – создание смарт-контракта с инструкциями, исполнение которых влечет его изменение или прекращение. За отсутствие у смарт-контрактов гибкости в плане возможности их корректировки Л. ДиМаттео (L. DiMatteo), М. Каннарса (M. Cannarsa) и К. Пончибо (C. Poncibò) называют их не только умными (smart), но и глупыми (dumb) [12, с. 9].

Если смарт-контракт – договор, по определению он направлен на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Когда для этого требуется действие одной стороны

в пользу другой, возникает обязательство, подлежащее исполнению (ст. 288 ГК). Тут открывается, пожалуй, главная особенность смарт-контракта – автоматическое исполнение.

На взгляд Е. В. Сомовой, смарт-контракт обнаруживает новый способ исполнения обязательств, а именно их автоматизированное исполнение [7, с. 81]. Как объясняет А. И. Савельев, «доверие к контрагенту, обеспечиваемое в классическом договорном праве инфраструктурой принудительной системы государства, заменяется в смарт-контракте на доверие к программному коду, исполнение которого обеспечивается децентрализованной инфраструктурой, объединенной общими общедоступными для ознакомления техническими правилами взаимодействия (протоколом)» [13, с. 456]. По мнению Д. Мадир (J. Madir), в автоматизации и самоисполнении заключается сущность смарт-контракта [14, с. 179]. Заметим, многие авторы употребляют термин «автоматизированное исполнение», но мы считаем, что при независимости исполнения от человека следует говорить об автоматическом исполнении.

Отсутствие необходимости совершения должником действия для достижения правового эффекта смарт-контракта порождает вопрос: правомерно ли в данной ситуации говорить об исполнении обязательства? Ведь оно подразумевает действие. Упомянутое в п. 1 ст. 288 ГК воздержание от действия здесь неприменимо, поскольку направлено на сохранение, а не достижение желаемого состояния. Вместе с тем в белорусском правовом порядке исполнение обязательства без соответствующего действия должника и даже помимо его воли возможно (например, расчеты с использованием платежных требований). Поэтому мы склоняемся к позиции, что конструкция автоматического исполнения обязательства согласуется с догмой гражданского права. Сомова Е.В. полагает, что «при исполнении обязательств из смарт-контракта необходимо использовать категорию заранее выраженного согласия должника на исполнение обязательства. Данная категория позволяет описать исполнение, которое осуществляется не должником, а, по сути, электронным агентом» [7, с. 82].

Таким образом, при формальном подходе к смарт-контракту он являет собой компьютерную программу (ее часть). Смарт-контракт, созданный творческим трудом, есть объект авторского права.

Однако функциональный подход обнаруживает иную гражданско-правовую природу смарт-контракта. Он может быть договором (его частью) в форме программного кода, но не всякий смарт-контракт есть договор.

Смарт-контракт, размещенный в открытом доступе в распределенной информационной системе, содержащий существенные условия договора и предложение заключить его на указанных условиях с любым, кто отзовется, считается публичной офертой. Она акцептуется конклюдентным действием участника сети.

Возникшие из смарт-контракта обязательства подлежат автоматическому исполнению. Изменение и прекращение смарт-контракта возможно, если он создан с инструкциями, исполнение которых влечет такое изменение или прекращение.

В завершении согласимся с А. И. Савельевым: «В перспективе следует ожидать повсеместного распространения автоматизированных договоров, в том числе смарт-контрактов, у которых полностью автоматизированным является не только процесс исполнения отдельных обязательств, но и его заключения» [13, с. 457].

Список использованных источников

1. *Кириллова, Е. А.* Гражданско-правовое обеспечение смарт-контрактов / Е. А. Кириллова, Т. Э. Зульфугарзаде. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 124 с.
2. *Raskin, M.* The Law and Legality of Smart Contracts / M. Raskin // *Georgetown Law Technology Review*. – 2017. – Vol. 1 – P. 305–341.
3. *Caria, R.* Definitions of Smart Contracts: Between Law and Code / R. Caria // *The Cambridge Handbook of Smart Contracts, Blockchain Technology and Digital Platforms* / ed. by L. A. DiMatteo, M. Cannarsa, C. Poncibò. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2020. – P. 19–36.
4. *Rudanko, M.* Smart Contracts and Traditional Contracts: Views of Contract Law / M. Rudanko // *Smart Contracts: Technological, Business and Legal Perspectives* / ed. by M. Corrales, M. Fenwick, S. Wrбка. – Oxford, UK : Bloomsbury Publishing Plc, 2021. – P. 59–78.
5. *Dalhuisen, J. H.* Dalhuisen on Transnational and Comparative Commercial / J. H. Dalhuisen // *Financial and Trade Law* : in 6 vol. – 8th ed. – Oxford, UK : Bloomsbury Publishing Plc, 2022. – Vol. 3: Transnational Contract Law. – 308 p.
6. *Савельев, А. И.* Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А. И. Савельев // *Закон*. – 2017. – № 5. – С. 94–117.

7. *Сомова, Е. В.* Смарт-контракт в договорном праве / Е. В. Сомова // Журн. зарубеж. законодательства и сравнит. правоведения. – 2019. – № 2. – С. 79–86.

8. *Ахмедов, А. Я.* Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов / А. Я. Ахмедов, А. А. Волос, Е. П. Волос. – М. : Проспект, 2021. – 224 с.

9. *Зайнутдинова, Е. В.* Смарт-контракт в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Зайнутдинова ; Новосибир. нац. исследоват. гос. ун-т. – Красноярск, 2022. – 25 с.

10. *Сафаргалеев, Л. И.* Смарт-контракт – программный код, а не договор / Л. И. Сафаргалеев // Хозяйство и право. – 2019. – № 5. – С. 21–34.

11. *Пучков, В. О.* Является ли смарт-контракт договором? (К проблеме цифровой трансформации цивилистической доктрины) / В. О. Пучков // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 3. – С. 19–31.

12. *DiMatteo, L. A.* Smart Contracts and Contract Law / L. A. DiMatteo, M. Cannarsa, C. Poncibò // The Cambridge Handbook of Smart Contracts, Blockchain Technology and Digital Platforms / ed. by L. A. DiMatteo, M. Cannarsa, C. Poncibò. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2020. – P. 3–18.

13. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2022. – 1496 с.

14. *Madir, J.* Smart Contracts / J. Madir // Fintech: Law and Regulation / ed. by J. Madir. – Cheltenham, UK : Edward Elgar Publishing Limited, 2021. – P. 175–198.

УДК 347.132.6

**КЛАССИФИКАЦИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК
В СВЕТЕ НОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Пунько Т. Н.

*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель директора по цифровому развитию,
учреждение образования «Институт переподготовки и повышения
квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений
юстиции Белорусского государственного университета»,
ул. Советская, 14, 220030 Минск, Беларусь,
tanya_punko@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается понятие недействительной сделки, анализируются основания классификации недействительных сделок. На основе сравнительного анализа положений Гражданского кодекса РФ и последних изменений ГК Республики Беларусь делается вывод о необходимости сохранения презумпции ничтожности сделки, не соответствующей требованиям законодательства.

Ключевые слова: недействительная сделка; оспоримая сделка; ничтожная сделка; незаконная сделка; публичные интересы; антисоциальная сделка.

**CLASSIFICATION OF INVALID TRANSACTIONS
IN THE LIGHT OF NEW PROVISIONS
OF THE CIVIL CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Punko T.

*PhD in Law, Associate Professor,
Deputy Director for Digital Development of the Institute for Retraining
and Qualification Upgrading of Judges, Prosecutors and Legal Professionals
at the Belarusian State University,
Sovetskaya Str., 14, 220030, Minsk, Belarus,
tanya_punko@mail.ru*

Abstract. The article discusses the concept of an invalid transaction and analyzes the basis for the classification of invalid transactions. Based on a comparative analysis of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the latest amendments to the Civil Code of the Republic of Belarus, a conclusion is made about the need to maintain the presumption

of nullity of a transaction that does not comply with the requirements of the law.

Keywords: invalid transaction; voidable transaction; void transaction; illegal transaction; public interests; antisocial deal.

Сделки играют в общественной жизни важную роль, поскольку являются основным правовым средством, при помощи которого социально и экономически равноправные и самостоятельные субъекты устанавливают свои права и обязанности. Совершение сделок – важнейший юридический способ осуществления субъективных гражданских прав. В соответствии с ч. 3 ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь участники гражданских правоотношений свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

В последнее время в правоприменительной практике актуальность приобрели вопросы, связанные с толкованием сделок, признаваемых недействительными, и определением их правовых последствий. Дискуссионность данных вопросов связана с наличием различных подходов в литературе к пониманию самой природы недействительной сделки и критериям классификации недействительных сделок.

Недействительная сделка – это правовое действие, которое не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью (п. 1 ст. 168 ГК Республики Беларусь). В действующем ГК Республики Беларусь отсутствует определение «недействительной сделки», что является почвой для научной дискуссии. Все высказанные в литературе позиции по данному вопросу можно свести к следующим направлениям:

1) термин «сделка» не может быть применим для обозначения такого действия, которое, хотя и направлено на достижение определенного правового результата, но не может его породить в силу ряда причин. Недействительные сделки в силу их противоречия правовым предписаниям не обладают признаком правомерности, а значит, сделками не являются, а должны относиться к противоправным действиям. Сделкой можно считать только правомерное

действие, иначе можно было бы говорить, что государство санкционирует возможность приобретения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей путем совершения неправомερных действий [1, с. 173; 2, с. 343; 3, с. 12,65; 4, с. 196, 239; 5, с. 44];

2) недействительная сделка, хотя и не влечет желаемых правовых последствий, является все же сделкой, причем не только по названию, но и с точки зрения классификации юридических фактов. Правомерность рассматривается как условие действительности сделки, а не как элемент сделки как юридического факта [6, с. 13; 7, с. 25].

Следует обратить внимание, что второй из указанных подходов в большей степени соответствует положениям законодательства, поскольку, используя в названии §2 главы 9 ГК термин «недействительность сделок», законодатель признает существование подобного юридического факта.

Для понимания правовой природы недействительных сделок важное значение имеют вопросы их классификации.

ГК Республики Беларусь различает две большие группы недействительных сделок: ничтожные и оспоримые. Согласно п. 1 ст. 167 сделка является недействительной по основаниям, установленным кодексом либо иными законодательными актами, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка). Современные гражданские кодификации большинства постсоветских государств также закрепляют деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые (ст. 166 ГК РФ, ст. 215 ГК Украины, ст. 113 ГК Узбекистана).

Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые основывается на следующих принципах:

1) ничтожные сделки как не существующие для права недействительны изначально и автоматически, в то время как оспоримые могут стать недействительными только в силу оспаривания и аннулирования;

2) о ничтожности сделки может заявить любое заинтересованное лицо; признать оспоримую сделку недействительной имеют право только определенные лица, прямо предусмотренные законодательными актами;

3) ничтожность, если на сделке основываются подлежащие рассмотрению в суде требования или сделка имеет иное значение для разрешения дела, может и должна быть установлена по инициативе самого суда, независимо от заявления об этом заинтересованных лиц и даже вопреки их воле; аннулирование таким путем оспоримой сделки невозможно;

4) ничтожная сделка, по общему правилу, неисцелима; сделка оспоримая, напротив, во всякое время может быть подтверждена (одобрена) ее стороной, что влечет ее оздоровление.

Вместе с тем, закрепляя классификацию недействительных сделок, ни законодатель, ни доктрина не выработали единых и четких критериев для ее проведения. Формальное различие между порочными сделками проводится исключительно по порядку определения лица, которое вправе требовать признания сделки недействительной. Практическое значение выявления существенных закономерностей разделения сделок на ничтожные и оспоримые связано постоянным ростом количества нормативных правовых актов, устанавливающих недействительность сделок, в одних случаях в силу ничтожности, в других – в силу оспоримости.

В доктрине русского дореволюционного права использовалась классификация недействительных сделок исходя из критерия интереса.

Так, В. И. Синайский считал «сделку недействительной по оспоримости, если ею нарушен частный интерес, и ничтожной, если нарушен публичный интерес». Вместе с тем сам же автор признавал в качестве недостатка указанного критерия, «что самое разграничение публичного и частного интереса чрезвычайно трудно проводить на практике; здесь должен быть поэтому предоставлен простор для судьи, по крайней мере, в тех случаях, когда закон прямо не объявляет юридическую сделку ничтожной» [8, с. 167].

Г. Ф. Шершеневич, подразделяя недействительные сделки на ничтожные и опровержимые, также приходил к выводу, что различие между ними основывается на том, какие интересы имеет в виду закон, устанавливающий недействительность: исключительно ли интерес частного лица или же также и интерес всего общества [9, с. 126–127].

Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые проводится в зависимости от специфики основания недействительности: при совершении ничтожных сделок таким основанием является нарушение воли государства, а при совершении оспоримых сделок – нарушение юридически значимой для сделки воли определенного лица [10, с. 5]. По мнению современных авторов, такой подход, безусловно, имеет рациональную сущность, поскольку он подтверждает то, что требование о признании оспоримой сделки недействительной может быть предъявлено только лицами, прямо указанными в законе, т. е. наличие частного интереса, а требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки может быть предъявлено любым заинтересованным лицом, в том числе по инициативе суда, т. е. интерес гражданского оборота в целом [11, с. 95–96]. Вместе с тем отмечается его условный характер в силу близкого пересечения интересов частных и публичных в гражданском праве.

В качестве самостоятельных критериев разграничения ничтожных и оспоримых сделок в литературе также предлагается деление недействительных сделок в зависимости от наличия у них устранимых или неустранимых недостатков (возможности или невозможности исцеления) [12, с. 136].

Проведя глубокий анализ материальных и формальных критериев разграничения недействительных сделок, О. Д. Тузов сделал справедливый вывод о том, что ничтожность и оспоримость – всего лишь два инструмента законодательной политики, применяемые в зависимости от ее конкретных целей по усмотрению законодателя. Задача правовой науки состоит в том, чтобы выявить совместимость этих инструментов с указанными целями и сформулировать рекомендации по их адекватному использованию при принятии законодательных решений [13].

Новый виток дискуссии о критериях разграничения недействительных сделок был связан с изменениями, внесенными в институт недействительных сделок Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского Кодекса Российской Федерации».

Согласно ст. 168 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) в редакции Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Ничтожной является сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Таким образом, в качестве общего принципа закреплена оспоримость недействительных сделок, которая ранее уже была закреплена в гражданских кодексах отдельных государств (ГК Украины, ГК Республики Армения).

В норме ст. 168 ГК РФ (в редакции Закона от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ) законодатель поддержал подход к классификации недействительных сделок исходя из критерия защищаемого интереса (частного или публичного), как это было в русском праве. Ничтожной будет являться та сделка, которая нарушает публичные интересы или интересы третьих лиц, а оспоримой будет являться незаконная сделка, которая нарушает интересы самого контрагента. При этом по общему правилу все незаконные сделки являются оспримиыми.

Авторами реформы гражданского законодательства РФ предполагалось, что изменение презумпции ничтожности сделки, не соответствующей требованиям законодательства, будет направлено на усиление стабильности гражданского оборота, предоставление необходимой защиты прав и интересов добросовестных участников гражданских правоотношений, снижение количества споров о действительности договоров.

Довольно быстро стало понятно, что реализованный в ГК РФ подход не позволил достичь поставленных целей, а породил новые проблемные вопросы в судебной и правоприменительной практике. Действующий ГК РФ ввел размытые критерии ничтожных и оспоримых сделок и породил дополнительные трудности их

разграничения, а, кроме того, по-существу, расширил возможности признания сделок недействительными и увеличил число ничтожных сделок.

Из буквального толкования п. 1 ст. 168 ГК РФ можно сделать вывод, что ничтожной сделка будет являться в случаях:

- когда на ничтожность сделки прямо указано в законе;
- сделка посягает на публичные интересы;
- сделка нарушает охраняемые законом права и интересы третьих лиц.

Разъяснения по вопросам применения ст. 169 были даны в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В частности, в качестве примеров ничтожных сделок в силу прямого указания в законе названы: соглашение об устранении или ограничении ответственности лица, указанного в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ (п. 5 ст. 53.1 ГК РФ); соглашение участников товарищества об ограничении или устранении ответственности, предусмотренной в ст. 75 ГК РФ (п. 3 ст. 75 ГК РФ); сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ); мнимая или притворная сделка (ст. 170 ГК РФ); сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным вследствие психического расстройства (п. 1 ст. 171 ГК РФ); договор, предусматривающий передачу дара одаряемому после смерти дарителя (п. 3 ст. 572 ГК РФ); договор, устанавливающий пожизненную ренту в пользу гражданина, который умер к моменту его заключения (п. 3 ст. 596 ГК РФ); кредитный договор или договор банковского вклада, заключенный с нарушением требования о его письменной форме (ст. 820 ГК РФ, п. 2 ст. 836 ГК РФ) (п. 73).

Также Верховный Суд сделал попытку раскрыть понятие «публичные интересы» как «интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды» (п. 75).

В качестве специального основания ничтожности сделки выделены еще сделки, противоречащие основам правопорядка

и нравственности (так называемые антисоциальные сделки) (ст. 169 ГК РФ).

Данная норма в литературе называется одной из самых спорных и философских статей современного гражданского законодательства. Действительно, использование в данной норме таких субъективных, оценочных, «растяжимых» понятий как «основы правопорядка», «нравственность» существенно затрудняют ее практическое применение. На вопрос, какой, собственно говоря, должна быть по содержанию сделка, чтобы она не просто не соответствовала требованиям законов или иных правовых актов, как о том говорит «родственная» ст. 168 ГК РФ, а противоречила фундаментальным основам российского правопорядка или подрывала нравственные устои общества (ст. 169 ГК РФ), до сих пор не дано однозначного ответа. Очевидным является то обстоятельство, что данные основания могут применяться на практике, если так можно выразиться, «интуитивным способом», поскольку в каждом конкретном случае правоприменитель вынужден на основе личных представлений о добре и зле, морали и нравственности квалифицировать сделку по ст. 168 ГК РФ как сделку, не соответствующую требованиям законов и иных правовых актов, или же по ст. 169 ГК РФ как сделку, подрывающую основы правопорядка и нравственности [14].

Закрепление принципа оспоримости сделок, не соответствующих требованиям законодательства, было направлено на стабилизацию гражданского оборота и снижение количество споров о действительности договоров. Однако существенного влияния на расширение свободы договора и стабилизацию договорных отношений эта инверсия ничтожности на оспоримость не оказала, а лишь создала дополнительные проблемные вопросы.

Негативный опыт ближайших соседей был учтен при разработке изменений в ГК Республики Беларусь, которые завершились принятием 13 ноября 2023 г. Закона Республики Беларусь № 312-З «Об изменении кодексов». В ГК Республики Беларусь сохранилась классическая модель соотношения оснований ничтожности и оспоримости как *lex generalis* и *leges speciales*. Согласно ст. 169 ГК Республики Беларусь сделка, не соответствующая требованиям законодательства, ничтожна, если законодательный акт не устанавливает,

что такая сделка оспорима, или не предусматривает иных последствий нарушения.

Список использованных источников

1. *Красавчиков, О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков // Категории науки гражданского права: Избранные труды : в 2 т. – М., 2005. – Т. 2. – 494 с.
2. *Агарков, М. М.* Понятие сделки по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. – Т. II. – 452 с.
3. *Новицкий, И. Б.* Сделки. Исковая давность / И. Б. Новицкий. – М. : Госюриздат, 1954. – 247 с.
4. *Иоффе, О. С.* Советское гражданское право / О. С. Иоффе. – М. : Юрид. лит., 1967. – 494 с.
5. *Матвеев, И. В.* Правовая природа недействительных сделок / И. В. Матвеев. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 176 с.
6. *Рабинович, Н. В.* Недействительность сделок и ее последствия / Н. В. Рабинович. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. – 171 с.
7. *Шахматов, В. П.* Сделки, совершенные с целью, противной интересам государства и общества / В. П. Шахматов. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1966. – 140 с.
8. *Синайский, В. И.* Русское гражданское право (по изд. 1914 г.) / В. И. Синайский. – М. : Статут, 2002. – 638 с.
9. *Шершеневич, Г. Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Фирма «СПАРК», 1995. – 556 с.
10. *Гутников, О. В.* Оспоримые сделки в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. В. Гутников. – М., 2003. – 225 с.
11. *Желонкин, С. С.* О необходимости закрепления дефиниции ничтожных и оспоримых сделок в гражданском кодексе РФ / С. С. Желонкин // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2009. – № 8. – С. 95–97.
12. *Мындра, Д. И.* Недействительность сделки, не соответствующей закону или иным правовым актам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. И. Мындра. – Екатеринбург, 2003. – 192 с.
13. *Тузов, Д. О.* Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12. 00.03 / Д. О. Тузов. – Томск, 2006. – 66 с.
14. *Мыскин, А. В.* Два очерка из области цивилистики [Электронный ресурс] / А. В. Мыскин. – М. : Статут, 2015. – КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.

**О СООТНОШЕНИИ ДОГОВОРА
ОКАЗАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ УСЛУГ
И ДОГОВОРА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ
ИНФОРМАЦИИ**

Раюшкин В. К.

*аспирант Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030 Минск, Беларусь,
rayushkin.vladislav@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные характеристики, а также схожие и отличительные черты договора оказания информационных услуг и договора оказания услуг по предоставлению информации, получившего законодательное закрепление в Российской Федерации. Исследуются основные доктринальные подходы относительно предмета исследования. Основная направленность работы заключается в анализе этих двух договоров применительно к их схожим и отличительным чертам, эффективности их использования для юридического оформления оказания информационных услуг, в том числе опосредующих оборот больших данных.

Ключевые слова: большие данные; информационные услуги; договор оказания информационных услуг; договор оказания услуг по предоставлению информации.

**ABOUT THE RELATIONSHIP OF THE AGREEMENT
FOR PROVISION OF INFORMATION SERVICES
AND THE AGREEMENT ABOUT PROVIDING
INFORMATION**

Rayushkin V.

*Postgraduate student of the National Center for Legislation
and Legal Research of the Republic of Belarus,
Berson Str., 1a, 220030 Minsk, Belarus,
rayushkin.vladislav@mail.ru*

Abstract. The article discusses the main characteristics, as well as similar and distinctive features of an agreement for the provision of information services and an agreement for the provision of services for the provision of information, which has received legislative recognition in the Russian Federation. The main

doctrinal approaches regarding the subject of research are explored. The main focus of the work is to analyze these two agreements in relation to their similar and distinctive features, the effectiveness of their use for legal registration of the provision of information services, including those mediating the circulation of Big Data.

Keywords: big data; information services; agreement for the provision of information services; agreement for the provision of information services.

Согласно расчетам международных экспертов в ближайшие годы, вплоть до 2030 г., ожидается стремительный рост рынка больших данных (Big Data) (далее – большие данные) и их аналитики [1]. Такие процессы, имеющие огромное значение в масштабах мировой экономики, обусловлены, в первую очередь, огромным на данный момент и стремительно увеличивающимся спросом на информационные технологии (ИТ), применяемые в телекоммуникации, розничной торговле, в деятельности средств массовой информации, в сферах производства, здравоохранения, энергетики, образования, развлечения, в электронном правительстве, банковском деле, финансовых услугах, страховании и многом другом.

Как можем заметить, применение технологий больших данных получило свое развитие не только в сфере сугубо цифровых систем и деятельности ИТ-компаний, но и обозначило существенные перспективы роста выгод в уже давно устоявшихся и привычных сферах экономической и общественной жизни. Ввиду проведения в Республике Беларусь достаточно широкого комплекса мер по цифровизации, целью которых согласно Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси на 2021 – 2025 годы», утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66, является внедрение информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и разнообразные сферы жизнедеятельности общества, разработка вопросов внедрения технологий больших данных в гражданский оборот и как таковая их оборотоспособность, являются вопросами, требующими детальной проработки.

Исходя из этого особую актуальность приобретает выработка подходов к определению того, какие же виды договоров национального гражданского права являются наиболее подходящими

для сбора, обработки и предоставления информации при формировании больших данных как структурированной, так и неструктурированной информации огромных массивов.

Большие данные в самом общем виде представляют собой информацию. Ввиду этого следует обратиться к такому виду гражданско-правовых договоров, как договор оказания информационных услуг.

Отсутствие отдельной статьи Гражданского кодекса Республики Беларусь, посвященной данному договору, не препятствует широкому его применению в гражданском обороте. Кроме того, договор оказания информационных услуг все же поименован в п. 2 ст. 733 ГК. Данная норма закрепляет, что правила главы 39 «Возмездное оказание услуг» применяются, помимо стандартных и общепринятых договоров возмездного оказания услуг, еще и к некоторым другим, к числу которых и отнесен рассматриваемый договор оказания информационных услуг.

Ввиду этого, поскольку речь идет о разновидности договора оказания услуг, следует отметить, что основное отличие услуг от работ заключается в отсутствии материальной формы или овеществления результата их оказания. Информационная же услуга, помимо неовеществленного результата, складывается еще и по поводу нематериального объекта – информации, как независящих от формы и способа предоставления сведений о лицах, различного рода предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах объективной действительности.

В Российской Федерации понятие информационной услуги не закреплено в законодательстве. В связи с этим российские ученые предлагают свои варианты трактовки данного термина. Так, в своей докторской диссертации Л. Б. Ситдикова отмечает, что под информационной услугой следует понимать действия по поиску, сбору, хранению, переработке, систематизации, предоставлению и распространению определенной информации согласно требованиям заказчика [2, с. 21].

В отличие от законодательства Российской Федерации, в законодательстве Республики Беларусь термин «информационная услуга» получил свое закрепление. Согласно абз. 16 ст. 1 Закона Рес-

публики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» информационная услуга – деятельность по осуществлению поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления информации, а также защиты информации. Как видим из вышеизложенного определения, перечень возможных действий с информацией, осуществляемых через оказание информационных услуг, весьма широкий и в полной мере охватывающий все наиболее важные формы ее обращения в гражданском обороте. В подтверждение этого с положительной стороны отмечают данную формулировку белорусского законодательства некоторые российские ученые [3, с. 46]. Исходя из этого сделаем вывод, что определение, данное белорусским законодателем, является удачным и вполне применимым на практике.

Далее обратимся к характеристике информационных услуг с точки зрения разделения их на виды. Так, И. И. Родионов разделяет информационные услуги на следующие виды: подготовку источников информации; подготовку баз данных; выпуск печатных информационных изданий; информационное обслуживание, которое подразделяется на справочное (предоставление сведений об источниках информации или самой информации), избирательное распределение информации (сортировка новых поступлений на основе заранее сформулированного конечным потребителем тематического запроса), ретроспективный поиск информации (поиск сведений по определенной тематике или проблеме в информационных массивах) и предоставление копий источников информации [4]. Кроме того отметим, что в спектр информационных услуг, помимо оборота информации в электронной форме выражения, входят и различного рода ее вариации в документарной форме на бумажных носителях и т. д. Отсюда следует, перечень информационных услуг градируется от выпуска различного рода информационных изданий (библиографические указатели, сборники, справочные, обзорные издания), поиск информации, в том числе ретроспективный, предоставление доступа к различного рода базам данных, в том числе на бумажных носителях, консультирование, обучение и др.

Таким образом, на основе вышеизложенного выделим основные элементы гражданского правоотношения, опосредуемые данным договором:

- предметом договора возмездного оказания услуг будут являться действия по осуществлению поиска, получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения, распространения и (или) предоставления информации, а также защиты информации;
- субъектами данного вида гражданско-правовых договоров будут: обладатель информационных ресурсов или информации как таковой, в том числе в различных формах (исполнитель) и получатель информационной услуги и информации (заказчик). Особых требований к статусу сторон не установлено: любое физическое, юридическое лицо или государство может являться как обладателем информации, так и ее получателем;
- объектом договора оказания информационных услуг, по нашему мнению, выступает та информация, которую получает заказчик в процессе оказания информационной услуги.

В целом использование договора данного вида при сборе данных, формирующих массив информации в структуре технологии больших данных, обработке, накоплении, хранении, распространении и предоставлении таких данных, а также их защиты вполне возможно. И может применяться при отсутствии других более подходящих видов договоров, как раз созданных для введения в гражданский оборот цифровых объектов. Существенным же недостатком договора оказания информационных услуг в перспективе его использования для оборота больших данных и других цифровых объектов является чрезмерная универсальность его применения практически к любому виду сделок с информацией как таковой.

В Российской Федерации данный проблемный аспект юридического оформления услуг, связанных, в том числе с большими данными, был решен посредством дополнения в 2019 г. Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК Российской Федерации) ст. 783.1. Как указано в абз. 1 п. 5 Пояснительной записки Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части

первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» для решения вопроса о легализации сбора и обработки значительных массивов обезличенной информации (в обиходе – «big data») вводится конструкция договора об оказании услуг по предоставлению информации (новая ст. 783.1 ГК Российской Федерации). Кроме этого, согласно данному документу, задача новой ст. 783.1 ГК состоит не только в том, чтобы просто закрепить в ГК наименование договора (сделать его поименованным). Необходимо прямо решить экономическую задачу, стоящую перед сторонами сделки, отразить их интерес в том, чтобы передаваемая заказчику информация не использовалась третьими лицами («договором может быть предусмотрена обязанность одной из сторон или обеих сторон не совершать в течение определенного периода действий, в результате которых информация может быть раскрыта третьим лицам»).

Однако законодательное закрепление договора об оказании услуг по предоставлению информации вызвало ряд дискуссий относительно критериев разграничения его с упоминаемым ранее договором оказания информационных услуг. Так, Е. С. Борисова одним из основных отличий информационных услуг от услуг по предоставлению информации видит то, что в первом случае услуги направлены на удовлетворение информационных потребностей в какой-либо сфере, тогда как направленность услуг по предоставлению информации заключается не столько в удовлетворении потребностей, сколько в получении экономической выгоды от последующего использования предоставленной информации [5, с. 69]. Данную позицию поддерживает А. А. Слипченко, который считает, что информационная услуга заключается в предоставлении информационных продуктов. Примером этому может служить предоставление информации системой «КонсультантПлюс». В этом случае предоставляется большой массив информации в течение определенного периода времени [6, с. 273]. Изложенные позиции ученых весьма дискуссионны, однако вполне соответствуют мотивировке принятия данной статьи, изложенной российским законодателем в пояснительной записке к проекту изменений в ГК Российской Федерации.

Кроме этого, в договоре оказания услуг по предоставлению информации помимо основного обязательства по поводу самой информации может закрепляться сопутствующее основному обязательство о недопущении разглашения полученной по договору информации, а в договоре оказания информационных услуг для подобной цели представляется необходимым заключить отдельно договор «о неразглашении» или «о конфиденциальности» полученных по договору информационных услуг сведений.

В отношении предмета этих договоров существуют следующие подходы. Галаев А. Ю. считает, что предметом информационных услуг является деятельность, включающая в себя сбор, обработку, хранение или передачу сведений, результат которой характеризуется творческим и качественным исполнением [7, с. 22]. Однако с учетом такой позиции встает вопрос о статусе и защите прав на объект интеллектуальной собственности, входящий в состав такого результата оказания услуги. В этом случае, как считает Н. А. Дорохова, договор об оказании информационных услуг, результатом которого является создание объекта авторского права, нельзя смешивать с авторским договором. В отличие от последнего предметом рассматриваемого договора является не создание произведения и/или передача прав на его использование, а осуществление действий с информацией, т. е. договор об оказании информационных услуг не направлен на создание результата интеллектуальной деятельности (хотя и может привести к такому результату), интерес услугополучателя по договору об оказании информационных услуг состоит в ознакомлении с содержанием определенной информации, а не в получении прав на ее объективированное выражение (произведение) [3, с. 5]. Позиция Е. С. Боровой в целом соответствует мнениям вышеприведенных ученых, однако имеет и свои особенности. В своей работе она указывает, что предметом договора о предоставлении информации являются именно действия исполнителя по передаче ценных сведений заказчику, предоставлении к ним доступа либо иное отчуждение. Такая особенность конструкции данного договора исключает возможность ее использования на практике при реализации большинства услуг, реализуемых в рамках договора информационных

услуг. Кроме этого, автор выделяет, что в ряде случаев заключения договора об оказании услуг по предоставлению информации сам объект договора может одновременно быть и объектом, и результатом [8, с. 43].

Проведенный анализ свидетельствует о том, что договор оказания услуг по предоставлению информации является самостоятельной договорной конструкцией, намеренно отграничиваемой российским законодателем от давно устоявшегося договора оказания информационных услуг. Субъектный состав сторон (заказчик и исполнитель) и объект (в самом общем виде – информация) двух данных договоров предполагаются идентичными, различия, по нашему мнению, состоят в предмете и целях заключения этих гражданско-правовых договоров.

На наш взгляд, предмет договора оказания услуг по предоставлению информации является более узким и направленным на предоставление конкретной информации в форме цифровых данных, в отличие от предмета договора оказания информационных услуг, который видится нам не совсем подходящим вариантом в вопросе юридического оформления создания, обеспечения и оборота больших данных по причине широкой области его применения. Особенно ввиду появления необходимости конкретизировать и адаптировать правовое регулирование больших данных под государственные и общественные цели, что будет в будущем вытекать из развития и постепенного внедрения больших данных во многие, если не во все сферы социальных, экономических и политических отношений. Кроме того, именно через договор оказания услуг по предоставлению информации в Российской Федерации осуществляется обработка больших данных и машинного обучения для бизнеса, поскольку, в том числе для этих целей такой договор и был поименован.

Относительно цели заключения договора оказания услуг по предоставлению информации считаем, что учитывая закрепление в ст. 783.1 ГК Российской Федерации возможности обязать другую сторону не допустить раскрытие сведений, полученных по договору третьим лицам, представляется, что лицо, получающее по данному договору информацию, должно иметь представление о том, какие

сведения получит и для каких целей будет их использовать. По договору оказания информационных услуг сторона, в отношении которой осуществляется информационная услуга, может как осознать суть услуги и определить направления применения ее результатов, так и только лишь предполагать о результате оказываемой услуги. В вопросах получения по договору массива данных, необходимых для осуществления аналитики в рамках технологии больших данных, цель использования такого массива для осуществления аналитической деятельности программным обеспечением является заранее определенной, а общее представление о форме и структуре – бесспорным, даже при объективной невозможности представлять содержание отдельных структурных элементов массива в частном порядке.

В заключение отметим, что в гражданском законодательстве Республики Беларусь на данный момент такая договорная конструкция, как договор оказания услуг по предоставлению информации, в отличие от российского подхода, отсутствует. В связи с этим считаем уместной возможность применения к обороту и коммерческому использованию больших данных гражданско-правового договора такого вида, как договор оказания информационных услуг. Вместе с тем, на наш взгляд, внедрение в белорусский гражданский оборот договора возмездного оказания услуг по предоставлению информации вполне разумно, обоснованно и может положительно сказаться на обороте больших данных в стране.

Список использованных источников

1. 2022–2029 Global Big Data and Analytics Professional Market Industry Reports [Electronic resource]. – Date of access: <https://www.360researchreports.com/2022-2029-global-big-data-and-analytics-professional-market-20142092>. – Date of access: 28.12.2023.

2. *Ситдикова, Л. Б.* Правовое регулирование отношений в сфере оказания информационных и консультационных услуг в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Л. Б. Ситдикова. – М., 2009. – 50 с.

3. *Дорохова, Н. А.* Договоры об оказании информационных услуг / Н. А. Дорохова. – М. : Проспект, 2022. – 176 с.

4. *Родионов, И. И.* Мировой рынок информационных услуг. Электронная деловая и коммерческая информация. Технологии электронных коммуникаций. Мировой рынок информационных услуг / И. И. Родионов. – М. : Б. и., 1993. – Вып. Т. 13. – 242 с.

5. *Борисова, Е. С.* Из истории правового регулирования договора об оказании услуг по предоставлению информации / Е. С. Борисова // Вестн. экономики, права и социологии. – 2020. – № 2. – С. 66–70.

6. *Слипченко, А. А.* Гражданско-правовой договор об оказании услуг по предоставлению информации / А. А. Слипченко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 3. – С. 271–275.

7. *Галаев, А. Ю.* Договор возмездного оказания информационных услуг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Ю. Галаев. – М., 2009. – 22 с.

8. *Борисова, Е. С.* К вопросу о единстве и дифференциации договора информационных услуг и договора об оказании услуг по предоставлению информации / Е. С. Борисова // Национальная ассоциация ученых. – 2020. – № 59–2(59). – С. 42–44.

ДЕРОГАЦИОННЫЙ ЭФФЕКТ СОГЛАШЕНИЯ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОДСУДНОСТИ

Романова О. Н.

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права,
юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
romanovaon@bsu.by*

Аннотация. Исследуется проблема допустимости соглашений о международной подсудности с точки зрения субъектного состава. Критически оценивается недопустимость заключения дерогационных соглашений между субъектами, местонахождение или местожительство которых находится в Республике Беларусь. Предлагается идти не по пути запрета заключения подобных соглашений, а по пути установления процессуальных правил, позволяющих суду оценивать эти соглашения с точки зрения, в том числе, соблюдения разумного баланса частных и публичных интересов, с учетом конкретных обстоятельств.

Ключевые слова: международный гражданский процесс; международная подсудность; пророгационные соглашения; дерогационные соглашения.

THE DEROGATORY EFFECT OF THE AGREEMENT ON INTERNATIONAL JURISDICTION

Romanova O.

*PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Procedure and Labour Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
romanovaon@bsu.by*

Abstract. The article examines the problem of the admissibility of agreements on international jurisdiction from the point of view of the subject composition. The inadmissibility of concluding derogation agreements between entities whose location or domicile is in the Republic of Belarus is critically assessed. It is proposed not to follow the path of prohibiting the conclusion of such agreements, but to establish procedural rules that allow the court to evaluate these agreements

from the point of view, including compliance with a reasonable balance of private and public interests, taking into account specific circumstances.

Keywords: international civil procedure; international jurisdiction; prorogation agreements; derogation agreements.

Действующее цивилистическое процессуальное законодательство (Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь) предоставляет субъектам материальных правоотношений право выбирать суд, который будет компетентен рассматривать их спор. При этом свобода выбора компетентного суда декларируется применительно как к национальным (не осложненным иностранным элементом), так и трансграничным правоотношениям (ст. 52, 237 ХПК, ст. 49, 546 ГПК). То есть законодательством Республики Беларусь предусмотрена возможность выбора не только между различными судами внутри единой судебной системы Республики Беларусь, но и возможность выбора между судами различных государств, которая реализуется посредством заключения пророгационных (дерогационных) соглашений. По существу, дерогационные и пророгационные соглашения представляют собой две стороны одного правового явления: пророгационные – это выбор в пользу судов определенного государства, а дерогационные – исключение компетенции судов определенного государства. В этой связи, для обозначения такого рода соглашений в юридической литературе часто используется один термин – пророгационные соглашения. При этом следует, на наш взгляд, согласиться с тем, что более правильно говорить именно о пророгационном и дерогационном эффектах пророгационного соглашения [1, с. 114; 2; 3, с. 75].

Правовое регулирование пророгационных соглашений в Республике Беларусь отличается предельной краткостью, что не может не порождать определенное количество проблем, каждая из которых требует отдельного исследования (в частности, проблема применимого права, условий действительности данных соглашений, субъективные пределы и многие другие). Настоящая статья посвящена анализу проблемы допустимости соглашений о международной подсудности с точки зрения субъектного состава, а точнее одного из аспектов способности сторон заключать соглашение с дерогационным эффектом – их национальной принадлежности.

ГПК (ч. 1 ст. 546) предоставляет сторонам возможность определить подсудность дела иностранному суду письменным соглашением. Из системного толкования данной нормы можно сделать вывод о том, что правом заключить соглашение о подсудности с дерогационным по отношению к судам Республики Беларусь эффектом обладают стороны, одна из которых является иностранной: во-первых, ст. 546 ГПК расположена в разделе X «Международный гражданский процесс»; во-вторых, в отсылочной норме ст. 53 ГПК прямо предусмотрено, что условием применения ряда статей раздела X ГПК, в том числе и интересующей нас ст. 546 ГПК, является особый субъектный состав дела – одной из сторон должен быть гражданин или юридическое лицо другого государства.

В отличие от ГПК, в котором прямо предусмотрена возможность сторон определить своим соглашением подсудность дела суду Республики Беларусь или иностранному суду, ХПК регулирует порядок заключения только соглашений о подсудности с пророгационным по отношению к судам Республики Беларусь эффектом (ст. 237 ХПК). При этом правом заключить такое соглашение наделяются «стороны, хотя бы одна из которых является иностранным лицом». Соответственно, в компетенцию экономических судов входит рассмотрение споров и в тех случаях, когда «обе стороны пророгационного соглашения являются иностранными лицами» (абзац второй п. 9 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 31 октября 2011 г. № 21 «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц», далее – постановление № 21).

Впрочем, это не означает, что по экономическому спору заключение соглашений о подсудности с дерогационным по отношению к судам Республики Беларусь эффектом невозможно. В свое время Высший Хозяйственный Суд изложил свою позицию по этому вопросу в уже названном нами постановлении. Так, в силу п. 9 соглашения о подсудности может предусматривать передачу спора в суд иностранного государства, при этом, очевидно, речь идет о том же субъектном составе: хотя бы одна из сторон – иностранная. При наличии такого соглашения экономический суд по заявлению ответчика, сделанному до представления возражений по существу иска, если иное не установлено международным договором, прекращает

производство по делу в связи с тем, что спор не подлежит рассмотрению в экономическом суде (абзац второй ст. 149 ХПК).

Отметим, что в проекте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (принят во втором чтении Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь 31 января 2024 г.) установлена возможность определения подсудности дел не только суду Республики Беларусь, но и иностранному суду (ст. 510). При этом, как и в ХПК, прямо называется допустимый субъектный состав подобных соглашений – хотя бы одна из сторон должна быть иностранной.

В принципе, сама потенциальная возможность заключения соглашения о подсудности с дерогационным по отношению к Республике Беларусь эффектом и его успешная реализация в иностранной юрисдикции, причем вне зависимости от субъектного состава (наличия/отсутствия иностранного лица) и вне зависимости от наличия/отсутствия соответствующей нормы права в процессуальном законодательстве Республики Беларусь сомнений вызывать не должна, ведь его действительность (допустимость) подпадает, прежде всего, под *lex fori* и, следовательно, будет оцениваться судом-адресатом указанного соглашения по своему (национальному) законодательству. Таким же образом будет действовать и суд Республики Беларусь, который будет оценивать действительность пророгационного соглашения по законодательству Республики Беларусь на основании ст. 237 ХПК и (подчеркнем это, забегая немного вперед в своих рассуждениях) с большой долей вероятности признает свою компетенцию на основании пророгационного соглашения резидентов одного иностранного государства, в том числе и в случае, когда спорное правоотношение не будет иметь связи с территорией Республики Беларусь (при условии, что такое соглашение не изменяет исключительной компетенции иностранного суда). В отличие от государств общей системы права, где действует доктрина *forum non conveniens* (неудобного суда) и суд может отказать признать свою юрисдикцию, если посчитает, что имеется более подходящий, удобный и доступный суд, в Республике Беларусь подобное правовое регулирование отсутствует.

Проблема оценки дерогационного соглашения на территории Республики Беларусь возникнет в том случае, когда одна из сторон

соглашения обратится, вопреки договоренности, в суд Республики Беларусь по правилам подсудности, установленным в ГПК или ХПК. Или когда в суд Республики Беларусь поступит ходатайство о признании и разрешении принудительного исполнения иностранного суда, чья компетенция была установлена дерогационным соглашением. И помимо прочего, суд Республики Беларусь будет оценивать субъектный состав соглашения с точки зрения наличия в нем иностранного элемента. Поскольку, как следует из разъяснения Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, данного в свое время в постановлении от 23 декабря 2005 г. № 34 «О подсудности споров после уступки требования или перевода долга» (далее – постановление № 34), споры с участием сторон – резидентов Республики Беларусь не могут быть переданы на разрешение как иностранных государственных, так и иностранных арбитражных (третейских) судов, так как юрисдикция экономических судов распространяется на всю территорию Республики Беларусь (п. 5). «В случае принятия решений иностранными судами и иностранными арбитражными судами по спорам, сторонами в которых являются только лица, местонахождение или место жительства которых находится в Республике Беларусь, в признании и приведении в исполнение на территории Республики Беларусь этих решений должно быть отказано в связи с отнесением споров в силу закона к компетенции экономических судов. Удовлетворение ходатайства о признании и приведении в исполнение таких решений будет противоречить публичному порядку Республики Беларусь» (п. 6 постановления № 34).

По всей видимости указанная позиция является актуальной и в настоящее время. Единственное исключение из этого правила предусмотрено Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», в соответствии с п. 22 которого споры из акционерных соглашений (договоров) могут быть переданы по соглашению сторон этих сделок на рассмотрение иностранных судов или арбитражей (третейских судов) вне зависимости от гражданства (места жительства) физических лиц или места учреждения (регистрации, места деятельности) юридических лиц, являющихся такими сторонами.

Насколько такая позиция, изложенная в постановлении № 34, оправдана? Ведь, как известно, иностранный элемент может выражаться не только в субъектном составе. Вместе с тем, повторимся, если субъектами спора являются резиденты Республики Беларусь, иные обстоятельства, иные варианты осложнения правоотношения иностранным элементом в настоящее время значения не имеют и не влияют на оценку пророгационного соглашения как недействительного в юрисдикции Республики Беларусь.

Полагаем, что для ответа на данный вопрос следует учитывать следующее. Прежде всего, проблема соглашений о подсудности, в том числе международной, является частным случаем общей проблемы договорного регулирования процессуальных отношений. Дискуссионными, в частности, являются вопросы допустимости заключения непоименованных в законе процессуальных соглашений, правовой природы и, соответственно, применимого права к процессуальным соглашениям, а также многие другие вопросы, связанные с перечисленными (порядок заключения, форма, субъективные и объективные пределы действия и т. д.). Применительно к соглашениям о подсудности, как минимум одна проблема снимается – заключение такого рода соглашений прямо предусмотрено процессуальным законодательством, международными договорами и, соответственно, вопрос о допустимости их заключения с этой точки зрения не стоит.

Следует отметить, что в юридической литературе нет единства мнений относительно того, что лежит в основе свободы процессуальных договоров и в основе ее ограничений. Чаще всего речь ведется о том, что возможность распоряжаться процессуальными правами является следствием материально-правовой автономии воли сторон. «На процессуальные отношения принцип автономии воли сторон прямо не распространяется, но он находит свое выражение в диспозитивных и состязательных началах гражданского судопроизводства» [4, с. 102]. «Функциональная эквивалентность материально-правовых и процессуальных средств регулирования отношений [4, с. 88] также свидетельствует в пользу распространения на процессуальные отношения частнопроводного принципа свободы договора» [4, с. 102]. Авторы противоположного мнения (например, G. Baumgärtel) полагают, что материально-правовые свободы

не образуют достаточного основания для свободного использования сделок в процессуальных отношениях. Считается, что эти отношения нельзя подчинять усмотрению сторон, в особенности когда затрагиваются конституционные гарантии надлежащего правосудия (например, процессуальное равенство сторон, право на законного судью, право быть выслушанным в суде, право на справедливое судебное разбирательство) [Цит. по: 4, с. 103].

Возвращаясь к анализу дерогационного эффекта соглашений о международной подсудности, хотелось бы отметить, что по мнению авторитетных в области международного гражданского процесса ученых, свобода выбора компетентного суда соответствует либеральному пониманию судебного процесса [5, с. 208]. При этом подчеркивается, что «пророгация как расширение внутренних границ деятельности суда безопасна. Иное дело дерогация. Она ведет к тому, что существующие материально-правовые требования не могут быть реализованы в судебном порядке внутри страны. Это нуждается в оправдании» [5, с. 215]. «Верным объяснением этого явления может быть принцип диспозитивности (свободного распоряжения сторонами объектом процесса). Насколько сторонам дозволено распоряжаться предметом спора, настолько они также могут определять судьбу всего судебного процесса в целом, в том числе они могут отказаться от рассмотрения спора в национальном суде [5, с. 216]. Не существует публичного интереса в реализации частного права вопреки воле заинтересованных лиц, от которого нельзя было бы отказаться» [5, с. 216]. Другое дело, что «неписаное условие пророгации состоит в том, что, по крайней мере, одна из сторон или фактические обстоятельства свидетельствуют о наличии внутренней связи со страной [5, с. 212, 213]. То есть когда связь правоотношения с территорией государства суда имеется, доводы в пользу свободы заключения соглашения о подсудности представляются вполне убедительными. В том случае, когда стороны выбирают суд третьего государства, к которому ни стороны, ни договор не имеют никакого отношения, заключать пророгационные соглашения, как справедливо отметил Т. В. Сысуев, «бесмысленно с практической точки зрения» [6, с. 4], хотя и в этом случае автор делает оговорку, что возможны исключения, когда «по каким-либо причинам сторонам или одной из них

необходимо, чтобы последствия законной силы судебного решения реализовывались на территории определенной третьей страны» [6, с. 4].

То есть потенциальную возможность возникновения у сторон разумного интереса в разрешении своего спора в иностранной юрисдикции отрицать невозможно. При этом очевидно, что свобода реализации этого частного интереса – интереса в выборе места суда – абсолютной быть не может и должна ограничиваться в целях защиты слабой стороны правоотношения или публичных интересов [7, с. 73]. Мы абсолютно согласны с утверждением, что ограничение свободы выбора суда допустимо в той мере, «в какой получаемый при этом социально значимый эффект оправдывает вторжение государства в частную сферу отношений, превышает создаваемые при этом неудобства и обременения для сторон» [7, с. 73]. В этой связи есть основания сомневаться в том, что субъектному составу спора (а точнее, национальной принадлежности субъектов) следует придавать определяющее значение, когда речь идет об установлении ограничений права на выбор места суда. Не вполне понятно, какой социально значимый эффект в этом случае достигается, особенно в ситуации, когда правоотношение осложнено иным (не имеющим отношение к субъекту) иностранным элементом. Что касается противоречия публичному порядку, к чему апеллировал Высший Хозяйственный Суд, то, безусловно, важность этого «запасного механизма обеспечения безопасности» [8, с. 9], применяемого в случаях, когда затрагиваются фундаментальные интересы государства [8, с. 9], сложно переоценить. С другой стороны, как нам представляется, делать вывод об изначальном противоречии публичному порядку пророгационных соглашений исключительно на основании национальной принадлежности субъектов, не принимая во внимание другие обстоятельства, не вполне правильно. В связи с чем полагаем целесообразным в этом вопросе идти не по пути запрета заключения подобных соглашений, а по пути установления процессуальных правил, позволяющих суду оценивать эти соглашения с точки зрения, в том числе, соблюдения разумного баланса частных и публичных интересов с учетом конкретных обстоятельств.

Список использованных источников

1. *Сысуев, Т. В.* Пророгационное и дерогационное действие пророгационных соглашений / Т. В. Сысуев // Развитие судебной власти в Республике Беларусь : материалы междунар. кругл. стола, Минск, 20 апр. 2017 г. / БГУ, юрид. фак., каф. угол. процесса и прокурор. надзора ; редкол.: А. А. Данилевич (отв. ред.), О. В. Петрова, В. И. Самарин. – Минск : БГУ, 2017. – С. 114–118.
2. *Шукин, А. И.* Вопросы подсудности в международных договорах с участием России : моногр. [Электронный ресурс] / А. И. Шукин // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.
3. *Гетьман-Павлова, И. В.* Международный гражданский процесс : учеб. для вузов / И. В. Гетьман-Павлова, А. С. Касаткина, М. А. Филатова ; под общ. ред. И. В. Гетьман-Павловой. – 2-е изд. – М. : Изд-во «Юрайт», 2023. – 341 с.
4. *Елисеев, Н. Г.* Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 ; 12.00.15 / Н. Г. Елисеев ; МГИМО. – М., 2016. – 481 с.
5. *Шак, Х.* Международное гражданское процессуальное право : учебник / Х. Шак ; пер. с нем. Е. В. Гречишниковой. – М. : БЕК, 2001. – 518 с.
6. *Сысуев, Т. В.* Рекомендации по составлению пророгационных соглашений / Т. В. Сысуев // Промышл.-торговое право. – 2017. – № 6. – С. 78–83.
7. *Рожкова, М. А.* Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения : моногр. / М. А. Рожкова, Н. Г. Елисеев, О. Ю. Скворцов ; под общ. ред. М. А. Рожковой. – М. : Статут, 2009. – 525 с.
8. *Крохалев, С. В.* Категория публичного порядка в международном гражданском процессе / С. В. Крохалев. – Екатеринбург, СПб.: Изд-во Урал. гос. юрид. акад.: Изд. Дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. – 468 с.

СОГЛАШЕНИЕ О ДЕТЯХ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Русенчик Т. М.

*старший преподаватель кафедры гражданского права,
юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 8, 220030 Минск, Беларусь,
tarus-m@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются отдельные специфические особенности соглашения о детях. Автором обосновывается необходимость внесения дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье в целях обеспечения защиты прав и законных интересов детей, четкой регламентации договорного регулирования отношений родителей.

Ключевые слова: соглашение о детях; правоотношение родителей и детей; родители; ребенок; дети.

PARENTING AGREEMENT: SOME CHARACTERISTICS ACCORDING TO THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Rusenchyk T.

*Senior Lecturer, Department of Civil Law, Law Faculty,
Belarusian State University,
Leningradskaya Str., 8, 220030, Minsk, Belarus,
tarus-m@yandex.ru*

Abstract. The article reviews specific characteristics of a parenting agreement. The author justifies the need to make additions to Belarus Marriage and Family Code in order to protect the rights and legitimate interests of children, and regulate parental relations in a clear way.

Keywords: parenting agreement; parent and child rights and responsibilities; parents; child; children.

Правовые отношения между родителями и детьми характеризуются вариативностью и сложностью содержания, что обуславливает определенные проблемы их правового регулирования.

Отношения между родителями и детьми являются самой уязвимой сферой семейно-правового регулирования [1, с. 15]. Поэтому они в большей мере подвержены императивному регулированию, нежели супружеские отношения. Несмотря на то, что императивные предписания определяют не только содержание, но и механизм осуществления родительских прав и исполнения обязанностей, законодатель допускает возможность их регулирования посредством тех или иных договорных конструкций, одним из которых является соглашение о детях.

Несмотря на активную научную дискуссию в отношении соглашения о детях и сегодня в законодательстве нет решения по отдельным вопросам. В частности, не определен порядок изменения и расторжения нотариально удостоверенного соглашения о детях. Не конкретизированы пределы родительского усмотрения. Не урегулирован вопрос о возможности заключения такого соглашения родителями, лишенными родительских прав. Открытым остается вопрос о возможности заключения соглашения о детях между родителем и близкими родственниками ребенка. В литературе не исследовался вопрос относительно влияния признания одного родителя недееспособным или ограничено дееспособным на саму возможность существования соглашения о детях.

В науке семейного права много внимания уделяется анализу специфических особенностей и юридических признаков отдельных правовых конструкций и институтов.

Специфика соглашения о детях раскрывается, как правило, через его особенности, которые, на наш взгляд, исследованы недостаточно полно. К специфическим особенностям соглашения о детях относятся:

- не влечет возникновение семейного правоотношения;
- специальный субъектный состав;
- личный характер;
- вариативность содержания;
- ограниченный характер свободы усмотрения сторон;
- срочный характер действия;
- безвозмездный характер;

- особый характер прав и обязанностей сторон;
- невозможность изменения и расторжения в одностороннем порядке;
- возможность принудительного исполнения.

Соглашение о детях обладает отдельными признаками сделки (правомерность, действие сторон), но его специфика заключается в том, что оно не влечет возникновение семейного правоотношения [2, с. 174], не создает родительские права и обязанности и не прекращает их [3, с. 110]. Данный договорный инструмент позволяет конкретизировать существующие родительские права и обязанности и урегулировать механизм их реализации на альтернативной основе. По этой причине соглашение о детях следует рассматривать в качестве дисциплинирующего документа, который призван психологически удерживать его стороны в рамках правового поля.

Специальный субъектный состав соглашения о детях определяется нормативно. Законодатель указывает, что сторонами соглашения о детях являются родители (ч. 1 ст. 761 КоБС). Субъектный состав характеризуется тем, что его стороны выступают по отношению друг к другу в особом качестве – родители общего ребенка – и имеют специфическую социальную характеристику (члены семьи, родители несовершеннолетних детей).

Предпосылкой для заключения данного соглашения является происхождение ребенка, удостоверенное в установленном законом порядке. При этом не имеет значения состоят (или состояли ранее) родители ребенка в зарегистрированном браке или нет, проживают (проживали ранее) совместно или нет [1, с. 18; 4, с. 149; 5, с. 249].

Актуальным является вопрос о возможности родителей, лишенных родительских прав, быть сторонами соглашения о детях. Соглашаясь с мнением Л. А. Хурцилава о том, что возможность заключить соглашение о детях родителями, лишенными родительских прав, исключается [4, с. 149], считаем, что заключать соглашение с родителем, лишенным родительских прав, недопустимо. Однако полагаем, что если соглашение о детях было заключено родителями, а впоследствии в отношении одного из них было вынесено решение

о лишении родительских прав, то такое соглашение может продолжать действовать в части, не противоречащей законодательству о браке и семье, при условии, что оно не нарушает права и законные интересы ребенка и второго родителя (например, если соглашением определено место жительства ребенка со вторым родителем (не лишенным родительских прав)). Если же решение о лишении родительских прав было вынесено в отношении обоих родителей, то соглашение о детях должно подлежать прекращению, за исключением случаев, когда такое прекращение ухудшает положение ребенка (например, если размер алиментов на детей по соглашению о детях был выше, чем размер алиментов, установленный КоБС). Однако о возможности продолжения действия соглашения о детях или о его прекращении, во-первых, должно быть прямо указано в законе, во-вторых, при вынесении решения о лишении родительских прав суд должен сделать специальное указание об этом в самом решении с учетом обеспечения наилучших интересов ребенка.

Открытым остается вопрос о возможности заключения соглашения о детях между родителем и иными родственниками ребенка (например, родителем и дедом (бабкой) ребенка), права которых регламентируются ст. 78 КоБС за счет расширения субъектного состава данного соглашения. Действующий императив ч. 1 ст. 761 КоБС такой возможности не предоставляет. В этой связи представляется ошибочным мнение авторов о том, что «закон не исключает возможность заключения соглашения о детях между родителем и отчимом (мачехой) ребенка [6, с. 34–35]. Следует учитывать, что ч. 2 ст. 78 КоБС указывает на необходимость определения порядка общения ребенка с близкими родственниками на основании судебного решения только при наличии спора о праве между родителем ребенка и указанными лицами. При этом, декларируя права близких родственников на общение с ребенком и гарантируя их защиту, законодатель не упоминает о возможности бесспорного регулирования отношений между ними и родителем (родителями) ребенка на основании соглашения. Полагаем, что расширение субъектного состава соглашения о детях на данном этапе нецелесообразно. Однако потребность в бесспорном регулировании от-

ношений ребенка и его близких родственников существует и может быть реализована за счет расширения перечня договорных конструкций в семейном праве Республики Беларусь (например, за счет включения в КоБС соглашения о порядке общения ребенка с родственниками).

Личный характер соглашения о детях свидетельствует о том, что права и обязанности сторон не могут переходить к третьим лицам [3, с. 109; 6, с. 35; 7, с. 79], а также не допускают возможность заключения соглашения о детях через представителя. В литературе встречается мнение, что предписания соглашения о детях могут определить права и обязанности родителей в отношении детей как уже имеющих (другими словами, уже рожденных детей), так и будущих [6, с. 34]. Полагаем, что личный характер соглашения о детях вытекает из личного характера правоотношения, возникающего между родителями и детьми, и распространяется не только на родителей, но и на ребенка, в отношении которого такое соглашение заключается. Считаем, что при наличии у родителей нескольких несовершеннолетних детей, соглашение необходимо заключать в отношении каждого ребенка отдельно, поскольку возраст, пол ребенка, а также иные характеристики могут оказывать существенное влияние на содержание соглашения о детях. Заключение же соглашения о детях в отношении «будущих детей» представляется принципиально невозможным в силу того, что правоотношение между родителями еще не возникло (нет правоустанавливающего факта) [4, с. 149; 5, с. 250], а соглашение о детях не может служить самостоятельным основанием возникновения данного правоотношения [2, с. 174; 3, с. 110].

Вариативность содержания соглашения о детях проявляется в свободе усмотрения родителей в выборе вопросов (комбинации вопросов), подлежащих урегулированию в соглашении. В соответствии с ч. 2 ст. 761 КоБС в соглашении о детях родители могут определить: с кем из них будут проживать дети, порядок общения с детьми и участия в их воспитании отдельно проживающего родителя, размер алиментов на детей, порядок выезда детей из Республики Беларусь. Данный перечень не является закрытым, следовательно родители вправе включать в содержание соглашения любой

из перечисленных вопросов по отдельности или сочетать их, либо включить в содержание соглашения иные вопросы, не поименованные законодателем. Вариативность содержания делает соглашение о детях универсальным инструментом для регулирования отношений между родителями, позволяющим в бесспорном порядке разрешить вопросы, связанные с обеспечением и защитой прав и законных интересов их общего ребенка. Но свобода усмотрения родителей в части определения содержания соглашения о детях не является безграничной.

Ограниченный характер свободы усмотрения сторон является следующей особенностью соглашения о детях, что проявляется в двух аспектах. Во-первых, заключение такого соглашения не должно нарушать права и законные интересы детей и других лиц и не должно противоречить законодательству (ч. 2 ст. 761 КоБС). Во-вторых, учитывая действующую редакцию КоБС, в предмет соглашения о детях не могут быть включены вопросы, которые ранее уже были разрешены вступившим в законную силу судебным постановлением либо урегулированы Брачным договором или Соглашением о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей (далее – Соглашением об алиментах) (ч. 1 ст. 761 КоБС). Считаем, что подобный ограничительный подход законодателя по вопросу возможности включения в предмет соглашения о детях вопросов, урегулированных родителями в заключенных ранее соглашениях, является избыточным, поскольку он не учитывает длящийся характер отношений родителей и детей, и как следствие, – изменчивый во времени объем правомочий в правоотношении родителей и детей. Как справедливо указывает О. Ю. Ильина «в этот период происходит не только физиологическое взросление ребенка, но и другие изменения в его нравственном, физическом, духовном развитии. Даже пресловутый график общения с родителем, проживающим отдельно от ребенка, объективно будет меняться по мере перехода ребенка из возраста посещения детского сада в период обучения в начальной школе и т. д.» [1, с. 18].

При наличии вступившего в законную силу решения суда изменять или отменять его положения любым соглашением недопу-

стимо. В этом случае родители могут снова обратиться в суд с соответствующим требованием, и суд вправе рассмотреть дело с учетом новых обстоятельств (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 сентября 2004 г. № 11 «О практике рассмотрения судами споров, связанных с воспитанием детей»).

Другое дело, когда речь идет о бесспорном порядке регулирования отношений родителей по поводу их несовершеннолетних детей. Полагаем, что законодатель, устанавливая данное ограничение, преследовал цель не допустить конкуренции разных договорных конструкций при регулировании одного и того же вопроса между родителями [1, с. 21]. Однако нам видится, что возможная в этом случае коллизия положений нескольких соглашений может быть решена относительно просто. За основу следует взять правила, регулирующие отмену и изменение завещания (ст. 1049 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Аналогичное правило в КоБС могло бы выглядеть следующим образом: «Если один и тот же вопрос урегулирован родителями в нескольких соглашениях, то применению подлежит то соглашение, которое было заключено позже».

Следующей особенностью соглашения о детях является срочный характер. Положения действующего законодательства устанавливают четко определенный срок действия соглашения о детях (до достижения совершеннолетия) [1, с. 18; 3, с. 109]. Не оспаривая срочный характер соглашения, поддерживаем мнение о целесообразности распространения его действия в отношении совершеннолетних нетрудоспособных детей (например, в части регулирования вопросов их содержания) за счет предоставления родителям возможности определять срок действия соглашения о детях в самом соглашении [5, с. 252–253].

Безвозмездность соглашения о детях указывает на то, что осуществление родителем права и исполнение обязанности не могут быть связаны со встречным имущественным предоставлением. Другими словами, определение порядка общения с ребенком отдельно проживающего родителя не является основанием для каких-либо выплат другому родителю.

Особый характер прав и обязанностей сторон соглашения о детях заключается в том, что праву одного родителя корреспондирует

обязанность второго содействовать в осуществлении права или не препятствовать в его осуществлении, что согласуется с положениями ч. 2 ст. 201 КоБС. При этом родители как стороны соглашения о детях не являются в известном смысле кредитором и должником друг для друга. Следует учитывать, что положения ч. 2 ст. 201 КоБС формально распространяются на отношения супругов, а на отношения супругов – родителей несовершеннолетних детей они распространяются лишь косвенно. Полагаем, что такое положение дел является пробелом в регулировании отношений родителей и детей, в связи с чем считаем, что КоБС нуждается в соответствующем дополнении.

Важной особенностью соглашения о детях, характерной и для иных соглашений в семейном праве (например, брачный договор (ст. 13 КоБС), Соглашение об алиментах (ст. 1033 КоБС), на которую обращается внимание в специальной литературе [8, с. 49], является невозможность изменения или расторжения соглашения о детях в одностороннем порядке. Однако данный вопрос применительно к соглашению о детях в настоящее время не нашел должного регулирования в КоБС, что, по нашему мнению, требует максимально быстрого устранения, учитывая востребованность данной договорной конструкции (нотариусами Белорусской нотариальной палаты были удостоверены в 2020 г. – 76, в 2021 г. – 183, в 2023 г. – 261 соглашений о детях).

Полагаем, что изменение или расторжение соглашения о детях по аналогии с брачным договором или Соглашением об алиментах возможно только в случае достижения об этом соответствующего соглашения между родителями либо если имеется вступившее в законную силу решение суда.

Если соглашение о детях изменяется или расторгается родителями в бесспорном порядке, то следует учитывать два момента. Во-первых, необходимость изменения или расторжения соглашения о детях может возникнуть в любой момент в связи с его вариативностью. Во-вторых, соответствующие изменения должны быть произведены в той же форме (письменная с последующим нотариальным удостоверением), что и само Соглашение о детях (по аналогии, например с Соглашением об уплате алиментов (ст. 1033 КоБС)).

Причем в свете ранее отмеченного, полагаем, что изменение соглашения о детях возможно как путем внесения изменений в ранее заключенное родителями соглашение о детях, так и путем заключения ими другого соглашения.

Если согласие между родителями об изменении или расторжении соглашения о детях не достигнуто, то этот вопрос подлежит разрешению в судебном порядке. Вместе с тем полагаем, что законодательный подход, закрепленный в ч. 8 ст. 13 КоБС относительно брачного договора (в части отсылки к нормам ГК), неприменим в отношении соглашения о детях. В данном случае целесообразнее использовать правила о порядке изменения и расторжения Соглашения об уплате алиментов, закрепленные в ст. 1033 КоБС.

Возможность принудительного исполнения соглашения о детях основывается на положении ч. 5 ст. 761 КоБС, согласно которой в случае нарушения одним из родителей положений соглашения второй вправе обратиться в суд за исполнительным листом. Исполнительный документ, выданный на основании соглашения о детях, подлежит исполнению в порядке, установленном законодательством об исполнительном производстве.

Проанализированные особенности соглашения о детях в Республике Беларусь характеризуют его как универсальный инструмент для регулирования отношений между родителями, позволяющий в бесспорном порядке разрешить вопросы, связанные с обеспечением и защитой прав и законных интересов их общего ребенка.

Соглашение о детях является правовым средством, которое призвано дисциплинировать и психологически удерживать его стороны в рамках правового поля.

Анализ законодательства Республики Беларусь свидетельствует о том, что правовое регулирование соглашения о детях нуждается в совершенствовании.

На основании изложенного предлагаем внести в КоБС соответствующие изменения и дополнения:

1. Дополнить ч. 2 ст. 76 КоБС после слов «Соглашения о детях.» словами следующего содержания «Родители обязаны строить свои взаимоотношения на основе взаимоуважения и взаимопомощи

с целью наилучшего обеспечения прав и законных интересов ребенка. Родители обязаны содействовать в реализации каждым из них своих прав и обязанностей».

2. Дополнить ст. 761 КоБС после ч. 2 частями следующего содержания:

- «Односторонний отказ от исполнения Соглашения о детях или одностороннее изменение его условий не допускаются».

- «Соглашение о детях может быть изменено или расторгнуто в любое время по взаимному согласию родителей».

- «Изменение или расторжение Соглашения о детях должны быть произведены в той же форме, что и само Соглашение о детях».

- «При существенном нарушении Соглашения о детях другой стороной или при существенном изменении материального или семейного положения родителей и недостижении ими соглашения об изменении или о расторжении Соглашения о детях заинтересованная сторона вправе обратиться в суд с иском об изменении или о расторжении Соглашения о детях. При решении вопроса об изменении или о расторжении Соглашения о детях суд вправе учесть любой заслуживающий внимания интерес сторон».

3. Дополнить ст. 78 КоБС после ч. 1 частями следующего содержания:

- «Порядок общения ребенка с лицами, перечисленными в ч. 1 настоящей статьи, может быть определен в Соглашении о порядке общения ребенка с родственниками.»

- «Соглашение о порядке общения ребенка с родственниками заключается лицами, перечисленными в ч. 1 настоящей статьи, с родителями (единственным родителем) ребенка в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению».

4. Дополнить ст. 82 КоБС после ч. 1 частью следующего содержания:

«В случае лишения родительских прав обоих родителей заключенное ими Соглашение о детях прекращает действие с момента вступления в законную силу решения суда, если это не ухудшает положение ребенка».

Список использованных источников

1. *Ильина, О. Ю.* Конкуренция соглашений о детях в семейном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь / О. Ю. Ильина // Вестн. Тверского гос. ун-та. Серия Право. – 2022. – № 4(72). – С. 15–22.
2. *Короткевич, М. П.* Договорное регулирование личных неимущественных прав и обязанностей родителей в брачном договоре и соглашении о детях / М. П. Короткевич // Семейное право: современные проблемы теории и практики: материалы междунар. круглого стола, Минск, 16–17 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 172–183.
3. *Савельев, Д. Б.* Соглашения в семейной сфере : учеб. пособие / Д. Б. Савельев. – М. : Проспект, 2023. – 144 с.
4. *Хурцилава, Л. А.* Субъектный состав соглашения о месте жительства детей при раздельном проживании родителей / Л. А. Хурцилава // Юридич. науки. – 2007. – № 5. – С. 149–152.
5. *Русенчик, Т. М.* Соглашение о детях как способ осуществления прав и обязанностей родителей / Т. М. Русенчик // Семейное право: современные проблемы теории и практики : материалы междунар. кругл. стола, Минск, 16–17 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 247–253.
6. *Минько, Н.* Договоры в семейном праве: соглашение о детях / Н. Минько, О. Чередниченко // Юстиция Беларуси. – 2017. – № 9. – С. 33–36.
7. *Басалыга, И. С.* Соглашение об уплате алиментов и соглашение о детях в праве стран СНГ / И. С. Басалыга // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 5. – С. 76–80.
8. *Денисюк, С. П.* Некоторые особенности правовой природы соглашений в семейном праве России / С. П. Денисюк // Вестн. Санкт-Петербург. юридич. акад. – 2019. – № 4(45). – С. 47–50.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА АВТОНОМИИ ВОЛИ
В КОЛЛИЗИОННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ТРАНСГРАНИЧНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

Синкевич К. В.

*старший преподаватель кафедры гражданского права,
юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
sinkevich_kv@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются изменения, предусмотренные Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» в части правил реализации автономии воли в сфере коллизионного регулирования договорных обязательств.

Кроме того, на основании сравнительной характеристики подходов к нормативному закреплению принципа автономии воли в источниках коллизионного регулирования различного уровня, автором формулируются направления по дальнейшему совершенствованию белорусского законодательства.

Ключевые слова: международное частное право; принцип автономии воли; договорные обязательства с иностранным элементом; Закон об изменении кодексов.

**CURRENT ISSUES
OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE
OF AUTONOMY OF WILL IN CONFLICT REGULATION
OF CROSS-BORDER CONTRACTUAL OBLIGATIONS**

Sinkevich K.

*Senior Teacher at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
sinkevich_kv@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the changes provided for by the Law of the Republic of Belarus of November 13, 2023 № 312-Z «On Amendments to Codes» in terms of the rules for the implementation of autonomy of will in the field of conflict of laws regulation of contractual obligations.

In addition, based on the comparative characteristics of approaches to the normative consolidation of the principle of autonomy of will in sources of conflict of laws regulation at various levels, the author formulates directions for further improvement of Belarusian legislation.

Keywords: private international law; the principle of autonomy of will; contractual obligations with a foreign element; Law on Amendments to Codes.

В силу принципа автономии воли участники (участник) частно-правовых отношений, осложненных иностранным элементом, вправе самостоятельно осуществить выбор подлежащего применению права.

В настоящее время принцип автономии воли проявляет устойчивую тенденцию к универсальности, поскольку в той или иной степени охватывает коллизионное регулирование практически всех групп частноправовых отношений, находит отражение в национальном, интеграционном, а также международном праве.

Так, обращение к принципу автономии воли допускается при коллизионном регулировании односторонних сделок, внедоговорных обязательств, вещных прав, брачно-семейных, наследственных отношений и т. д.

Вместе с тем классической сферой применения принципа автономии воли остается коллизионное регулирование договорных обязательств с иностранным элементом, в которой наиболее отчетливо проявляется свобода волеизъявления сторон, присущая как сфере материального, так и коллизионного регулирования упомянутых обязательств.

В законодательстве Республики Беларусь принцип автономии воли основывается на ст. 1124 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Следует отметить, что Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон об изменении кодексов) в ГК Беларуси внесены обширные изменения, в том числе касающиеся сферы коллизионного регулирования договорных обязательств. Указанные изменения вступят в силу с 19 ноября 2024 г. Новации направлены на устранение существующих пробелов правового регулирования и обусловлены, в частности, необходимостью гармонизации с гражданским законодательством

государств – членов Евразийского экономического союза. В рамках настоящей статьи представляется необходимым сосредоточиться на тех из них, которые касаются правил реализации автономии воли в сфере коллизионного регулирования договорных обязательств.

При проведении сравнительной характеристики подходов к нормативному закреплению принципа автономии воли автор обращается к нормам Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее – ГК РФ), Регламента (ЕС) № 593/2008 Европейского Парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (далее – Регламент Рим I) и Принципов выбора права в международных коммерческих контрактах, утвержденных 19 марта 2015 г. (далее – Гаагские принципы), что обусловлено следующими причинами.

В Европейском союзе унифицированные подходы к коллизионному регулированию договорных обязательств с иностранным элементом нашли отражение в Регламенте Рим I, который учел весь передовой мировой опыт коллизионного регулирования договорных трансграничных обязательств и оказал влияние на правотворчество в том числе в тех странах, которые не являются членами Европейского союза.

Интерес к исследованию российского законодательства обусловлен, в частности, участием Республики Беларусь и Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе, на уровне целенаправленного сближения права отводится значительная роль.

Гаагские принципы разработаны авторитетной международной организацией и во многих своих положениях отражают подходы, которые уже нашли отражение в деятельности международных коммерческих арбитражей. Кроме того, согласно п. 3 Преамбулы Гаагских принципов, последние могут использоваться для толкования, дополнения и разработки норм международного частного права (далее – МЧП).

Следует отметить, что опосредует реализацию принципа автономии воли в частноправовых отношениях с иностранным элементом акт избрания компетентного правопорядка, применительно к которому в доктрине МЧП, как правило, употребляется понятие

«соглашение о применимом праве». Необходимым элементом гражданско-правовых соглашений выступает «взаимное согласие сторон» [1]. Таким образом, формой выражения взаимного волеизъявления сторон на выбор компетентного правопорядка является соглашение о применимом праве. Подобная формализация выбора применимого права наиболее характерна для сферы коллизионного регулирования договорных обязательств (например, белорусский законодатель в ст. 1124 ГК Беларуси применительно к акту избрания применимого права оперирует понятием «соглашение сторон о выборе подлежащего применению права»).

При этом важно подчеркнуть, что выбор права, применимого к частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом, может представлять собой и одностороннее выражение волеизъявления лица на применение определенного правопорядка. Как правило, односторонний выбор применимого права предопределяется необходимостью предоставления коллизионно-правовой защиты «слабой» стороне правоотношения (потребители, потерпевший в деликтных обязательствах и др.) или используется применительно к коллизионному регулированию односторонних сделок, что соответствует их материально-правовой природе как юридических актов, для совершения которых необходимо и достаточно выражения воли одной стороны.

Применительно к сфере коллизионного регулирования договорных обязательств примером допустимости одностороннего выбора применимого права в целях предоставления коллизионно-правовой защиты «слабой» стороне правоотношения выступает определение компетентного правопорядка к форме трансграничного потребительского договора. Так, согласно абзацу третьему п. 1 ст. 1209 ГК РФ, при наличии обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 1212 ГК РФ (то есть в ситуации пассивного потребления), к форме договора с участием потребителя по его выбору применяется право страны места жительства потребителя.

Таким образом, прослеживается воздействие на коллизионное регулирование формы потребительского договора одного из важнейших принципов обязательственного права – принципа защиты «слабой» стороны в обязательстве. Повышенная правовая защита

потребителя обеспечивается посредством предоставления возможности выбора применимого права к форме потребительского договора посредством одностороннего волеизъявления потребителя.

Следует подчеркнуть, что аналогичным образом в материально-правовой сфере нормы о защите прав потребителей устанавливают положения, которые направлены на повышенную правовую защиту потребителя не только в части регулирования содержания договора, но и в части правил о форме сделки (например, материальное право некоторых стран для действительности отдельных потенциально обременительных условий содержит требования, чтобы последние были изложены более крупным шрифтом либо чтобы под ними стояла подпись потребителя [2, с. 276].

В белорусском законодательстве автономия воли (как и иные коллизионные вопросы договорных обязательств) не регламентируется обособленно для коммерческих и потребительских договоров. Отсутствие специальных правил, содержащих особенности определения применимого права к трансграничному потребительскому договору (в том числе к его форме) представляет собой существенный пробел законодательства Республики Беларусь.

Современной тенденцией реализации принципа автономии воли в коллизионном регулировании договорных обязательств является отсутствие временных ограничений принципа автономии воли.

Согласно п. 1 ст. 1124 ГК Беларуси стороны могут договориться о применимом праве как при заключении договора, так и в последующем. По данному вопросу реализации принципа автономии воли подходы ГК Беларуси, ГК РФ (п. 1 ст. 1210), Регламента Рим I (п. 2 ст. 3) и Гаагских принципов (п. 3 ст. 2) совпадают.

При этом в п. 1 ст. 1124 ГК Беларуси нормативно не урегулирована ситуация, связанная с возможностью сторон изменить ранее осуществленный выбор применимого права.

Согласно п. 3 ст. 2 Гаагских принципов «выбор может быть сделан или изменен в любое время». В п. 2 ст. 3 Регламента Рим I также уточняется, что любое изменение в определении подлежащего применению права, которое происходит после заключения договора, не затрагивает формальную действительность договора в значении ст. 11 и не наносит ущерба правам третьих лиц.

В п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (далее – ППВС РФ № 24) разъясняется, что стороны вправе выбрать или изменить ранее выбранное применимое право после заключения договора.

Законом об изменении кодексов не предусматривается корректировка п. 1 ст. 1124 ГК Беларуси в этой части. Вместе с тем вывод в поддержку расширительного толкования анализируемой нормы белорусского законодательства и распространения ее действия на последующее изменение выбранного права, следует из анализа правоприменительной практики [3].

Согласно п. 3 ст. 1124 ГК Беларуси выбор сторонами по договору подлежащего применению права, сделанный после заключения договора, имеет обратную силу и считается действительным с момента его заключения без ущерба для прав третьих лиц.

Следует отметить, что одним из наиболее значительных изменений, предусмотренных Законом об изменении кодексов, является подчинение вопроса о форме сделки договорному статуту (п. 1 ст. 1116 ГК Беларуси).

Подчинение формы сделки договорному статуту, а не статуту места заключения сделки, влечет за собой внесение вполне оправданных изменений в п. 3 ст. 1124 ГК Беларуси, который дополняется условием о действительности последующего выбора права без ущерба для действительности сделки с точки зрения требований к ее форме.

При ином подходе, последующий выбор применимого права (или его изменение) может привести к ужесточению требований относительно формы договора и последствий ее несоблюдения. Как отмечается в юридической литературе, «в таком случае при последующем избрании применимого права для регулирования взаимоотношений сторон по уже действующему международному коммерческому контракту было бы нелогично и нецелесообразно попасть в ситуацию, при которой контракт окажется недействительным по форме» [4].

Внесение указанного изменения соответствует современным тенденциям в сфере коллизионного регулирования договорных

обязательств, которые нашли отражение в анализируемых источниках коллизионного регулирования (п. 2 ст. 3 и ст. 11 Регламента Рим I, п. 3 ст. 1210 и ст. 1209 ГК РФ).

Согласно п. 2 ст. 1124 ГК Беларуси допускается как явно выраженный выбор применимого права, так и подразумеваемый (или молчаливый).

В трансграничных контрактах с участием белорусских субъектов хозяйствования зачастую стороны формулируют свое волеизъявление на выбор компетентного правопорядка следующим образом: к правам и обязанностям по договору подлежит применению право Республики Беларусь. Включая подобные оговорки в контракт стороны сужают сферу действия договорного статута, которая значительно шире и не ограничивается правами и обязанностями сторон.

Вместе с тем белорусская правоприменительная практика свидетельствует о том, что подобные оговорки толкуются расширительно, т. е. как относящиеся ко всем вопросам, входящим в сферу действия договорного статута [5].

Представляется, что сложившаяся ситуация обусловлена действующей формулировкой п. 1 ст. 1124 ГК Беларуси: стороны договора могут избрать право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору. Аналогичным образом в региональных международных договорах, участницей которых является Республика Беларусь, признается возможность выбора правопорядка, применимого к правам и обязанностям контрагентов по сделке.

Законом об изменении кодексов предусмотрена новая редакция п. 1 ст. 1124 ГК Беларуси, в котором акцент будет сделан на праве, «которое подлежит применению к их договору».

Следует отметить, что важные изменения коснулись также ст. 6 ГК Беларуси. Во-первых, в указанной норме закрепляется приоритет норм международных договоров и, во-вторых, исключается отнесение международных договоров Республики Беларусь к действующему законодательству. Указанные новации непосредственным образом влияют в том числе и на сферу коллизионного регулирования договорных обязательств с иностранным элементом, что можно проиллюстрировать на следующем примере.

На практике стороны различным образом формулируют в договоре международной купли-продажи свое волеизъявление на выбор компетентного правопорядка. Например, в договоре стороны могут выбрать в качестве регулятора своих правоотношений внутреннее национальное законодательство и включить в договор международной купли-продажи оговорку следующего содержания: «К настоящему контракту и правоотношениям, возникающим из него или в связи с ним, применяется законодательство Республики Беларусь».

Универсальной унификацией материально-правовых норм, регулирующих договор международной купли-продажи товаров, является Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (г. Вена, 11 апреля 1980 г.) (далее – Венская конвенция 1980 г.).

Включая в контракт оговорку о выборе внутреннего национального законодательства в качестве регулятора отношений сторон, следует учитывать, что понятие «законодательство» не идентично понятию «право», и толкование подобной оговорки может привести правоприменителя к выводу об исключении применения Венской конвенции 1980 г., которая носит диспозитивный характер.

Следует отметить, что, согласно действующей редакции ст. 6 ГК Беларуси, нормы международных договоров включаются в национальное гражданское законодательство. В настоящее время правоприменительная практика свидетельствует, что включение в контракт оговорки о выборе в качестве регулятора договора международной купли-продажи законодательства Республики Беларусь не исключает применение Венской конвенции 1980 г. Со ссылкой на часть вторую ст. 6 ГК Беларуси суды определяют возможность регламентации отношений сторон по договору международной купли-продажи указанным международным договором [6].

На основании Закона об изменении кодексов ст. 6 ГК Беларуси изложена в новой редакции.

Внесение данного изменения обусловлено необходимостью приведения ст. 6 ГК Беларуси в соответствие с Законом Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. (в редакции от 11 мая 2018 г.) № 421-3 «О международных договорах Республики Беларусь». В указанном

нормативном правовом акте не воспроизводится положение о том, что нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, являются частью действующего на территории Республики Беларусь законодательства.

Оценивая данное изменение правового регулирования, Конституционный Суд Республики Беларусь в решении от 7 мая 2018 г. № Р-1123 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О международных договорах Республики Беларусь» отметил, что наряду с актами внутригосударственного законодательства – законами Республики Беларусь, декретами и указами Президента Республики Беларусь, подзаконными нормативными правовыми актами, международные договоры Республики Беларусь входят в систему действующего на территории Республики Беларусь правового регулирования, т. е. их нормы являются составной частью действующего права.

Вместе с тем, представляется, что в ситуации, когда стороны в контракте выбирают в качестве применимого «законодательство», а не «право», следует учитывать не только непосредственно оговорку, но и все обстоятельства данного дела, свидетельствующие в пользу применения или же неприменения положений Венской конвенции 1980 г. Так, например, если стороны включили в контракт оговорку о выборе белорусского законодательства, при этом требования истца и возражения ответчика основываются на нормах Венской конвенции 1980 г., есть основания полагать, что стороны не имели намерение исключить ее применение.

Однако следует согласиться с мнением, что такая ситуация – включение в договор оговорки о выборе в качестве применимого права внутреннего национального законодательства – создает фактическую возможность для последующих спекуляций одной из сторон, связанных с подбором более благоприятного для себя правового регулирования [7]. Рассматриваемый вопрос приобретает особую актуальность ввиду внесения изменений в ст. 6 ГК Беларуси, предусмотренных Законом об изменении кодексов.

В ГК РФ (п. 2 ст. 1210), Регламенте Рим I (п. 1 ст. 3) и Гагских принципах (ст. 4) отражен подход, заключающийся в том, что для

констатации подразумеваемого выбора применимого права достаточно, чтобы такой выбор следовал из положений договора или обстоятельств дела.

Согласно новой редакции п. 2 ст. 1124 ГК Беларуси подразумеваемая воля сторон на выбор компетентного правопорядка должна явно вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела.

В силу п. 4 ст. 1124 ГК Беларуси стороны договора могут избрать подлежащее применению право как для договора в целом, так и для отдельных его частей. Такая ситуация именуется в доктрине МЧП расщеплением или делением договорного статута.

Допускается расщепление договорного статуса в п. 1 ст. 3 Регламента Рим I и п. 4 ст. 1210 ГК РФ.

Согласно п. 2 ст. 2 Гаагских принципов стороны могут выбрать: а) применимое право ко всему договору или только к его части; и б) разное право для применения к разным частям договора.

Следует обратить внимание, что, допуская расщепление договорного статута, законодатели вводят квалифицирующий признак – отдельные части договора. В Официальном отчете к Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам (Рим, 19 июня 1980 г.) акцентировалось внимание на понятии «делимый» (severable) договор. В документе подчеркивалось, что расщепление договорного статута допустимо в тех случаях, когда договор хотя и является одним договором, но на самом деле состоит из нескольких договоров или частей, которые могут быть разделены и независимы друг от друга с юридической и экономической точек зрения [8].

Расщепление договорного статута наиболее актуально применительно к трансграничным смешанным договорам, так как позволяет учесть особенности обязательственных правоотношений, которые складываются внутри той или иной сделки [9, с. 74].

Актуально раздробление правового регулирования применительно к сложноструктурированным долгосрочным сделкам, которые получили широкое распространение в международной торговле. Так, в юридической литературе отмечается, что, заключая трансграничный дистрибьюторский договор, возможно подчинить отношения сторон, связанные с передачей прав на объекты интел-

лектуальной собственности праву страны местонахождения правообладателя, а отношения, направленные на организацию сбытовой сети, – праву страны местонахождения дистрибьютора. При таком расщеплении договорного статута будут учтены императивные нормы тех юрисдикций, с которыми соответствующие отношения реально связаны [9, с. 76].

Согласно п. 29 ППВС РФ № 24 расщепление договорного статута допустимо при условии, что применение различного права для отдельных частей одного договора не порождает непреодолимых противоречий и не влечет признания договора или его части недействительным или незаключенным. При наличии таких противоречий суд признает соглашение о применимом праве неисполнимым и определяет договорный статут на основании коллизионных норм, применимых при отсутствии соглашения сторон о выборе права.

Вместе с тем представляется, что сам факт наличия таких противоречий является достаточным основанием для того, чтобы правоприменительный орган признал неисполнимость оговорки о применимом праве. Например, если в договоре международной купли-продажи стороны подчиняют права и обязанности продавца праву одного государства, а права и обязанности покупателя – праву другого государства, очевидно, что подобные противоречия не влекут признания договора недействительным или незаключенным, но тем не менее такая оговорка не может квалифицироваться как надлежащий выбор применимого права. Поскольку в договоре купли-продажи права одной стороны корреспондируют обязанностям другой, применение различных правопорядков к вышеуказанным отношениям не представляется возможным.

Следует отметить, что оценочный характер носит категория «непреодолимые противоречия», что может способствовать неограниченному усмотрению правоприменительного органа в решении вопроса о их наличии в соглашении о применимом праве.

Согласно Гаагским принципам, соглашение о выборе применимого права рассматривается как самостоятельное и независимое от основного договора. Как следствие, выбор права не может быть

оспорен только на том основании, что договор, к которому оно применяется, является недействительным (ст. 7).

Часть 4 п. 26 ППВС РФ № 24 закрепляет, что в силу принципа автономности соглашения о применимом праве недействительность, незаключенность или прекращение основного договора сами по себе не влекут недействительности или неисполнимости оговорки о применимом праве.

ГК Беларуси не содержит правил, закрепляющих автономный характер соглашения о применимом праве по отношению к самому договору.

Вместе с тем полагаем, что автономность соглашения о применимом праве следует из толкования иных правовых норм. Так, согласно ст. 1127 ГК Беларуси в сферу действия договорного статута включаются, в частности, вопросы последствий ничтожности или недействительности договора. Ввиду открытого перечня вопросов, входящих в сферу действия договорного статута, полагаем, что вопрос о заключенности договора также охватывается применимым правом, что подтверждается в том числе правоприменительной практикой [10]. Таким образом, оценка действительности и (или) заключенности самого договора будет осуществляться на основании норм применимого права, избранного в том числе по соглашению между сторонами договора в силу принципа автономии воли.

Согласно Гагским принципам, вопрос о том, «согласились ли стороны на выбор права», по общему правилу подчиняется праву страны, на применение которого, как предполагается, стороны дали согласие (п. 1а ст. 6). Как отмечается в юридической литературе, разработчики Гагских принципов умышленно ушли от использования терминов «действительность» и (или) «заключенность» соглашения о применимом праве, в связи с тем, что эти термины имеют различные значения в разных странах, вследствие чего возрастает возможность оспаривать соглашение и ставить под угрозу правовую определенность [11, с. 53].

В юридической литературе акцентируется внимание на необходимости разграничивать вопросы «допустимости» соглашения о применимом праве и его «действительности».

Согласно абз. 3 п. 26 ППВС РФ № 24 действительность соглашения о применимом праве по основаниям, связанным с наличием порока воли, а также заключенность такого соглашения как разновидности гражданско-правовой сделки определяются на основании права, указанного сторонами в соглашении о применимом праве. В соответствии с абзацем вторым п. 26 ППВС РФ № 24 суд определяет допустимые пределы выбора применимого права в соглашениях сторон (например, допустимость выбора применимого права после заключения договора, для отдельных частей договора) на основании российского права. Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации разграничил вопросы допустимости выбора применимого права (а также его пределов) и действительности (а также заключенности) соглашения о применимом праве, подчинив первые *lex fori*, а вторые – *lex voluntatis* [12, с. 37].

Аналогичным образом п. 5 ст. 3 в совокупности с п. 1 ст. 10 Регламента Рим I относит вопросы существования и материальной действительности согласия сторон на выбор применимого права к выбранному сторонами праву. Вместе с тем само право сторон на выбор установлено непосредственно Регламентом Рим I и не требует дополнительных отсылок [12, с. 39].

ГК Беларуси не содержит правил, закрепляющих порядок отыскания права, на основании которого оценивается юридическая сила соглашения о применимом праве.

Следует отметить, что Гаагские принципы определяют также сферу действия выбранного сторонами договора права на случай заключения в последующем договора уступки требования (ст. 10). На практике не исключена ситуация, когда договор уступки подчиняется праву другого государства, вследствие чего возникает вопрос о том, какие правоотношения регулируются правом, выбранным первоначальными сторонами договора, а какие правом, выбранным цедентом и цессионарием [11, с. 53].

Согласно ст. 10 Гаагских принципов в случае договорной уступки прав кредитора в отношении должника, возникающих из договора между должником и кредитором, а) если стороны договора уступки выбирают право, регулирующее этот договор, то выбранное право регулирует взаимные права и обязательства кредитора и цессио-

нария, возникающие из их договора; б) если стороны договора между должником и кредитором выбрали право, регулирующее этот договор, то выбранное право регулирует вопрос о том, можно ли ссылаться на эту уступку в отношении должника; права цессионария в отношении должника; и вопрос о том, были ли выполнены обязательства должника.

В европейском и российском законодательстве содержится специальное коллизионное регулирование трансграничной цессии. Пункт 1 ст. 14 Регламента Рим I при определении права, подлежащего применению к договорным отношениям цедента и цессионария, отсылает к общим правилам Регламента Рим I, посвященным определению права, применимого к договору. Статья 3 Регламента Рим I определяет принцип «автономии воли» в качестве основополагающего начала определения применимого права, а также устанавливает правила его реализации. Предоставляя возможность в п. 1 ст. 14 Регламента Рим I выбрать применимое право и одновременно преследуя цель предоставления коллизионно-правовой защиты должнику, европейский законодатель вводит ограничения автономии воли, связанные с содержанием договорного статута.

В п. 38 Преамбулы Регламента Рим I разъясняется, что термин «отношения» не должен пониматься как затрагивающий любое отношение, которое может существовать между цедентом и цессионарием. Данный термин должен быть строго ограничен теми аспектами, которые непосредственно затрагивают соответствующую уступку требования.

Из сферы действия права, применимого к договору уступки, европейский законодатель исключил следующие вопросы: возможность уступки требования, отношения между цессионарием и должником, условия юридической действительности уступки для должника и возможность утраты требованием силы в результате исполнения обязательства должником. Указанные вопросы, согласно п. 2 ст. 14 Регламента Рим I, входят в сферу действия права, которое регулирует уступаемое требование.

Подчеркнем, что перемена лиц в обязательстве ведет к изменению только субъектного состава правоотношения, тогда как его содержание остается неизменным. Применительно к коллизионному

регулированию указанное означает, что цессионарий, вступая в отношения с должником, попадает в сферу действия права, применимого к договору, требования по которому уступаются [13, с. 329].

При ином подходе правовые нормы правопорядка, избранного компетентным к договору уступки, могли бы оказать влияние на положение должника, например, при правовой оценке вопроса о надлежащем исполнении обязательства должником перед кредитором.

В российском законодательстве специальное коллизионное регулирование трансграничной цессии нашло отражение в ст. 1216 ГК РФ. Анализ соответствующих норм позволяет констатировать, что по данному вопросу подходы, отраженные в ст. 14 Регламента Рим I и ст. 1216 ГК РФ, в целом совпадают.

Специальное коллизионное регулирование трансграничной уступки требования в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. Согласно ст. 1127 ГК Беларуси уступка требования включена в сферу действия договорного статута. Буквальное толкование норм белорусского законодательства позволяет сделать вывод о том, что выбор сторонами трансграничного договора применимого права распространяется и на регулирование договора уступки требования. При таком подходе, цедент и цессионарий фактически лишены возможности определить право, подлежащее применению к заключенному между ними договору уступки. При этом следует учитывать, что цессионарий не принимал участия в выборе компетентного правопорядка по первоначальному договору, права по которому уступаются.

Современные тенденции развития МЧП свидетельствуют, что основным принципом коллизионного регулирования правоотношений между цедентом и цессионарием является автономия воли. Данный подход представляется обоснованным, так как учитывает, что договор уступки является самостоятельной гражданско-правовой конструкцией, что в свою очередь, предопределяет право сторон такого договора на выбор применимого права. При этом с целью обеспечения коллизионно-правовой защиты должника в источниках коллизионного регулирования вводятся ограничения автономии воли, связанные с содержанием договорного статута.

Подводя итог анализу реализации принципа автономии воли в договорных обязательствах, осложненных иностранным элементом, необходимо отметить следующее. Предоставляемая в силу принципа автономии воли свобода выбора применимого права может быть реализована посредством: 1. достижения соглашения о применимом праве; 2. одностороннего волеизъявления лица на выбор компетентного правопорядка (в том числе из ограниченного перечня вариантов, что находит выражение в альтернативных коллизионных нормах). Применительно к сфере коллизионного регулирования договорных обязательств допустимость одностороннего выбора применимого права предопределяется, в частности, необходимостью предоставления коллизионно-правовой защиты «слабой» стороне правоотношения (например, потребителю в трансграничных потребительских договорах).

В законодательстве Республики Беларусь принцип автономии воли основывается на ст. 1124 ГК Беларуси, в которую Законом об изменении кодексов вносится ряд существенных изменений. В частности, п. 3 ст. 1124 ГК Беларуси дополняется условием о действительности последующего выбора права без ущерба для действительности сделки с точки зрения требований к ее форме. Кроме того, либерализуются требования к обоснованию наличия молчаливой воли сторон на выбор компетентного правопорядка.

Важные изменения коснулись также ст. 6 ГК Беларуси, в которой, во-первых, закрепляется приоритет норм международных договоров и, во-вторых, исключается отнесение международных договоров Республики Беларусь к действующему законодательству. Данные новации непосредственным образом влияют как на коллизионное регулирование гражданско-правовых отношений с иностранным элементом в целом, так и на коллизионное регулирование трансграничных договорных обязательств, в частности.

Сравнительная характеристика подходов к нормативному закреплению принципа автономии воли, основанная на анализе норм ГК РФ, Регламента Рим I и Гаагских принципов, демонстрирует, что по ряду ключевых вопросов подходы ГК Беларуси отражают современные тенденции в части правил реализации принципа автономии воли в коллизионном регулировании трансграничных

договорных обязательств. Речь идет об отсутствии временных ограничений автономии воли, возможности деления договорного статута, формах выражения волеизъявления сторон на выбор применимого права.

Ряд отличий связан с отсутствием нормативного закрепления принципа автономности соглашения о применимом праве от самого договора, правил отыскания права, на основании норм которого оценивается юридическая сила соглашения о применимом праве. Кроме того, в белорусском законодательстве отсутствует специальное коллизионное регулирование трансграничной цессии и потребительских договоров с иностранным элементом.

Представляется, что при последующем совершенствовании национального коллизионного регулирования подходы, предлагаемые Гаагскими принципами, Регламентом Рим I и ГК РФ, могут быть приняты во внимание белорусским законодателем.

Список использованных источников

1. Демин, А. А. Договор и соглашение: соотношение понятий [Электронный ресурс] / А. А. Демин. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-i-soglashenie-sootnoshenie-ponyatiy>. – Дата доступа: 09.01.2024.

2. Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ ; отв. ред. И. С. Зыкин, А. В. Асосков, А. Н. Жильцов. – М. : Статут, 2021. – 665 с.

3. Решение Международного арбитражного суда при Белорусской торговой-промышленной палате, 21 марта 2006 г., дело № 534/49-05 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр». – Минск, 2024.

4. Мещанова, М. В. Современные подходы к использованию принципа «Lex voluntatis» в международных коммерческих контрактах [Электронный ресурс] / М. В. Мещанова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2024.

5. Решение хозяйственного суда Брестской области, 2 апр. 2004 г., дело № 246-4/2003 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр». – Минск, 2024.

6. Решение экономического суда Гродненской области, 13 окт. 2014 г., дело № 164-8/12/2014 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр». – Минск, 2024.

7. *Мещанова, М. В.* Принцип «автономии воли сторон» в договорах международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс] / М. В. Мещанова // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/28738/1/16_%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf. – Дата доступа: 09.01.2024.

8. *Giuliano, M.* Report on the Convention on the law applicable to contractual obligations / М. Giuliano, P. Lagarde [Electronic resource]. – Mode of access: [https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31980Y1031\(01\):EN:HTML](https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31980Y1031(01):EN:HTML). – Date of access: 09.01.2024.

9. *Мажорина, М. В.* Выбор применимого права к трансграничным смешанным и непоименованным договорам / М. В. Мажорина // Журн. российск. права. – 2012. – № 10. – С. 72–81.

10. Решение экономического суда Минской области, 1 дек. 2017 г., дело № 206-14/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр». – Минск, 2024.

11. *Царёва, Л.* Гаагские принципы выбора права в международных коммерческих контрактах: сфера применения и основные положения / Л. Царёва // Юстиция Беларуси. – 2016. – № 4. – С. 51–54.

12. *Новикова, Т. В.* Действительность соглашения о применимом праве (в свете разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г.) / Т. В. Новикова // Международ. публич. и частное право. – 2021. – № 6. – С. 37–39.

13. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / Е. Н. Абрамова [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. – М. : Проспект, 2016. – 384 с.

УДК 347.191.1

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА
И ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ
(НА ПРИМЕРЕ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА)**

Ситдикова Л. Б.

*доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Цивилист»
кафедры гражданского права,
ФГБОУВО «Юго-Западный государственный университет»,
ул. 50 лет Октября, 94, 305040 Курск, Россия, rector@swsu.ru;
профессор департамента права Института экономики, управления
и права, ГАОУВО «Московский городской педагогический университет»,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, 129226 Москва, Россия,
info@mgpu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается влияние императивных начал корпоративного договора на принципы свободы договора. Проводится анализ действующих законодательных норм и положений, которые регулируют институт договорных отношения в сфере корпоративного права, дается оценка роли и значения принципа свободы договора для создания эффективного процесса управления организацией.

Ключевые слова: корпоративный договор; свобода договора; корпоративные отношения; правовое регулирование; диспозитивный метод; императивные нормы.

**IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE
OF VALIDITY OF CONTRACT AND THE LIMITS
OF THE EXERCISE OF CIVIL RIGHTS
(BASED ON THE EXAMPLE OF A CORPORATE AGREEMENT)**

Sitdikova L.

*Doctor of Law, Professor, Leading researcher at the Scientific and Educational
Center «Civilist», Department of Civil Law, Southwestern State University,
50 Let Oktyabrya Str., 94, 305040 Kursk, Russia, rector@swsu.ru;
Professor of the Department of Law, Institute of Economics,
Management and Law, State Autonomous Educational
Institution of Higher Education «Moscow City Pedagogical University»,
Vtoroy Selskhozhoziajstvenny proezd, 4, 129226 Moscow, Russia,
info@mgpu.ru*

Abstract. The article examines the influence of the imperative principles of a corporate agreement on the principles of freedom of contract. The analysis of the current legislative norms and provisions that regulate the institution of contractual relations in the field of corporate law is carried out, the role and significance of the principle of freedom of contract for creating an effective process of managing an organization is assessed.

Keywords: corporate agreement; freedom of contract; corporate relations; legal regulation; dispositive method; imperative norms.

При заключении корпоративного договора принцип свободы договора проявляется наиболее ярко, поскольку в нормах о корпоративном договоре его содержание не конкретизировано в той степени, о которой это можно говорить относительно более классических обязательств-правовых договоров. Данное обстоятельство в первую очередь связано с тем, что корпоративный договор может совмещать в себе условия, характерные для разных поименованных в законе договоров, позволяющие оценить их как особую характеристику такого договора. Именно поэтому в гражданском праве корпоративный договор понимают как смешанный [1, с. 79; 2, с. 23–24]. Следует заметить, что в российском гражданском праве существуют и альтернативные точки зрения [3, с. 158]. В связи с этим возникает вопрос о соотношении диспозитивного и императивного начала в регулировании корпоративных отношений.

Проблематика моделирования корпоративных отношений в рамках презумпции свободы договора характерна и для гражданского законодательства Казахстана, где корпоративные отношения пока не нашли законодательного закрепления [4, с. 142–151]. Исследователи становления корпоративных отношений в Республике Беларусь также предполагают, что дальнейшее развитие корпоративного права должно основываться на принципах диспозитивности и свободы договора при наличии взвешенности императивных ограничений [5, с. 159–165].

Обозначая дискуссионность вопроса о месте, роли норм о свободе договора в корпоративных отношениях, необходимо рассмотреть вопрос относительно ограничения принципа свободы договора в отношении корпоративного договора.

Во-первых, отметим, что положения корпоративного договора направлены на регулирование только внутренних отношений, складывающихся между сторонами такого договора и, соответственно, распространяются только на стороны такого соглашения. Однако, как отметил В. Г. Бородкин, корпоративный договор при этом может оказывать «внешний корпоративный эффект», затрагивая тем самым внешние отношения, а также интересы кредиторов организации и интересы общества. Например, когда идет параллельное регулирование корпоративных отношений наравне с уставом, а также при условии возможности оспаривания решений и сделок организации, принятых в противоречии с положениями корпоративного договора [1, с. 80].

Помимо императивных норм, установленных самой ст. 67.2 ГК РФ, непосредственно касающейся регулирования корпоративных договоров, своеобразными ограничениями принципа свободы договора можно назвать положения ст. 10 ГК РФ, которые устанавливают пределы осуществления гражданских прав. Эта статья содержит в себе множество весомых и существенных правил, в том числе принцип добросовестности субъектов, в соответствии с которыми презюмируется, что стороны при осуществлении своих прав и обязанностей действуют добросовестно и не допускают осуществление гражданских прав с целью причинения вреда другим лицам.

Толкование норм Гражданского кодекса РФ позволяет сделать вывод о том, что отказ стороны от права считается ничтожным и во многих случаях это оправдано. Так, условие, предусмотренное в корпоративном договоре, в соответствии с которым сторона обязуется воздержаться от своего корпоративного права, не может быть рассмотрено как «отказ от права», поскольку такое положение не просто не лишает стороны ее права, а наоборот, стороны возлагают на себя обязанность по определенному поведению в конкретных ситуациях с целью более эффективного управления, а также предупреждения конфликтных ситуаций. Однако решение этого вопроса не так очевидно.

Законодатель не указал, относительно осуществления каких конкретно корпоративных прав стороны могут воздержаться по усло-

виям корпоративного договора. При возникновении судебных дел с рассмотрением вопросов, связанных с исполнением или неисполнением сторонами условий корпоративного договора, суд принимает решение на свое усмотрение. Судебная практика Арбитражного суда Северо-Западного округа показывает, что при рассмотрении судебного дела № А05-5165/2018 в кассационном порядке, в своем постановлении № Ф07-15100/2018 от 17 декабря 2018 г. суд кассационной инстанции установил, что суды первых двух инстанций, принимая решения об отказе в удовлетворении требования о выходе одного из участников корпоративного договора из общества, обосновывали свои выводы нормами гражданского законодательства, а именно: п. 1 ст. 94 ГК РФ и п. 1 ст. 26 Федерального закона РФ № 14 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» в соответствии с которыми участник общества вправе выйти из общества. При этом кассационный суд посчитал, что судами проигнорированы положения заключенного корпоративного договора, где указывалось что участники договора не могут выйти из общества до наступления конкретного времени действия, указанного в договоре. Суд кассационной инстанции, не согласившись с выводами судов первой и апелляционной инстанции, направил дело на новое рассмотрение, обосновав свою позицию тем, что ответчик нарушил условия корпоративного договора. Можно ли рассматривать подобное условие корпоративного договора как отказ от своего права? Исходя из позиции арбитражного суда кассационной инстанции, очевидно, что нет. При этом суд в данном случае, подчеркивая диспозитивный характер нормы о корпоративном договоре, обосновывает свою позицию тем, что при выходе участника из общества общество обязано выплатить ему действительную стоимость доли в уставном капитале, что уменьшает активы общества, тем самым затрагивая права и законные интересы как самого общества, так и участников корпоративного договора.

Следует согласиться с М. Н. Илюшиной, которая обратила внимание по данному судебному делу на определенное обстоятельство, повлиявшее на решение суда кассационной инстанции, а именно, данное корпоративное соглашение имело срочный характер; в случае установления в договоре бессрочного запрета на выход

из общества, такой запрет мог бы быть признан судом недействительным [6, с. 80].

Такой позиции придерживается и В. А. Лаптев, утверждая, что условие, предусмотренное в корпоративном договоре, предусматривающее обязанность стороны воздержаться от своего права, не может быть рассмотрено как «отказ от права», поскольку такое положение не просто не лишает стороны ее права, а наоборот, стороны возлагают на себя обязанность по определенному поведению, которые обеспечивают корпоративные интересы сторон договора [7, с. 30].

Таким образом, поскольку непредсказуемый выход участника из общества влечет уменьшение активов, можно сделать вывод о том, что условие, в соответствии с которым участник обязуется воздержаться от своего права выхода из общества, может быть включено в корпоративный договор, поскольку оно позволяет участникам достичь главные цели корпоративного договора – согласование интересов, эффективное управление и предупреждение конфликтов. Однако, по нашему мнению, при наличии такого условия в корпоративном договоре также должен быть предусмотрен механизм, позволяющий участнику иным образом воспользоваться своим правом; одним из них будет служить неустойка, сумма которой позволит компенсировать потери участникам корпоративного договора.

Рассматривая вопрос об ограничении принципа свободы договора в отношении корпоративных договоров, следует обратить внимание на императивные нормы ГК РФ, предусмотренные п. 2 ст. 67.2, которые самым непосредственным образом раскрывают этот вопрос, устанавливая запрет на включение в корпоративный договор условий, которые, во-первых, обязывают участников голосовать в соответствии с указаниями органов управления общества, во-вторых, определяют структуру этих органов. Остановимся на этих положениях подробнее.

По нашему мнению, первое ограничение, указанное выше, связано с тем, что, заключая корпоративный договор, стороны соглашуются между собой порядок управления обществом. Участники и акционеры хозяйственного общества составляют главный орган, орган высшего управления – общее собрание участников (акционеров), при этом заключая подобный договор, стороны, в том числе,

организуют порядок голосования в этом органе, и таким образом влияют на решения, принятые этим органом и, соответственно, сами дают такие указания. Поэтому включение в корпоративный договор условия голосовать в соответствии с указаниями такого органа лишено целесообразности. В состав иных органов управления хозяйственного общества, помимо общего собрания, могут быть избраны лица, не являющиеся участниками (акционерами) этого общества. Включение в корпоративный договор обязанности сторон голосовать в соответствии с указаниями этих органов фактически лишило бы участников права управления.

Таким образом, первое ограничение нам представляется разумным и объективным.

Относительно второго ограничения, в соответствии с которым стороны корпоративного договора не могут включать в него условия по определению структуры органов управления и их компетенцию, отметим, что такое правило вытекает из особенностей определения структуры органов управления общества, закрепленных законом, и состоящей в том, что структура органов управления определяется уставом акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью. Таким образом, при изменении структуры органов управления подразумевается соблюдение ряда процедур, направленных на внесение в устав общества соответствующих изменений. Более того, поскольку структура органов управления общества определяется уставом, при дозволении сторонам корпоративного договора возможности включения в этот договор положений, изменяющих структуру органов управления общества, было бы нарушено основное понимание статуса устава и корпоративного договора, которые не равнозначны и последний не может рассматриваться как источник локального права.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что современные ограничения, имеющиеся в отечественном праве, связанные с содержанием корпоративного договора, являются обоснованными.

Законодатель не обозначил какие-либо требования к порядку заключения договора. Единственное правило, указанное в ст. 67.2 ГК РФ, создает обязанность для сторон корпоративного договора

уведомить общество о факте заключения такого договора; такое уведомление должно быть направлено обществу в течение 15 дней со дня заключения договора, что указано в специальных нормах, при этом само содержание раскрывать не требуется. Однако касательно акционерного соглашения, указанная норма отсылает к положениям Федерального закона «Об акционерных обществах», где требование изложено более широко и устанавливает более короткий срок – 5 дней.

Таким образом, рассмотрев аспекты действия принципа свободы договора в отношении корпоративного договора, мы обратили внимание, что этот принцип не является безграничным и законодатель, представляя сторонам свободу в урегулировании своих интересов, при этом провел четкие границы дозволенного. Это объясняется рядом причин. Основное ограничение носит общий характер и запрещает участникам гражданского оборота предусматривать в своем договоре условия, которые будут носить противоправный характер, затрагивать законные интересы общества и иных лиц. Основная цель государства – предоставление гражданам и лицам, находящимся на территории государства, условий, при которых будет возможно комфортное и безопасное существование, а также реализация возможностей личности. Такая цель достигается, в том числе, регулированием общественных отношений на уровне законодательства. Общее ограничение принципа свободы договора призвано обеспечить безопасность и неприкосновенность личности в обществе. Иные ограничения носят более узкий характер, и, относительно корпоративного договора, нацелены на обеспечение прав и законных интересов субъектов, на которых может быть оказан так называемый «внешний корпоративный эффект», поскольку стороны, заключая корпоративный договор, косвенным образом затрагивают права и законные интересы как самого общества, так и субъектов, так или иначе с ним связанных, в том числе кредиторов.

Список использованных источников

1. *Бородкин, В. Г.* Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве / В. Г. Бородкин. – М. : Юстицинформ, 2017. – 224 с.

2. *Степанов, Д. И.* Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования / Д. И. Степанов, В. А. Фогель, Х. И. Шрамм // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда. – 2012. – № 10. – С. 22–69.

3. *Клячин, А. А.* Корпоративный договор как юридический факт / А. А. Клячин // Современ. наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. – 2015. – № 11–12 (ноябрь–декабрь). – С. 156–161.

4. *Калдыбаев, А. К.* Принцип свободы договора и корпоративный договор / А. К. Калдыбаев // Вестн. Ин-та законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2021. – № 64. – Т. 1. – С. 142–151.

5. *Салей, Е. А.* Корпоративные соглашения: опыт Беларуси / Е. А. Салей, Л. В. Царёва // Актуальные проблемы гражданского, семейного, гражданско-процессуального права. – 2021. – С. 159–165.

6. *Стоянова, М. К.* Установление запрета на выход из общества в корпоративном договоре / М. К. Стоянова, М. Н. Илошина // Право и управление. – 2023. – № 4. – С. 79–82.

7. *Лаптев, В. А.* Корпоративный договор в системе источников регулирования корпоративных отношений / В. А. Лаптев // Предпринимательское право. – 2016. – № 1. – С. 23–31.

УДК 347.925:347.937.2(476)

**СОГЛАШЕНИЯ ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ СПОРОВ
В ПРОЕКТЕ КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Скобелев В. П.

*кандидат юридических наук, доцент,
заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям,
юридический факультет, Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
s_v_p@tut.by*

Аннотация. Анализируется правовое регулирование в проекте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь соглашений, которыми заканчиваются переговоры сторон при участии их адвокатов, а также примирительная процедура. Обосновано, что соответствующие соглашения более правильно именовать протоколами. Данными протоколами должны фиксироваться традиционные процессуальные действия сторон в виде заключения мирового соглашения, отказа от иска или признания иска, влекущие традиционные процессуальные последствия в форме прекращения производства по делу (при первых двух процессуальных действиях) либо вынесения решения об удовлетворении иска (при совершении последнего из названных процессуальных действий).

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; спор; переговоры сторон при содействии их адвокатов; примирительная процедура; соглашение об урегулировании спора.

**AGREEMENTS ON THE SETTLEMENT OF DISPUTES
IN THE DRAFT CODE OF CIVIL PROCEDURE
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Skobelev V.

*PhD in Law, Associate Professor,
Deputy Dean for Academic Affairs and Educational Innovation,
Faculty of Law, Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
s_v_p@tut.by*

Abstract. The legal regulation in the draft Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus of agreements that end negotiations between the parties with the participation of their lawyers, as well as the conciliation procedure, is

analyzed. It is substantiated that the corresponding agreements are more correctly called protocols. These protocols should record the traditional procedural actions of the parties in the form of concluding a settlement agreement, abandoning a claim or recognizing a claim, entailing traditional procedural consequences in the form of termination of proceedings in the case (in the first two procedural actions) or a decision to satisfy the claim (in the case of the last of these procedural actions).

Keywords: civil proceedings; dispute; negotiations between the parties with the assistance of their lawyers; conciliation procedure; dispute settlement agreement.

После объединения в Республике Беларусь в 2014 г. общих и хозяйственных судов в единую систему судов общей юрисдикции одним из векторов развития правосудия по гражданским и экономическим делам была избрана унификация гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства посредством разработки и введения в действие единого для всех цивилистических (т. е. гражданских и экономических) дел процессуального кодекса [1, с. 7; 2; 3]. К настоящему времени проект соответствующего нормативного правового акта – Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС) – уже подготовлен и находится на рассмотрении Парламента [4].

Одной из особенностей КГС является наличие в нем специальной главы 20 «Примирение в гражданском судопроизводстве», посвященной следующим способам урегулирования споров в период производства по гражданскому делу: переговорам сторон по выработке условий мирового соглашения; переговорам сторон при содействии их адвокатов; примирительной процедуре; медиации. Различные способы примирения сторон юридических конфликтов уже неоднократно становились предметом исследования отечественных юристов [5–10]. Вместе с тем появление проекта КГС диктует необходимость обращения к данной тематике в очередной раз и, в частности, к анализу двух видов соглашений об урегулировании споров – соглашения об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов и соглашения о примирении.

В ч. 1 ст. 170 «Соглашение об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов» КГС

предусмотрено, что «по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов может быть заключено соглашение, содержащее условия и порядок урегулирования спора, которое подписывается сторонами, их представителями и подлежит утверждению судом», а согласно ч. 2 ст. 170 КГС «к условиям, форме и содержанию, а также порядку заключения, утверждения, обжалования и исполнения соглашения об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов применяются правила, предусмотренные настоящим Кодексом для мирового соглашения, признания иска либо отказа от иска». Положения ч. 2 ст. 170 КГС вызывают ряд возражений.

Во-первых, вряд ли можно требовать того, чтобы соглашение об урегулировании спора по результатам переговоров отвечало одновременно всем требованиям, предъявляемым к мировому соглашению, признанию иска и отказу от иска, либо, независимо от его содержания, отвечало требованиям хотя бы какого-то из распорядительных актов – или мирового соглашения, или признания иска, или отказа от иска. Очевидно, что соглашение об урегулировании спора должно соответствовать требованиям мирового соглашения, когда им оформляется мировое соглашение, требованиям признания иска – когда им оформляется признание иска, требованиям отказа от иска – когда им оформляется отказ от иска.

Во-вторых, если переговоры сторон завершаются тем, что истец принимает решение отказаться от иска или же ответчик – признать иск, то такой результат процедуры урегулирования спора вряд ли правильно оформлять (называть) таким актом (документом), как соглашение сторон, поскольку отказ истца от иска и признание иска ответчиком – это односторонние действия соответствующей стороны, согласования встречных взаимных волеизъявлений сторон, которое имеет место при заключении собственно соглашения, здесь нет. Поэтому отмеченные результаты переговоров сторон более правильно было бы отражать в документе, именуемом, например, протоколом, но никак не соглашением.

В-третьих, если в так называемом соглашении сторон находит отражение отказ истца от иска или признание иска ответчиком, то вряд ли возможно требовать того, чтобы «к условиям, форме и содержанию, а также порядку заключения, утверждения и исполнения

соглашения об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов» применялись правила, предусмотренные КГС соответственно для отказа истца от иска или признания иска ответчиком. Отказ от иска и признание иска – это безусловные действия сторон, поэтому о применении правил о каких-то условиях речи идти не может, таких правил в отношении отказа от иска и признания иска попросту нет. В использовании правил о форме отказа от иска и признания иска смысла фактически нет, поскольку эти правила идентичны требованиям о форме соглашения сторон об урегулировании спора при содействии адвокатов – согласно ч. 1 ст. 272 КГС форма по общему правилу является письменной (и лишь в порядке исключения с разрешения суда заявление истца об отказе от иска либо ответчика о признании иска могут быть сообщены суду устно, но в этом случае они все равно подлежат письменному фиксированию – они заносятся в краткий протокол, протокол судебного заседания и подписываются соответственно истцом, ответчиком, а также их представителями, если они участвуют в судебном заседании).

Содержание отказа от иска и признания иска КГС (равно как и действующими ГПК и ХПК) специально не регламентируется, поскольку содержание данных действий однозначно вытекает из их наименования и быть каким-то другим не может. Невозможно также говорить о применении порядка заключения, утверждения и исполнения отказа от иска и признания иска, поскольку: отказ от иска и признание иска совершаются одной стороной, а не заключаются обеими сторонами; отказ от иска и признание иска подлежат санкционированию судом посредством принятия, а не утверждения; отказ от иска, признание иска не подлежат и исполнению, в лучшем случае можно вести речь лишь об исполнении решения, вынесенного в результате принятия судом признания иска ответчиком.

Думается, что «к условиям, форме и содержанию, а также порядку заключения, утверждения и исполнения соглашения об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов» можно применить только правила, предусмотренные КГС для мирового соглашения, и лишь при том условии, что соглашение об урегулировании спора по результатам переговоров

сторон по своей сути само является мировым соглашением (а не отражает отказ истца от иска или признание иска ответчиком).

В-четвертых, содержание ст. 170 КГС наводит на мысль, что соглашение об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов образует собой самостоятельное основание для завершения производства по делу, что, собственно, и подтверждает содержание п. 9 ст. 130 КГС: данное соглашение названо там, наравне с мировым соглашением и соглашением о примирении, в качестве основания для прекращения производства по делу. Однако, как видно из ч. 2 ст. 170 КГС, соглашение об урегулировании спора по результатам переговоров может оформлять собой три совершенно разных распорядительных волеизъявления сторон, для каждого из которых уже предусмотрены свои специальные нормы об окончании дела – п. 8 ст. 130 КГС (для отказа истца от иска), п. 9 ст. 130 КГС (для мирового соглашения сторон), ч. 5 ст. 272 КГС (для признания иска ответчиком). Следовательно, соглашение об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов как основание для прекращения производства по делу является совершенно искусственным образованием.

С учетом всего изложенного выше полагаем что, что положительный результат переговоров сторон при содействии их адвокатов должен оформляться не заключением соглашения, а составлением протокола, в котором подлежат фиксации достигнутые сторонами (стороной) намерения по урегулированию спора. Сам по себе данный протокол (подобно медиативному соглашению, заключенному по делу, находящемуся в производстве суда, – см. ст. 177 КГС, ст. 285-1 ГПК) самостоятельного процессуального значения не имеет. На основании данного протокола суду может быть представлено мировое соглашение сторон или заявлен отказ истца от иска, либо совершено признание иска ответчиком, которые должны рассматриваться судом в порядке, предусмотренном для данных распорядительных волеизъявлений, а их санкционирование – влечь традиционные для таких случаев последствия (прекращение производства при утверждении мирового соглашения сторон и принятии отказа истца от иска или вынесение решения об удовлетворении иска при признании последнего ответчиком).

В основу норм КГС о примирительной процедуре (в первую очередь это нормы ст. 171-175) положены соответствующие правила ХПК (прежде всего правила главы 17). Согласно ХПК и КГС одним из возможных результатов проведения примирительной процедуры является заключение сторонами соглашения о примирении (ч. 1 ст. 157 ХПК, ч. 4 ст. 174 КГС), в котором фиксируются согласованные позиции сторон при достижении примирения по всем или отдельным требованиям (ч. 2 ст. 157 ХПК, ч. 1 ст. 175 КГС). Однако по вопросу о том, в чем состоит суть согласования позиций сторон при достижении примирения в примирительной процедуре, положения ХПК и КГС между собой различаются.

Так, в ч. 2 ст. 157 ХПК предусмотрено, что в соглашении о примирении фиксируются «позиции сторон, основанные на условиях, предусмотренных частями первой – третьей ст. 63, ст. 122 настоящего Кодекса». Иными словами (опираясь на содержание ч. 1-3 ст. 63, ст. 122 ХПК), можно сказать, что законодатель разрешает фиксировать в соглашении о примирении следующие волеизъявления сторон:

- изменение истцом основания или предмета иска;
- увеличение или уменьшение истцом размера исковых требований;
- отказ истца от иска в целом или в части;
- признание ответчиком иска в целом или в части;
- мировое соглашение сторон.

Помимо этого, как прописано в ч. 3 ст. 157 ХПК, «соглашение о примирении может содержать указание на заключение сторонами нового договора, который может прилагаться к этому соглашению».

К слову, до того, как ст. 157 ХПК была изложена в новой редакции Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 59-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам развития медиации», в ее второй части было прямо закреплено, что «при заключении соглашения о примирении стороны могут предусмотреть в нем:

- заключение между сторонами мирового соглашения в порядке, установленном главой 10 Кодекса;
- отказ истца от иска в целом или его части;

- признание ответчиком иска в целом или его части;
- заключение между сторонами нового договора».

Как видно, в прежней редакции ст. 157 ХПК не упоминалось только о возможности включения в соглашении о примирении условий в виде изменения истцом основания или предмета иска, а также увеличения или уменьшения истцом размера исковых требований.

Между тем в КГС прямые указания относительно потенциального содержания соглашения о примирении отсутствуют, что, безусловно, в определенной мере будет создавать ситуацию правовой неопределенности и для участников примирительной процедуры (сторон спора и примирителя), и для суда как субъекта, которому в конечном итоге придется решать вопрос о санкционировании заключенного сторонами соглашения о примирении.

Правда, думается, отказ заимствовать в КГС положения ХПК о возможном содержании соглашения о примирении отнюдь не случаен: дело в том (и, думается, разработчики КГС это осознали), что далеко не все волеизъявления сторон, о которых говорится в ч. 2, 3 ст. 157 ХПК, объективно могут свидетельствовать о состоявшемся между сторонами примирении. Так, по нашему мнению, результатом примирения не могут являться такие действия, как изменение истцом основания или предмета иска, увеличение или уменьшение (вследствие осознания собственной ошибки) истцом размера исковых требований, заключение сторонами нового договора, не имеющего отношения к предмету спора (т. е. соглашения, не являющегося мировым).

Как представляется (и об этом мы уже писали [11; 12]), итогами примирительной процедуры (аналогично результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов) могут быть только:

- отказ истца от иска в целом или в части;
- признание ответчиком иска в целом или в части;
- мировое соглашение сторон.

Также допускаем в качестве своеобразного результата примирительной процедуры заключение сторонам соглашения по обстоятельствам дела (такое соглашение в настоящее время регламентируется ст. 107 ХПК, а на перспективу предусмотрено ст. 186 КГС).

С учетом изложенного необходимо сделать несколько замечаний (подобных тех, которые мы уже излагали выше при анализе соглашения об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов):

- документ, в котором фиксируются результаты примирительной процедуры, неправильно именовать соглашением, поскольку в некоторых случаях такими результатами могут выступать и односторонние волеизъявления сторон – отказ истца от иска или признание иска ответчиком; следовательно, более подходящее название для упомянутого соглашения – «протокол»;

- по тем же самым причинам – результатом примирения может быть отказ истца от иска или признание иска ответчиком – нельзя признать верным сформулированное в качестве общего правила предписание ч. 2 ст. 175 КГС о том, что «к условиям, форме и содержанию, а также порядку заключения, утверждения и исполнения соглашения о примирении применяются правила, предусмотренные настоящим Кодексом для мирового соглашения»; сходное правило сейчас содержится в ч. 5 ст. 157 ХПК – «утверждение и исполнение соглашения о примирении производится судом, рассматривающим экономические дела, в порядке, установленном настоящим Кодексом для утверждения и исполнения мирового соглашения»; реализовать предписание ч. 2 ст. 175 КГС, ч. 5 ст. 157 ХПК возможно только тогда, когда соглашением о примирении фиксируется (объективируется) собственно мировое соглашение;

- соглашение о примирении не может выступать самостоятельным основанием для завершения процесса в виде прекращения производства, как это предусматривает п. 9 ст. 130 КГС, базирующийся на аналогичной норме абз. 9 ст. 149 ХПК; ведь соглашение о примирении – это лишь «обертка», в которую облакаются уже известные (традиционные) волеизъявления сторон, для каждого из которых и в ХПК, и в КГС предусмотрены свои специальные нормы о завершении процесса: абз. 5 ст. 149 ХПК, п. 8 ст. 130 КГС (прекращение производства при отказе истца от иска); абз. 8 ст. 149 ХПК, п. 9 ст. 130 КГС (прекращение производства в случае заключения сторонами мирового соглашения); абз. 5 ч. 1 ст. 205 ХПК, ч. 5 ст. 272 КГС (вынесение решения об удовлетворении иска при признании иска ответчиком); поэтому на основании протокола, составленного

по итогам примирительной процедуры, сторонами (стороной) суду должно быть заявлено или о мировом соглашении, или об отказе истца от иска, или о признании иска ответчиком с наступлением последствий согласно приведенным нормам.

Норма ч. 4 ст. 157 ХПК гласит, что «соглашение о примирении подписывается представителями сторон», упуская при этом из виду, что стороны могут вести свои дела в суде лично, не прибегая к услугам представителей. Данный недостаток устранен в ч. 1 ст. 175 КГС, которая предусматривает, что «соглашение о примирении подписывается сторонами или их представителями». Вместе с тем и ч. 4 ст. 157 ХПК, и ч. 1 ст. 175 КГС требуют, чтобы соглашение о примирении было утверждено судом, что, на наш взгляд, не вполне верно, поскольку если соглашением о примирении оформляется отказ истца от иска или признание иска ответчиком, то со стороны суда санкционирование должно иметь форму не утверждения, а принятия соответствующего волеизъявления.

Список использованных источников

1. Сукало, В. Судебная система в новом качестве: итоги работы, проблемы и задачи на перспективу / В. Сукало // Судовы весн. – 2015. – № 1. – С. 4–11.

2. Забара, А. А. О едином Гражданском процессуальном кодексе / А. А. Забара // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20-21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 454–459.

3. Создание единого цивилистического процесса призвано укрепить гарантии права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство // Судовы весн. – 2020. – № 1. – С. 8–12.

4. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Проекты законов / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2022081001>. – Дата доступа: 16.01.2024.

5. Основы альтернативного разрешения споров : пособие / В. И. Самарин [и др.] ; под ред.: О. В. Мороза [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – 223 с.

6. Здрок, О. Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе / О. Н. Здрок. – Минск : БГУ, 2018. – 283 с.

7. *Скобелев, В. П.* О некоторых вопросах примирения сторон по гражданским и экономическим спорам / В. П. Скобелев // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2019. – Вып. 14. – С. 323–341.

8. *Габрияничик, А. Б.* Примирительные процедуры как форма использования специальных знаний в гражданском и хозяйственном процессе / А. Б. Габрияничик // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Вып. 5 – Гродно : ГрГУ, 2020. – С. 248–256.

9. *Колесникова, Л.* О закреплении института примирения в законопроекте о кодексе гражданском судопроизводства / Л. Колесникова // Судовы весн. – 2021. – № 4. – С. 48–51.

10. *Здрок, О. Н.* Правовое регулирование примирительных процедур в проекте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь / О. Н. Здрок // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2022. – Вып. 4. – С. 100–110.

11. *Скобелев, В. П.* Формы завершения производства по делу в хозяйственном суде при урегулировании спора в процедуре примирения / В. П. Скобелев // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2012. – № 5. – С. 125–132.

12. *Скобелев, В. П.* Соглашение о примирении и формы завершения производства по делу в хозяйственном суде первой инстанции / В. П. Скобелев // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. тр. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2013. – С. 339–353.

**СДЕЛКИ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В ВОЗРАСТЕ ДО ЧЕТЫРНАДЦАТИ ЛЕТ
(МАЛОЛЕТНИХ)**

Стрижак М. С.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
Marina.Strizhak@inbox.ru*

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с регламентацией договорных правоотношений с участием несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет (малолетних) и их законных представителей. Содержатся рекомендации по совершенствованию законодательства относительно сделок, которые малолетние могут совершать самостоятельно. Предлагается уточнить нижний возрастной ценз относительно недееспособности малолетних и внести изменения в соответствующие статьи Гражданского кодекса Республики Беларусь, разделив малолетних на две категории в зависимости от возраста: малолетние в возрасте до семи лет и малолетние в возрасте от семи до четырнадцати лет.

Ключевые слова: правоспособность; дееспособность; малолетний; родители; усыновитель; опекуны; сделка.

**TRANSACTIONS INVOLVING MINORS
UNDER FOURTEEN YEARS OF AGE
(MINORS)**

Strizhak M.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
Marina.Strizhak@inbox.ru*

Abstract. The article considers issues related to the regulation of contractual legal relations involving minors under the age of fourteen (underage children) and their legal representatives. Recommendations are made to improve the legislation on transactions that minors may perform independently. It is proposed to clarify the lower age limit for the incapacity of minors and to amend the relevant articles

of the Civil Code of the Republic of Belarus, dividing minors into two categories depending on their age: minors under the age of seven and minors aged from seven to fourteen.

Keywords: legal capacity; legal capacity; minor; parents; adoptive parent; guardian; transaction.

Правосубъектность включает в себя две составляющие: правоспособность и дееспособность, разграничение которых в отношении личности является характерной чертой гражданского права.

В соответствии с п. 2 ст. 16 ГК правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается его смертью.

Следуя концепции римского права, российское и белорусское наследственное право также в качестве возможных наследников рассматривает неродившихся лиц, зачатых при жизни наследодателя (п. 1 ст. 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации и п. 1 ст. 1037 ГК). Кроме того, в соответствии со ст. 957 ГК в случае смерти потерпевшего, право на возмещение вреда имеет ребенок умершего, родившийся после его смерти, а в ст. 181 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) установлено, что государство гарантирует защиту интересов детей еще до их рождения. Соответственно, отдельные права у эмбриона и плода человека возникают до его рождения. Следовательно, он является субъектом права. Однако есть мнение среди правоведов о том, что человек становится субъектом права лишь в том случае, если он рождается, и обязательно живым, а закон просто охраняет будущие права nascитуруса, не признавая его правоспособным лицом.

Гражданская дееспособность – это способность самостоятельно реализовывать свою правоспособность. Наступление гражданской дееспособности в полном объеме согласно ст. 20 ГК по общему правилу определяется моментом достижения совершеннолетия.

Необходимо отметить, что в законодательстве всех государств предусмотрена презумпция полной дееспособности лица, достигшего совершеннолетия [1, с. 95-96]. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570–XII «О правах ребенка» ребенком считается физическое лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), если по закону оно раньше не приобрело гражданскую дееспособность в полном объеме. Это

обусловлено тем, что лицо, достигшее определенного законом возраста совершеннолетия, может сознательно участвовать в любых гражданских правоотношениях [1, с. 95–96]. В юридической литературе единое мнение по вопросу дееспособности малолетних отсутствует. Часть авторов считает, что несовершеннолетние в этом возрасте полностью недееспособны (С. Н. Братусь, О. С. Иоффе, М. В. Кротов, Н. Г. Юркевич) [2, с. 68; 3, с. 56–57; 4, с. 106; 5, с. 14]. Другие полагают, что такие лица обладают ограниченной дееспособностью (А. М. Белякова, Я. Р. Веберс) [6, с. 51; 7, с. 25] или частичной дееспособностью (Я. Г. Шевченко) [8, с. 74].

Германское гражданское уложение (далее – ГГУ) и Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) выделяют нижний возрастной предел. Согласно §104 ГГУ недееспособным считается лицо, не достигшее семилетнего возраста, а §106 устанавливает, что несовершеннолетний от семи до восемнадцати лет ограничен в дееспособности [9, с. 70]. Пункт 2 ст. 28 ГК РФ также устанавливает, что малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет частично дееспособны. Вследствие этого в российской юридической литературе появилось мнение, что малолетние до шести лет признаются полностью недееспособными, а в возрасте от шести до четырнадцати лет наделены частичной дееспособностью [10, с. 57]. Сторонниками данного мнения среди белорусских цивилистов являются В. Ф. Чигир и другие исследователи [11, с. 13; 12, с. 21; 13, с. 103].

На наш взгляд, определение нижнего возрастного предела частичной дееспособности несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет представляется вполне целесообразным и является следствием психологического развития ребенка. «В плане личного развития существенным является то, что возраст семи-восьми лет является сензитивным периодом для усвоения норм. Это единственный период в жизни человека, когда он психологически готов к пониманию смысла норм и правил и к их повседневному выполнению. Отношение ребенка младшего школьного возраста (от семи до десяти лет) к правилам поведения носят неоднозначный характер. Это для него интеллектуальная задача – разобраться, какие правила бывают, за какие провинности и как наказывают» [14, с. 80–81]. Следовательно, семилетний возраст может быть признан

законодателем в качестве нижнего возрастного предела частичной дееспособности несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет. Кроме того, согласно законодательству об образовании именно с шести-семи лет ребенок начинает обучение в школе. С указанного момента начинает применяться ответственность и к учреждениям образования. Таким образом, в содержании ст. 27 и ст. 942 Гражданского кодекса Республики Беларусь логичным представляется внести изменение, разделив малолетних на две категории в зависимости от возраста:

- малолетние в возрасте до семи лет;
- малолетние в возрасте от семи до четырнадцати лет.

Шершеневич, Г.Ф. утверждает, что «физическая и психическая зрелость человека наступает нескоро после рождения, и это обстоятельство не может не быть принято во внимание законом. Для уяснения себе отношения к согражданам, для понимания каждого совершаемого акта, для оценки ответственности необходимо достижение умственной зрелости и приобретение некоторого житейского опыта» [15, с. 69–70].

Согласно п. 1 ст. 27 ГК за несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет (малолетних) сделки, за исключением указанных в п. 2 ст. 27 ГК, могут совершать от их имени только их законные представители – родители, усыновители или опекуны.

Согласно п. 1 ст. 183 ГК сделка, а также иные юридически значимые действия, совершенные одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, законодательстве либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного управления и самоуправления, содержащегося в договоре, в том числе в договоре между представителем и представляемым, между представляемым и третьим лицом, либо в решении собрания, непосредственно создают, изменяют и прекращают гражданские права и обязанности представляемого.

К сделкам законных представителей малолетнего с его имуществом применяются правила, предусмотренные п. 2 и п. 3 ст. 35 ГК в отношении опекунов. Так, опекун не вправе без предварительного разрешения органа опеки и попечительства совершать сделки по отчуждению, в том числе по обмену или дарению имущества

подопечного, сдаче его в аренду (внаем), безвозмездное пользование или в залог; сделок, влекущих отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей, а также любых других сделок, влекущих уменьшение имущества подопечного.

Порядок управления имуществом подопечного определяется законодательством.

Опекун, его супруг и близкие родственники не вправе совершать сделки с подопечным, за исключением передачи имущества подопечному в качестве дара или в безвозмездное пользование, а также представлять подопечного при заключении сделок или ведении судебных дел между подопечным и супругом опекуна и их близкими родственниками.

Согласно данной аналогичной норме, закрепленной в ст. 89 КоБС, родители имеют право совершать от имени ребенка в возрасте до четырнадцати лет имущественные сделки, а также управлять имуществом ребенка до достижения им совершеннолетия как законные представители.

При этом родители не вправе без согласия органа опеки и попечительства:

- отчуждать, отдавать в залог имущество, принадлежащее ребенку;
- отказываться от наследства от имени ребенка, принимать наследство под условием;
- отказываться от принятия в дар;
- требовать раздела имущества ребенка;
- совершать другие сделки, противоречащие интересам ребенка.

Родители обязаны с надлежащей заботой осуществлять управление имуществом ребенка, сохранять размер этого имущества, а при возможности и умножать его.

В соответствии с ч. 1 ст. 134 КоБС усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению. Соответственно усыновители имеют права и обязанности родителей, связанные с управлением делами несовершеннолетнего усыновленного ребенка.

Таким образом, в отношении защиты имущественных прав малолетних законодатель устанавливает общее правило о запрете совершения сделок по распоряжению имуществом малолетних их законными представителями без разрешения органов опеки и попечительства, при этом не делает различий между родителями, усыновителями и опекунами.

В настоящее время основным нормативным правовым актом, регулирующим процедуру выдачи органами опеки и попечительства таких разрешений (согласий), является Указ Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан». Решения в отношении каждой конкретной сделки принимаются органами опеки и попечительства индивидуально, в соответствии с нормами ГК и КоБС, а также в соответствии с требованиями Положения о порядке управления имуществом подопечных, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 октября 1999 г. № 1677, и Положения об органах опеки и попечительства в Республике Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 октября 1999 г. № 1676.

Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов», который вступит в силу 19 ноября 2024 г., изменена ст. 27 ГК. Малолетний вправе самостоятельно без согласия своих законных представителей совершать мелкие бытовые сделки и сделки, направленные на безвозмездное получение выгод, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации.

При этом и в измененной ст. 25 ГК отсутствует определение мелкой бытовой сделки. Как правило, это сделки, направленные на удовлетворение обычных каждодневных потребностей малолетнего. Например, покупка малолетним гражданином продуктов питания или школьных канцелярских принадлежностей. При этом законодательством не установлена сумма мелкой бытовой сделки.

К сделкам, направленным на безвозмездное получение выгод, не требующим нотариального удостоверения либо государственной регистрации можно отнести, например, дарение малолетнему ребенку спортивного инвентаря, одежды, обуви и т. д. С одной

стороны, такая сделка, как и любой другой договор дарения, требует, чтобы одаряемый малолетний выразил свою волю, принимая подарок, а с другой – никаких других обязанностей она на него не налагает.

Особого внимания заслуживают такие сделки в связи с тем, что не исключена возможность использования таких сделок недобросовестными лицами для совращения малолетних либо для шантажа их родителей, для обвинения их во взятке, которая была передана якобы путем вручения их ребенку дорогого подарка и т. п. Следовательно, возникает вопрос о возможности законного представителя малолетнего оспорить данную сделку по причине несоответствия ее интересам малолетнего, например, в связи с совершением ее с целью, противной основам нравственности. Стоит согласиться с теми правоведомы, которые предлагают прямо предусмотреть в норме ГК, регулирующей дееспособность несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет (малолетних), соответствующее право для родителей и иных законных представителей малолетних [16, с. 243].

Сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения содержатся в действующей редакции ст. 27 ГК.

Размер сумм и цели использования предоставленными средствами ребенком контролируются законными представителями, но в то же время ребенок по своему усмотрению определяет порядок использования этих средств. Однако если денежная сумма, подаренная ребенку, достаточно большая, он имеет фактическую возможность израсходовать ее лишь на совершение целого ряда мелких бытовых сделок, так как самостоятельно приобрести сколько-нибудь значительную и дорогостоящую вещь он не сможет [16, с. 243]. Ограничений по сумме таких средств не установлено. В то же время данные сделки малолетний может совершать, только если они не требуют нотариального удостоверения и государственной регистрации.

Согласно с ч. 1 ст. 546 ГК не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает установленного законодательством двадцатикратного размера базовой величины от имени малолетних. Орган опеки и попечительства не вправе давать на это согласие ни при каких условиях. Вероятно, ввиду

вышеперечисленных причин законодатель исключил данные сделки в ст. 27 и ст. 25 ГК Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов».

Сделка, совершенная малолетним, ничтожна. К такой сделке применяются правила, предусмотренные частями второй и третьей п. 1 ст. 172 ГК. В интересах малолетнего совершенная им сделка по требованию одного из его законных представителей может быть признана судом действительной, если она совершена к выгоде малолетнего (п. 2 ст. 173 ГК). Данные правила не распространяются на мелкие бытовые и другие сделки, которые малолетний вправе совершать самостоятельно в соответствии со ст. 27 ГК.

Таким образом, трудности в решении ряда вопросов, касающихся осуществления гражданских прав и исполнения гражданско-правовых обязанностей самими несовершеннолетними в возрасте до четырнадцати лет (малолетними), обусловлены их возрастом и отсутствием достаточной социальной и психологической зрелости.

Список использованных источников

1. Гражданское и торговое право зарубежных стран / под общ. ред. В. В. Безбаха, В. К. Пучинского. – М. : Междунар. центр финанс.-экон. развития, 2004. – 894 с.
2. *Братусь, С. Н.* Субъекты гражданского права / С. Н. Братусь. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1950. – 368 с.
3. *Иоффе, О. С.* Ответственность по советскому гражданскому праву / О. С. Иоффе. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – 311 с.
4. Гражданское право : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – 4-е изд., перераб. – М. : Проспект, 1999. – Т. 1. – 610 с.
5. *Юркевич, Н. Г.* Правоспособность граждан СССР по советскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. Г. Юркевич ; Харьк. юрид. ин-т. – Минск, 1955. – 18 с.
6. *Белякова, А. М.* Имущественная ответственность за причинение вреда / А. М. Белякова. – М. : Юрид. лит., 1979. – 110 с.
7. *Веберс, Я. Р.* Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве / Я. Р. Веберс. – Рига : Зинатне, 1976. – 231 с.
8. *Шевченко, Я. Н.* Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних / Я. Н. Шевченко. – Киев : Наук. думка, 1976. – 189 с.
9. Гражданское и торговое право зарубежных государств : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Междунар. отношения, 2006. – Т. 1. – 560 с.

10. *Алексеев, С. С.* Физическое лицо (гражданин) / С. С. Алексеев // Гражданское право : учеб. / С. С. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. С. С. Алексеева. – М. : Проспект ; Екатеринбург : Ин-т частного права, 2007. – Гл. 3, §2. – С. 55–62.

11. *Чигир, В. Ф.* Субъекты гражданского права. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь / В. Ф. Чигир // Промышл.-торгов. право. – 1999. – № 1. – С. 3–134.

12. *Чигир, В. Ф.* Физические и юридические лица как субъекты гражданских правоотношений / В. Ф. Чигир. – Минск : Амалфея, 2000. – 224 с.

13. *Кеник, А. А.* Защита прав несовершеннолетних в Республике Беларусь / А. А. Кеник. – Минск : Дикта, 2005. – 252 с.

14. *Попова, М. В.* Психология растущего человека: краткий курс возрастной психологии / М. В. Попова. – М. : Сфера, 2002. – 128 с.

15. *Шершеневич, Г. Ф.* Учебник русского гражданского права : по изд. 1907 г. / Г. Ф. Шершеневич. – М. : СПАРК, 1995. – 556 с.

16. *Рабец, А. М.* Соотношение гражданско-правового положения несовершеннолетних и их законных представителей в договорных и деликтных обязательствах (проблемы теории и практики) / А. М. Рабец // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2017. – № 424. – С. 241–246.

**ВЛИЯНИЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА
НА ФОРМИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА
СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ**

Титаренко Е. П.

*старший преподаватель кафедры гражданского права,
юридический факультет,
ФГБОУВО «Тверской государственный университет»,
ул. Желябова, 33, 170000 Тверь, Россия,
eptitarenko@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы определения субъектного состава семейно-правовых соглашений на основе анализа соотношения частного и публичного интереса в правовом регулировании семейных отношений. Автор исследует вопрос ограничения договорной свободы в части выбора субъектов соглашений, соотношения частного и публичного интереса в правовом регулировании субъектного состава соглашений разных видов.

Ключевые слова: соглашение; субъектный состав; частный интерес; публичный интерес.

**THE INFLUENCE OF PRIVATE AND PUBLIC INTEREST
ON THE FORMATION OF THE SUBJECT COMPOSITION
OF FAMILY LAW AGREEMENTS**

Titarenko E.

*Senior lecturer at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Tver State University,
Zhelyabova St., 33, 170000 Tver, Russia,
eptitarenko@bk.ru*

Abstract. The article discusses the issues of determining the subject composition of family law agreements based on an analysis of the relationship between private and public interests in the legal regulation of family relations. The author explores the problem of limiting contractual freedom in terms of choosing the subjects of agreements, the relationship between private and public interest in the legal regulation of the subject composition of agreements of various types.

Keywords: agreement; subject composition; private interest; public interest.

Индивидуальное регулирование семейных отношений путем заключения соглашений является наиболее приоритетным способом разрешения вопросов семейной жизни. В ст. 5 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) соглашение как регулятор семейных отношений занимает второе место сразу после нормативного, что подчеркивает важность данной договорной конструкции для реализации основополагающих принципов семейного права и, прежде всего, принципа разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию.

Не все семейные отношения в силу присущих им таких отраслевых особенностей как строго личный характер [1, с. 13–14; 2], волевой признак (основаны на согласии) [3, с. 87; 4, с. 101], приоритет личных отношений над имущественными, длительный характер [5, с. 36; 1, с. 13–14] поддаются правовой регламентации. Например, личные неимущественные отношения между супругами, относящиеся к предмету семейного права (ст. 2 СК РФ), регулируются рачительно. Отсутствие в СК РФ норм о личных неимущественных отношениях супругов компенсируется положением п. 1 ст. 7 СК РФ, согласно которому членам семьи предоставлено право «по своему усмотрению распоряжаться принадлежащими им правами, вытекающими из семейных отношений», что в целом ряде случаев возможно только благодаря заключению соглашения. Именно оно обеспечивает «построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов» (п. 1 ст. 1 СК РФ).

При договорном регулировании семейных отношений наиболее естественным способом происходит гармонизация публичных и частных интересов. Как указывалось выше, право на регулирование семейных отношений соглашениями установлено ст. 5 СК РФ. Таким образом проявляется частный интерес субъектов семейных отношений. Однако при заключении соглашений требуют соблюдения императивные нормы СК РФ, устанавливающие своеобразные границы договорной свободы субъектов соглашения. Прежде всего, ограничения касаются круга субъектов соглашений.

Семейно-правовые соглашения неоднородны с точки зрения субъектного состава, содержания, правовых форм воплощения в законодательстве, а также соотношения частных и публичных начал

при их регулировании: в одних случаях преобладают частно-правовые начала, в других – публично-правовые.

Именно частный интерес определяет цель заключения соглашений – индивидуальное регулирование семейных отношений посредством установления порядка и способа осуществления семейного права и (или) исполнения семейной обязанности. Однако при определении законодателем субъектного состава соглашений преобладает публичный интерес. Семейно-правовые соглашения могут быть заключены только теми физическими лицами, которые имеют статус субъекта семейных правоотношений. До приобретения данного статуса не может быть и речи о праве на заключение семейно-правовых соглашений. Так, брачный договор может быть заключен только супругами или лицами, вступающими в брак (ст. 40 СК РФ), согласно ст. 38 СК РФ соглашение о разделе общего имущества супругов может быть заключено только супругами или бывшими супругами. Нельзя игнорировать проявление публичного интереса и при определении субъектного состава соглашения об уплате алиментов. Согласно Разделу V СК РФ право на заключение соглашения об уплате алиментов принадлежит субъектам, указанным в статьях данного раздела.

В отличие от указанных выше соглашений большим разнообразием субъектного состава отличаются соглашения, касающиеся прав и интересов детей (о порядке осуществления родительских прав отдельно проживающим родителем, о месте жительства ребенка, об общении с ребенком и др.). Казалось бы, именно эта группа соглашений должна претерпевать на себе значительное «давление» публичного интереса, поскольку дети согласно п. 3 ст. 1 СК РФ обладают приоритетом при защите их прав и интересов, что детализируется в различных нормах СК РФ. В частности, «обеспечение интересов детей, должно быть предметом основной заботы их родителей» (п. 1 ст. 65 СК РФ). Думается, данное правовое положение распространяется в равной степени как на родителей, воспитывающих ребенка, так и на иных лиц, имеющих право на общение с ребенком.

Проведя анализ правовых норм, регулирующих отношения родителей и детей, можем констатировать, что законодательство РФ не содержит исчерпывающего перечня субъектов, имеющих право

на воспитание ребенка и общение с ним. Данный подход законодателя обусловлен, думается, разнообразием видов семейных союзов, различными формами семейного воспитания детей, развитием системы вспомогательных репродуктивных технологий.

Также необходимо отметить, что СК РФ дифференцирует соглашения о детях в зависимости от субъектов, которые их заключают. Так, соглашение об осуществлении родительских прав заключается лицами, являющимися родителями (или заменяющими их), а соглашение об общении с ребенком заключается иными субъектами, не обладающими родительскими правами, но связанными кровными семейными узами с ребенком.

Помимо кровных родителей права и обязанности по воспитанию ребенка могут принадлежать иным субъектам, называемым в юридической литературе «социальными родителями» [6, с. 106], перечень которых не имеет исчерпывающего характера. Это, например, отчим и мачеха ребенка, которые имеют право на получение алиментов, если они воспитывали и содержали своих пасынков и падчериц надлежащим образом и более пяти лет (п. 2 ст. 97 СК РФ). Законодатель в данной норме указывает на воспитание и содержание пасынка и падчерицы, что позволяет сделать вывод о наличии между указанными лицами семейных отношений, регулироваться которые также могут посредством соглашений, заключаемых между отчимом (мачехой) и супругом. Возможны семьи, где оба супруга являются отчимом и мачехой, поскольку у каждого супруга есть свой кровный ребенок. Сложно представить семейную жизнь, где отчим или мачеха полностью устраняется от общения, воспитания, содержания ребенка супруга. Соглашения – это та форма регулирования отношений, которая нацелена на гармонизацию отношений между всеми членами семьи: супругами, детьми, супругами и детьми.

Еще одна категория лиц, которых также можно отнести к «социальным родителям», осуществляющим право ребенка на воспитание, являются фактические воспитатели. Вывод о наличии у данных субъектов правомочий по воспитанию ребенка можно сделать из диспозиции ст. 96 СК РФ. Также приходится констатировать, что фактическим воспитателем может быть какое угодно лицо, взявшее на себя бремя воспитывать и содержать ребенка. Данный вывод обусловлен анализом примерного перечня случаев, указанных в п. 1

ст. 121 СК РФ, когда ребенок может остаться без родительского попечения. Налицо трансформация родительского правоотношения, когда лицо, не являющееся родителем, выполняет его функции, а родитель не лишен и не ограничен в родительских правах.

Получается, что публичный интерес государства в приоритетном обеспечении прав и интересов несовершеннолетних детей, права ребенка жить и воспитываться в семье, предопределил дифференциацию субъектов соглашений об осуществлении родительских прав и исполнении родительских обязанностей. Не стоит забывать, что учет мнения ребенка и необходимость получения его согласия, когда он достиг десяти лет, предполагается при заключении соглашений о воспитании детей. Частный интерес при заключении рассматриваемых соглашений проявляется в согласии ребенка при достижении десятилетнего возраста, свободном выражении его воли на присвоение родительских прав лицу, не являющемуся его кровным родителем. Родители и лица, их заменяющие (отчим, мачеха, фактические воспитатели, иные социальные родители), путем заключения соглашений определяют способы и приемы осуществления родительских прав и исполнения родительских обязанностей.

В лексикон правоприменителя постановлением Пленума Верховного суда РФ 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» введен новый термин «потенциальные родители». Это лица, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокая женщина, для которой вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям». Такие субъекты могут приобрести статус родителей только при согласии суррогатной матери записать кровных родителей ребенка в качестве таковых.

Субъектами соглашений о детях также могут быть бабушки, дедушки, иные лица, связанные кровным родством с ребенком (ст. 55, 67 СК РФ), которые обладают не родительскими правами, а правом на общение с ребенком. В данных статьях законодатель акцентирует внимание именно на праве общения с ребенком, в чем также видится проявление публичного интереса в разделении комплекса обязанностей между родителями (лицами их заменяющими) и иными субъектами семейных отношений и, как следствие,

ответственности за их ненадлежащее исполнение. Семейный законодатель, проявляя публичный интерес в обеспечении ребенка знать членов своего рода, не дает исчерпывающего перечня лиц, которые могут заключать соглашение об общении с ребенком, но при этом ограничивает реализацию данного права только родственниками ребенка.

Многообразие субъектов соглашений о детях predetermined, на наш взгляд, разнообразием видов семейных связей и позволяет учитывать особенности трансформации семейных отношений, свойственной нашему времени.

Таким образом, при определении законодателем субъектного состава соглашений членов семьи доминирует, хотя и с разной степенью определенности, публичный интерес государства, который проявляется «в признании правовыми нормами стремления общества и государства к созданию определенной, одобряемой ими модели семейных отношений посредством вмешательства в частную жизнь членов семьи в пределах, установленных законом» [7, с. 71].

Частный интерес проявляется «в стремлении субъектов семейных отношений к достижению определенных благ как прямо предусмотренных законом, так и не запрещенных им» [7, с. 73]. Мы полагаем, что к таким благам можно отнести право субъекта семейных отношений на заключение соглашений через представителя, что, думается, не противоречит закону. В теории семейного права данный вопрос не имеет однозначного решения. Рассуждения ученых касаются отдельных соглашений: брачного договора и соглашения об уплате алиментов и не отличаются единством мнений. Одни исследователи утверждают, что «брачный договор не может быть заключен ни законным представителем, ни по доверенности. К нему в полной мере должна применяться норма п. 4 ст. 182 ГК РФ о недопустимости совершения через представителя сделки, которая по своему характеру может быть совершена только лично. Процедура заключения брачного договора, как и самого брака, требует личного участия обоих супругов» [8, с. 10–11]. Данная точка зрения преобладает в юридической литературе [9, с. 6; 10, с. 33; 11, с. 87].

Другие ученые, наоборот, полагают возможным «заключение брачного договора представителем по доверенности, это вытекает

из имущественного характера сделки» [12, с. 58]. На данный характер соглашения указывает и О. А. Кабышев, признавая возможность заключения брачного договора через представителя при наличии надлежаще оформленной доверенности, содержащей основные условия брачного договора [13, с. 62]. Заслуживает внимания позиция А. В. Слепаковой, которая выступает против заключения брачного договора через представителя по доверенности за исключением того случая, когда «доверенность представителя содержит абсолютно все условия брачного договора (что практически весьма затруднительно) и эти условия охватывают исключительно отношения супругов по поводу принадлежащего им имущества» [14, с. 73]. В этом случае автор допускает заключение брачного договора через представителя.

Относительно возможности заключения соглашения о разделе общего имущества супругов по доверенности в юридической литературе присутствуют единичные высказывания о законности подобного рода действий [15]. Соглашение об уплате алиментов считается учеными «сделкой, которая по своему характеру может быть совершена только лично. Поэтому заключение таких соглашений через представителей по доверенности недопустимо» [11, с. 154].

Представляется, что заключение семейно-правовых соглашений через представителя по доверенности возможно, но условия заключаемого соглашения должны быть включены в текст доверенности. Данный тезис может быть обоснован следующим образом. Представитель действует в интересах представляемого, «что является специфической чертой таких отношений». Существует мнение, согласно которому «полномочие является субъективным гражданским правом, управомочивающим своего обладателя на совершение сделки от имени и с непосредственным действием для другого лица» [16, с. 67], что акцентирует внимание на значении для данных отношений как воли представителя, так и воли представляемого. Соответственно, условия любого соглашения должны согласовываться представителем с представляемым. Представляемый принимает активное участие в согласовании условий соглашения: утверждает их либо отказывается утвердить, предлагает свой вариант, контактируя с другой стороной соглашения непосредственно либо через представителя.

Также не является секретом, что в судебном заседании, например, по спору, вытекающему из семейных отношений супругов, родителей (раздел имущества, изменение, расторжение брачного договора, признание недействительным брачного договора, взыскание алиментов, изменение соглашения об уплате алиментов, определение места жительства ребенка с одним из родителей, об устранении препятствий к общению с ребенком и т. д.) стороны спора могут участвовать через представителей. Причем в доверенности может быть оговорено право представителей на заключение мирового соглашения, которое, в случае его заключения представителями сторон и утверждения судом, может быть названо одной из правовых форм соглашения об осуществлении семейных прав и (или) исполнении семейных обязанностей. В данном случае вопрос о его законности, если оно не оспаривается сторонами, не поднимается.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Анализ правового регулирования субъектного состава семейно-правовых соглашений позволяет сделать заключение о том, что при определении субъектного состава превалирует публичный интерес, обуславливаемый ролью субъекта в семейных отношениях, пределами законодательного регулирования отношений внутри семьи, тесной связью семейных прав и обязанностей с их носителями.

Частный интерес проявляется в случаях, допускаемых законом, в праве выбора субъектов соглашений об общении с ребенком, хотя и оно ограничено кругом кровных родственников ребенка. При этом одним из субъектов соглашения обязательно является родитель (и) или заменяющие их лица. К проявлению частного интереса также можно отнести право на заключение соглашения через представителя.

Список использованных источников

1. *Рясенцев, В. А.* Семейное право / В. А. Рясенцев. – М. : Юрид. лит., 1971. – С. 13–14.
2. *Зубарева, О. Г.* К вопросу о методологии исследования семейных правоотношений [Электронный ресурс] / О. Г. Зубарева // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс. – М., 2024.
3. *Воронина, С. В.* Виды волеизъявления по гражданскому законодательству: доктринальный подход и правоприменительная практика /

С. В. Воронина, Т. А. Филиппова // Известия Алтайск. гос. ун-та. – 2017. – № 3(94). – С. 87.

4. Низамиева, О. Н. К вопросу о перспективах развития договорного регулирования семейных отношений / О. Н. Низамиева // Ученые записки Казан. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т. 153, кн. 4. – С. 100–106.

5. Ворожейкин, Е. М. Семейные правоотношения в СССР / Е. М. Ворожейкин. – М. : Юрид. лит., 1977. – 245 с.

6. Панкратова, Н. В. Социальное родительство / Н. В. Панкратова, В. В. Солодников // Мониторинг общественного мнения. – № (03)83 июль-сентябрь. – С. 106–108.

7. Ильина, О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве / О. Ю. Ильина. – М. : Городец, 2007. – 191 с.

8. Максимович, Л. Б. Брачный договор (контракт). Правовые режимы имущества супругов / Л. Б. Максимович. – М. : Ось-89, 2001. – 112 с.

9. Реутов, С. И. Брачный договор / С. И. Реутов, И. С. Закалина ; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь : ПГНИУ, 2011. – 187 с.

10. Побережный, С. Г. Нотариально удостоверенный брачный договор как вид нотариального акта и доказательственная презумпция при защите прав супругов / С. Г. Побережный // Нотариус. – 2018. – № 5. – С. 33–35.

11. Семейное право : учебник / Б. М. Гонгало [и др.] ; под ред. П. В. Крашенинникова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2019. – 318 с.

12. Бондов, С. Н. Брачный договор / С. Н. Бондов. – М. : ЮНИТИ. ДАНА, 2000. – 95 с.

13. Кабышев, О. А. Личные и имущественные права и обязанности супругов / О. А. Кабышев. – М. : Приор, 1998. – 112 с.

14. Слепакова, А. В. Правоотношения собственности супругов / А. В. Слепакова. – М. : Статут, 2005. – 444 с.

15. Алимова, Н. А. Раздел имущества при разводе супругов: правовые вопросы [Электронный ресурс] / Н. А. Алимова // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

16. Крашенинников, Е. А. К понятию полномочия / Е. А. Крашенинников, Ю. В. Байгушева // Вестн. гражд. права. – 2012. – № 2. – С. 67–69.

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
ДОГОВОРА НА УПРАВЛЕНИЕ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ
СОВМЕСТНОГО ДОМОВЛАДЕНИЯ**

Третьякова А. П.

*аспирант Института правовых исследований
Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030 Минск, Беларусь,
atretiakova@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается правовая природа договора на управление общим имуществом совместного домовладения в жилой и нежилой недвижимости, определяется место и роль указанного договора в системе гражданско-правовых договоров. Основной акцент в исследовании сделан на правоотношениях по совместному домовладению в жилищной сфере. Результаты, обозначенные в статье, могут быть использованы для дальнейших научных исследований, а также при совершенствовании законодательства.

Ключевые слова: договор на управление общим имуществом; совместное домовладение; жилые дома; нежилые капитальные строения (здания, сооружения).

**LEGAL NATURE
OF THE AGREEMENT FOR THE MANAGEMENT
OF COMMON PROPERTY OF JOINT HOUSEHOLDING**

Tretiakova A.

*Postgraduate student of the Institute of Legal Research
of the National Center for Legislation and Legal Research
of the Republic of Belarus,
Bersona Str., 1a, 220030 Minsk, Belarus,
atretiakova@yandex.ru*

Abstract. The article examines the legal nature of the contract for the management of common property of joint household ownership in residential and non-residential real estate, and determines the place and role of this contract in the system of civil contracts. The main focus of the study is on legal relations regarding joint homeownership in the housing sector. The results outlined in

the article can be used for further scientific research, as well as for improving legislation.

Keywords: contract for the management of common property; joint home ownership; residential buildings; non-residential capital structures (buildings, structures).

Договор на управление общим имуществом совместного домовладения (далее – договор на управление) не является новеллой последних лет. Вместе с тем в соответствии с жилищным законодательством управление общим имуществом совместного домовладения уполномоченным лицом на основании договора приобретает все большее значение.

Современные исследования договора на управление в отечественной цивилистической доктрине отсутствуют.

Тем не менее управление общим имуществом совместного домовладения, которое возникает в жилых домах, квартирах и нежилых помещениях в блокированных или многоквартирных жилых домах, а также капитальных строениях (зданиях, сооружениях), расположенных на придомовой территории (далее – совместное домовладение в жилых домах), являлось предметом отдельных публикаций И. Н. Щемелёвой [1], а также юристов, которые исследовали указанный вопрос с практической точки зрения [2; 3].

Следует отметить, что рассматриваемый институт наиболее разработан в российской правовой доктрине, которая и послужила теоретической основой для написания настоящей статьи [4; 5; 6].

Целью настоящего исследования является выявление правовой природы договора на управление, определение его места и роли в системе гражданско-правовых договоров.

Возможность заключить договор на управление по законодательству Республики Беларусь предусматривается: Жилищным кодексом Республики Беларусь (далее – ЖК) (в редакции Закона Республики Беларусь от 29 декабря 2023 г. № 330-З «Об изменении законов по вопросам управления жилищным фондом и его эксплуатации» (далее – Закон № 330-З), Законом Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. № 405-З «О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг» (далее – Закон № 405-З), Законом

Республики Беларусь от 8 января 1998 г. № 135-3 «О совместном домовладении» (далее – Закон № 135-3), а также постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 мая 2021 г. № 271 «О порядке создания и деятельности управляющей организации» (далее – постановление № 271).

В целом настоящая статья посвящена изучению договора на управление общим имуществом совместного домовладения в жилых домах. Вместе с тем в отдельных случаях будет упоминаться также и договор на управление общим имуществом совместного домовладения в нежилых капитальных строениях (зданиях, сооружениях).

В соответствии с новой редакцией п. 2 ст. 155 ЖК по договору на управление общим имуществом совместного домовладения одна сторона (уполномоченное лицо) по поручению другой стороны (участника совместного домовладения, лица, которому собственником жилого и (или) нежилого помещений или законодательством предоставлено право на заключение договора на управление общим имуществом совместного домовладения) за плату обязуется организовать оказание и (или) оказать основные и дополнительные жилищно-коммунальные услуги, за исключением услуг водоснабжения, водоотведения (канализации), газо- и электро-снабжения, осуществлять иную деятельность, направленную на достижение целей управления общим имуществом совместного домовладения.

Указанное определение позволяет охарактеризовать рассматриваемый договор как консенсуальный (так как он считается заключенным с момента достижения сторонами согласия по всем существенным условиям), возмездный (за исполнение своих обязанностей управомоченное лицо получает плату или иное встречное предоставление) и двусторонний (права и обязанности по рассматриваемому договору возникают у каждой стороны). Перечисленные характеристики договоров, известные и рассмотренные различными авторами [7; 8; 4], не дают, тем не менее, полного представления о правовой природе договора на управление, при изучении которой следует определить, относится ли такой договор к разновидности гражданско-правового договора.

По данному вопросу большинство авторов сходятся во мнении, что договор на управление относится именно к гражданско-правовым договорам, отмечая при этом, что он регулируется специальным законодательством [9, с. 31].

Так, например, Е. А. Сухановым презюмируется, что «если заключаются договоры частноправового содержания, то независимо от сферы, в которой складываются данные отношения (использование жилья, строительство объектов, перевозка грузов и т. п.), все они оказываются в ведении гражданского права» [10, с. 60].

Представляется, что с учетом, в том числе, субсидиарного применения гражданского законодательства к жилищным правоотношениям (ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь), договор на управление следует считать разновидностью гражданско-правовых договоров, урегулированных нормами специальных актов: ЖК, законами № 405-3, № 135-3 и соответствующими подзаконными актами.

При этом доктринальные источники не содержат однозначного ответа, к какому типу гражданско-правовых договоров относится договор управления многоквартирным домом (эквивалент договора на управление общим имуществом совместного домовладения в жилых домах в Российской Федерации).

В литературе выделяются различные точки зрения. Так, некоторые авторы относят договор на управление к договору оказания услуг; иные – к договору доверительного управления имуществом; третьи – к смешанному договору, который сочетает в себе признаки вышеуказанных типов договоров. Многочисленная группа авторов считает его самостоятельным видом договора [4; 11; 12; 13].

Понятие «управление общим имуществом совместного домовладения» (п. 58 ст. 1 ЖК, п. 2 Положения о порядке создания и деятельности управляющей организации, утвержденного постановлением № 271), дает основания полагать, что такой договор на управление имеет своим предметом возмездное оказание услуг. Вместе с тем в литературе отмечается, что модель возмездного оказания услуг была заимствована механически, она не позволяет применительно к договору на управление конкретно согласовать предмет договора [14], который зависит от состава общего имущества совместного

домовладения, его состояния, а также пожеланий собственников помещений, расположенных в нем, и состоит либо в выполнении работ и оказании услуг по надлежащему содержанию и ремонту общего имущества, либо только в оказании услуг по организации обслуживания [4].

Существует позиция, согласно которой договор на управление следует считать смешанным договором, в котором сочетаются элементы договоров: возмездного оказания услуг, договора доверительного управления имуществом, а также договора подряда. Такого мнения, например, придерживаются: Н. М. Мантул [15], В. Н. Литовкин [16], Л. Ю. Грудцына [17] и др. Мантул Н. М. считает, что к отношениям по управлению многоквартирным домом правила указанных договоров применяются субсидиарно [15, с. 9].

Возможность заключить смешанный договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законодательством, определена п. 2 ст. 391 ГК. К такому договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора.

Некоторые авторы отмечают, что отсутствие специальных норм, посвященных договору, является признаком смешанного договора, поэтому считать договор на управление, который имеет законодательное оформление, смешанным, неверно [11].

Склоняясь к мнению большинства ученых о том, что природа договора на управление не является смешанной, интересной в то же время представляется позиция В. Н. Годунова, который выделял среди смешанных договоров два вида: смешанные договоры в силу законодательства и смешанные договоры в результате договорной практики [7]. Таким образом, автор признавал, что смешанные договоры могут быть поименованы в законодательстве. Аналогичная позиция по данному вопросу поддерживается еще рядом исследователей [18, с. 104; 19, с. 7; 12; 13].

Контраргументом вышеуказанным позициям служит мнение А. А. Собчака, который настаивает, что «смешанный договор есть необходимая промежуточная стадия в процессе возникновения новых видов договоров. ... Договоры, уже сформировавшиеся, за-

конодательно закрепленные в качестве самостоятельных видов, не могут рассматриваться как смешанные, так как отпадает необходимость в применении к ним положений о тех традиционных договорах, элементы которых включены в их содержание» [20, с. 7]. Аналогичного мнения придерживается Л. А. Юрьева [12, с. 7].

В пользу самостоятельности договора на управление высказывался также С. Ю. Шахов, отмечая, что «договор управления многоквартирным домом содержит элементы договорных обязательств, направленных на выполнение работ, оказание услуг, передачу имущества в собственность, однако не является смешанным, так как его самостоятельное существование признано законодательством. Поэтому к нему не могут прямо применяться нормы об отдельных договорах, предусмотренных частью второй Гражданского кодекса РФ» [13, с. 9].

С учетом изложенного представляется возможным сделать вывод, что договор на управление по законодательству Республики Беларусь можно отнести к самостоятельному виду гражданско-правового договора, который достаточно специфичен, однако не вполне системно урегулирован.

Национальный законодатель прямо предусматривает, что договор на управление является бессрочным (ч. 1 п. 3 ст. 155 ЖК, п. 11 ст. 16 Закона № 405-3, ч. 1 п. 2 ст. 19 Закона № 135-3), а в отношении договора на управление общим имуществом совместного домовладения в жилых домах – также публичным (ч. 5 п. 1 ст. 155 ЖК, ч. 1 п. 3 ст. 15 Закона № 405-3).

Некоторыми авторами отмечается организационный характер договора на управление [21, с. 7]. Как представляется, такой вывод можно было бы сделать, в том числе, на основании приведенного выше легального определения понятия «договор на управление», которое (до внесенных изменений) указывало на то, что деятельность уполномоченного лица (или управляющей организации в некоторых случаях) направлена не столько на непосредственное выполнение работ и услуг, необходимых для эксплуатации многоквартирного жилого дома, либо нежилого капитального строения (здания, сооружения), сколько на организацию такого обслуживания.

Организационные договоры выделяются наряду с имущественными в отдельную категорию. При этом отмечается, что в таких договорах организационные элементы не только не подчинены имущественным, но и настолько значительны, что даже определяют характер договора [22, с. 60–61; 23, с. 361–363, 414–421; 24, с. 110–111]. Предмет указанных договоров составляет организация взаимоотношений сторон с целью их последующего осуществления. При этом конкретное обязательство по передаче товаров, выполнению работ, оказанию услуг возникает после согласования сторонами определенных условий (количество и ассортимент товара, сроки передачи и т. д.) в порядке, предусмотренном в таком договоре [7, с. 7].

Представляется, что с учетом такой характеристики договор на управление нельзя однозначно отнести к организационному (особенно после внесения корректировок в ЖК и Закон № 405 Законом № 330-З). Возможно, первоначально такой договор и задумывался по прототипу зарубежного аналога, где основная функция управляющей организации – организовать обслуживание многоквартирного дома. Однако в настоящее время внесенные в законодательные акты изменения указывают на «смешение» функций управления и оказания соответствующих услуг.

В научной литературе ведется также дискуссия, относятся ли услуги, которые оказываются на основании договора на управление, к жилищно-коммунальным услугам. По указанному вопросу единство мнений отсутствует как среди российских, так и среди белорусских авторов [1; 21; 25; 26].

Так, например, И. Н. Щемелёвой услуга по управлению общим имуществом совместного домовладения в жилых домах признается жилищно-коммунальной услугой [1], иные авторы считают, что оказание услуг уполномоченным лицом по управлению общим имуществом совместного домовладения не относится к жилищно-коммунальным услугам [2].

В целом, соглашаясь с доводами И.Н. Щемелёвой в части не вполне последовательного правового регулирования договора на управление Законом № 450-З, представляется, тем не менее, что такой договор не следует относить к договорам на оказание жилищно-

коммунальных услуг. Так, для Республики Беларусь характерно разделение жилищно-коммунальных услуг на основные и дополнительные (ст. 30 ЖК, ст. 4 Закона № 405-3). При этом перечень основных жилищно-коммунальных услуг исчерпывающий (п. 2 ст. 30, п. 2 ст. 4 Закона № 405-3). Среди них услуги по управлению, которые оказываются на основании договора на управление общим имуществом совместного домовладения в жилых домах, отсутствуют.

Дополнительные услуги оказываются по желанию потребителей и не носят характер обязательных (п. 3 ст. 4 Закона № 405-3), в отличие от договора на управление, который носит обязательный характер (п. 1 ст. 155 ЖК), (п. 3 ст. 16 Закона № 405-3).

Вместе с тем внесенными Законом № 330-3 изменениями предусматривается возможность оказывать основные и дополнительные жилищно-коммунальные услуги уполномоченным лицом, с которым заключается договор на управление общим имуществом совместного домовладения в жилых домах. Такое дополнение не вносит ясность в понимание правовой природы договора на управление и свидетельствует о непоследовательности его законодательного регулирования.

Таким образом, проведенный анализ договора управления общим имуществом совместного домовладения позволяет охарактеризовать его как самостоятельный гражданско-правовой договор, который является консенсуальным, возмездным, двусторонним и публичным.

Список использованных источников

1. *Щемелёва, И. Н.* Управление общим имуществом совместного домовладения как услуга: законодательные коллизии [Электронный ресурс] / И. Н. Щемелёва // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

2. *Сацута, Н. А.* Стоимость услуги по управлению общим имуществом по договору [Электронный ресурс] / Н. А. Сацута // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

3. *Богдан, Н. Н.* Совместное домовладение: какие нововведения ждут нас с вступлением в силу нового Жилищного кодекса [Электронный ресурс] / Н. Н. Богдан // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

4. *Юрьева, Л. А.* Договор управления многоквартирным домом : моногр. / Л. А. Юрьева. – М. : Юстицинформ, 2011. – 256 с.

5. *Маркова, И. В.* Управление общим имуществом в многоквартирном доме: проблемы и решения / И. В. Маркова. – Самара : Деловой двор, 2010. – 579 с.

6. *Михайлов, В. К.* Проблемы управления многоквартирными домами / В. К. Михайлов. – М. : Б. и., 2010. – 97 с.

7. *Годунов, В. Н.* Классификация гражданско-правовых договоров и ее аспекты / В. Н. Годунов // Право в современном белорусском обществе : юбилейный сб. науч. тр., посвященный 20-летию Нац. центра зак-ва и прав. исслед. Респ. Беларусь / Нац. центр зак-ва и прав. исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2017. – Вып. 12. – С. 341–350.

8. Советское гражданское право : учеб.: в 2 ч. / под ред. В. А. Рясенцева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрид. лит., 1986. – Ч. 1. – 575 с.

9. *Козлова, Е. Б.* Договор управления многоквартирным домом и бремя собственника по содержанию имущества / Е. Б. Козлова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2006. – № 9. – С. 30–33.

10. *Суханов, Е. А.* Осторожно: гражданско-правовые конструкции / Е. А. Суханов // Законодательство. – 2003. – № 9. – С. 60–65.

11. *Маркин, И. В.* Правовая природа договора управления многоквартирным домом [Электронный ресурс] / И. В. Маркин // Вестн. магистратуры. – 2018. – № 5-1(80). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-dogovor-upravleniya-mnogokvartirnym-domom>. – Дата доступа: 10.12.2023).

12. *Юрьева, Л. А.* Договор управления многоквартирным домом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Л. А. Юрьева ; Том. гос. ун-т. – Томск, 2010. – 26 с.

13. *Шахов, С. Ю.* Правовая сущность и способы управления многоквартирным домом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С. Ю. Шахов ; Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ. – Москва, 2007. – 22 с.

14. *Тарасова, А.* Правовая квалификация модели управления многоквартирными домами в жилищном законодательстве РФ / А. Тарасова // Жилищ. право. – 2011. – № 9. – С. 69–100.

15. *Мантул, Н. М.* Гражданско-правовое регулирование деятельности по надлежащему содержанию общего имущества многоквартирных домов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. М. Мантул ; Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2009. – 24 с.

16. *Литовкин, В. Н.* Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В. Н. Литовкин. – М. : Проспект, ТК Велби, 2006. – 300 с.

17. *Грудцына, Л. Ю.* Жилищное право России : учеб. пособие / Л. Ю. Грудцына. – М. : Элит, 2007. – 434 с.

18. *Забоев, К. И.* Правовые и философские аспекты гражданско-правового договора / К. И. Забоев. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 360 с.

19. *Герценштейн, О. В.* Договор финансирования по уступке денежного требования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О. В. Герценштейн ; Байкальск. гос. ун-т экономики и права. – Томск, 2004. – 23 с.

20. *Собчак, А. А.* Смешанные и комплексные договоры в гражданском праве / А. А. Собчак // Совет. гос-во и право. – 1989. – № 11. – С. 61–66.

21. *Свит, Ю. П.* Об организационном характере договора управления многоквартирным домом / Ю. П. Свит // Гражданское право. – 2013. – № 3. – С. 18–21.

22. *Быков, А. Г.* План и хозяйственный договор / А. Г. Быков. – М. : Изд-во МГУ, 1975. – 158 с.

23. Хозяйственное право / отв. ред. В. П. Грибанов, О. А. Красавчиков. – М. : Юрид. лит., 1977. – 480 с.

24. *Сафиуллин, Д. Н.* Теория и практика правового регулирования хозяйственных связей в СССР / Д. Н. Сафиуллин. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 140 с.

25. *Формакидов, Д. А.* О систематизации договоров, регулирующих жилищные отношения / Д. А. Формакидов // Семейн. и жилищ. право. – 2021. – № 5. – С. 35–38.

26. *Филимонов, С. Л.* Комментарий к новому Жилищному кодексу РФ / С. Л. Филимонов, Г. Ф. Шешко. – М. : МЦФЭР: Ментор, 2005. – 477 с.

**ОТКАЗ ОТ БЕССРОЧНОГО ДОГОВОРА
АРЕНДЫ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ И ЕГО РЕГИСТРАЦИЯ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

Третьякова И. П.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
TretiakovaIP@bsu.by*

Аннотация. На примере спора, рассмотренного судами Республики Беларусь, при анализе действующего законодательства и доктринальных источников выявлены проблемы в правовом регулировании и практике применения отказа от договора аренды жилого помещения, заключенного на неопределенный срок. Дан анализ п. 2 ст. 581 ГК Республики Беларусь. Предложены изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: бессрочный договор; договор аренды жилого помещения; регистрация договора; отказ от договора.

**REFUSAL OF AN ENDLESS LEASE AGREEMENT
OF RESIDENTIAL PREMISES AND ITS REGISTRATION:
STATEMENT OF THE PROBLEM**

Tretiakova I.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
TretiakovaIP@bsu.by*

Abstract. Using the example of a dispute considered by the courts of the Republic of Belarus, when analyzing the current legislation and doctrinal sources, problems in legal regulation and the practice of applying waiver of a residential lease agreement concluded for an indefinite period were identified. An analysis of clause 2 of Art. 581 Civil Code of the Republic of Belarus. Changes to the current legislation are proposed.

Keywords: residential lease agreement; waiver of agreement; registration of agreement; withdrawal from the contract.

Районным судом г. Минска был рассмотрен иск собственника жилого помещения к частному унитарному предприятию о расторжении договора аренды и взысканию задолженности по арендной плате. Решением суда требования истца удовлетворены в полном объеме; апелляционная жалоба ответчика на решение суда оставлена без удовлетворения.

Судом было установлено следующее. Между истцом и ответчиком был заключен договор аренды жилого помещения. Договор был зарегистрирован в соответствии с требованием законодательства; являлся бессрочным (заключенным на неопределенный срок). Стороны согласовали в соответствии с п. 2 ст. 581 ГК Республики Беларусь право арендодателя на отказ от договора аренды (прекращение договора), предупредив арендатора о его прекращении за один месяц путем уведомления, отправленного на адрес электронной почты арендатора. В нарушение условий договора арендатор не внес платы ни за первый месяц, ни за последующие месяцы аренды жилого помещения. Арендатору в соответствии с п. 2 ст. 581 ГК и соответствующим пунктом заключенного договора аренды было направлено уведомление о прекращении действия договора с определенной даты (22 июня 2020 г.), требование возврата предоставленного жилого помещения к определенной дате по акту приема-передачи и погашения задолженности по арендным платежам. Однако ответчик отказался считать договор прекращенным и продолжал пользоваться жилым помещением, не внося арендную плату. Собственник жилого помещения обратился в администрацию района с заявлением о внесении записи о прекращении договора аренды в соответствии с п. 2 ст. 581 ГК и соответствующим пунктом заключенного договора. Ему было отказано в осуществлении этой административной процедуры, разъяснено право обжаловать отказ и возможность обращения в суд с требованием о прекращении договора.

Вернуть жилое помещение по акту приема-передачи арендатор отказывался, так как считал требования арендодателя необоснованными и ссылаясь на нормы ст. 54, 61 ЖК Республики Беларусь, ст. 290, 291, 422 ГК Республики Беларусь.

Решение районного суда основывалось на следующем.

Согласно п. 2 ст. 581 ГК, если срок аренды в договоре не определен, договор аренды считается заключенным на неопределенный

срок. В этом случае каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону за один месяц, а при аренде недвижимого имущества – за три месяца. Законодательством или договором может быть установлен иной срок для предупреждения о прекращении договора аренды, заключенного на неопределенный срок.

Из п. 1 ст. 585 ГК следует, что арендатор обязан своевременно вносить плату за пользование имуществом (арендную плату).

На основании ч. 1 ст. 593 ГК при прекращении договора аренды арендатор обязан вернуть арендодателю имущество в том состоянии, в котором он его получил, с учетом нормального износа или в состоянии, обусловленном договором.

Согласно ч. 2 ст. 593 ГК, если арендатор не возвратил арендованное имущество либо возвратил его несвоевременно, арендодатель вправе потребовать внесения арендной платы за все время просрочки. В случае, когда указанная плата не покрывает причиненных арендодателю убытков, он может потребовать их возмещения.

В своем решении суд подтвердил прекращение договора в соответствующую дату, указанную истцом (22 июня 2020 г.), констатируя, что после прекращения договора ответчик продолжал пользоваться жилым помещением, что в силу требований ч. 2 ст. 593 ГК предоставляет арендодателю право требовать внесения арендной платы также и за период времени после расторжения договора.

Ссылку ответчика на нормы статей Жилищного кодекса суд признал необоснованными, так как последний регулирует договор найма жилого помещения частного жилищного фонда граждан. Что же касается норм статей Гражданского кодекса, на которые ссылался ответчик, то суд указал, что они применимы в случае отсутствия специального правового регулирования. Специальным правовым регулированием данных правоотношений является глава 34 ГК.

Таким образом, суд констатировал, что все доводы ответчика не основаны ни на законе, ни на заключенном договоре [1].

На наш взгляд, это судебное дело, длящееся восемь месяцев, из которых шесть месяцев жилое помещение удерживалось ответчиком, не оплачивалась арендная плата, а арендодатель нес расходы по его содержанию, обозначает проблему и в правовом регулировании, и в правоприменении.

В соответствии с договором аренды жилого помещения частного жилищного фонда граждан, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 сентября 2006 г. № 1191 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 4 августа 2006 г. № 497», действие договора прекращается по истечении срока его действия, а также в иных случаях, предусмотренных законодательными актами. Досрочно договор может быть расторгнут по соглашению сторон; по требованию арендодателя в случаях невнесения арендатором более двух раз подряд арендной платы, использования жилого помещения не по его целевому назначению; в иных случаях, предусмотренных законодательными актами.

К иным случаям относится норма п. 2 ст. 581 ГК, устанавливающая право сторон в договоре аренды, заключенном на неопределенный срок, в любое время отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону за один месяц, а при аренде недвижимого имущества – за три месяца. Законодательством или договором может быть установлен иной срок для предупреждения о прекращении договора аренды, заключенного на неопределенный срок.

В соответствии с *lex specialis derogat generali* (специальное правило превагирует над общим) вышеназванное правило является специальным по отношению к правилу, установленному в ст. 590 ГК «Досрочное расторжение договора аренды по требованию арендодателя» и самостоятельным основанием прекращения бессрочного договора аренды по инициативе любой стороны.

В российской юридической литературе, основываясь на доктрине и судебной практике, сложилось мнение, что основанием прекращения бессрочного договора аренды является внесудебный и немотивированный отказ от договора. Такое мнение обосновывается наличием в Гражданском кодексе Российской Федерации ст. 450-1 «Отказ от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору» и п. 2 ст. 610 «Срок договора аренды» [2].

В соответствии с подп. 1-2 ст. 450-1 ГК РФ предоставленное гражданским кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором право на односторонний отказ от договора (исполнения договора) (ст. 310) может быть осуществлено уполномоченной

стороной путем уведомления другой стороны об отказе от договора (исполнения договора). Договор прекращается с момента получения данного уведомления, если иное не предусмотрено гражданским кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором. В случае одностороннего отказа от договора (исполнения договора) полностью или частично, если такой отказ допускается, договор считается расторгнутым или измененным.

В соответствии с ч. 2 п. 2 ст. 610 ГК РФ в случае заключения договора аренды на неопределенный срок каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону за один месяц, а при аренде недвижимого имущества за три месяца. Законом или договором может быть установлен иной срок для предупреждения о прекращении договора аренды, заключенного на неопределенный срок.

Утверждается, что по общему правилу, у сторон нет права на внесудебный и немотивированный отказ от договора. Однако такое право может быть предоставлено сторонам законом, иными правовыми актами или договором. Терминологически оно может выражаться по-разному: отказ от договора, отказ от исполнения договора, право на отказ от исполнения обязательства, от принятия исполнения, от переданного товара и его оплаты, от услуг, от участия в договоре. Авторы говорят, что именно термин «отказ» указывает на внесудебный характер расторжения; «...внесудебный отказ обладает тем преимуществом, что дает кредитору, потерявшему интерес к договору..., возможность быстро и оперативно выйти из контракта, прекратить свои встречные обязательства и переориентироваться на альтернативные варианты реализации своего интереса... Судебная процедура предполагает, что договор действует, пока не расторгнут судом, должен все это время исполняться, а сама судебная процедура может занять долгие месяцы... В условиях современного сверхдинамичного оборота это представляется абсолютно неуместным. Но важнее то, что в обоих вариантах суды сохраняют контроль над расторжением...» [2].

Выделяют три разновидности норм, устанавливающие право на отказ в силу закона, одной из которых является норма закона, дающая одной из сторон (обеим сторонам) право на немотивированный, безусловный отказ от договора, в частности, норма п. 2

ст. 610 ГК РФ. Право на немотивированный, безусловный отказ от бессрочного договора аренды императивно применяется в силу прямого указания нормы п. 2 ст. 610 ГК РФ. Устанавливается отложенное прекращение договора при отказе от него с момента истечения срока для предупреждения о прекращении договора аренды, заключенного на неопределенный срок [2].

Нормы п. 2 ст. 581 ГК Беларуси и п. 2 ст. 610 ГК РФ имеют одинаковое содержание. В чем нет ничего удивительного, так как институт бессрочной аренды является классическим в цивилистике, а гражданские кодексы обеих стран имеют общее советское прошлое и в этом вопросе не расходятся. Доктрина, используемая российскими учеными в данном случае, вполне применима к белорусской правовой системе.

Анализируя п. 2 ст. 581 ГК, мы можем сказать, что право сторон на расторжение бессрочного договора аренды – императивно. Стороны могут даже не предусматривать его в своем договоре, так как оно дано им в силу закона и обусловлено природой арендных отношений, которые всегда носят временный характер и постоянными (вечными) быть не могут. Стороны или кто-либо другой не может это право исключить своей волей. Инициатива отказа (прекращения) от договора может исходить от любой стороны. Норма статьи ничем не обуславливает право на отказ от договора, так как это «...естественное следствие бессрочной аренды» [3]. Внесудебный порядок прекращения договора обусловлен формулировками, содержащимися в ч. 2 п. 2 ст. 581 ГК, которая говорит об отказе от договора в любое время и о его прекращении в установленный срок. Постановление Пленума Высшего Хозяйственного суда Республики Беларусь 15 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах рассмотрения дел, возникающих из арендных правоотношений» в ч. 2 п. 15 подтверждает прекращение договора без судебного постановления.

Порядок прекращения предусматривает единственное условие – письменное уведомление об отказе от договора. У сторон есть только право установить иной, чем в законодательстве, срок для предупреждения. Этот срок может быть как меньше, так и продолжительнее диспозитивно установленного. Следовательно, вопрос только об установлении иного, чем в ч. 2 п. 2 ст. 581 ГК срока. Варианты могут быть следующими:

- если он указан в заключенном договоре, то он согласован;
- если он не согласован, то будут действовать правила ч. 2 п. 2 ст. 581 ГК;

- если стороны захотят его согласовать в дополнение к заключенному договору, то встанет вопрос о форме и регистрации соглашения об ином сроке для предупреждения о прекращении договора аренды, заключенного на неопределенный срок.

В соответствии со ст. 622 ГК договор аренды капитального строения (здания, сооружения), изолированного помещения или машино-места заключается в письменной форме путем составления одного документа, подписанного сторонами (п. 2 ст. 404 ГК).

Требование о регистрации договора в местных исполнительных и распорядительных органах предусмотрено Указом Президента Республики Беларусь от 4 августа 2006 г. № 497 «О некоторых вопросах аренды (субаренды), найма жилых и нежилых помещений, машино-мест»: физические лица, для которых осуществляемая в соответствии с законодательством деятельность по сдаче в аренду (субаренду), найм жилых и (или) нежилых помещений, машино-мест, находящихся на территории Республики Беларусь, не является предпринимательской, обязаны до установленного в договоре аренды (субаренды), найма жилого и (или) нежилого помещения, машино-места срока фактического предоставления таких помещений, машино-мест в аренду (субаренду), найм зарегистрировать такой договор в местном исполнительном и распорядительном органе (п. 1.6.).

Примечательно, что Декретом Президента Республики Беларусь от 19 декабря 2008 г. № 24 «О некоторых вопросах аренды капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, машино-мест» установлены иные правила, чем в п. 2 ст. 580 ГК и Указе № 497: такой договор считается заключенным, измененным и прекращенным с момента подписания его сторонами и не подлежит государственной регистрации.

Можно предположить, что целью регистрации договора аренды жилого помещения является учет заключаемых гражданами договоров, при котором сама административная процедура (регистрация) происходит в соответствии с определенными правилами и, таким образом, обеспечивается некоторая защита сторон и третьих

лиц, а также сокращаются возможности злоупотреблений. Однако, даже исходя из такой цели регистрации, нормы законодательства и практика их применения должны быть логичны и непротиворечивы.

Надо понимать, во-первых, что такая регистрация – это не государственная регистрация, носящая правоустанавливающий (правопорождающий) характер [4]. Поэтому к ней не применима ни ст. 165 ГК, ни законодательство о госрегистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Однако она является обязательной для сторон, так как обязанность содержится в п. 1.6. Указа № 497 и форме договора аренды жилого помещения частного жилищного фонда граждан, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 сентября 2006 г. № 1191, которую используют регистрирующие органы.

Во-вторых, требование регистрации договора не относится к форме договора. Датой регистрации в местном исполнительном и распорядительном органе определяется момент заключения договора аренды жилых помещений. В случае его расторжения или изменения обязательства сторон считаются прекращенными или измененными с момента достижения соглашения сторон об изменении или расторжении договора, если иное не вытекает из соглашения сторон или характера изменения договора, а при расторжении или изменении договора в судебном порядке – с момента вступления в законную силу решения суда о расторжении или изменении договора (п. 3 ст. 423 ГК).

Возвращаясь к нашему примеру мы видим, что соглашение сторон о прекращении договора в любое время присутствовало изначально при заключении (регистрации) договора и было явно выражено в соответствующем пункте договора: стороны предусмотрели право на прекращение договора в соответствии с п. 2 ст. 581 ГК и механизм его реализации путем уведомления арендатора, отправленного на адрес его электронной почты за месяц до прекращения договора. Поэтому истец полагал, что с его стороны для отказа от договора будет достаточно истечения срока уведомления и заявления в регистрирующий орган.

Однако в ответе исполнительного и распорядительного органа на заявление о внесении записи об отказе от договора арендодателю

было отказано, так как «...необходимо присутствие обеих сторон для выражения обоюдного волеизъявления...». Регистрирующий орган отказался совершать процедуру регистрации без отдельно выраженного соглашения сторон, мотивируя отсутствием «...норм действующего законодательства».

Фактически истец был поставлен в ситуацию, при которой регистрация договора препятствовала осуществлению правила, установленного ч. 2 п. 2 ст. 581 ГК, так как у арендатора на руках «действующий» договор, дающий ему право на владение и пользование, а отказ в совершении административной процедуры оставлял только судебный порядок прекращения договора.

Представляется, что в ситуации возникновения между сторонами спора (в нашем случае – арендатор отказался освободить помещение и удерживал его) судебная процедура его разрешения – единственная. Однако следует признать, что арендодатель в этой ситуации рискует столкнуться со злоупотреблением со стороны арендатора, поведение которого можно расценить как недобросовестное, так как, заключая бессрочный договор, он должен знать о праве на внесудебный немотивированный отказ от договора любой из сторон, а законодательство и практика его применения не должны поощрять недобросовестность.

Если же спорная ситуация отсутствует, то любой стороне должна быть предоставлена возможность в одностороннем порядке реализации права внесудебного немотивированного отказа от договора, прошедшего регистрацию, путем подачи заявления в регистрирующий орган о внесении записи о прекращении договора. А так как регистрация является административной процедурой, то требуется совершенствование законодательства об административных процедурах. В частности, Указ Президента Республики Беларусь 26 апреля 2010 г. № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» следует дополнить нормой о заявлении о внесении записи о прекращении договора аренды жилых помещений, заключенного на неопределенный срок. В перечень представляемых документов следует включить представление доказательств истечения срока уведомления стороны об отказе от договора.

Список использованных источников

1. Архив суда Заводского района г. Минска за 2020 г. – Гражданское дело № 102ПМ23526.
2. Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2020. – 1425 с.
3. Аренда : комментарий к статьям 606–625 и 650–655 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание] / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2023. – 816 с.
4. Годунов, В. Н. Государственная и иная регистрация гражданско-правовых договоров [Электронный ресурс] / В. Н. Годунов. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/202661/1/22.pdf>. – Дата доступа: 01.12.2023.

**СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ,
РЕГУЛИРУЮЩИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ**

Ульянова М. В.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права,
ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»,
Новочерёмушкинская ул., 69, 117418 Москва, Россия,
maryulianova14@gmail.com*

Аннотация. Изменения социально-экономических, политических условий в государстве отражается на отраслевом регулировании и важны для правоприменения существующих норм. Целью работы является выявление правовой природы семейно-правовых соглашений в семейной сфере. На основе метода сравнительного анализа, индукции и дедукции сделан вывод о семейно-правовом характере соглашений, которые не поименованы в Семейном кодексе, заключаются между субъектами семейных правоотношений, соответствуют принципам семейного права и не противоречат существу семейных отношений.

Ключевые слова: семейно-правовые соглашения; правовая природа семейно-правовых соглашений, соглашения в силу указания в законе, осуществление семейных прав, множественность на стороне супругов при заключении гражданско-правовых сделок.

**FAMILY LAW AGREEMENTS
REGULATING PROPERTY RELATIONS
IN THE FAMILY**

Ulianova M.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice»,
Novocheremushkinskaya Str., 69, 117418 Moscow, Russia,
maryulianova14@gmail.com*

Abstract. Changes in socio-economic and political conditions in the state affect law regulation and important for the enforcement of existing norms. The purpose of the work is to identify the legal nature of family law agreements in

the family sphere. Based on the method of comparative analysis, induction and deduction, a conclusion was made about the family law nature of agreements that are not named in the Family Code, are concluded between subjects of family legal relations, comply with the principles of family law and do not contradict the essence of family relations.

Keywords: family law agreements; the legal nature of family law agreements, agreements as specified in the law, the exercise of family rights, plurality on the side of spouses when concluding civil law transactions.

Семейное право является не застывшей материей, а изменяющейся под влиянием социально-экономических и политических явлений в государстве и обществе. Изменение социально-экономического подхода вызвало к жизни изменение в нормативном регулировании семейных отношений. Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) и Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, написанные более 25 лет назад, показали свою перспективность и заложенный в них потенциал. Это акты правового регулирования, которые имеют отличительную особенность, связанную с существом семейных отношений; при диспозитивно-императивном регулировании имеет место высокая степень дискреции суда. Следует выделить и обратить внимание на исследование актов индивидуального регулирования как основы осуществления семейных прав и исполнения обязанностей.

К актам индивидуального регулирования традиционно относят соглашения и договоры. В науке имеет место дискуссия относительно правовой природы соглашений в семейной сфере. Получил распространение и в Республике Беларусь, и в Российской Федерации, а также поддержан в правоприменении подход, согласно которому семейное законодательство содержит исчерпывающий перечень соглашений, а иные являются непоименованными и относятся к гражданско-правовым договорам, в связи с тем, что отрасль гражданского права допускает существование таковых (обзор судебной практики по гражданским делам за II квартал 2004 г., абзац третий п. 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 [1; 2]), [3, с. 38; 4, с. 7]. Интересен взгляд ученых, которые обращают внимание на основополагающий принцип семейного права – разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию

(п. 3 ст. 1 СК РФ), поэтому существование соглашений и договоров в семейном праве выглядит логично [5, с. 24]. Соглашения между членами семьи указаны как регуляторы семейных отношений (ст. 5); в законе отсутствуют какие-либо указания на запрет заключения соглашений. Поддерживая и развивая позицию Е. А. Чефрановой, предлагаем руководствоваться следующими критериями: субъектами являются участники семейных правоотношений; содержание соглашения соответствует закону и не противоречит принципам семейного права и существу семейных отношений [6; с. 48–54].

М. П. Короткевич обращает внимание на постепенное расширение свободы усмотрения субъектов при выборе договорных конструкций в семейном праве Республики Беларусь [7, с. 173–174]. Основание для такого вывода автор основывает на изменениях, вносимых в правовое регулирование: в ст. 13 КоБС (Закон Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 164-З, от 18 декабря 2019 г. № 277-З), в ст. 91, главу 11-1 (Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 446-З), дополнение КоБС ст. 76-1 (Законом Республики Беларусь № 277-З).

В Республике Беларусь принят Указ Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь»; в РФ принят Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; произошли изменения, связанные с внесением поправок в Конституцию РФ 2020 г., «обязанность заботиться о родителях» закреплена за совершеннолетними детьми в ст. 72. Действительно, норма ст. 87 СК РФ предусматривает обязанность трудоспособных детей содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них; закреплено право на взыскание алиментов. В норме выделен критерий алиментирования – нетрудоспособный и нуждающийся. В Конституции РФ указан более широкий термин – «забота», что позволяет возобновить дискуссию о правовой природе семейно-правовых соглашений развивая дополнения внесенные в Конституцию РФ.

Полагаю, что следует выделить два вида семейно-правовых соглашений, имеющих различные признаки и правовые последствия.

К первому относятся соглашения, прямо предусмотренные в нормах Семейного кодекса РФ, ко второму – соглашения, не поименованные в законе, но между теми же субъектами.

Основные начала семейного законодательства закрепляют уважение, взаимопомощь и ответственность перед семьей как основы ее построения и укрепления, поэтому заключение соглашений, соответствующее существо семейных отношений [8, с. 12-22; 9, с. 332–338].

Рассмотрим на примере соглашений об алиментах. Детализацией «взаимопомощи» (абз. 2 п. 1 ст. 1 СК РФ) членов семьи является предоставление содержания и взаимной помощи членов семьи друг другу. Подобная помощь может быть предоставлена добровольно и не требует каких-либо оформлений, либо в письменной форме, при желании сторон. Вместе с тем законодатель прямо указывает, в каких случаях имеет место защита субъективных прав лица в судебном порядке; такая защита обеспечена мерами принудительного взыскания, вплоть до уголовного наказания за систематическое уклонение (ст. 157 УК РФ).

С 1918 г. существует подход, получивший закрепление в Кодексе законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16 сентября 1918 г.), основанный на критериях нуждаемости и нетрудоспособности лица, на содержание которого взыскиваются алименты. Тем самым подчеркивается жизненно важный характер этого права: мера является социально-значимой, направлена на обеспечение жизни и здоровья нуждающегося члена семьи. Суд определяет предмет доказывания и исследует юридически значимые обстоятельства по делу, определяет размер взыскиваемых алиментов; взыскание осуществляется с момента обращения в суд. К алиментам относятся выплаты, предусмотренные главами 13-17 СК РФ, в которых указаны основания и условия, при которых возникает право на судебную защиту. Значимость добровольно заключенных соглашений, право на которые обеспечено судебной защитой, проявляется и в их юридической силе: будучи нотариально удостоверенными, они приравнены к исполнительному листу (п. 2 ст. 100 СК РФ).

Другие соглашения, полагаю, следует относить к непоименованным, не имеющим той же социальной значимости. Члены семьи –

их получатели – являются трудоспособными, а соответственно нет и той же степени защиты как для соглашений, указанных в законе, однако непоименованные не противоречат существу семейных отношений и его принципам.

Логично, что помимо устных договоренностей участники семейных правоотношений могут заключать соглашения о содержании письменно. И при законных алиментах, и при непоименованных соглашениях стороны могут оказывать помощь без каких-либо письменных оформлений. Однако при возникновении конфликтных ситуаций с третьими лицами предоставить информацию для них возможно только в письменной форме. При заключении непоименованных соглашений о предоставлении помощи членам семьи только письменная форма соглашения (при предусмотренном нотариальном удостоверении) становится доступной для предоставления ее другим лицам, в том числе в ходе судебного разбирательства.

В частности, подобная ситуация наблюдается при рассмотрении дел о банкротстве (несостоятельности) физических лиц в соответствии с ФЗ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Так, алименты относятся к первой очереди взысканий как жизненно важные для лица. Соответственно и степень защиты прав таких лиц обеспечена государственными мерами.

Стороны могут добровольно предоставлять содержание своим членам семьи, право которых на алименты указано в кодексе, т. е. имеют высокую степень защиты права на содержание.

Соглашение об алиментах, непоименованные в законе, но в отношении которых достигнуто соглашение сторон, такими же правовыми последствиями как предусмотренные законом не обладают, соответственно относятся к третьей очереди взыскания в деле о банкротстве. «Однако это вовсе не означает, что такие соглашения сомнительны и незаконны априори, на основании одного лишь факта, что получатель денежных средств не относится к кругу лиц, имеющих право на взыскание алиментов или дополнительных расходов в судебном порядке» [5, с. 50]. В рамках рассмотрения дел о признании лица несостоятельным при наличии у него обязательств по таким соглашениям, они могут быть оспорены в суде.

Нарушающими права кредиторов, полагаю, следует считать не само существование такого соглашения и фактическое предоставление помощи и заботы членам семьи, а размер алиментов (содержания), установленный в таком соглашении. Существование непоименованных соглашений не противоречит существу семейных отношений, требует осознания их различных правовых последствий. Подобное осмысление семейно-правовых соглашений позволит прийти к единообразной судебной практике судам общей юрисдикции и судам, рассматривающим экономические споры.

Важно отграничивать один вид соглашений о содержании, взыскании алиментов между членами семьи, от соглашений, заключенных субъектами, указанными в законе, право на получение алиментов у которых подлежит судебной защите (вплоть до уголовной).

Изменения, вносимые в нормативное регулирование, позволяют прийти к выводу о расширении сферы семейно-правового регулирования как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации.

Обратим внимание на еще один вид семейно-правового соглашения – брачный договор. Семейное законодательство РФ предусматривает ряд прав и обязанностей, осуществление и исполнение которых возможно при решении вопросов по взаимному согласию. В силу личных доверительных отношений законодатель не регламентирует форму, порядок принятия и легитимность таких соглашений. В семейном праве действует предположение (презумпция) о согласии второго супруга при осуществлении прав по владению, пользованию и распоряжению общим имуществом (п. 1 ст. 35 СК РФ), а также при решении супругами вопросов личного неимущественного характера с учетом принципа равенства (п. 2 ст. 31 СК РФ).

Усиление роли частной собственности, переход к «экономике услуг» привлекли внимание к столь значимому вопросу. В настоящее время проблема фиксации принятого супругами решения относительно совместно нажитого имущества, решения по личным неимущественным вопросам, являющимися значимыми либо затрагивающими имущественную сферу жизни, а также права и обязанности иных лиц, в том числе ребенка (например, применение вспомогательных репродуктивных технологий) является актуальным

вопросом. Подобное встречаем в наследственном договоре, договорах купли-продажи движимого имущества супругов (при распоряжении имуществом, сделки с которым не подлежат обязательной государственной регистрации, но стоимость имущества значима для супругов), когда на стороне супругов присутствует множественность и необходимо принять совместное решение относительно судьбы имущества и его дальнейшей принадлежности.

В отношении сделок, требующих нотариального удостоверения, наблюдается следующее. В последние годы наблюдаем тенденцию включения в гражданско-правовые договоры «элементов брачного договора». Брачный договор является семейно-правовым инструментом регулирования отношений с применением гражданско-правовой конструкции к нему. Его сторонами являются супруги. В гражданско-правовых договорах (например, купли-продажи, мены и пр.) супруги выступают на одной стороне; в силу презумпции в договоре указан один супруг (титальный собственник) и другая сторона договора. В результате происходит распоряжение общим имуществом или приобретение имущества в долях, в том числе в интересах второго супруга. В результате подобный подход стал рассматриваться как гражданско-правовой договор с «элементом брачного договора» (например, определение № 11-КГ23-6-К6 г. Москва 27 июня 2023 г. о разделе совместно нажитого имущества [10]). Подобная ситуация представляется интересной, требует внимания.

С одной стороны, в гражданско-правовом договоре проявляется внешне взаимная воля супругов, получая свое внешнее выражение. С другой стороны, имеют место иски, направленные на восстановление прав супруга, который не знал о заключаемой сделке или не осознавал, что в результате заключения сделки он утрачивает право собственности на имущество, в силу того, что изменяется режим конкретного имущества по сути в одностороннем порядке, без его на то волеизъявления, что нашло отражение в предъявляемых требованиях в суд и стало предметом разбирательства высшей судебной инстанции (например, определение № 20-КГ19-13 от 25 июня 2020 г. по иску Курбановой к Идрисову о разделе общего имущества супругов; определение № 69-КГ23-4-К7 г. Москва 13 июня

2023 г. о разделе совместно нажитого имущества [12]; определение № 33-КГ23-2-КЗ г. Москва 11 апреля 2023 г. о разделе совместно нажитого имущества [13]).

Полагаю, что при заключении гражданско-правовых сделок с супружеским имуществом нотариусу необходимо разъяснять супругам как участникам множественности на стороне гражданско-правовой сделки правовые последствия, которые она влечет для них.

Можно сделать вывод относительно семейно-правовых соглашений. Семейно-правовые соглашения – сфера индивидуального регулирования, требующая повышенного внимания и имеющая тенденции к расширению как основа осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей.

Список использованных источников

1. Обзор судебной практики по гражданским делам за II квартал 2004 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

2. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов : постановление Пленума Верховного Суда РФ, 26 дек. 2017 г., № 56 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

3. Чашкова, С. Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве : дис. ... канд. юрид. наук / С. Ю. Чашкова. – М., 2004. – 197 с.

4. Титаренко, Е. П. Понятие и характеристика соглашений в семейном праве / Е. П. Титаренко // Семейн. и жилищн. право. – 2005. – № 2. – С. 10–12.

5. Косова, О. Ю. Субъектный состав соглашений об уплате алиментов / О. Ю. Косова // Российск. юстиция. - 2002. - № 12. – С. 24–25.

6. Чефранова, Е. А. Непоименованные договоры как основание регулирования семейных отношений / Е. А. Чефранова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 7. – С. 48–54.

7. Короткевич, М. П. Договорное регулирование личных неимущественных прав и обязанностей родителей в брачном договоре и соглашениях о детях / М. П. Короткевич // Семейное право: современные проблемы теории и практики : материалы Междунар. кругл. стола, Минск, 16–17 окт. 2020 г. / редкол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – 375 с.

8. Ульянова, М. В. «Взаимопомощь» и «помощь» как правовые категории и принцип осуществления семейных прав / М. В. Ульянова // Российск. правосудие. – 2022. – № 2. – С. 12–22.

9. Ульянова, М. В. Уважение как принцип осуществления семейных прав / М. В. Ульянова // Семейн. право: соврем. проблемы теории и практики : материалы Междунар. кругл. стола, Минск, 16–17 окт. 2020 г. / редкол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – 375 с.

10. Определение Верховного Суда Российской Федерации, 27 июня 2023 г., дело № 11-КГ23-6-К6 [Электронный ресурс]. – доступа: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2261180. – Дата доступа: 01.02.2024.

11. Определение Верховного Суда Российской Федерации, 25 июня 2020 г., №20-КГ19-13 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsrf.ru>. – Дата доступа: 01.02.2024.

12. Определение Верховного Суда Российской Федерации, 13 июня 2023 г., дело № 69-КГ23-4-К7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2261060. – Дата доступа: 01.02.2024.

13. Определение Верховного Суда Российской Федерации, 11 апр. 2023 г., дело № 33-КГ23-2-К3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2234634. – Дата доступа: 01.02.2024.

УДК. 347.73 (476) (045)

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ЖИЛИЩНОГО И ИНВЕСТИЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Цегельник О. В.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 8, 220030 Минск, Беларусь,
tsegelnik.pochta@gmail.com*

Аннотация. В статье дается характеристика развития жилищного, строительного и инвестиционного законодательства Республики Беларусь. Автором обоснованы выводы о необходимости понимания жилищного права как жилищно-инвестиционного и дальнейшей разработки Жилищно-инвестиционного кодекса Республики Беларусь.

Ключевые слова: предмет жилищного права Республики Беларусь; жилищно-инвестиционное законодательство; строительное законодательство; Жилищно-инвестиционный кодекс Республики Беларусь.

ABOUT CODIFICATION OF THE HOUSING AND INVESTMENT LEGOSLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Tsahelnik O.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Leningradskaya Str., 8, 220030 Minsk, Belarus,
tsegelnik.pochta@gmail.com*

Abstract. The article is concerned with the description of the development of the housing, building and investment law of the Republic of Belarus. The necessity of understanding the housing law as housing-investment and further construction of the Housing-investment Code of the Republic of Belarus are argued by the author.

Keywords: subject of the housing law of the Republic of Belarus, housing-investment legislation, building legislation, Housing-Investment law of the Republic of Belarus.

Согласно ст. 2 новой редакции Жилищного кодекса Республики Беларусь от 12 августа 2012 г. в предмет жилищного права включены отношения, опосредующие инвестиционно-строительную деятельность, реализацию инфраструктурных проектов в рамках деятельности жилищно-коммунального хозяйства. Действующий кодекс значительно расширил предмет жилищного права, обусловил его развитие в зависимости от разработанной модели экономического развития Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц. И этот постулат необходимо считать ключевым: эффективность и успешность развития экономики напрямую связана и зависит от объемов жилищного строительства, причем строительства жилья с дальнейшей целью его передачи на праве собственности гражданам.

Согласно п. 9.3 Декрета Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» Совету Министров Республики было поручено обеспечить разработку, проведение публичного обсуждения и внесение в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь Кодекса Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности. Проект данного кодекса разработан и обсуждался соответствующими специалистами [1]. 22 июля 2023 г. текст Кодекса Республики Беларусь от 17 июля 2023 г. об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности был опубликован на сайте Национального правового Интернет – портала Республики Беларусь, и должен вступить в силу 22 июля 2024 г.

Следует отметить, прежде всего, инвестиционную сущность строительной, градостроительной деятельности, что обуславливает необходимость соотношения инвестиционного законодательства и рассматриваемого Кодекса, а также Жилищного кодекса в целом. В опубликованном кодексе эти соотношения учтены, но, на наш взгляд, в самом общем виде, в частности, например, в главе 16 «Предпроектная (предынвестиционная) документация» ст. 69–71, главе 17 «Проектная документация. Специальные технические условия» ст. 72–74, и главе 22 «Жилищное строительство. Особенности создания объектов долевого строительства» ст. 94–97.

Согласно п. 45.7 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь

от 28 июня 2023 г. № 196 «О Концепции правовой политики» в сферах гражданского, экономического (хозяйственного) законодательства предстоит провести кодификацию инвестиционного законодательства.

А также необходимо стимулировать развитие строительной отрасли, в том числе посредством:

- систематизации законодательства в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, преодоления излишней регуляторной нагрузки на отрасль, в том числе за счет внедрения дифференцированных подходов и альтернативных механизмов с учетом специфики объектов строительства и круга его участников, при безусловном обеспечении безопасности строительства, соблюдении его нормативных сроков;

- разработки, корректировки и внедрения строительных норм и строительных правил, а также стимулирования применения строительных правил как инструмента «мягкого» регулирования в строительстве;

- участия в разработке технических регламентов ЕАЭС на строительные материалы и изделия, соответствующие современным достижениям науки, техники и технологий (п. 45.6).

Развивать на постоянной основе правовое регулирование жилищных отношений, в том числе посредством:

- расширения возможностей граждан для самостоятельного решения жилищного вопроса;

- повышения эффективности использования государственного жилищного фонда, в том числе путем закрепления приоритета первоочередного обеспечения арендным жильем работников бюджетной сферы, а также передачи в собственность арендного жилья отдельным категориям граждан;

- совершенствования порядка управления общим имуществом совместного домовладения, а также обеспечения надлежащей эксплуатации жилищного фонда, включая установление акцентов на ответственность каждого собственника за принадлежащее ему имущество (п. 45.8).

В этой связи, на наш взгляд, актуальным является рассмотрение вопроса о разработке Жилищно-инвестиционного или Жилищно-инфраструктурного кодексов, Инвестиционного кодекса.

При решении указанной задачи в качестве рекомендации предлагаем следующее.

1. Разработать жилищно-инвестиционную, инвестиционно-строительную, инвестиционно-градостроительную терминологию в рамках рядов понятий соответствующих кодексов, закрепить ее в предлагаемых кодексах наряду с системообразующими категориями.

2. В проекты Кодексов необходимо включить понятия договоров, опосредующих инвестиционную, строительную и градостроительную деятельность, перечислить их существенные условия, обозначить подходы к построению их системы и правовому комплексному регулированию в рамках кодексов, включая договор строительного подряда и его возможные виды;

3. Привести положения действующего инвестиционного законодательства в соответствие с доктриной формирующегося инвестиционного права, а именно:

3.1. в статье 2 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» закреплено положение о том, что Закон не регулирует отношения по приобретению или строительству гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами и лицами без гражданства жилых домов, жилых помещений для проживания этих граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства и (или) членов их семей. Указанная формулировка противоречит сути инвестиционных отношений, ее необходимо исключить;

3.2. статья 1 Закона «Об инвестициях» в качестве инвестора не называет Республику Беларусь и административно-территориальные единицы, что препятствует напрямую и опосредованно участию государства в инвестиционных отношениях и, как следствие, его (государства) развитию.

Открытым остается вопрос об участии иностранных государств, международных организаций в рассматриваемых отношениях и их закреплении в качестве субъектов в Законе об инвестициях. Мы предлагаем включить указанных субъектов в качестве субъектов инвестиционной, строительной, архитектурной, градостроительной деятельности.

4. Такие группы отношений, как отношения, возникающие:

- при выполнении работ по переустройству и (или) перепланировке квартир в многоквартирных, блокированных жилых домах,

одноквартирных жилых домов, в том числе жилого и (или) нежилого помещений в их составе;

- при проведении капитального ремонта, текущего ремонта жилых помещений, жилых домов;
- при эксплуатации жилищного фонда;
- при выполнении работ по обследованию состояния многоквартирных, блокированных и многоквартирных жилых домов и их придомовых территорий, квартир в многоквартирных и блокированных жилых домах, общежитий, – должны регулироваться в рамках Жилищно-инвестиционного или Жилищно-инфраструктурного кодексов с использованием максимальных возможностей систематизации норм в рамках кодификации и установления четких границ регулирования и прозрачности в регулируемых отношениях, учитывая их значимость [2].

5. Предлагаем учитывать опыт разработки действующего Градостроительного кодекса Российской Федерации от 24 декабря 2004 г., который рассматривает градостроительную деятельность как важную составляющую развития государства в целом и в особенности его отдельных территорий, подлежащих застройке не только жилыми помещениями, но и зданиями и сооружениями различного назначения, например, промышленных, торговых, образовательных, лечебных, туристических объектов в контексте программы развития этих территорий, обеспечения устойчивых занятости населения на них и их реального развития.

Предлагаем на первом этапе разработать соответствующую терминологию в рамках разработки экономической модели устойчивого развития Республики Беларусь, ее отдельных территорий и представить ее (модель) для общественного обсуждения.

В частности, в качестве вектора, цели, направления разработки следует использовать термины, закрепленные в ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации, а именно: «градостроительная деятельность», «территориальное планирование», «устойчивое развитие территорий» и т. п.

6. Действующий Жилищный кодекс идет по пути обобщения практики применения несистематизированных нормативных правовых актов, регулирующих однородные правоотношения, путем приведения их в согласованную систему статей в рамках

соответствующих глав, параграфов, например, в отношении учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий: «Глава 7. Учет нуждающихся в улучшении жилищных условий».

Используя подобный подход, следует упорядочить действующее законодательство Республики Беларусь о государственной поддержке строительства жилья, возможно, используя систему инвестиционных договоров с государством по опыту построения утратившего силу Инвестиционного кодекса Республики Беларусь от 22 июня 2001 г. № 37-З.

7. Для реализации инфраструктурных объектов в жилищном строительстве целесообразно рассмотреть использование института государственно-частного партнерства в сфере жилищно-коммунального хозяйства на основе Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» в рамках структурной части проекта Жилищно-инфраструктурного (инвестиционного) кодекса.

10 января 2024 г. на сайте Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь был опубликован Закон Республики Беларусь от 8 января 2024 г. № 350-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об инвестициях». Согласно этому закону действующий Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» изложен в новой редакции, которая должна вступить в силу 10 июля 2024 г.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 8 января 2024 г. № 350-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об инвестициях» ст. 1 Закона в новой редакции в качестве инвесторов называет две группы субъектов:

- граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь, в том числе индивидуальных предпринимателей, а также юридическое лицо Республики Беларусь;

- иностранных граждан, лиц без гражданства, постоянно не проживающих на территории Республики Беларусь, в том числе индивидуальных предпринимателей, а также юридическое лицо Республики Беларусь; граждан Республики Беларусь, постоянно проживающих за пределами Республики Беларусь, иностранное и международное юридическое лицо (организации,

не являющиеся юридическими лицами) (далее – иностранные инвесторы).

Как следует из новой редакции ст. 1 Закона «Об инвестициях» государство в виде Республики Беларусь и (или) иностранного государства в качестве инвесторов не названо, что противоречит основным положениям теории формирующегося инвестиционного права, не создает условия для осуществления и защиты широкого круга так называемых государственных инвестиций.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 8 января 2024 г. № 350-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об инвестициях» ст. 1 Закона в новой редакции впервые включает в себя определения понятий «инвестиционный проект» и «преференциальный инвестиционный проект»; «инвестиционный договор», и «специальный инвестиционный договор», связывает их содержанием друг с другом.

При этом следует отметить, что, исходя из определения понятия «инвестиционный договор» как зарегистрированного в Государственном реестре инвестиционных договоров письменного соглашения о реализации инвестиционного проекта с предоставлением льгот и (или) преференций, предусмотренных данным законом (далее, если не предусмотрено иное, инвестиционный проект в рамках инвестиционного договора), следует, что этот инвестиционный договор является узко-специальным, отличительной чертой которого является участие государства в качестве одной из сторон и предоставление того или иного вида государственной поддержки для реализации инвестиционного проекта. Такой договор является видом в рамках группы инвестиционных договоров с государством. Определение инвестиционного договора как собирательной категории, обобщающей общие для всех входящих в нее договоров признаки, к сожалению, отсутствует в новой редакции закона Республики Беларусь «Об инвестициях».

Специальный инвестиционный договор определяется в ст. 1 указанного закона как инвестиционный договор о реализации инвестиционного проекта, предусматривающего организацию на территории Республики Беларусь производства усовершенствованной продукции с возможностью ее реализации в рамках государственных закупок с применением процедуры закупки из одного источника

по ценам, установленным законодательством. Из этого следует, что этот специальный инвестиционный договор является также узкоспециальным, отличительной чертой которого является участие государства в качестве одной из сторон и предоставление того или иного вида государственной поддержки для реализации инвестиционного проекта. Такой договор является видом в рамках группы инвестиционных договоров с государством.

Согласно ст. 2 «Сфера действия настоящего Закона» Закона «Об инвестициях», изложенной в новой редакции, «действие данного Закона распространяется на отношения, связанные с осуществлением инвестиций на территории Республики Беларусь, за исключением приобретения или строительства гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами и лицами без гражданства жилых домов, жилых помещений для проживания этих граждан, лиц и (или) членов их семей». Эта формулировка свидетельствует о том, что отношения по строительству жилья, его приобретению на вторичном рынке недвижимости не рассматриваются законодателем как инвестиционные, что противоречит основным положениям формирующегося инвестиционного права как Республики Беларусь, так и зарубежных стран.

Закон Республики Беларусь «Об инвестициях» согласно его новой редакции после вступления ее в юридическую силу кардинально изменяется и становится узкоспециальным, преимущественно направленным на регулирование одного из видов инвестиционного договора: а именно инвестиционного договора с государством (причем ее отдельной разновидности, которая требует дополнительного рассмотрения и исследования). Принятие Закона Республики Беларусь от 8 января 2024 г. «Об изменении Закона Республики Беларусь «Об инвестициях» ни в коем случае не заменяет и не отменяет работу по систематизации и кодификации инвестиционного, жилищного и строительного законодательства с учетом положений доклада и других работ автора [3]. В рамках этой работы центральное внимание следует уделить договорам, а точнее – их системам, опосредующим строительство жилых помещений, домов, городов и т. п., объектов инфраструктуры, капитальный и текущий ремонт объектов государственного и частного жилищного фондов, объектов инфраструктуры, их выявлению, изучению и закреплению

в кодифицированных нормативных правовых актах жилищно (инфраструктурно) – инвестиционного и строительно-инвестиционного характера, а также инвестиционного кодекса общего уровня.

Список использованных источников

1. В Беларуси разработан проект Кодекса об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/economics/view/v-belarusi-razrabotan-proekt-kodeksa-ob-arhitekturnoj-gradostroitelnoj-i-stroitelnoj-dejatelnosti-453385-2021>. – Дата доступа: 10.04.2022.

2. Президент Беларуси А. Лукашенко провел совещание по проблемным вопросам ЖКХ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belta.by/video_official/getRecord/8533. – Дата доступа: 10.04.2022.

3. *Цегельник, О. В.* Систематизация и кодификация инвестиционного законодательства Республики Беларусь как условия устойчивого развития / О. В. Цегельник // Теоретико-прикладные аспекты развития гражданского законодательства Республики Беларусь под влиянием цифровизации : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; под ред.: О. А. Бакинской, М. В. Мещановой. – Минск : Колорград, 2022. – С. 200–204.

**К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ДОГОВОРОВ
ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ
ПО ПРИМЕНЕНИЮ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ
РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Шилко В. В.

*кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры гражданского права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 8, 220030 Минск, Беларусь,
vvshylko@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению договорной ответственности за нарушение обязательств оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий. Обосновано, что данные обязательства являются обязательствами по приложению усилий в силу рискованного характера и невозможности заранее спрогнозировать результат. Автором определена роль информированного добровольного согласия на применение вспомогательных репродуктивных технологий при разграничении деликтной и договорной ответственности организации здравоохранения.

Ключевые слова: договор оказания медицинских услуг; вспомогательные репродуктивные технологии; информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство.

**ON THE ISSUE OF LIABILITY
FOR VIOLATION OF OBLIGATIONS FROM CONTRACTS
FOR THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES
FOR THE USE OF ASSISTED
REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES**

Shylko V.

*PhD in Law,
Senior lecturer at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Leningradskaya Str., 8, 220030 Minsk, Belarus, vvshylko@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the consideration of contractual liability for violation of obligations to provide medical services for the use of assisted

reproductive technologies. It is substantiated that these obligations are obligations to make efforts due to their risky nature and the impossibility of predicting the result in advance. The author defines the role of informed voluntary consent to the use of assisted reproductive technologies in distinguishing between tortious and contractual liability of a healthcare organization.

Keywords: contract for the provision of medical services; assisted reproductive technologies; informed voluntary consent to medical intervention.

Ответственность за нарушение договорных обязательств состоит в применении к должнику, нарушившему обязательство, дополнительных по отношению к первоначальному обязательству неблагоприятных имущественных последствий в виде мер гражданско-правовой ответственности. В сфере договорных отношений оказания медицинских услуг по применению вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) вопросы привлечения к ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг являются архисложными как в силу специфики самой медицинской услуги, так и ввиду затруднительности разграничения договорной и деликтной ответственности при наступлении неблагоприятных последствий.

Традиционно основанием договорной ответственности является нарушение субъективных гражданских прав (как имущественных, так и личных неимущественных), произошедшее в результате нарушения одной из сторон принятых по договору обязательств.

В сфере оказания медицинских услуг отграничение договорной ответственности от деликтной может вызывать сложности. В силу того, что предметом гражданско-правового договора не может быть причинение вреда жизни или здоровью пациента, следует исходить из того, что «договорная ответственность наступает за неисполнение или ненадлежащее исполнение медицинской организацией обязательств, не связанных с причиненным в результате медицинского вмешательства вредом» [1, с. 97]. Вместе с тем, учитывая характер медицинской услуги, любое нарушение договорного обязательства со стороны медицинской организации может повлечь физические и нравственные страдания, что дает право обращаться к мерам деликтной ответственности в виде требования о компенсации морального вреда. В потребительских договорах возмещение морального вреда осуществляется независимо

от возмещения имущественного вреда (ст. 18 Закона о защите прав потребителей).

Условиями наступления гражданско-правовой ответственности в форме возмещения убытков выступают наличие неблагоприятных для кредитора последствий (вреда), противоправность поведения нарушителя, причинная связь между противоправным поведением и наличием неблагоприятных последствий, а также вина должника в нарушении обязательства.

Категория «неблагоприятных последствий» у пациента по рассматриваемому договору характеризуется спецификой. Неблагоприятные последствия из-за отмененной манипуляции могут выражаться не только в наступлении материального вреда в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением договора (например, социальный отпуск, проживание в гостинице на период проведения вмешательства, стоимость медикаментов и т. д.), но и, возможно даже в большей степени, в уменьшении шанса у женщины на успешную имплантацию эмбриона и вынашивание ребенка в будущих циклах ВРТ, в претерпевании физических и нравственных страданий и эмоциональной нагрузке.

Противоправность поведения должника выступает обязательным условием договорной ответственности. Противоправное поведение может выражаться как в действии, так и в бездействии, и заключается в невыполнении или нарушении норм законодательства и условий договора.

Противоправное действие организации здравоохранения в отношениях по применению ВРТ может представлять собой оказание услуги по выполнению определенного медицинского вмешательства с нарушением установленного порядка. В литературе справедливо отмечается, что «специфика медицинских услуг состоит в том, что они, пожалуй, меньше, чем другие услуги, поддаются регламентации нормативно закрепленными правилами» [2, с. 57]. В таком случае «при отсутствии нормативных предписаний важным критерием оценки медицинских действий с точки зрения их правомерности должны служить медицинские правила, опирающиеся на современный уровень развития медицинской науки и практики... Для признания медицинского вмешательства противоправным достаточно, чтобы воздействие или манипуляция, выполняемые медицинским

работником при оказании медицинской помощи, не соответствовали хотя бы одному из правил и методов, существующих в медицине, знание и применение которого является в данном конкретном случае обязательным» [2, с. 58]. Как указывалось ранее, применение ВРТ осуществляется в соответствии с клиническими протоколами. Учитывая действующий в Республике Беларусь клинический протокол «Лечение бесплодия методом экстракорпорального оплодотворения», утвержденный постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 24 декабря 2020 г. № 115, применение методов репродукции, совершенное в его нарушение, следует признавать противоправным.

К специфическим нарушениям, допускаемым организацией здравоохранения, также можно отнести использование генетического материала, не предусмотренного в договоре, использование генетического материала, который не может быть использован в отношении данного лица по причинам недостатка данного материала с учетом состояния здоровья пациента; нарушение формальных процедур, имеющих значение для последующей реализации семейных прав [3, с. 132]; нарушение сроков осуществления медицинских вмешательств; использование оборудования, лекарств, инструментов, устройств, качество которых не соответствует тому, что требуется в соответствии с профессиональной практикой, и которые пригодны для целей их использования.

Установление причинной связи между противоправным поведением при оказании медицинских услуг по применению ВРТ и причиненным этим поведением вредом представляет значительную сложность. Например, довольно частым осложнением после применения экстракорпорального оплодотворения выступает синдром гиперстимуляции яичников женщины, и оценить, чем вызвано такое последствие – побочным эффектом лекарственных препаратов, применяемых при гормональной терапии, или ненадлежащем выполнении вмешательства – крайне сложно. Аналогичная ситуация происходит и в случае наступления внематочной беременности, установить причину которой крайне затруднительно, поскольку этому может способствовать как само состояние здоровья женщины, так и допущенные при переносе эмбриона нарушения со стороны организации здравоохранения. В силу указанных обстоятельств

по делам о возмещении вреда здоровью или жизни гражданина вопрос о наличии или отсутствии причинной связи между вредом и деяниями исполнителя услуги традиционно ставится на разрешение эксперта [4, с. 152]. Вместе с тем привлечение эксперта не всегда представляется обоснованным, например, если противоправное поведение исполнителя выразилось в неспецифично медицинских нарушениях (например, нарушение сроков выполнения вмешательства, что повлекло его перенос).

По общему правилу, лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законодательством или договором предусмотрены другие основания ответственности (п. 1 ст. 372 ГК). Вместе с тем согласно п. 3 ст. 372 ГК, если иное не предусмотрено законодательством или договором, лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение обязательства невозможно вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

Следует также отметить, что в отношениях по применению ВРТ вина за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора может лежать и на лице, обратившемся за выполнением медицинского вмешательства, например, при нарушении сроков посещения врача для выполнения вмешательства, несообщении врачу об имеющихся заболеваниях, делающих невозможным выполнение такого вмешательства, либо невыполнение предписаний врача. В таком случае организация здравоохранения, оказывающая услуги по применению ВРТ, не несет ответственности за ненадлежащее оказание услуг (ст. 375 ГК).

Таким образом, по общему правилу ответственность организации здравоохранения, оказывающей медицинские услуги по применению ВРТ, возникает независимо от вины исполнителя. Организация здравоохранения, оказывающая услуги по применению ВРТ, может быть освобождена от ответственности, если докажет, что надлежащее исполнение договорных обязательств невозможно вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредот-

вратимых при данных условиях обстоятельств. В соответствии с п. 2 ст. 372 ГК отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство.

Положение кредитора в случае нарушения или невыполнения обязательства представляется более льготным, поскольку ему необходимо доказать лишь факт неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства со стороны должника. В контексте доказывания нарушения организацией здравоохранения обязанностей по договору интерес представляет концепция дифференциации обязательств по приложению усилий («*obligation de moyens*») и обязательств по достижению результата («*obligation de résultat*»).

По общему правилу, «любые услуги предполагают лишь приложение усилий, но не достижение какого-либо результата» [5, с. 18]. Принципы, определения и модельные правила европейского частного права (проект общей справочной системы (Draft Common Frame of Reference, далее – DCFR), отражающие современные подходы к содержанию институтов гражданского права, закрепляют признаки обязательств по достижению результата. В силу ст. IV. C. – 2:106 DCFR исполнитель обязан достичь конкретный результат, указанный или подразумеваемый заказчиком в момент заключения договора, при том, что в случае, когда результат подразумевался, но не был указан: он был таким, что предположение о его достижении можно было разумно ожидать от заказчика; и заказчик не имел оснований полагать, что существует значительный риск того, что результат услуги не может быть достигнут [6].

Выбор между данными видами обязательств, по общему правилу, осуществляется в зависимости от степени риска, с которым связано исполнение. Если риск недостижения желаемого результата высок, то он возлагается на заказчика услуг, и сами услуги считаются направленными на приложение усилий. Если же заказчик мог разумно предполагать ожидаемый результат и у него не было оснований полагать, что результат не будет достигнут, то услуги считаются направленными на достижение результата.

Договорные обязательства по оказанию медицинских услуг по применению ВРТ являются обязательствами по приложению усилий, поскольку степень риска ненаступления беременности при применении ВРТ высока, заранее спрогнозировать и гарантировать

положительный результат не представляется возможным, что не только осознается сторонами договора оказания медицинских услуг по применению ВРТ при его заключении, но и, как правило, прямо отражается в информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство (далее – ИДС).

Отсутствие ИДС не меняет характер обязательств (они остаются обязательствами по приложению усилий), но придает действиям исполнителя медицинской услуги противоправный характер, поскольку, осуществляя вмешательство без согласия пациента, исполнитель медицинской услуги нарушает субъективное право пациента на информированное согласие на медицинское вмешательство. В отсутствие согласия пациента действия исполнителя медицинской услуги противоправны даже в том случае, если сама услуга выполняется надлежащим образом. Полагаем, причинение вреда в отсутствие ИДС представляет собой условие наступления деликтной ответственности за причинение вреда здоровью.

Лицо, обращающееся за применением ВРТ, в ИДС своей подписью удостоверяет факт получения необходимой информации, подтверждает, что ему разъяснены последствия, связанные с медицинским вмешательством, и, тем самым, принимает риск ненаступления желаемого результата и появления осложнений. В этой связи, ИДС подтверждает, что медицинские услуги по применению ВРТ являются обязательствами по приложению усилий, и выступает инструментом, позволяющим исключить деликтную ответственность организации здравоохранения за указанные в нем неблагоприятные последствия для здоровья лица, наступившие в результате надлежащего оказания медицинской услуги.

Вместе с тем оформление сторонами ИДС не освобождает организацию здравоохранения от договорной ответственности в случае наступления негативных последствий для лица, обратившегося за применением ВРТ, в результате ненадлежащего оказания медицинской услуги. В данном случае на заказчике лежит бремя доказывания того, что при оказании услуги исполнитель не проявил должной заботливости и профессионализма.

Особого внимания заслуживает возможность взыскания морального вреда в случае нарушения договорных обязательств по применению ВРТ. Для взыскания морального вреда, в соответствии

со ст. 152 ГК, необходима совокупность следующих условий: совершение действий, нарушающих личные неимущественные права либо посягающих на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага; наличие вследствие этого физических либо нравственных страданий. Сфера применения ВРТ как никакая другая сфера медицинских услуг сопряжена с возможностью посягательства на нематериальные блага пациента и особой психоэмоциональной и физической нагрузкой лиц, обращающихся за применением методов репродуктивной медицины. К возможным видам нарушений, которые допускаются медицинской организацией при применении ВРТ и за которые должна быть предусмотрена гражданско-правовая ответственность, прежде всего в виде компенсации морального вреда, относятся «нарушение тайны применения вспомогательных репродуктивных методов, например тайны суррогатного материнства, тайны донорства; предоставление медицинской организацией не соответствующей действительности информации; нарушение формальных процедур, имеющих значение при последующей реализации семейных прав, например неполучение от супруга-заказчика согласия на применение ВРТ, что в дальнейшем может дать повод к оспариванию отцовства по этому основанию» [7, с. 57].

Примером действий, являющихся основанием для наступления ответственности в форме возмещения морального вреда, выступает случай медицинской ошибки: в 2020 году в Соединенных Штатах Америки в результате беременности, наступившей после ЭКО, две пары родили биологически чужих детей из-за ошибочной подмены генетического материала [8]. Полагаем, в таком случае допущенное нарушение исполнителя влечет за собой не только имущественные потери, которые понесли лица на расходы по медицинскому обследованию, применению ВРТ и сопутствующие им траты. В первую очередь, такое поведение исполнителя затрагивает морально-нравственную сферу, вызывая у лиц, прибегнувших к его услугам, физические и нравственные страдания, связанные с осознанием произошедшей ситуации и необходимостью ее разрешения с учетом интересов всех заинтересованных. Полагаем, в таком случае наряду с возмещением причиненных убытков имеются основания для взыскания причиненного морального вреда.

Таким образом, в договорных отношениях оказания медицинских услуг по применению ВРТ условия гражданско-правовой ответственности характеризуются рядом особенностей. Поскольку договоры оказания медицинских услуг по применению ВРТ носят рисковый характер, они являются обязательствами по приложению усилий; услуга считается оказанной надлежащим образом, если исполнитель приложил все обычно требуемые по условиям оборота усилия, хотя и не достиг результата.

Оформление ИДС на применение ВРТ хоть и исключает привлечение организации здравоохранения к деликтной ответственности за причинение вреда здоровью, охватываемого содержанием ИДС, не освобождает исполнителя от договорной ответственности в случае наступления негативных последствий в результате ненадлежащего оказания медицинской услуги по применению ВРТ, за исключением случаев, когда надлежащее исполнение договорных обязательств невозможно вследствие непреодолимой силы.

Учитывая, что обязательства по оказанию медицинских услуг по применению ВРТ являются обязательствами, направленными на приложение усилий, на потребителя (лицо, обращающееся за применением ВРТ) возлагается бремя доказывания нарушения организацией здравоохранения порядка оказания услуг по применению ВРТ.

Список использованных источников

1. Берилло, М. С. Договорная и деликтная ответственность: особенности применения в медицинской сфере / М. С. Берилло // Вестн. Омс. ун-та. Сер.: Право. – 2011. – № 2. – С. 93–97.
2. Мороз, В. П. Условия возмещения вреда пациенту, причиненного в результате медицинского вмешательства / В. П. Мороз // Здравоохранение. – 2019. – № 4. – С. 53–60.
3. Санникова, Л. В. Услуги в гражданском праве России / Л. В. Санникова. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 150 с.
4. Высоцкая, Л. В. Основание и условия гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере оказания платных медуслуг / Л. В. Высоцкая // Территория науки. – 2014. – № 1. – С. 149–156.
5. Косцов, В. Н. На ком лежит риск недостижения результата медицинской операции? / В. Н. Косцов // Вестн. экон. правосудия Рос. Федерации. – 2018. – № 8. – С. 17–21.

6. Principles, definitions and model rules of european private law: draft common frame of reference [Electronic Resource] / Study Group on a European Civil Code, Research Group on EC Private Law (Acquis Group) ; ed by C. von Bar [et al.]. – Munich: Sellier : Europ. Law Publ. – 2009. – Mode of access: https://www.law.kuleuven.be/personal/mstorme/2009_02_DCFR_OutlineEdition.pdf. – Date of access: 27.12.2023.

7. Працко, Г. С. К оценке достаточности правового обеспечения вспомогательных репродуктивных технологий и суррогатного материнства / Г. С. Працко, А. А. Арутюнова // Теория и практика обществ. развития. – 2017. – № 8. – С. 56–59.

8. California couple sue clinic for alleged IVF swap «horror» [Electronic Resource] // BBC News. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-59216104>. – Date of access: 12.01.2024.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВА
НА ОДНОСТОРОННИЙ ОТКАЗ ОТ ДОГОВОРА
В СВЕТЕ НОВАЦИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Шиманская Е. П.

*Адвокат Брестской областной коллегии адвокатов,
ул. 17 Сентября, 26, 224030 Брест, Беларусь,
lawyer.shep@gmail.com*

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию некоторых аспектов установления и реализации права на односторонний отказ от договора с учетом новаций гражданско-правового регулирования указанных отношений, связанных с принятием Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З.

Ключевые слова: обязательство; договор; односторонний отказ от договора; расторжение договора.

**SOME ASPECTS OF THE UNILATERAL WITHDRAWAL
FROM A CONTRACT RIGHT
IN THE LIGHT OF INNOVATIONS IN THE CIVIL CODE
OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

Shymanskaya A.

*Lawyer of the Brest Regional Bar Association,
17 Syentiabria Str., 26, 224030 Brest, Belarus,
lawyer.shep@gmail.com*

Abstract. This article is devoted to the study of some aspects of the establishment and implementation of unilateral refusal of a contract right, taking into account the innovations of civil law regulation of these relations related to the adoption of the Law of the Republic of Belarus of November 13, 2023 № 312-3.

Keywords: obligation; contract; unilateral refusal of contract; termination of contract.

Реализуемый в гражданском обороте со времен римского права принцип «*pacta sunt servanda*» («договоры должны исполняться») нашел свое отражение в ст. 291 Гражданского кодекса Республики Беларусь, в соответствии с которой не допускаются односторонний

отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий, если иное не вытекает из законодательства или договора.

Исходя из общей дефиниции обязательства, данной в ст. 288 ГК, обязательство представляет собой определенное правоотношение, в котором одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

В силу указания п. 2 ст. 288 ГК договор является одним из оснований возникновения обязательства, то есть выступает по отношению к обязательству как юридический факт – дву- или многосторонняя сделка (п. 1 ст. 155 ГК), обуславливающая возникновение соответствующего правоотношения.

В действующей редакции ГК право на одностороннее изменение договора, односторонний отказ от исполнения договора вытекает из ст. 420 ГК. В новой редакции ГК, введенной Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З, правовому институту одностороннего отказа от договора посвящена отдельная ст. 420-1, призванная разрешить существующие проблемы и противоречия в реализации такого права субъектами договорных отношений.

Одной из таких проблем, обуславливающих сложности в реализации права на односторонний отказ от договора, является смешение понятий «односторонний отказ от договора» и «расторжение договора» в правотворческой и правореализующей практике.

Статьей 423 ГК предусмотрены последствия расторжения договора, при этом по смыслу указанной статьи такие последствия применяются в том числе при отказе от договора, т. е. фактически отказ от договора рассматривается как частный случай расторжения договора. Принятие новой редакции ГК указанную проблему разрешило не до конца: в п. 1 ст. 420-1 новой редакции ГК четко указано, что отказ от договора влечет его прекращение, при этом редакция ст. 423 ГК сохранилась в действующей формулировке и предусматривает последствия расторжения договора, которые наступают в том числе в случае прекращения договора в результате одностороннего отказа от него.

Происходит смешение указанных понятий также на этапе реализации такого права, когда стороны непосредственно осуществляют связанные с ним субъективные права и исполняют возложенные на них юридические обязанности.

В гражданском обороте зачастую стороны, особенно непрофессиональные его участники, при формулировании условий договора не проводят особого различия между правом на односторонний отказ от договора и правом на одностороннее расторжение договора по тем или иным основаниям, воспринимая их как равнозначные понятия.

В то же время, как на уровне правотворчества, так и на уровне сложившейся судебной практики это принципиально различные механизмы, поскольку право на отказ от договора реализуется во внесудебном порядке, а одностороннее расторжение договора, даже если в договоре указано, что сторона имеет право на такое расторжение независимо от согласия второй стороны, реализуется исключительно в рамках заявления соответствующего иска в суд.

Процедура расторжения договора так же, как и односторонний отказ от договора, предполагает предварительное обращение к контрагенту с предложением расторгнуть договор, лишь юридические последствия направления такого уведомления различны: в случае отказа такое уведомление прекращает договор, а в случае расторжения – лишь дает право на последующее обращение в суд с таким требованием.

По мнению автора, избежать неоднозначности при конструировании правовых норм и в процессе их реализации позволило бы использование общей конструкции «прекращение действия договора» в случае, когда речь идет как об отказе, так и о расторжении договора, что, однако, потребует внесения изменений в ст. 423 ГК.

Особого внимания заслуживают также проблемы соблюдения баланса интересов сторон в правоотношении, которое прекращается путем отказа одной из сторон от договора, в том числе защита прав стороны, контрагент которой реализует такое право.

В законодательстве, в первую очередь, в нормах особенной части ГК право на односторонний отказ от договора обуславливается существенным нарушением условий договора второй стороной: поставкой товара с существенными недостатками либо связывает-

ся с каким-либо существенным изменением обстоятельств (в частности, отказ от договора предусматривается подп. 1 п. 2 ст. 445 ГК, подп. 1 ст. 493 ГК, подп. 4 ст. 669 ГК, подп. 3 ст. 670 ГК, подп. 2 ст. 672 ГК, подп. 3 ст. 676 ГК). В указанных случаях отказ от договора чаще всего является своеобразной мерой самозащиты нарушенного права стороны, реализующей право на отказ: сторона инициирует прекращение сложившегося правоотношения, не получив того, на что рассчитывала при заключении договора. В таких случаях право на отказ от договора, безусловно, не нарушает баланса интересов сторон, хотя также может повлечь злоупотребления управомоченной стороны.

Совсем иная ситуация возникает в случаях, когда односторонний отказ от договора не требует никакого обоснования, т. е. для прекращения договора достаточно ничем не обусловленного волеизъявления одной из сторон.

Следует отметить, что законодательство ряда государств содержит прямые запреты и (или) ограничения права на одностороннее расторжение договора, например, с целью защитить определенную категорию субъектов. Чаще всего такие протекционистские меры применяются в отношении потребителей.

Согласно Директиве Совета Европейских Сообществ от 5 апреля 1993 г. 93/13/ЕЕС «О несправедливых условиях в договорах с потребителями» [1], несправедливым является такое условие, которое вносит значительный дисбаланс в права и обязанности сторон по договору в ущерб потребителю. Несправедливым может быть признано лишь то условие, которое не было предметом специального согласования с потребителем (п. 1 ст. 3). В частности, по нормам Директивы расценивается несправедливым условие договора, наделяющее продавца (исполнителя) правом расторгать договор по произвольному основанию, без какой-либо уважительной причины, если аналогичная возможность не предоставлена потребителю.

В соответствии со ст. 347 ГК Грузии [2], недействительными признаются стандартные условия договора, которые сделавшая предложение сторона применяет в отношении физических лиц, не занимающихся предпринимательской деятельностью, положения, которые дают право сделавшей предложение стороне необоснованно и без

указанных в договоре оснований отказаться от исполнения своего обязательства.

ГК Молдовы [3] содержит исчерпывающий перечень случаев, по которым договор может быть расторгнут в одностороннем порядке, и относит к таким случаям: расторжение в связи с неисполнением (ст. 915), расторжение в связи с существенным неисполнением (ст. 916), расторжение после предоставления дополнительного срока для исполнения (ст. 917), расторжение при предвидимом неисполнении (ст. 918), расторжение при отсутствии достаточных заверений в исполнении (ст. 919).

В силу ст. 310 ГК РФ [4], односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных законодательством. Исключение предусмотрено только для обязательств, связанных с осуществлением их сторонами предпринимательской деятельности: право отказаться от исполнения такого обязательства может быть предусмотрено договором, если иное не вытекает из закона или существа обязательства.

В цивилистической литературе также достаточно часто высказывается мнение о том, что одностороннее расторжение договора должно быть сопряжено исключительно с существенным нарушением обязательства второй стороной. Тем не менее, правотворческая и правоприменительная практика Республики Беларусь, руководствуясь принципом свободы договора, идет по пути более широкого определения вариантов применения права на одностороннее расторжение договора, в том числе возможность установления такого права в соответствии с условиями заключенного сторонами договора. При этом возможность реализации такого права может быть никак не связана ни с какими бы то ни было нарушениями обязательств второй стороной, ни с изменением обстоятельств, при которых заключалась сделка.

Статья 420 ГК Республики Беларусь предоставляет сторонам максимально возможную свободу договора, никак не ограничивая круг субъектов, которые могут предусмотреть в договоре право на односторонний отказ от обязательства, либо основания, по которым такой отказ может быть реализован на основании договора. С одной стороны, это позволяет сторонам при определении

условий договора предусмотреть более широкий спектр оснований для его прекращения, с другой – в случае участия в обязательстве стороны, не очень хорошо осведомленной о нюансах правового регулирования подобных правоотношений, привести к существенному нарушению интересов такой стороны недобросовестным контрагентом.

Очевидно, что возможность прекратить действие договора в любой момент в некоторых случаях вытекает из существа обязательства, особенно если речь идет о так называемых фидуциарных сделках, где сторона должна иметь право отказаться от продолжения правоотношения в случае утраты доверия (например, по договору поручения), либо в бессрочных договорах, когда отказ от договора является зачастую единственным способом прекратить правоотношения (например, бессрочный договор аренды).

Однако в ряде случаев включение таких условий в договор может повлечь существенное ущемление прав второй стороны, как правило, менее юридически грамотной.

Реализация права на односторонний отказ от договора на практике зачастую сопряжена с возникновением трудностей в оценке правомерности отказа стороны от договора или исполнения обязательства в одностороннем порядке, а также последствиями такого отказа с учетом действий сторон.

Например, некоторое время существовала широко распространенная практика включения права на односторонний отказ от договора для лизингодателя в договоры лизинга, причем наряду с условием о том, что уплаченные к моменту расторжения договора лизинговые платежи остаются у лизингодателя, которая привела к повальному злоупотреблению таким правом со стороны лизингодателей.

Отчасти эту проблему призвана разрешить норма, введенная в ГК (п. 2 ст. 420-1), устанавливающая, что сторона, которой предоставлено право на отказ от договора (исполнения договора), должна при осуществлении этого права действовать добросовестно и разумно в пределах, предусмотренных законодательством или договором.

Следует отметить, что и в настоящее время суды при оценке действий сторон достаточно часто прибегают к квалификации

действий недобросовестной стороны с точки зрения злоупотребления правом.

Представляется, что выбранная модель правового регулирования является оправданной при наличии в обязательстве равноценных в смысле доступности правовой помощи субъектов, которые будут в состоянии оценить риски заключения подобного договора. Возможно, было бы целесообразно по примеру РФ предоставить возможность устанавливать право на одностороннее расторжение договора лишь в тех случаях, когда участниками правоотношения выступают субъекты предпринимательской деятельности.

Еще одной проблемой существующего правового регулирования отношений, связанных с отказом от договора в одностороннем порядке, является отсутствие действенного механизма защиты прав и законных интересов добросовестной стороны, в отношении которой реализуется право на односторонний отказ от договора.

В настоящее время в связи с неурегулированностью данного вопроса выбираемые способы защиты обуславливаются множеством различных факторов, в том числе субъективной оценкой возможности отнесения одностороннего отказа от договора к сделкам и применения к такому отказу правил, установленных для сделок – от оспаривания формы, в которой сторона правоотношения выражает отказ от договора (обязательства) до признания такого отказа недействительным или незаконным по иным основаниям, установленным для сделок. При этом единая правоприменительная практика по таким спорам не сформирована. Судами используется достаточно широкий спектр причин для признания отказа от договора недействительным, чаще всего, связанный с констатацией факта злоупотребления правом либо недобросовестности стороны, прекратившей договор по этому основанию, либо с указанием на реализацию стороной, отказавшейся от договора, иных способов защиты своих прав (например, взыскание задолженности). Следует отметить, что практика довольно противоречива, и, очевидно, в очень большой степени зависит от судебного усмотрения, а при оценке правомерности отказа от договора суды по-разному оценивают обстоятельства рассматриваемого правоотношения. Чаще всего признание факта недействительности отказа от договора осуществлялось судами при рассмотрении исков

имущественного характера, вытекающих из одностороннего отказа от договора, например, в рамках рассмотрения иска лизингодателя об изъятии предмета лизинга по договору. Причем установление такого факта часто является инициативой самого суда [5]. Такая практика экономических судов вытекает, в частности, из указания абз. 3 п. 19 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 1999 г. № 16 (ред. от 26 сентября 2008 г.) «О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров», в силу которого правомерность одностороннего изменения договора, одностороннего отказа от договора, осуществленных одной из сторон, может быть предметом оценки хозяйственного суда при рассмотрении иных вытекающих из этого договора требований (например, требований о понуждении к реальному исполнению договора, о взыскании штрафных санкций и возмещении убытков за неисполнение, ненадлежащее исполнение договора и т. д.).

Сложившаяся практика, точнее – ее отсутствие, затрудняет защиту прав стороны, пострадавшей в результате отказа от договора.

В ряде случаев суды вообще отказывались от рассмотрения таких исков ввиду того, что ст. 11 ГК не предусмотрен такой способ защиты, как признание недействительным либо незаконным одностороннего отказа от договора. Следует отметить, что такая позиция судов не в полной мере соответствует общепринятой в научной литературе квалификации отказа от договора в качестве односторонней сделки. Признание данного юридического акта сделкой позволило бы применять в отношении отказа от договора существующие в законодательстве механизмы установления, реализации и защиты прав сторон по недействительным сделкам.

Тем не менее, законодатель пошел по пути уточнения и конкретизации специальных норм, регулирующих способы защиты в случае отказа одной из сторон от договора: ряд проблем, связанных с реализацией права на односторонний отказ от договора, будет разрешен включением в ст. 11 новой редакции ГК в качестве одного из самостоятельных способов защиты права возможность признать несостоявшимся односторонний отказ от договора. Внедренная в законодательство норма, предусматривающая конкретный способ защиты для стороны, не согласной с односторонним расторжением

договора, возможно, позволит сформировать устоявшуюся судебную практику по этому вопросу. Особо хочется отметить то, что реализуется данный способ путем предъявления требования неимущественного характера, т. е. с уплатой государственной пошлины по более низкой ставке, что также призвано облегчить использование права на защиту.

В новой редакции ГК закреплены некоторые особенности регулирования правоотношений, складывающихся в связи с односторонним отказом от договора, сформированные сложившей практикой рассмотрения данной категории дел. В частности, п. 3 ст. 420-1 новой редакции ГК предусмотрено, что в случаях, если при наличии оснований для отказа от договора (исполнения договора) сторона, имеющая право на такой отказ, подтверждает действие договора, в том числе путем принятия от другой стороны предложенного последней исполнения обязательства, последующий отказ по тем же основаниям не допускается. В норме отражена имеющаяся судебная практика, которая идет по пути прекращения права на отказ от договора, если основания для отказа устранены либо если стороной выбран и реализован иной способ защиты права (например, взыскана в принудительном порядке просроченная задолженность по договору лизинга – дело № 152ЭИП21716 [6]).

В целом следует отметить, что усовершенствование норм ГК, регулирующих отношения, связанные с односторонним отказом от договора, должно повлечь совершенствование и единообразие правореализующей практики, связанной с этими отношениями, однако такую практику еще предстоит сформировать.

Список использованных источников

1. Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 on unfair terms in consumer contracts [Electronic Resource]. – 2024. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A31993L0013>. – Date of access: 03.01.2024.

2. Гражданский кодекс Грузии, 26 июня 1997 г., № 786 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/31702?publication=125>. – Дата доступа: 03.01.2024.

3. Гражданский кодекс Республики Молдова, 6 июня 2002 г., № 1107-XV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3244. – Дата доступа: 03.01.2024.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации, 30 нояб.1994 г., № 51-ФЗ : в ред. от 24 июля 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/33c65ab7522b599d12e61cc848aebcd09e651f9c/. – Дата доступа: 03.01.2024.

5. *Шиманович, С. В.* Проблемные вопросы изъятия (возврата) предмета лизинга и некоторые рекомендации [Электронный ресурс] / С. В. Шиманович. – Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEСMB/40157/%D0%92%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%8B%20%D0%B8%D0%B7%D1%8A%D1%8F%D1%82%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0%20%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B0%20%D0%B8%20%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B%D0%B5%20%D1%80%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8?searchKey=g90r&docSwitcherKey=ifmc&searchPosition=1#M100005>. – Дата доступа: 03.01.2024.

6. Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь, 19 апр. 2022 г., дело № 152 ЭИП 21716 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/acts_vs/economics/b79a24399d434168.html. – Дата доступа: 03.01.2024.

ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ВЕДЕНИЯ РЫБОЛОВНОГО ХОЗЯЙСТВА

Шингель Н. А.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры экологического и аграрного права, юридический факультет,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
Singel.61@list.ru*

Аннотация. В статье анализируются договорные отношения, складывающиеся при ведении рыболовного хозяйства, проводится сопоставление договоров, на основании которых используются рыболовные угодья. Делается вывод об отсутствии четких критериев разграничения договорных форм использования рыболовных угодий. По результатам исследования определяются общие и особенные признаки договорных отношений, имеющих место при ведении рыболовного хозяйства. Выявляются недостатки правового регулирования данных отношений, устранение которых необходимо для совершенствования механизма распределения и использования рыболовных угодий.

Ключевые слова: животный мир; рыболовство; ведение рыболовного хозяйства; рыболовные угодья; аренда рыболовных угодий; промысловый лов рыбы.

CONTRACTUAL RELATIONS IN THE FIELD OF FISHERIES MANAGEMENT

Shingel N.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Environmental
and Agricultural Law Department, Faculty of Law,
Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
Singel.61@list.ru*

Abstract. The article analyzes the contractual relations that develop in the management of fishing, compares the agreements on the basis of which fishing grounds are used. It is concluded that there are no clear criteria for distinguishing contractual forms of use of fishing grounds. According to the results of the study, the general and special features of contractual relations that take place in

the conduct of fishing are determined. In order to improve the mechanism of distribution and use of fishing grounds the shortcomings of the legal regulation of these relations are revealed.

Keywords: the animal world; fishing; fishing management; fishing grounds; fishing grounds rental; commercial fishing.

Закон Республики Беларусь «О животном мире» от 10 июля 2007 г. № 257-З (далее – Закон «О животном мире») относит ведение рыболовного хозяйства к видам деятельности, связанной с использованием объектами животного мира (ст. 34), среди которых ст. 1 Закона «О животном мире» называет диких животных, являющихся объектами рыболовства. Именно этот вид ресурсов животного мира активно используется при ведении рыболовного хозяйства. При этом природоресурсный характер деятельности, связанной с ведением рыболовного хозяйства, имеет более широкую эколого-экономическую основу, не случайно ее правовое регулирование выходит за рамки Закона «О животном мире» (это обстоятельство прямо указано в ст. 37) и осуществляется посредством специального в данной области законодательства.

Правовое регулирование ведения рыболовного хозяйства вычленилось из общей массы правовых норм, составляющих законодательство об охране и использовании животного мира (как его обозначает ст. 2 Закона «О животном мире»), благодаря принятию Указа Президента Республики Беларусь от 21 июля 2021 г. № 284 (далее – Указ № 284) «О рыболовстве и рыболовном хозяйстве». Данный указ системно разграничил требования к рыболовству как виду природопользования и к рыболовному хозяйству как виду хозяйственной деятельности. Эти правоотношения, хотя и «сосуществуют» в тесной привязке друг к другу, имеют различный механизм правового регулирования.

Так, Правила ведения рыболовного хозяйства, утвержденные Указом № 284, которые закрепляют понятие и правовые формы ведения рыболовного хозяйства, несомненно показывают преобладание договорных форм ведения рыболовного хозяйства, что требует совместного применения норм гражданского и природоресурсного законодательства. По общему правилу (п. 3 Правил ведения рыболовного хозяйства) «право ведения рыболовного хозяйства

в рыболовных угодьях возникает у юридических лиц со дня подписания договора аренды рыболовных угодий, либо принятия Президентом Республики Беларусь решения о предоставлении данных угодий в безвозмездное пользование, либо заключения договора на промысловый лов рыбы по квотам в рыболовных угодьях фонда запаса». Таким образом, данной нормой однозначно определены два вида договоров, на основании которых осуществляется ведение рыболовного хозяйства (использование рыболовных угодий):

- договор аренды рыболовных угодий;
- договор на промысловый лов рыбы по квотам в фонде запаса рыболовных угодий.

Мы намеренно употребили два этих понятия – «ведение рыболовного хозяйства» и «использование рыболовных угодий» – в качестве однородных юридических категорий, поскольку они лучше всего отражают содержание возникающих договорных правоотношений. Кроме того, обращаем внимание, что в основе разграничения этих договорных форм ведения хозяйственной деятельности лежат не природоресурсные признаки рыболовных угодий (хотя они в значительной степени учитываются при заключении названных выше договоров), а особенности распределения рыболовных угодий и хозяйственно-правовые условия их использования, отражаемые в договоре. Аналогичным образом проведена классификация рыболовных угодий, составляющих фонд рыболовных угодий, используемый впоследствии в том числе на основании указанных выше договоров (она дана в Правилах любительского рыболовства, утвержденных указом № 284). В соответствии с п. 5 Правил любительского рыболовства фонд рыболовных угодий подразделяется на: фонд рыболовных угодий, предоставленных в аренду облисполкомами для ведения рыболовного хозяйства; фонд рыболовных угодий, предоставленных в безвозмездное пользование по решению Президента Республики Беларусь; рыболовные угодья фонда запаса – рыболовные угодья, не предоставленные в аренду для ведения рыболовного хозяйства или в безвозмездное пользование по решению Президента Республики Беларусь.

Как мы видим, положенный в основу разграничения рыболовных угодий механизм их предоставления и использования (договорно-правовые или публично-правовые формы) не дает доста-

точно четкого представления о правовом режиме данных угодий. Анализируя соотношение различных договорных форм ведения рыболовного хозяйства (использования рыболовных угодий), можно видеть преобладание таких договорных отношений как аренда рыболовных угодий, что оправдано и с экономической точки зрения, и с точки зрения согласования правового режима данных видов хозяйственной деятельности с правовым режимом используемых при этом природных ресурсов, находящихся в государственной собственности. Именно в рамках аренды, как правильно отмечает И. С. Шахрай, «реализуются не только экономический интерес в получении соответствующих ресурсов, но и публичный интерес в обеспечении охраны, восстановления природных ресурсов, рациональности природопользования» [1, с. 50]. По договору аренды используются рыболовные угодья, составляющие самостоятельный вид, а также часть рыболовных угодий фонда запаса, предоставляемых в аренду по результатам конкурса в соответствии с Положением о порядке проведения конкурса по предоставлению в аренду рыболовных угодий фонда запаса, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 июня 2022 г. № 366 «О реализации Указа Президента Республики Беларусь от 21 июля 2021 г. № 284» (далее – постановление № 366). Мы полагаем, что после предоставления в аренду рыболовных угодий фонда запаса они должны быть отнесены к иному виду – названному в п. 5 Правил любительского рыболовства фонду рыболовных угодий, предоставленных в аренду облисполкомами для ведения рыболовного хозяйства, каковыми они фактически и являются.

Во всех случаях ведения рыболовного хозяйства на условиях аренды используются рыболовные угодья, природоресурсные характеристики которых имеют общие признаки (п. 2, 4 Правил любительского рыболовства) и общие ограничения по получению их в пользование. Одним из главных (и проблемных с практической точки зрения) ограничений является запрет на предоставление в аренду участков водотоков, отнесенных к рыболовным угодьям (п. 4 Правил ведения рыболовного хозяйства). К слову, эта норма существовала в ранее действовавших (до принятия Указа № 284) Правилах ведения рыболовного хозяйства и рыболовства (п. 6), утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 8 декабря

2005 г. № 580 «О некоторых мерах по повышению эффективности ведения охотничьего хозяйства и рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления ими». Она была введена Указом Президента Республики Беларусь от 11 июля 2017 г. № 247 «Об изменении Указа Президента Республики Беларусь» с 14 января 2018 г. и позволила дифференцировать правовой режим рыболовных угодий фонда запаса на два вида: угодья, предоставляемые в аренду по результатам торгов (конкурсов); угодья, в которых осуществляется промысловый лов рыбы по квотам.

Что касается договора на промысловый лов рыбы по квотам в рыболовных угодьях фонда запаса, то он стоит особняком по нескольким причинам. Прежде всего, в данном случае идет речь не о предоставлении рыболовных угодий в пользование, а лишь о получении права на добычу определенного количества рыбных ресурсов. Тем самым, непосредственным объектом данных правоотношений являются объекты животного мира, отнесенные к объектам промыслового рыболовства, на что прямо указывает Положение о порядке и условиях реализации юридическим лицам квот на добычу (вылов) рыбы в рыболовных угодьях фонда запаса, утвержденное постановлением № 366. В частности, целью приобретения квот названо осуществление промыслового рыболовства в фонде запаса рыболовных угодий (п. 2) (но не ведение рыболовного хозяйства), а реализованная на аукционе квота дает юридическому лицу право осуществлять промысловое рыболовство в фонде запаса рыболовных угодий (п. 6). Напомним, что ст. 24 Закона «О животном мире» относит промысловое рыболовство к одному из видов пользования объектами животного мира, то есть к праву природопользования. Договор, являющийся основанием возникновения данного вида пользования объектами животного мира, нуждается в более тщательном исследовании с точки зрения его включения в систему гражданско-правовых договоров. По нашему мнению, некоторые признаки позволяют отнести его к разновидности купли-продажи объектов животного мира, находящихся в собственности государства (ст. 6 Закона «О животном мире»), например, обозначение аукционов по распределению квот как «аукционов по продаже квот в рыболовных угодьях» (п. 5 Положения о порядке и условиях реализации юридическим лицам квот на добычу (вылов) рыбы

в рыболовных угодьях фонда запаса). Однако же, по результатам аукциона заключается договор на промысловый лов рыбы по квотам в рыболовных угодьях фонда запаса, то есть договор, который опосредует природопользование в виде промыслового рыболовства. Причем мы его рассматриваем как основанное на договоре (договорное) пользование объектами животного мира, которое в Законе «О животном мире» вообще не упоминается, что свидетельствует о противоречивом подходе к регулированию данных отношений. Кроме того, содержание данного договора (форма договора утверждена постановлением № 366) показывает, что в отдельных случаях права и обязанности субъектов выходят за рамки только права природопользования. Приведем в пример предусматриваемое договором право юридического лица получать от уполномоченных государственных органов «информацию о рыболовных угодьях, предоставленных ему для добычи рыбы», что на наш взгляд, противоречит имеющимся в Указе № 284 и иных нормативных правовых актах положениям.

Несмотря на различия в правовой природе исследуемых договоров, отношения по использованию рыболовных угодий, предоставленных в аренду, и промысловый лов рыбы по квотам в фонде запаса объединяет несколько важных положений. Назовем лишь некоторые:

- во всех этих случаях используемые ресурсы распределяются в установленном порядке (посредством предоставления в пользование или посредством реализации квот на лов рыбы в аукционном порядке (п. 4, 27, 28 Правил ведения рыболовного хозяйства)), т. е. в публично-правовом порядке, характерном для распределения природных ресурсов. При этом в механизме распределения рыболовных угодий и объектов животного мира в этих случаях широко применяется конкурентный подход к выбору природопользователя (конкурсный или аукционный порядок), на приоритетное значение которого обращалось внимание в юридической литературе [2, с. 53]. Так, рыболовные угодья предоставляются в аренду преимущественно по результатам конкурса (п. 4, 10 Правил ведения рыболовного хозяйства); немногочисленные исключения сделаны лишь для распределения рыболовных угодий, не входящих в фонд запаса, лишь в случаях, предусмотренных законодательством (п. 11 Правил

ведения рыболовного хозяйства), и они связаны в основном с продлением уже существующих арендных отношений. Эти исключения не касаются рыболовных угодий фонда запаса, также распределяемых по результатам конкурса (в этом случае конкурс проводится в порядке, установленном постановлением № 366). Сформировавшийся на сегодняшний день единый (единообразный) порядок предоставления рыболовных угодий в аренду требует, как представляется, более четкого упорядочения нормативной правовой основы этих отношений. Что касается аукционного порядка распределения квот на добычу (вылов) рыбы в рыболовных угодьях фонда запаса, то он является единственным способом возникновения данных договорных отношений. Важно указать, что несмотря на очевидно природопользовательский характер возникающих отношений, распределение квот на добычу (вылов) рыбы увязано с целостной системой ведения рыболовного хозяйства. Не случайно, общий порядок аукционного распределения квот (очень сжато, к сожалению) закреплён в Правилах ведения рыболовного хозяйства (п. 28) и детализирован в постановлении № 366. Во всех перечисленных случаях установлена единообразная система государственных органов, осуществляющих распределение природных ресурсов (основными «действующими лицами» являются облисполкомы);

- с природоресурсной точки зрения объектом этих отношений являются рыболовные угодья, характеристика которых индивидуализируется при возникновении права ведения рыболовного хозяйства или промыслового рыболовства в рыболовных угодьях фонда запаса. Так, п. 13 Правил ведения рыболовного хозяйства устанавливает, что в решении о предоставлении рыболовных угодий в аренду указывается тип, класс, наименование, площадь рыболовных угодий, целевая направленность использования, а также ограничения пользования рыболовными угодьями на особо охраняемых территориях и природных территориях, подлежащих специальной охране. Ряд названных характеристик рыболовных угодий характеризует предмет договора аренды (тип, класс, наименование, площадь рыболовных угодий (п. 14 Правил ведения рыболовного хозяйства)); он заключается облисполкомом с юридическим лицом в течение 10 календарных дней со дня принятия решения о предоставлении рыболовных угодий в аренду (по типовой

форме, утвержденной постановлением № 366). Аналогичные сведения, характеризующие рыболовные угодья, содержатся в извещении о проведении конкурса по предоставлению в аренду рыболовных угодий фонда запаса (п. 8 Положения о порядке проведения конкурса по предоставлению в аренду рыболовных угодий фонда запаса, утвержденного постановлением № 366) – тип, класс, наименование, площадь и целевая направленность использования рыболовных угодий, являющихся объектом конкурса. При реализации квот на промысловый лов рыбы в фонде запаса облисполкомом подготавливается необходимая документация, содержащая сведения о рыболовных угодьях (наименование, местонахождение, площадь или протяженность, тип, класс или категория рыболовных угодий, виды рыб, включенные в Красную книгу Республики Беларусь, которые обитают в данных рыболовных угодьях, места расположения зимовальных ям) (п. 9 Положения, утвержденного постановлением № 366). Такой единообразный в целом подход к характеристике используемых рыболовных угодий (прямо, как при аренде, или косвенно, как при промысловом рыболовстве) исходит из того, что хозяйственное использование всех видов рыболовных угодий осуществляется по общим требованиям, установленным Указом № 284, но они могут менять свой организационно-правовой режим в зависимости от условий использования. Природоресурсные характеристики рыболовных угодий (учитывающие их типы и классы (п. 4 Правил любительского рыболовства)) по основаниям предоставления их в пользование не разграничиваются, и в принципе выбор договорных форм использования находится в компетенции уполномоченных на распределение рыболовных угодий государственных органов. Распределение угодий осуществляется в соответствии с Республиканским перечнем рыболовных угодий, пригодных для ведения рыболовного хозяйства (утвержден постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 21 апреля 2022 г. № 42). Перечень определяет целевую направленность использования рыболовных угодий с учетом природоресурсного содержания данной деятельности. В основном угодья распределяются по их пригодности для ведения промыслового рыболовства либо организации платного любительского рыболовства.

Подводя итог сказанному, отметим, что мы рассмотрели лишь некоторые договорные отношения, связанные с использованием рыболовных угодий, непосредственно связанные с ведением рыболовного хозяйства. Анализ законодательства подтверждает имеющийся в юридической литературе вывод, что в основе данных отношений лежит сложный юридический состав, включающий в себя как договор, так и иные разрешительные документы [3, с. 230]. При этом в Республике Беларусь, как это было показано выше, в отличие, например, от Российской Федерации, разграничение договорных и разрешительных способов регулирования природопользования [2, с. 52] в области рыболовного хозяйства не произведено. Договорные отношения возникают и существуют наряду с иными механизмами публично-правового регулирования, что создает особые сложности в правильном понимании их природы и содержания [4; 5]. Исследование этих вопросов в белорусской юридической науке проводится недостаточно, между тем, активное развитие законодательства о рыболовстве и ведении рыболовного хозяйства требует вовлечения перечисленных в статье и иных проблем в сферу научной дискуссии.

Список использованных источников

1. *Шахрай, И. С.* Проблемы реализации субъективного права природопользования / И. С. Шахрай ; Белорус. гос. ун-т. – Минск : БГУ, 2022. – 291 с.
2. *Федорова, Н. С.* Договорные и разрешительные способы регулирования рыболовства и вопросы их совершенствования / Н. С. Федорова // Аграр. и зем. право. – 2017. – № 4(148). – С. 52–56.
3. *Козлов, Д. В.* Договорно-разрешительный порядок предпринимательского рыболовства и рыбоводства / Д. В. Козлов // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1(74). – С. 230–236.
4. *Козяр, Н. В.* Гражданско-правовая сущность договоров о добыче водных биологических ресурсов / Н. В. Козяр, Н. М. Митякина, А. С. Федорященко // Проблемы экономики и юридической практики. – 2016. – № 5. – С. 157–160.
5. *Будникова, Ю. Е.* Правовая природа договоров в сфере предпринимательского рыболовства / Ю. Е. Будникова // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. «Экономика и право». – 2020. – № 1. – С. 120–124.

**ДОГОВОР О СОЗДАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ
РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Ядревский О. О.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры права интеллектуальной собственности,
юридический факультет, Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Беларусь,
yadreus@bsu.by*

Аннотация. В статье рассматривается действующее правовое регулирование договора о создании и использовании результатов интеллектуальной деятельности, выявляются недостатки его применения. Также проводится анализ внесенных Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-3 «Об изменении кодексов» изменений в правовое регулирование данного договора, определяются проблемные аспекты его регулирования, предлагаются варианты разрешения проблемных ситуаций.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; договор авторского заказа; договор уступки; лицензионный договор; объект авторского права; объект смежных прав; патентование.

**AGREEMENT ON CREATION AND USE
OF RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY:
LEGAL REGULATION NEWS**

Yadrevsky O.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Intellectual Property Law,
Faculty of Law, Belarusian State University,
Nezavisimosti Ave., 4, 220030 Minsk, Belarus,
yadreus@bsu.by*

Abstract. The article considers the current legal regulation of the contract on creation and use of the results of intellectual activity, identifies the disadvantages of its use. Also, the analysis of the amendments introduced by the Law of the Republic of Belarus from November 13, 2023 № 312-3 «On changing the codes» to the legal regulation of this contract is carried out, the problematic aspects of its regulation are determined, the variants of solving problematic situations are offered.

Keywords: intellectual property; author's order agreement; assignment agreement; license agreement; object of copyright; object of related rights; patenting.

Одним из наименее исследованных договоров в сфере оборота исключительных прав является договор о создании и использовании результатов интеллектуальной деятельности. При этом, начиная с момента принятия Гражданского кодекса Республики Беларусь в 1998 г. изменился лишь номер статьи, которой данный договор регулируется. Содержание же данной статьи до момента принятия Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. № 312-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон № 312-З) не менялось.

В соответствии с действующей редакцией п. 1 ст. 986 ГК предметом данного договора являются две группы обязательств: создание в будущем результата интеллектуальной деятельности (отдельно выделяются произведение и изобретение, но может иметь место и другой результат интеллектуальной деятельности) и предоставление исключительного права на использование этого результата.

Указанный договор должен определять характер подлежащего созданию результата интеллектуальной деятельности, а также цели либо способы его использования.

Кроме того, данная статья содержит положения о том, что договоры, обязывающие автора предоставлять какому-либо лицу исключительные права на использование любых результатов интеллектуальной деятельности, которые этот автор создаст в будущем, ничтожны. Условия договора, ограничивающие автора в создании в будущем результатов интеллектуальной деятельности определенного рода либо в определенной области, признаются недействительными.

По мнению С. С. Лосева, самый серьезный недостаток такого договора, позиционируемого в ГК в качестве самостоятельного договорного типа, – то, что в нем две самостоятельные по своей правовой природе группы обязательств (обязательства подрядного характера, связанные с созданием результата интеллектуальной деятельности, и обязательства по распоряжению исключительным правом на охраняемый результат интеллектуальной деятельности) не связаны в одно правоотношение. В частности, законодательство

не содержит норм, которые определяют момент вступления в силу условий о распоряжении исключительным правом, определенных при заключении договора [1].

Следует также согласиться с тем, что указание определенных способов использования объекта в данном договоре предполагает, что заказчику передается не весь объем имущественных прав на результат интеллектуальной деятельности, а только право его использования определенными способами.

Кроме того, данный договор в действующей редакции практически не применим к отношениям по поводу создания и использования патентуемых результатов интеллектуальной деятельности (изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, сортов растений) в силу того, что возникновению исключительного права на эти объекты предшествует получение патента. При этом получателем патента целесообразно быть не автору, а заказчику. Поэтому для отношений по поводу создания патентуемых результатов интеллектуальной деятельности на заказ в большей степени отвечает договор, по которому автор обязуется создать охраноспособный результат и передать заказчику право получения патента на этот результат [1].

Еще одним недостатком данной договорной конструкции является то, что в качестве стороны, создающей результат интеллектуальной деятельности, может выступать только автор, то есть физическое лицо. Это делает его неприменимым в случаях заказа произведения у организации, в частности, при создании компьютерных программ и иных результатов интеллектуальной деятельности в сфере информационных технологий (интернет-сайтов, интерфейсов мобильных приложений и т. д.), что вынуждает стороны прибегать к непоименованным конструкциям, объединяющим договоры подряда и лицензионные договоры либо договоры уступки исключительного права [2; 3].

Согласно ГК в редакции Закона № 312-3 конструкция договора о создании и использовании результата интеллектуальной деятельности определена в ст. 988 следующим образом: по договору о создании и использовании результата интеллектуальной деятельности автор обязуется создать в определенный договором срок произведение или иной результат интеллектуальной деятельности,

соответствующий требованиям заказчика, и осуществить отчуждение заказчику исключительного права на этот результат или передать право получения патента (свидетельства) на него либо предоставить заказчику право использования соответствующего результата в определенных договором пределах [4].

Таким образом, в сравнении с действующей редакцией ГК второе обязательство определено более развернутым образом, то есть фактически подразумевает возможность либо уступки исключительного права на созданный результат интеллектуальной деятельности, либо предоставление права на его использование (т. е. по сути предоставление лицензии).

Кроме того, предмет данного договора расширен за счет возможности передачи права на получение патента (свидетельства) на объект промышленной собственности, на необходимость чего указывалось ранее в публикациях [1].

Вместе с тем, полагаем такое расширение не совсем правильным для действующей конструкции договора о создании и использовании результата интеллектуальной деятельности.

Изначально необходимо отметить, что в отношении результатов интеллектуальной деятельности, относящихся к произведениям и исполнениям, никаких вопросов данная договорная конструкция не вызывает. Она согласуется с нормой о соответствующем договоре ст. 46 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах». По договору о создании и использовании объекта авторского права или смежных прав автор (исполнитель) принимает на себя обязательство создать в предусмотренный договором срок произведение (исполнение), соответствующее требованиям заказчика, и передать заказчику исключительное право на это произведение (исполнение) либо предоставить заказчику право его использования в пределах, установленных договором [5].

Следует обратить внимание, что перечень создаваемых объектов в соответствии с нормами указанной статьи ограничен производением и исполнением. Полагаем, это вызвано тем, что при создании на заказ фонограмм и передач эфирного и кабельного вещания речь ведется о предоставлении права на уже созданное произведение и исполнение по лицензионному договору.

Также можно отметить, что в законодательстве Российской Федерации существует ст. 1288 Гражданского кодекса РФ, регулирующая договор авторского заказа. По данному договору одна сторона (автор) обязуется по заказу другой стороны (заказчика) создать обусловленное договором произведение науки, литературы или искусства на материальном носителе или в иной форме.

Договором авторского заказа может быть предусмотрено отчуждение заказчику исключительного права на произведение, которое должно быть создано автором, или предоставление заказчику права использования этого произведения в установленных договором пределах [6].

Как видим, здесь предмет договора вообще ограничен только одним объектом – произведением.

Положения п. 3 и п. 4 ст. 988 ГК в редакции Закона № 312-З также более применимы к объектам авторского права и смежных прав, поскольку их правовая охрана возникает в силу факта создания произведения (исполнения).

Что же касается патентуемых результатов интеллектуальной деятельности, то применение норм ст. 988 ГК в редакции Закона № 312-З вызывает ряд вопросов.

Так, если предметом договора о создании и использовании результата интеллектуальной деятельности является создание результата и передача права получения патента (свидетельства) на него, изначально возникает вопрос о корректности употребления в названии договора слова «использовании», поскольку в этом случае сам факт получения правовой охраны объекта интеллектуальной собственности и, следовательно, возможность его использования, будут зависеть от результата экспертизы заявки на выдачу патента (свидетельства). Представляется, что как раз в этом случае формулировка российского законодательства о договоре авторского заказа является более отражающей сущность возникающих правоотношений.

Кроме того, законодательство, касающееся экспертизы заявки на объекты промышленной собственности, содержит положения о возможности внесения изменений в материалы заявки, запросов и ответов на запросы экспертов (ст. 17, п. 3 ст. 21, п. 6 ст. 23, п. 6 ст. 24 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 160-З

«О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы») [7]. В то же время, взаимодействие сторон на этапе экспертизы результата интеллектуальной деятельности нормами ГК о данном договоре не предусматривается.

Следует отметить, что согласно п. 4 ст. 988 ГК в редакции Закона № 312-3 исполнение обязательств по договору исполнителем заканчивается на стадии приемки выполненной работы, которая сопровождается передачей материального объекта, в котором воплощен созданный автором результат интеллектуальной деятельности.

Вместе с тем, данная норма является диспозитивной, что позволяет сторонам договора предусмотреть возможность их взаимодействия на стадии проведения экспертизы либо передачи результата работы после патентования результата интеллектуальной деятельности.

Положения п. 3 ст. 988 ГК в редакции Закона № 312-3 также имеют большее применение к договору, предметом которого является передача объектов авторского права или смежных прав. Сделанная оговорка «за исключением положений о государственной регистрации договора», на наш взгляд, носит спорный характер. Так, как уже отмечалось выше, предметом данного договора наряду с созданием результата интеллектуальной деятельности будет являться либо отчуждение исключительного права на него, либо предоставление права использования созданного результата, либо передача права на получение патента. В последнем случае патент получит заказчик, следовательно, о какой-либо передаче прав на охраняемый (т. е. запатентованный) результат интеллектуальной деятельности говорить не приходится.

В двух других случаях, а именно: при отчуждении заказчику исключительного права на созданный и запатентованный другой стороной результат интеллектуальной деятельности (ч. 1 п. 3 ст. 988) либо при предоставлении заказчику права использования созданного и запатентованного другой стороной результата интеллектуальной деятельности (ч. 2 п. 3 ст. 988), сведения о передаче исключительного права либо обременении его лицензией должны быть отражены в соответствующих Государственных реестрах, поскольку в противном случае создается неоправданное исключение данных случаев из общей нормы о необходимости регистрации договоров

уступки исключительного права и лицензионных договоров в отношении объектов права промышленной собственности.

Кроме того, норма п. 7 ст. 988 ГК в редакции Закона № 312-З указывает, что в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договора о создании и использовании результата интеллектуальной деятельности, за которое автор несет ответственность, заказчик имеет право на взыскание с автора реального ущерба, если иной объем ответственности не определен договором. Будет ли факт неполучения охранного документа на патентуемый результат интеллектуальной деятельности являться презумпцией ненадлежащего исполнения договора, также представляется не совсем ясным.

Таким образом, по нашему мнению, норма ст. 988 ГК в редакции Закона № 312-З больше применима к объектам авторского права и смежных прав, правовая охрана которых возникает на основании факта их создания.

В то же время для использования данной конструкции при создании и предоставлении исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности, для возникновения правовой охраны которых необходимо получение патента либо свидетельства, требуется ее уточнение. Представляется, что это можно сделать при корректировке соответствующих законов об объектах промышленной собственности (изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, сортов растений, топологий интегральных микросхем) либо путем введения на уровне ГК дополнительного регулирования для таких договоров.

Список использованных источников

1. *Лосев, С. С.* Договоры о создании результата интеллектуальной деятельности: актуальные проблемы [Электронный ресурс] / С. С. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

2. *Лосев, С. С.* Заключение договора на создание объекта авторского права между юридическими лицами [Электронный ресурс] / С. С. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

3. *Гаева, Я. А.* Заключение с физическим лицом договора о создании и использовании объекта интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] / Я. А. Гаева // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2024.

4. Об изменении кодексов [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2023 г., № 312-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2024.

5. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2024.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2024.

7. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2023 г., № 312-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мещанова М. В.</i> РАЗВИТИЕ ДОКТРИНЫ ДОГОВОРНОГО ПРАВА В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА В. Н. ГОДУНОВА.....	7
<i>Амельченя Ю. А.</i> ДОГОВОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАКУПКИ И ДОГОВОР ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	19
<i>Барткова О. Г.</i> ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ СТОРОН ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	30
<i>Бобровницкая Э. Б.</i> О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «МЕДИЦИНСКАЯ УСЛУГА» И «МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ» В КОНТЕКСТЕ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ	40
<i>Богоненко В. А.</i> ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА	50
<i>Бузова Н. В.</i> ДОГОВОРЫ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ	59
<i>Вартанян А. М.</i> СЛУЧАЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В РЕГУЛИРОВАНИИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	70
<i>Горуна Т. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ДОГОВОРА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ И МОДЕЛИ ЕГО НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ.....	79

<i>Гринева А. В.</i> СОГЛАШЕНИЕ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ.....	89
<i>Гультяева Н. Н.</i> НЕЙРОННЫЕ СЕТИ И СГЕНЕРИРОВАННЫЙ КОНТЕНТ КАК ПРОДУКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.....	99
<i>Гурщенков П. В., Бочков А. А.</i> ДОГОВОР В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	106
<i>Давыденко Д. Л.</i> ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛ CULPA IN CONTRAHENDO К ПЕРЕГОВОРАМ ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СПОРА	116
<i>Демкина Е. А.</i> ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЯ ПО ДОГОВОРУ ОКАЗАНИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСЛУГ.....	128
<i>Евменчикова О. А.</i> КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	138
<i>Емельянова Ю. В.</i> ДОГОВОР НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЖИЛИЩНОГО ФОНДА	146
<i>Зайцева Л. Л.</i> РАЗВИТИЕ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	156
<i>Зарапина Л. В., Белокопытова Н. Ю.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДИСТАНЦИОННОГО ДОГОВОРА РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ.....	167

<i>Иванова М. С.</i> РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РИСКОВ В ДОГОВОРЕ БАНКОВСКОГО СЧЕТА	178
<i>Ильина О. Ю.</i> СВОБОДА ДОГОВОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ПРОЕКЦИРОВАНИЕ НА ПЛОСКОСТЬ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	186
<i>Короткевич М. П.</i> СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ: СВОБОДА УСМОТРЕНИЯ СТОРОН	196
<i>Ландо Д. Д., Иванова Д. В.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПРАВА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.....	207
<i>Лосев С. С.</i> ДОГОВОРЫ О РАСПОРЯЖЕНИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМИ ПРАВАМИ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	217
<i>Максименюк В. В.</i> ДОГОВОРЫ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ САНАТОРНО-КУРОРТНЫХ И ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	230
<i>Мясоедов Г. Г.</i> О ВЗЫСКАНИИ ФАКТОРОМ ШТРАФНЫХ САНКЦИЙ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТИ ДОЛЖНИКА.....	241
<i>Матвеева К. А.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ В РАМКАХ ООН НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРА КУПИ-ПРОДАЖИ	249
<i>Новикова Е. В.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ.....	258

<i>Павловский В. О.</i> КРИТЕРИЙ НАИБОЛЕЕ ТЕСНОЙ СВЯЗИ И ЕГО СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРНЫХ ПРЕЗУМПЦИЙ	266
<i>Петкилёв П. И.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКОГО И СМЕЖНЫХ ПРАВ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»	280
<i>Попова И. В.</i> ДОГОВОР НА УПРАВЛЕНИЕ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ СОВМЕСТНОГО ДОМОВЛАДЕНИЯ.....	288
<i>Попучеева Ж. В.</i> ПОНЯТИЕ ДОГОВОРА НАЙМА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЖИЛИЩНОГО ФОНДА.....	297
<i>Протасовицкий С. П.</i> ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА.....	306
<i>Пунько Т. Н.</i> КЛАССИФИКАЦИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК В СВЕТЕ НОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	315
<i>Раюшкин В. К.</i> О СООТНОШЕНИИ ДОГОВОРА ОКАЗАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ УСЛУГ И ДОГОВОРА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ИНФОРМАЦИИ	324
<i>Романова О. Н.</i> ДЕРОГАЦИОННЫЙ ЭФФЕКТ СОГЛАШЕНИЯ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОДСУДНОСТИ	334
<i>Русенчик Т. М.</i> СОГЛАШЕНИЕ О ДЕТЯХ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	343
<i>Синкевич К. В.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА АВТОНОМИИ ВОЛИ В КОЛЛИЗИОННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	354

<i>Ситдикова Л. Б.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА И ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ (НА ПРИМЕРЕ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА).....	372
<i>Скобелев В. П.</i> СОГЛАШЕНИЯ ОБ УРЕГУЛИРОВАНИИ СПОРОВ В ПРОЕКТЕ КОДЕКСА ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	380
<i>Стрижак М. С.</i> СДЕЛКИ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ВОЗРАСТЕ ДО ЧЕТЫРНАДЦАТИ ЛЕТ (МАЛОЛЕТНИХ).....	390
<i>Титаренко Е. П.</i> ВЛИЯНИЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ИНТЕРЕСА НА ФОРМИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ	399
<i>Третьякова А. П.</i> ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА НА УПРАВЛЕНИЕ ОБЩИМ ИМУЩЕСТВОМ СОВМЕСТНОГО ДОМОВЛАДЕНИЯ	408
<i>Третьякова И. П.</i> ОТКАЗ ОТ БЕССРОЧНОГО ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ И ЕГО РЕГИСТРАЦИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	418
<i>Ульянова М. В.</i> СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ.....	428
<i>Цегельник О. В.</i> К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ЖИЛИЩНОГО И ИНВЕСТИЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	437
<i>Шилко В. В.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ДОГОВОРОВ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ПО ПРИМЕНЕНИЮ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	446

<i>Шиманская Е. П.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВА НА ОДНОСТОРОННИЙ ОТКАЗ ОТ ДОГОВОРА В СВЕТЕ НОВАЦИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	456
<i>Шингель Н. А.</i> ДОГОВОРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ВЕДЕНИЯ РЫБОЛОВНОГО ХОЗЯЙСТВА	466
<i>Ядревский О. О.</i> ДОГОВОР О СОЗДАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	475

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ

Научное издание

**ДОГОВОР В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ:
СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИОННЫХ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ**

Сборник статей
Международного круглого стола,
посвященного 70-летию со дня рождения
заслуженного работника образования Республики Беларусь,
доктора юридических наук, профессора В. Н. Годунова

Минск, 7 февраля 2024 года

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *С. К. Лещенко*
Компьютерная верстка *Т. В. Лукашенок*

Подписано в печать 24.05.2024. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 28,5. Уч.-изд. л. 26,1. Тираж 100 экз. Заказ 54.

Издатель и полиграфическое исполнение:
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.